

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
Центр коллективного пользования «Военная история России»

Центр по изучению Сталинградской битвы
ФГУБК «Государственный историко-мемориальный
музей-заповедник "Сталинградская битва"»

ГКУВО «Центр документации новейшей истории
Волгоградской области»

ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области»

Волгоградское региональное отделение
Академии военных наук РФ

Волгоградское региональное отделение
Российского военно-исторического общества

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

Материалы

*III Международной научной конференции,
посвященной 160-летию окончания
Крымской войны 1853—1856 гг.*

Волгоград, 23—24 сентября 2016 года

В 2 частях

Часть 2

Волгоград 2016

УДК 94(470+571):355.48

ББК 63.3(2)-68

В63

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *С. Г. Сидоров* (отв. редактор);

д-р ист. наук, проф. *О. Ю. Редькина* (зам. отв. редактора);

канд. ист. наук, доц. *О. А. Гоманенко* (отв. секретарь);

д-р экон. наук, проф. *М. М. Загоруйко*;

канд. ист. наук, доц. *А. В. Луночкин*;

канд. ист. наук, доц. *Т. В. Нелин*;

д-р филос. наук, проф. *В. Н. Гуляихин*;

д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов*;

д-р ист. наук, проф. *М. А. Балабанова*;

А. В. Васин; *Л. И. Будченко*; *А. И. Коломыткин*

Военная история России: проблемы, поиски, решения [Текст] : материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 гг., Волгоград, 23–24 сент. 2016 г. В 2 ч. Ч. 2 / Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. – 384 с. ISBN 978-5-9669-1583-4 (ч. 2)

ISBN 978-5-9669-1581-0

Сборник содержит материалы докладов, представленных участниками III Международной научной конференции «Военная история России: проблемы, поиски, решения», посвященной 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 годов. Конференция проводилась в Волгоградском государственном университете 23–24 сентября 2016 года.

УДК 94(470+571):355.48

ББК 63.3(2)-68

ISBN 978-5-9669-1583-4 (ч. 2)

ISBN 978-5-9669-1581-0

© Авторы статей, 2016

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2016

© Оформление. Издательство Волгоградского государственного университета, 2016

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(47+57)“1941/1945”
ББК 63.3(2)62,08

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СИСТЕМНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Астахов Михаил Викторович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории и историографии
Самарского национального исследовательского университета
им. С.П. Королева
scahil@samtel.ru
ул. Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье предполагается в рамках системно-аналитического подхода рассмотреть некоторые наиболее значимые вопросы методологии изучения истории войны: о нужности и возможности научного знания истории войны; о соотношении форм исторического сознания о Великой Отечественной войне; о системности в научном изучении истории войны; о государствах – участниках Великой Отечественной войны; о названии, характере и хронологических рамках войны.

Ключевые слова: истина и правда о Великой Отечественной войне, возможности научного знания истории войны, о системности в научном изучении истории войны, о названии, характере и хронологических рамках войны.

В данной статье предполагается в рамках системно-аналитического подхода рассмотреть некоторые, на наш взгляд, наиболее значимые вопросы методологии изучения истории войны: об

истине и правде о Великой Отечественной войне; о нужности и возможности научного знания истории войны; о соотношении форм исторического сознания о Великой Отечественной войне; о системности в научном изучении истории войны; о государствах – участниках Великой Отечественной войны; о названии, характере и хронологических рамках войны.

Об истине и правде о Великой Отечественной войне.

Давно известно, что «истина без любви – неправда!». Правда о войне – это цель и смысл политической публицистики, гражданской истории и пропедевтики о войне.

Однако историческая наука о войне стремится не к правде, а к истине, и для нее главное не существует без неглавного. Оно лишь по отношению к неглавному становится таковым. Наука не может отказаться от изучения негативного на войне, ведь лишь в сравнении с ним осознается подлинное значение позитивного. Реалистичное, а потому конкретное соотношение главного и неглавного, позитивного и негативного в войне в их постоянной динамике содержит историческую истину.

О нужности и возможности научного знания истории Великой Отечественной войны. Представляется целесообразным подчеркнуть отличия военной исторической науки и гражданской истории. Военная историческая наука является частью военной науки и ее вспомогательной отраслью. Она решает задачи и выполняет общественные функции, отличные от гражданской истории, к тому же ее исследования, как правило, бывают засекреченными. Те же, которые являются достоянием широкой научной общественности, формируют фактологические и концептуальные основы для гражданской истории, причем только ее некоторой части – преимущественно для освещения хода военных действий.

Если подойти шире и сопоставить академическую и гражданскую истории, то следует отметить их разную познавательную и социальную природу. Если академическая история призвана стремиться к научной истине и ориентирована на историков-профессионалов, то собственно «гражданская история» рассчитана на неограниченную аудиторию всего гражданского общества. Она решает задачи формирования позитивного исторического со-

знания с учетом современных общественно-политических ценностей. Таким образом, цель получить научное знание по истории Великой Отечественной войны ставит перед собой лишь академическая наука. Однако и ее возможности небезграничны. Она сама находится в процессе развития, включая подходы и методы исследования, постепенно расширяет предмет своего изучения войны и глубину ее понимания. Источниковая база изучения Отечественной расширяется с трудом – государство с большой неохотой расстается со своими тайнами.

Общество в целом в таких знаниях, безусловно, заинтересовано. Они позволяют адекватно представлять собственное прошлое и иметь адекватное общественное самосознание. Но интерес российского общества в целом формулирует государство, у которого есть и собственные, отличные от общества интересы – в частности, интересы поддержания общественно-политической стабильности, формирования лояльности граждан к себе, противодействие давлению из-за рубежа. В этом случае оно обращается за помощью к исторической науке или накладывает ограничения на ее деятельность. Это связано, как правило, с юбилейными датами в истории Отечественной войны.

Последовательными сторонниками научных исследований в области истории Отечественной войны являются лишь академическое научно-историческое сообщество и российская интеллигенция в целом. Однако они сталкиваются с различными и постоянно увеличивающимися ограничениями в возможности ее изучения. Вероятно, общая причина этого феномена заключается в противоречии между стремлением государства к обеспечению общественно-политической стабильности и стремлением исторической науки к новым «открытиям», призванным преодолеть «старые» взгляды на войну. Исторически это противоречие разрешается, по крайней мере в нашей стране, не в сфере науки, а в политической сфере путем существенных политических изменений, утверждающих новые историографические концепции. При этом новые подходы страдают политической тенденциозностью, как правило, не меньше старых, но в их борьбе историки-исследователи все-таки приобретают новые источники и новые факты. Ве-

роятно, приходит время для понимания, что «идеологизированная история» не результат негативного воздействия той или иной политической партии, а ответ на более широкие общественные потребности и в форме «гражданской истории» такое историческое знание должно с необходимостью дополнять академическую историческую науку.

О соотношении форм исторического сознания о Великой Отечественной войне. Историческое сознание о войне включает в себя различные формы, среди которых можно выделить следующие:

- научное историческое сознание, которое формируется на основе профессионального изучения истории войны;
- дидактическое историческое сознание, отражающееся в учебной литературе;
- политико-пропагандистское историческое сознание, находящее воплощение в публицистике;
- историческое сознание участников войны, зафиксировавшее войну во всей ее противоречивости и многоуровневости событий и отраженное в их живой памяти, а также в устных и опубликованных воспоминаниях, в письмах, документах, предметах, фото-, аудио- и кинодокументах;
- историческое сознание непосредственных потомков участников войны, возникающее при непосредственном общении с участниками войны и зафиксированное в воспоминаниях и рассказах о них;
- особо следует выделить зарубежное историческое сознание о Великой Отечественной войне. В переводах воспоминаний или исследований оно становится частью российского общественного сознания, имея при этом значительную политическую и национальную специфику.

Эти формы по разному соотносятся между собой по степени точности и глубины отражения исторических событий, цели их распространения, по их распространенности, по доле и роли в общественном сознании. В процессе общественного развития соотношение между этими формами с неизбежностью меняется.

В первые два десятилетия после войны, когда были живы многие ее участники, в гражданском обществе доминировало ре-

алистичное представление о войне, хотя в государственной печати преобладало политико-пропагандистское и дидактическое историческое сознание; научные исследования только начинались. В период с середины 1960-х до конца 1980-х гг. идет последовательное нарастание научных исследований и публикация воспоминаний, определяющую роль в СМИ и в дидактике продолжает играть политико-пропагандистское изображение войны, но живое историческое сознание участников войны все еще имеет важное значение в общественном сознании, в формировании исторических представлений их потомков.

В 1990–2000-е гг. отмечается тенденция усиления объективности в научном изучении войны при одновременном появлении коммерческих проектов издательской деятельности по теме войны с неизбежной для них тенденцией к аффектации и упрощению научной формы и содержания; происходит поляризация политической публицистики и резкое усиление противоборства по теме войны; переиздание многих воспоминаний с дополнением и уточнением их содержания; живое историческое сознание участников войны быстро замещается на вторичные воспоминания их потомков.

Российское общество стоит на пороге нового этапа, когда исчезнет полностью живая историческая память о войне и ее место займет сочетание исторической науки, историко-коммерческих проектов и политико-исторической публицистики. Это обстоятельство повышает общественную необходимость усиления роли последовательно научного изучения истории Великой Отечественной войны, поскольку лишь академическая историческая наука способна создавать глубинные основы общественного самосознания.

О системности в научном изучении истории Великой Отечественной войны. Если обратиться к изучению истории Великой Отечественной войны как целостного исторического явления, то становится очевидно, что это процесс острого военного противоборства государств – Советского Союза и Германии с ее союзниками. В главном это, безусловно, верно. Однако, продвигаясь в углублении исторического понимания войны и исходя из принципа системности, представляется необходимым выделить не только главных участников войны на уровне государств. Если

рассматривать Великую Отечественную войну в более широком масштабе, она предстает не просто как часть Второй мировой войны, а как цивилизационный конфликт, включающий как внутренний конфликт в Западной цивилизации между Германией и Англией из-за лидерства, так и попытку разрешить его за счет перевода в межцивилизационный конфликт с Российской цивилизацией.

При рассмотрении войны на более глубоких уровнях, чем межформационный и межгосударственный, мы видим борьбу народов, борьбу на уровне соответствующих сфер общественной жизни: политической, экономической, социальной, сферы науки и искусства, духовной сферы. На более глубоком уровне этих сфер выделяются виды производства и отрасли экономики, области науки и искусства, направления духовной жизни. Еще глубже процессы протекают на уровне отдельного предприятия и в целом на уровне отдельного социального института. В этом случае война выступает как многоуровневый исторический процесс. Принцип системности в изучении истории не отменяет принцип всесторонности, а конкретизирует его, раскрывая стороны общественной жизни как социальные институты и связи между ними, и дополняет его требованием рассмотрения исторического процесса как многоуровневого. Многое уже сделано отечественными историками в изучении разных сторон истории Великой Отечественной войны. Это создает предпосылки для рассмотрения соотношения между различными уровнями войны как исторического процесса, что позволяет, как нам представляется, объяснить Великую Отечественную войну как еще более масштабное и более глубокое историческое явление, уроки и значение которой будут нарастать.

О государствах – участниках Великой Отечественной войны. Требуется уточнения и вопрос: кого считать участником Великой Отечественной войны? Речь, разумеется, идет о государствах-участниках. Так, например, Польша не признается участницей Великой Отечественной войны, но признается участницей Второй мировой войны. Хотя как самостоятельное государство она не существовала с 1939 г., Армия Крайова и Армия Людова принимали участие в войне. Но в какой именно – представляет собой вопрос.

В первую очередь следует выделить формально-правовой признак – официальное объявление войны. Допуская, что достаточно одностороннего объявления войны как СССР, так и со стороны СССР, можно выделить следующие государства – участники Отечественной войны:

1. СССР – 22 июня 1941 г. в заявлении Советского правительства говорится, что «Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины», что следует признать подтверждением фактического нахождения в состоянии войны с Германией.

2. Германия – объявила войну СССР 22 июня 1941 г.

3. Италия – объявила войну СССР 22 июня 1941 г.

4. Румыния – также объявила войну СССР 22 июня 1941 г.

5. Словакия – объявила войну СССР 23 июня 1941 г.

6. Финляндия – объявила войну СССР 25 июня 1941 г.

7. Венгрия – объявила войну СССР 27 июня 1941 г.

8. Болгария – СССР объявил войну 5 сентября 1944 г., но боевые действия не велись, с 8 сентября 1944 г. Болгария объявила войну Германии, 28 октября 1944 г. – подписание перемирия.

Особо следует выделить группу государств, которые не объявляли СССР войну и которым СССР не объявлял войны, их государственные армии не воевали, но их военные формирования добровольцев принимали участие в боевых действиях на советско-германском фронте. К ним относятся:

1. Испания – «Голубая дивизия» (участие в военных действиях на советско-германском фронте – октябрь 1941 г. – октябрь 1943 г.).

2. Хорватия – (октябрь 1941 г. – январь 1943 г.).

3. Дания – (май 1942 г. – март 1943 г.).

На стороне СССР также сражались добровольческие военные соединения:

– Временного Чехословацкого правительства в изгнании (март 1942 г. – январь 1945 г.);

– французский авиационный полк «Нормандия Неман» (апрель 1943 г. – май 1945 г.) движения «Сражающаяся Франция» – Временного правительства Французской Республики;

– «Войско польское» (октябрь 1943 г. – май 1945 г.).

Вопрос об участниках Великой Отечественной войны может быть рассмотрен на различных уровнях: от отдельного бойца до цивилизаций, но в первую очередь он требует уточнения на уровне государств. Учитывая, что на последнем этапе с 1944 г. ряд стран – бывших союзников Германии вместе с Красной Армией сражались против Германии, следует выделять этапы при определении государств – участников Великой Отечественной войны.

Первый этап – июнь 1941 г. – август 1944 г. – война СССР против Германии, Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Болгарии, Словакии.

Второй этап – август 1944 г. – май 1945 г. – война СССР совместно с Румынией (с августа 1944 г.), Финляндией (с сентября 1944 г.) и Болгарией (с сентября 1944 г.) против Германии.

О названии, хронологических рамках и односторонности в понимании войны. Как известно, название «Великая Отечественная война» есть краткий вариант более широкого, которое предполагается, но, как правило, не приводится. Вопрос о названии войны тесно связан с вопросом о включении в нее войны с Японией. Обратимся к советскому историографическому опыту.

6-ти томная история войны 1960–1965 гг. имеет название «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», война с Японией в нее включается.

В Советской исторической энциклопедии зафиксировано название – «Великая Отечественная война Советского Союза», а война с Японией является ее частью и «капитуляция [Японии] знаменовала собой завершение Великой Отечественной войны и всей 2-й мировой войны».

Другой вариант названия войны зафиксирован в 5 томе много-томной истории КПСС – «22 июня – начало Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков». В этом же томе сделан и иной вывод: «2 сентября [1945 г.] – [...] Конец Великой Отечественной войны и Второй мировой войны».

В 1985 г. энциклопедия войны вышла под более кратким названием – «Великая Отечественная война 1941–1945». Во введении дается определение понятию «Великая Отечественная

война 1941–1945» – это «справедливая, освободительная война советского народа за свободу и независимость социалистической Родины против фашистской Германии и ее союзников, важнейшая и решающая часть Второй мировой войны». Авторы включают в периодизацию Отечественной войны войну против Японии, но 2 сентября 1945 г. характеризуют лишь как конец Второй мировой войны.

Вопросы о характере, названии и хронологических рамках войны глубоко взаимосвязаны. Их решения советской историографией оказались в некотором несоответствии с общественно-политической практикой, историческим сознанием народа. Война СССР против Японии в 1945 г. не признается обществом Отечественной войной, как и 2 сентября 1945 г. – окончанием Великой Отечественной войны.

В 1995 г. был принят федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», который закрепляет точку зрения, что именно 9 мая 1945 г. является Днем Победы в Великой Отечественной войне и днем ее завершения, что ранее фиксировалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года.

В современной России 2 сентября 1945 г., как известно, не включено в список исторических памятных дат. Именно 9 мая отмечается как день Победы в Великой Отечественной войне, а не 2 сентября. В марте 2010 г. на совещании в администрации Президента РФ принято решение о разработке законопроекта об утверждении Дня Победы над Японией и окончании Второй мировой войны, а также срочном внесении его в Госдуму.

Необходимо и в исторической науке изменить точку зрения, закрепленную в советской историографии, и признать лишь войну против фашистской Германии и ее европейских союзников Великой Отечественной войной, а окончанием Великой Отечественной войны – 9 мая 1945 года.

В то же время понимание Великой Отечественной войны как «войны Советского Союза против фашистской Германии» отражает лишь одну сторону войны и не отражает всего ее содержания. Вероятно, следует различить два понятия войны: в узком и широком смысле.

В узком смысле война понимается как вооруженная борьба одной страны против другой. Это традиционное для нас понимание «Великой Отечественной войны». И эта сторона войны является главным направлением изучения в советской и российской историографии. Война со стороны фашистской Германии рассматривается лишь как фон и в дополнение к первой.

В широком же смысле война – это вооруженная борьба между двумя сторонами. С учетом этого более широкое понимание и название войны должно учитывать обе стороны и обе войны в узком смысле слова. Оно может быть предложено в следующей формуле: Великая война между Российской цивилизацией в лице Советского Союза и всего советского народа и наиболее агрессивной частью Западной цивилизации в лице нацистской Германии и ее европейских союзников (Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Словакии и Болгарии) 22 июня 1941 года – 9 мая 1945 года.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING THE GREAT PATRIOTIC WAR: SYSTEMIC APPROACH AND ANALYSIS

Astakhov Mikhail Viktorovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of National History and Historiography,
Samara National Research University of S.P. Korolev
scahil@samtel.ru
Moscow Highway St., 34, 443086 Samara, Russian Federation

Abstract. This article assumes as part of a systematic and analytical approach to consider some of the most important questions of methodology for studying the history of the war on the relevance and possibility of scientific knowledge of the history of the war; the relationship between the forms of historical consciousness of the Great Patriotic War; a systematic scientific study of the history of the war; a go-State party to the Great Patriotic War; the name, nature and historical part of the war.

Key words: the truth about the Great Patriotic War, possibilities of scientific knowledge of the history of war, the systematic scientific study of the history of the war, about the title, nature and historical part of the war.

УДК 94(47+57)“20”:355.514

ББК 63.3(2)61-35

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СЛУЖБЫ ГЕНРИХА ХРИСТОФОРОВИЧА ЭЙХЕ В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Бадиков Роман Андреевич

Аспирант кафедры истории России
Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета)
badikov.roman@gmail.com
просп. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. В статье автором рассматривается содержание военно-служебной деятельности Генриха Христофоровича Эйхе (1893–1968 гг.), крупного большевистского военачальника периода Гражданской войны в России, на первичном фазисе развития его военной карьеры в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии. Временные границы исследования – март – август 1918 года. Внимание автора акцентируется на выявлении особенностей командной работы Эйхе, связанной с формированием и боевой подготовкой в этот период 1-го революционного пехотного полка имени Областного исполнительного комитета Западной области и фронта (Облисккомзапа) в г. Гжатске. Отдельно представляется характеристика внутренней мотивации Эйхе, позволившей ему, бывшему обер-офицеру Русской армии, вступить на службу в РККА.

Ключевые слова: Эйхе Г.Х., Красная армия, военачальники, интеллектуальная биография, офицерский корпус, красные латыши, большевики.

Видный большевистский военный деятель Генрих Христофорович Эйхе (1893–1968 гг.) на сегодняшний день остается одной из наименее известных и исследованных исторических фигур «красного» лагеря времен Гражданской войны в России. Предпринятые в советский период единичные попытки рассмотрения его жизненного пути и военной деятельности, как правило, были далеки от канонов исторической науки и в большей степени осуществлялись в жанре «революционной публицистики» [9; 19; 22]. В силу этого не востребованными остались некоторые важные, по

нашему мнению, частные эпизоды жизни военачальника. Среди них следует упомянуть временной отрезок с марта по август 1918 г., когда бывший штабс-капитан Русской армии Эйхе переходит в новое для себя качество красного командира и осуществляет первые шаги на пути к вступлению в событийную канву Гражданской войны.

Истоки постреволюционного этапа развития военной карьеры Эйхе, связанного с началом службы в Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА), имеют непосредственное отношение к его поездке в начале марта 1918 г. из Смоленска в Москву, где он провел временный отпуск (в связи с ликвидацией Президиума Совета солдатских депутатов 10-й армии, членом которого Эйхе состоял). Здесь, на Старой Басманной улице проживали после вынужденного отъезда из Риги в 1916 г. родители военачальника Кристоф и Лина Эйхе, а также, судя по некоторым данным, его супруга Мария Александровна и дочь Нелли, родившаяся 22 января 1918 года.

Бывший обер-офицер застал семью в нужде. Особенно остро отразилась на благосостоянии дома гибель в начале 1917 г. старшего брата Генриха, 27-летнего Фридриха Вильгельма Кристофа. Существование семьи, лишившейся, таким образом, возможности опираться на жалование старшего сына, теперь всецело зависело от служебных перспектив Генриха. Именно в этой «бытовой» плоскости, как нам представляется, лежали первичные мотивационные предпосылки решения Эйхе продолжить военную карьеру в создаваемой РККА, а не перейти, например, на службу в Москву или демобилизоваться.

Указанное решение, относящееся к периоду пребывания военачальника в Москве, было принято им в ситуации наличия нескольких альтернатив:

1. Обретение положения сугубо штатского лица, возвращение к работе торгового служащего в государственной или частной организации.

2. Поступление на службу в органы ВЧК, памятуя о поступившем на его имя в декабре 1917 г. предложении о переводе в Москву, от которого Эйхе отказался.

3. Переход на службу в сравнительно «спокойный» Московский военный округ, нуждавшийся в большевистских кадрах.

Тем не менее все обозначенные варианты, сулившие возможность остаться с родными в Москве, Эйхе отверг. Покинув семью, он еще до окончания марта 1918 г. возвращается в Смоленск с решительным намерением продолжить службу в частях действующей РККА.

На первый взгляд, этот шаг можно рассматривать как свидетельство если не безразличного, то крайне невнимательного отношения Эйхе к судьбам жены, дочери и родителей. Почву для столь нелицеприятных размышлений дают воспоминания военачальника, в которых он объяснял свое решение сквозь призму «революционной сознательности»: «Я ведь приехал в Москву... обещав товарищам... вернуться в Смоленск, где работники нужны были не менее остро» [13, л. 103–104]. В действительности подобная идеализированная и романтизированная трактовка (интересы службы, партии, товарищей – приоритет, превыше благополучия семьи) была, очевидно, далека от истинной сути мотивации Эйхе вернуться в Смоленск и вступить в РККА, которая имела скорее «бытовую» и карьерную подоплеку.

Поступление на службу в вооруженные силы Советской России Эйхе на первых порах рассматривал (либо вынужден был рассматривать), прежде всего, как возможность обрести источник заработка и обеспечить в непростое время существование своей семье. В тесной связи с этими мотивами находилось и желание продолжить развитие военной карьеры. Смоленск как место квартирования органов управления Западного фронта в этом смысле сулил наибольшие перспективы. Выезжая в Смоленск, рассудительный Генрих понимал, что здесь его ждут старые товарищи, бывшие члены Президиума армсовета 10-й армии (В.И. Яркин, Ф.К. Эйзенарм, А.М. Ханов и др.), в среде которых он пользовался уважением. Неслучайно благодаря их поддержке Эйхе в декабре 1917 г. решением партийной конференции 10-й армии был принят в члены РСДРП(б). Ныне протекция авторитетных большевиков фактически гарантировала Эйхе выдвижение на ответственную должность в рядах новой армии. Подобный расчет (судя по всему, он имел место) оправдал себя.

Сугубо «бытовыми» факторами мотивация Эйхе вступить в РККА не исчерпывалась. Этот шаг, помимо прочего, явился также производной от необходимости обеспечить безопасность себе и близким, поскольку уже в 1918 г. становилось очевидно, что переход власти к антибольшевистским силам повлечет за собой волну преследований сторонников РКП(б) и членов их семей. В этом ключе у Эйхе как у члена партии с опытом армейской работы не было иного пути, как включиться в борьбу за стабильность существования большевистской диктатуры. В корреляции с этими мотивами находились идеологические соображения. Большевистские убеждения, которых придерживался Эйхе, естественным образом не позволяли ему остаться в стороне от борьбы в тот момент, когда, по выражению В.И. Ленина, Россия шла «к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти» [14].

В свете изложенного становится очевидно, сколь сложный конгломерат мотивационных ориентиров лежал в основе судьбоносного решения Эйхе вступить в ряды РККА. Было бы крупной ошибкой в этом плане вписывать личность Эйхе, живую, полную противоречий, в рамки конъюнктурной, линейной логики, как это делал, например, в свое время историк Е.П. Тарасов. Последний, действуя в русле установок советской историографии Гражданской войны, объяснял рассмотренное решение Эйхе сквозь призму стереотипной фразы «...надо защищать Советскую власть», вложенной в уста будущего командарма в качестве конструкции прямой речи (что уже сомнительно) [19, с. 19]. Сущность мотивации Эйхе следует признать в равной мере далекой и от обобщенных схем российских историков, которые были разработаны ими с целью классификации причин поступления бывших офицеров на службу в РККА. В частности, из пяти мотивационных позиций схемы, предложенной историком А.А. Шуваловым, к персоне Эйхе однозначно могут быть отнесены одновременно три позиции [20, с. 104].

Непосредственное принятие Эйхе в РККА было санкционировано решением военного отдела Областного исполнительного комитета Западной области и фронта (центр – Смоленск). Ряд ключевых деятелей Облискомзапа был хорошо знаком Эйхе. С его пред-

седателем А.Ф. Мясниковым, занимавшим также пост председателя Северо-Западного областного комитета РКП(б), военачальник наладил контакты еще в бытность членом Президиума армсовета 10-й армии. Военный отдел Облискомзапа возглавлял другой известный Генриху большевик В.В. Каменщиков, занимавший ранее пост Главкома Западного фронта. Протекция указанных лиц, а также поддержка товарищей Эйхе по 10-й армии, по-видимому, Яркина (Председатель ЧК Западной области) и Ханова (член Смоленского областного совета) предопределила хорошие начальные позиции молодого латыша на службе в армии Советской России. В результате 22 марта 1918 г. в Смоленске Эйхе получает назначение на должность командира 1-го революционного пехотного полка имени Облискомзапа [17, л. 2 об.], формируемого в городе Гжатске (ныне – Гагарин).

В организационном смысле полк Эйхе был подчинен Московскому району Западного участка отрядов Завесы (ЗУОЗ). Как известно, Завеса, будучи оперативным объединением сил РККА, была создана в начале марта 1918 г. для «прикрытия внутренних областей государства от возможного вторжения германцев» (цит. по: [6, с. 30]). В данном контексте важнейшая роль отводилась именно силам Московского района, долженствовавшим осуществить блокирование германской армии на смоленском направлении. Последнее, по мысли военного руководителя ЗУОЗ В.Н. Егорьева, представляло «важнейшее историческое направление наступления на Москву» (цит. по: [7, с. 120]). В силу указанных обстоятельств на Эйхе ложилась особая ответственность. Возглавляемый им полк Облискомзапа, судя по всему, должен был активной обороной преградить путь кайзеровским войскам к Москве в случае их потенциального выхода в район Вязьмы.

Изначальное выдвижение на самостоятельный пост руководителя боевой единицы полкового уровня, очевидно, принесло Генриху удовлетворение. Практика руководства подразделениями (от полковой команды до батальона) в 1915–1917 гг., а также деятельность в течение 8 месяцев (март – октябрь 1917 г.) в должности товарища председателя комитета 245-го Бердянского пехотного полка позволили Эйхе близко познакомиться с организацией

хозяйственного обеспечения, подготовки и боевого применения войск на данном уровне.

На ранней фазе строительства РККА Эйхе представлял редкий еще для того времени тип военспеца, совмещавшего это качество с большевистскими убеждениями и членством в РКП(б). Этим в немалой степени объясняется проявление с его стороны выдающейся активности и добросовестности в процессе строительства полка. В своей деятельности в это время военачальник исходил из осознания того, что «от нашей инициативы, от нашего опыта, от нашей энергии, трудолюбия и преданности делу» будут зависеть будущие успехи молодой Красной Армии [12, л. 76]. Следуя этой идейной установке, Эйхе в период формирования полка (март – август 1918 г.) проникается глубоким интересом к военному делу, который с этого момента будет отличать его на протяжении всей жизни. Ориентиры мирного времени уступили место блестящим служебным перспективам в армии, внезапно открывшимся перед Эйхе в результате революционного подъема. Феномен судьбы таких «рожденных» революцией *homo novus* охарактеризовал польский социал-демократ Вацлав Солский, один из крупных деятелей Облискомзапа, с которым Эйхе в то время, безусловно, был знаком. «Революционная волна, – отмечал Солский, – захватывала людей... Они открывали в себе подлинные таланты руководителей масс и одновременно находили в себе жизненный путь, удовлетворяющий их гораздо более, нежели прежняя деятельность. Таких людей... революция сделала счастливыми» [18, с. 43–44].

Формирование 1-го полка имени Облискомзапа Эйхе, отметим, проводил не с чистого листа. Базой для его создания послужил расквартированный в Гжатске с лета 1917 г. 11-й запасной пехотный полк бывшего Минского военного округа. Это обстоятельство, однако, не только не облегчало, но, по сути, срывало выполнение поставленной перед Эйхе задачи. Личный состав запасного полка еще в предреволюционное время отличался своеволием и несдержанностью, в частности, был замечен в призывах к антисемитским погромам [3, л. 1–8], а в марте 1917 г. его усилиями был арестован и изгнан командир полка полковник А.Ф. Галактионов [1,

с. 215]. По этой причине уровень дисциплины в части на первых порах был крайне низким. Негативную тенденцию удалось переломить только за счет проведения Эйхе ряда «чисток», позволивших отсеять от 500 до 700 человек деструктивного элемента.

В структурной основе полка решением Эйхе выделялись три батальона, батарея, полковые команды – пулеметная, пеших разведчиков, конных разведчиков, связи, музыкантская. Почти все подразделения были успешно сформированы к августу 1918 года. Только попытка создать полковую батарею потерпела неудачу, ограничившись развертыванием полубатареи из двух трехдольных орудий, найденных в городе бесхозными. Отметим, что брошенные в Гжатске орудия, очевидно, принадлежали 1-й бригаде 3-й гвардейской кавалерийской дивизии, квартировавшей здесь в ноябре – декабре 1917 г. (см.: [10, с. 24]).

Недостаток огневой мощи командир полка компенсировал усилением каждого батальона пулеметной командой, что стало возможным благодаря поддержке Каменщикова. Из базисных складов ликвидированного Западного фронта Эйхе были переданы 24 новых станковых пулемета максим [12, л. 77]. Более того, в мае 1918 г. в распоряжение Эйхе прибыли для несения службы 17 командиров-инструкторов пулеметного дела – 63 % контингента первого выпуска 1-й Московской революционной пулеметной школы.

Положительным образом на развертывании полка сказался тот факт, что Эйхе удалось в короткое время создать в его коллективе здоровую атмосферу, сплотить командный и политический состав в рамках единого дружеского сообщества. Кадровый костяк полка после проведения «чисток» изменился в сторону преваляирования добровольческого элемента – уроженцев Смоленского, Краснинского, Дорогобужского уездов Смоленской губернии. В этом плане полк стал представлять добровольческое формирование, что подтверждал, в частности, сам Эйхе [2, л. 38]. Спектр возможностей Эйхе по вербовке красноармейцев существенно расширился после его назначения (по совместительству) в июле 1918 г. военным комиссаром Гжатского уезда [17, л. 2 об.]. Преимущественное наличие в воинском коллективе лояльных военнослужащих

позволило Эйхе избежать сложностей в период отправки полка на фронт, таких, например, которые имели место в 1-й Смоленской пехотной дивизии ЗУОЗ, где солдаты 8 августа 1918 г. подняли масштабный вооруженный мятеж [4, л. 69 об. – 85].

Непосредственное вступление Эйхе и возглавляемого им полка в Гражданскую войну было связано с событиями, произошедшими в восточной части России. Речь идет о серии выступлений Чехословацкого корпуса в мае – июле 1918 г., существенно подорвавших устойчивость Советской России. В соответствии с этим Высший военный совет Республики 23 июля 1918 г. постановил: «...в самый короткий срок перебросить на Восточный фронт все наиболее сформированные и обученные части» (цит. по: [6, с. 103–104]).

Львиная доля войск, выведенных из Завесы в интересах Восточного фронта РСФСР, приходилась на войска ЗУОЗ. По подсчетам его военного руководителя Егорьева, из состава участка в июле – августе 1918 г. на различные фронты было направлено не менее 13 пехотных и 2 конных полков [8, с. 244]. В их число, очевидно, Егорьев включил и возглавляемый Эйхе 1-й пехотный полк Облискомзапа. Наряду с иными формированиями ЗУОЗ полк в этот период также был переброшен в полосу Восточного фронта.

Мы не располагаем материалами, позволяющими установить точное время отправки полка из Гжатска на восток. В качестве ориентировочной даты мы вправе рассматривать промежуток между 25 июля и 18 августа 1918 г., так как 1-й полк Облискомзапа обозначен в ведомости численного состава формирований, переданных Восточному фронту за соответствующий период [16, л. 102]. Отметим, что ознакомление с личными материалами Эйхе еще в меньшей степени позволяет составить представление об искомой дате, фактически положившей начало его участию в войне. В ряде автобиографий он ограничился лишь констатацией факта: «отбыл с полком в качестве его командира на Восточный фронт в августе 1918 г. под Казань» [11, л. 1]; «в конце августа 1918 г. был отправлен с полком на Восточный фронт под Казань» [15, л. 29 об.].

Вступив в Гражданскую войну в исключительно тревожное, переломное для Советской России время, красный командир Эйхе прошел в рядах Восточного фронта боевой путь от р. Волги до оз. Байкал и завершил его в январе 1920 г. в должности командующего 5-й армией фронта.

Список литературы

1. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. : сб. док. – М. : Наука, 1982. – 608 с.
2. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-5. – Оп. 2. – Д. 1387.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 504. – Оп. 1. – Д. 544.
4. ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 93. – Д. 511.
5. Дашков, С. Е. О командарме Пятой / С. Е. Дашков // Сибирские огни. – 1974. – № 2. – С. 151–158.
6. Директивы Главного Командования Красной Армии (1917–1920) : сб. док. – М. : Воениздат, 1969. – 883 с.
7. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.) : сб. док. – М. : Воениздат, 1971. – Т. 1. – 787 с.
8. Егорьев, В. Н. Из жизни Западной Завесы (по архивным материалам и личным воспоминаниям) / В. Н. Егорьев // Гражданская война. 1918–1921. – М. : Военный вестник, 1928. – Т. 1. – С. 231–245.
9. Молоков, И. Е. Г.Х. Эйхе (1893–1968) / И. Е. Молоков // Герои огненных лет : очерки. – Омск : Омск. кн. изд-во, 1989. – С. 99–108.
10. Новиков, С. Конец родного полка / С. Новиков // Военная быль. – 1968. – № 89. – С. 17–24.
11. Новосибирский государственный краеведческий музей. – Ед. хр. № НВ-14924/124.
12. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). – Ф. 602. – Инв. № 114345 (арх. 6920) 405.
13. ОПИ ГИМ. – Ф. 602. – Инв. № 114345 (арх. 6920) 405 (чистовая рукопись).
14. Правда (Москва). – 1918. – 1 марта.
15. Российский государственный архив экономики. – Ф. 870. – Оп. 266. – Д. 130.
16. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 18.

17. РГВА. – Ф. 37976. – П/с № 340–422.
18. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский. – Мн. : Тесей, 2004. – 222 с.
19. Тарасов, Е. П. Краском Генрих Эйхе / Е. П. Тарасов. – М. : Воениздат, 1975. – 151 с.
20. Шувалов, А. А. Причины выбора представителями Русского офицерского корпуса противоборствующей стороны в конце 1917 – начале 1918 г. / А. А. Шувалов // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 103–105.
21. Эйхе, Г. Х. Даешь Урал! / Г. Х. Эйхе // Урал. – 1968. – № 2.
22. Čehlovs, A. Armijas komandiera liktenis / A. Čehlovs // Horizonts. – 1988. – № 2. – Lpp. 17–20.

**REVISING THE FIRST STAGE
OF HEINRICH KHRISTOFOVICH EICHE'S SERVICE
IN THE WORKER'S AND PEASANT'S RED ARMY**

Badikov Roman Andreevich

Postgraduate Student, Department of Russian History,
South Ural State University (National Research University)
badikov.roman@gmail.com
Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. In this article, the author looks at the military activities of Heinrich Khristoforovich Eiche (1893–1968), an outstanding bolshevik commander at the time of the Civil war in Russia, at the initial stage of his military career in the Workers' and Peasants' Red Army. The research spans the period from March to August 1918. The author's focus is on identifying the peculiarities of Eiche's commanding activities at that period. The latter were related with the formation and combat training of the 1st Revolutionary Infantry Regiment named after the Regional Executive Committee of the Western Region and Western Front (Obliskomzap) in the town of Gzhatsk. There is a separate characteristic of Eiche's internal motivation that led him, a former company officer in the Russian Army to join the Workers' and Peasants' Red Army.

Key words: Eiche H.Kh., Red Army, military commanders, intellectual biography, officer corps, the "red" Letts, Bolsheviks.

УДК 94(47+57):338.246.8

ББК 63.3(2Р-4Вог)622,12

ПОМОЩЬ ТРОФЕЙНЫХ ЧАСТЕЙ ГОРОДУ СТАЛИНГРАДУ И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Бормотов Алексей Леонидович

Магистрант кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
albormotov@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Владимирова Екатерина Денисовна

Аспирант кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
e.d.vladimirova@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается работа трофейных частей Сталинградской группы войск по очистке территории города Сталинграда и области и оценивается ее значение для восстановления мирной жизни в регионе. Выявлены цели и задачи, стоявшие перед трофейными частями, указан объем проделанной работы, а также подведены ее итоги.

Ключевые слова: восстановление города, очистка территории, разминирование, Сталинградская группа войск, трофейные части.

За время оккупации территории Сталинградской области и города Сталинграда немецкими захватчиками народному хозяйству был нанесен огромный урон, который, по подсчетам Областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний не-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарно-научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 6-11-34006 «Сталинградская группа войск. 1943–1944 гг.».

мецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области, составил 18 378 858,2 тысяч рублей [1, л. 35]. Помимо непосредственного ущерба от военных действий, пожаров и преднамеренных разрушений оккупантами жилых зданий, общественных учреждений, заводов и фабрик, часть территории Сталинградской области, особенно город Сталинград, была завалена разбросанной военной техникой, вооружением и имуществом, как годным к дальнейшему использованию, так и разбитым и представлявшим собой металлолом.

Восстановительные работы требовали предварительной очистки территории от этого имущества [4, л. 40–40 об.]. На территории Сталинграда были дислоцированы несколько трофейных частей, которые наряду с вывозом ценного вооружения и имущества проводили и другую работу.

С привозкальной площади и прилегающих к ней улиц центральной части города было убрано и отгружено по железной дороге 1 456 автомашин, тягачей и тракторов, 35 танков, 27 орудий и 79 артиллерийских передков. Со станции Сталинград-II убрано и отгружено 518 автомашин, тракторов и тягачей. С этих же станций, в порядке очистки железнодорожных путей, товарных дворов и прилегающих районов города, отгружено 9 830 т металлолома. Авто транспортом трофейных частей вывезено в пределах города и сдано на приемные пункты Главвторчермета 1 510 т металлолома. Очищены от лома территории и цеха на предприятиях города: заводе им. Куйбышева, хлебозаводе № 1, заводе им. Петрова, гидролизном заводе, кожевенном заводе, трамвайном парке и ряде промышленных артелей. Очищена от металлолома территория транзитной пристани, откуда отгружена баржа грузоподъемностью 1 000 т. Убрано с линии железнодорожных путей на ряде станций (Волжская, Сталинград-II, Чир, Суровикино) и разделано путем подрыва и газовой резки 466 горелых вагонов, списанных в металлолом. Приведен в проезжее состояние участок асфальтированного шоссе Сталинград – СТЗ протяженностью 1 км, с которого убрано и отгружено около 100 танков [2, с. 112–113].

Наряду с очисткой города Сталинграда и его окрестностей проводились работы по очистке и восстановлению путей железной дороги. На станции Волжская восстановлены пути № 9 и 10 общей протяженностью 4 200 м. Были проведены работы по устройству железнодорожного полотна на разъезде Конный протяженностью 500 м; уложено 2 тупика на станции Воропоново общей протяженностью 1 500 м; уложен тупик на станции Тарифная (Баррикады) длиной 800 м. Силами трофейных частей на станции Волжская сооружен железнодорожный мост длиной 7,5 м и проведены другие работы [4, л. 135 об. – 136].

В период с 7 по 20 июля 1944 г. силами личного состава трофейных частей и МПВО Сталинградской железной дороги была произведена повторная и окончательная зачистка железнодорожных станций, узлов и путей от боеприпасов, мин, авиабомб и других взрывоопасных предметов. По Сталинградскому отделению дороги зачищены и сданы 23 станции; по Морозовскому отделению – 29; по Котельниковскому – 27; по Арчединскому – 18; по Камышинскому – 5 (табл. 1). Всего зачищено и сдано 102 станции. Очищено железнодорожных путей: Сталинград – Двойная 320 км, Сталинград – Репная 460 км, Сталинград – Филоново 270 км и Иловля 102 км, на Камышин 102 км. Всего – 1 152 км [2, с. 113].

Таблица 1

**Перечень железнодорожных станций
Сталинградской дороги, очищенных от боеприпасов
и брошенных взрывчатых веществ
отделом трофейного вооружения Донского фронта
в 1943–1944 гг. [3]**

№ п/п	Наименование отделения	Наименование станций
1	Сталинградское отделение	Сталинград-I, Сталинград-II, Тракторный, Баррикады, Садовая, Ельшанка, Волжская, Соляная, Банная, Купоросная, Бекетовская, Сарепта, Красноармейск, Воропоново, Разгуляевка, Орловка, Древний Вал, Конный, Гумрак, 564 км, Котлубань, 536 км, Паньшино

Окончание таблицы 1

№ п/п	Наименование отделения	Наименование станций
2	Морозовское отделение	Басаргино, Карповская, Прудбой, Кривомузгинская, Кумовка, Ляпичево, Донская, Ложки, Рычковский, Чир, Суrowикино, Дмитриевка, Секретев, Обливская, Тарыши, Чернышково, Цимла, 161 км, Морозовская, Быстрый, Вальково, Ковылжин, Тацинская, Жирново, Грачи, Дороговский, Белокалитвинская, Бугураев, Репная
3	Котельниковское отделение	Чапурники, Тундутово, 55 км, Тингута, 75 км, Абганерово, Капкинский, Гнилоаксайский, Жутово, 140 км, Чилеков, 161 км, Курмоярский, Котельниково, 210 км, Семечная, Минаевский, Ремонтная, Сад, Гашун, Весёлый, Зимовники, Амта, Хутуны, Куберле, Таврический, Двойная
4	Арчединское отделение	Качалино, Иловля, Тишкино, Белушкино, Лог, Липки, 478 км, Зеленевская, Арчеда, Раковка, Гурово, Себряково, Рогожино, Кумылга, Страхово, Пандилово, Солонovo, Филоново
5	Камышинское отделение	Захаровка, Солодча, Бердия, Кандраши, 102 км

Только за период с 7 по 20 июля 1944 г. было собрано и подорвано в полосе отчуждения дороги снарядов разных калибров 9 512, мин 1 718, авиабомб 15, гранат ручных 60 штук.

В местах своей дислокации части оказывали большую помощь органам местной власти и колхозам в восстановлении разрушенного хозяйства.

На Сталинградском тракторном заводе трофейными частями приведены в годное для жилья состояние 1, 2 и 3 этажи и оборудованы подвальные помещения в корпусах № 5936, 543, 595, 569 и 597. Всего ими было оборудовано до 50 комнат, включая побелку и остекление. В таком виде корпуса были переданы администрации завода, площадка перед ними была расчищена и разминирована, а уцелевшие зеленые насаждения приведены в порядок. В хуторе Перелаз-Ефремовский восстановлены 2 дома, которые после убития трофейных частей были переданы райсовету. В хуторе Гавриловка произведен ремонт 8 общественных и колхозных зданий, в том числе оборудовано 2 бани, переданные в

пользование колхозу. В хуторе Новая Алексеевка Городищенского района сделан капитальный ремонт школы и школьного инвентаря. В хуторе Россошка этого же района построена школа. В хуторе Кисляки Сиротинского района отремонтировано школьное здание и изготовлен инвентарь для школы. Отремонтированы школьные помещения в хуторах Гавриловка, Селиванов, Песчанка, Зотов и на станции Карповская [2, с. 113].

В проведении весенней посевной кампании 1943–1944 гг. ряду совхозов и колхозов области трофейными частями была оказана помощь путем подвоза семенного материала, горючего для тракторного парка, удобрений и т. д.; отремонтирован тракторный парк колхоза хутора Гавриловка; оказана помощь в восстановлении совхоза «Горная Поляна» (отремонтированы автомастерские и сарай для скота); произведены ремонтно-восстановительные работы МТС колхоза «Путь Ленина»; в хуторе Жирки Перелазовского района построена молочная ферма на 50–70 голов крупного рогатого скота.

Для скорейшего восстановления народного хозяйства трофейными органами было передано организациям, предприятиям, МТС, совхозам и колхозам области и городу Сталинграду различное трофейное имущество, в том числе 384 автомашины, 78 тракторов и тягачей, 10 000 м телефонного кабеля, 18 200 м осветительного кабеля, 418 рулонов толи, 530 повозок, 1 680 запасных деталей к тракторам (см. табл. 2).

Танкоремонтным предприятиям Сталинграда и полевым ремонтным базам, работавшим на территории области по восстановлению ремонтного фонда, отделом трофейного вооружения отгружено и передано 1 215 танков, которые после восстановления были отправлены на фронт. Этим же танкоремонтным предприятиям отпущено 5 440 различных деталей и агрегатов для ремонта танков.

Кроме того, было отпущено из числа трофеев большое количество различного имущества, необходимого для восстановления нормальной жизни и работы города и обеспечения бытовых нужд трудящихся. К 1 мая 1943 г. Ворошиловскому райсовету Сталинграда был подарен многоместный пассажирский автобус, восстановленный силами одной из трофейных частей [2, с. 114].

Таблица 2

**Сведения отдела трофейного вооружения
Донского фронта об отпущенном имуществе
учреждениям и организациям Сталинградской области
за период с 1 января 1943 г. по 1 октября 1944 г. [3]**

№ п/п	Наименование имущества	Единица измерения	Количество отпущенного имущества
1	Автомшины грузовые	шт.	384
2	Автомшины легковые	-//-	30
3	Тягачи	-//-	23
4	Тракторы	-//-	55
5	Автоприцепы	-//-	8
6	Мотоциклы	-//-	3
7	Велосипеды	-//-	14
8	Бензосмеситель	-//-	1
9	Гусеницы	звенья	4 700
10	Разные запчасти к танкам	шт.	740
11	Разные запчасти к автомашинам	-//-	1 680
12	Паровозы	-//-	1
13	Тендеры	-//-	1
14	Платформы	-//-	20
15	Стрелочные переводы	-//-	3
16	Рельсы	км	2
17	Цистерны	шт.	3
18	Повозки	-//-	451
19	Хода повозок	-//-	82
20	Хомуты	-//-	50
21	Шорки	-//-	50
22	Термопечи	-//-	1
23	Компрессоры	-//-	1
24	Пишущие машинки	-//-	16
25	Швейные машины	-//-	38
26	Тележки угольные	-//-	27
27	Кухни походные	-//-	3
28	Баллоны воздушные	-//-	200
29	Баллоны кислородные	-//-	324
30	Пожарный рукав	-//-	28
31	Трубы газовые	м	3 000
32	Толь	рулон	418
33	Тол	т	15
34	Проволока железная	-//-	5
35	Проволока оцинкованная	км	280

Окончание таблицы 2

№ п/п	Наименование имущества	Единица измерения	Количество отпущенного имущества
36	Кабель электрический	-//-	18,2
37	Кабель телефонный	-//-	12,3
38	Телефонные аппараты	шт.	5
39	Катушки для кабеля	-//-	10
40	Вилки для забралов кабеля	-//-	10
41	Сумки с инструментами связи	-//-	5
42	Провод электрический	км	2
43	Электромоторы	шт.	1
44	Ящики с химикатами	-//-	6
45	Ролики	-//-	200
46	Бидоны	-//-	48
47	Шинели трофейные	-//-	26
48	Сапоги	пар	9
49	Ботинки	-//-	20
50	Брюки х/б	шт.	25
51	Гимнастерки х/б	-//-	9
52	Пиджаки х/б	-//-	15
53	Свитеры	-//-	20
54	Белье нательное	пар	25
55	Плащ-палатки	шт.	103
56	Палатки	-//-	15

Приведенные в таблице сведения включают преимущественно имущество, переданное по нарядам Главного управления трофейного вооружения, и не включают в себя в полной мере то трофейное имущество, которое отпускалось армиями Сталинградской группы войск на протяжении I квартала 1943 года.

Активная помощь руководству области со стороны трофейных частей продолжала оказываться и в дальнейшем. Так, в соответствии с указаниями председателя Трофейного комитета при Государственном комитете обороны К.Е. Ворошилова отдел трофейного вооружения выделил для вывоза зерна из колхозов и глубинных пунктов области 30 автомашин, которые с 24 сентября к началу декабря 1944 г. вывезли на прирельсовые склады «Заготзерно» свыше 40 000 пудов хлеба [2, с. 114].

Таким образом, трофейными частями Сталинградской группы войск (бывшего донского фронта), остававшихся на территории Сталинграда на протяжении всего 1943 и 1944 гг., была проделана огромная работа по расчистке города и его окрестностей.

Военными оказывалась посильная помощь в мероприятиях восстановления народного хозяйства области.

Список литературы

1. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. 6088. – Оп. 1. – Д. 32.
2. Итоговый отчет о работе отдела трофейного вооружения бывшего Донского фронта по сбору и вывозу трофеев с полей бывших сражений в районе гор. Сталинграда. Декабрь 1944 // Сталинградская группа войск. Февраль – май 1943 г. : документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. – Волгоград : Издатель, 2004. – 264 с.
3. І оцає-і аі і оаі а «Ноаєі аааіау аєоа». – Ё і а. ¹ 5112.
4. Оаі оо аі ед аі оаеє і і ааєø ає еіаі оеє Аі еа аааіаі е і аєаіає. – Ô. 171. – І і. 1. – Ä. 5.

HELP OF THE TROPHY TROOPS TO THE CITY OF STALINGRAD AND STALINGRAD REGION

Bormotov Alexei Leonidovich

Master's Student, Department of Russian History,
Volgograd State University
albormotov@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 40062 Volgograd, Russian Federation

Vladimirova Ekaterina Denisovna

Postgraduate Student, Department of Russian History,
Volgograd State University
e.d.vladimirova@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the work of the trophy troops of the Stalingrad Group of Troops on cleaning up the City of Stalingrad and the area. Their importance in restoration of peace in the region is estimated. Goals and objectives standing before the trophy troops are identified, amount of their work is specified, and results are also summed up.

Key words: restoration of the city, clearing the territory, demining, Stalingrad Group of Troops, trophy troops.

УДК 94(47+57)“1942/1943”:356.15

ББК 63.3(2Р-4Вор)622,12

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 ГОДАХ

Владимирова Екатерина Денисовна

Аспирант кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
e.d.vladimirova@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается партизанское движение в оккупированных районах Сталинградской области в период Сталинградской битвы, выделены его характерные особенности. Также сформулированы цели и задачи, стоявшие перед партизанскими отрядами, рассмотрен принцип организации движения, взаимодействие партизан и органов советской власти. В конце статьи указан объем работы, проделанной партизанами, а также подведены ее итоги.

Ключевые слова: диверсионная работа, оккупация, партизаны, партизанское движение, разведка, Сталинградская битва, Сталинградская область.

Подготовительная работа по организации партизанского движения в Сталинградской области началась в 1941 году. В сельских районах для этой цели было создано по одному отряду в 18–25 человек из числа оперативных сотрудников Управления НКВД по Сталинградской области.

На оккупированной фашистскими войсками территории была организована партизанская война. Однако военная обстановка и естественные природно-климатические условия Сталинградской области не позволяли партизанским отрядам работать большими по численности соединениями. Отсутствие значительных лесных массивов, могущих служить укрытием для партизан, заставляло их работать небольшими группами, забрасываемыми на оккупированные территории региона для организации конкретных мероп-

рий по дезорганизации тыла немецко-фашистских войск. К сентябрю 1942 г. в Сталинградской области было организовано 34 партизанских отряда [1, с. 241]. Другой особенностью было то, что многие партизанские отряды и группы перебрасывались через линию фронта для выполнения задания, а потом возвращались обратно [3, с. 436].

Вскоре после начала Сталинградской битвы 28 июля 1942 г. Сталинградский обком ВКП(б) постановил создать боеспособные партизанские отряды. Они создавались по принципу добровольности. К августу 1942 г. были созданы и обучены отряды, действовавшие в Калачевском, Тормосиновском и Котельниковском районах. Для обучения партизан было решено создать при Сталинградском обкоме одну передвижную школу и организовать там проведение 5-дневных семинаров с командирами и комиссарами отрядов по программам, утвержденным штабом партизанских отрядов Украины. Все райотделения НКВД должны были провести 2-дневные семинары для помощников командиров по оперативной части и для групп разведчиков партизанских отрядов. Туда направляли опытных радистов из Областного управления связи.

Помимо обучения партизан было организовано их материальное оснащение. Для этого Облвоенком был обязан выделить из средств райвоенкоматов трофейное и другое оружие и боеприпасы, из торговой сети города выделялись обувь и одежда [5, л. 173]. В ноябре 1942 г., накануне зимы, бюро обкома ВКП(б) также приняло постановление, регламентирующее сбор теплых вещей для партизанских отрядов, направляемых в тыл немецких оккупантов (см. таблицу).

В справке военного отдела обкома ВКП(б) о боевых действиях партизанских отрядов от 1 сентября 1942 г. говорится о том, что 25 августа 1942 г. в районы, оккупированные немцами, оперативной группой обкома было направлено через представителей штаба партизанских отрядов и войсковые части 8 боевых отрядов общей численностью 108 человек. Партизанские отряды и группы, беззаветно преданные своей Родине, в районах, оккупированных немцами, вели активную диверсионную работу, минировали дороги, нарушали телефонную и телеграфную связь, уничтожали мелкие группы противника и его материальную часть [4,

с. 94]. Кроме того, при отступлении Красной Армии на оккупированной немцами территории был оставлен 51 человек в качестве одиночек и разведчиков [3, с. 436].

**Список имущества, подлежащего изъятию
для оснащения партизанских отрядов [5, л. 203]**

№ п/п	Наименование района	Сапоги	Валенки	Полушубки	Теплые фуфайки	Теплые брюки	Теплые носки	Перчатки, рукавицы	Шапки	Белье
1	Даниловский	–	25	10	15	15	20	–	15	–
2	Березовский	15	–	10	15	15	–	–	–	10
3	Комсомольский	–	5	–	10	10	10	–	–	–
4	Неткачевский	–	5	5	10	10	10	10	10	–
5	Руднянский	–	10	10	15	15	10	10	10	–
6	Медведицкий	15	15	–	15	15	–	–	–	–
7	Молоотовский	–	15	15	20	20	25	–	15	20
8	Еланский	20	35	–	20	20	25	25	–	20
9	Н.-Анненский	–	10	10	10	10	10	10	10	–
10	Мачушанский	–	15	15	–	–	–	–	–	–
11	Лемешкинский	–	10	10	15	15	10	–	10	–
12	Вязовский	–	10	10	10	10	10	–	10	–
13	Михайловский	–	15	10	10	10	10	10	10	–
14	Камышинский	15	15	15	20	20	20	20	20	20
15	Ременниковский	–	15	–	15	15	20	20	20	20
<i>Всего</i>		65	200	120	200	200	180	105	130	90

В июле – августе 1942 г. действиями сталинградских партизан руководил Украинский штаб партизанского движения, находившийся на территории области. Затем штаб покинул пределы области, и его функции были переданы Военному Совету Сталинградского фронта и обкому ВКП(б). Кроме того, 28 июля 1942 г. при обкоме ВКП(б) была создана оперативная группа в составе 3 человек во главе с секретарем обкома партии Ф.В. Ляпиным, который позднее был назначен представителем Центрального штаба партизанского движения. При нем с осени 1942 г. действовал Штаб партизанского движения при Военном Совете Сталинградского фронта, который руководил партизанскими отрядами в полосе фронта [3, с. 436].

По далеко неполным данным, обнаруженным в годы войны начальником штаба оперативной группы по руководству партизанскими отрядами Н.Р. Петрухиным, за время оккупации партизаны уничтожили:

- пять складов;
- 32 подводы с боеприпасами;
- эшелон с боеприпасами и различными грузами, шедшими на фронт;
- тяжелый танк;
- 37 автомашин с грузами;
- восемь дзотов;
- два железнодорожных моста и др.

Кроме того, было заминировано 12 участков дороги, на которых подорвалась большая группа немецких войск и техники, уничтожено до 900 немецких солдат и офицеров, а также 8 шпионов. Было подбито 96 лошадей, разрушена телеграфно-телефонная связь на многих километрах. Из немецкого плена и окружения было освобождено 3 087 бойцов и командиров Красной армии [2, с. 7].

Еще одним важным направлением деятельности партизан было проведение разведки и передача полученных данных командованию частей Сталинградского фронта.

Фашистские военные органы требовали от населения оказывать помощь армии в борьбе с партизанами. За связи с ними

полагался расстрел. Первоочередной задачей гестапо и жандармерии после установления оккупационного режима было выявление партизан. Каждый трудоспособный мужчина автоматически оказывался под подозрением.

Таким образом, можно сказать, что партизанское движение на оккупированных территориях Сталинградской области, несмотря на открытую местность, малопригодную для партизан, достигло своих целей. Было уничтожено большое количество живой силы противника, техники и т. д. Стоит отметить, что этому в немалой степени способствовала активная помощь со стороны советских властей.

Список литературы

1. Красноженова, Е. Е. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее последствия в Сталинграде / Е. Е. Красноженова // Известия ВГПУ. Исторические науки. – 2015. – № 3 (98). – С. 238–242.
2. Петрухин, Н. Р. Советским партизанам слава! / Н. Р. Петрухин // ВГМП «Сталинградская битва». – МВР – 1604, № 35-СД. – С. 7–9.
3. Сталинградская битва. Июль 1942 февраль 1943 : энциклопедия / под ред. М. М. Загоруйко. – 5-е изд., испр. и доп. – Волгоград : Издатель, 2012. – 800 с.
4. Сталинградцы в бою и труде. Документы. Очерки. Воспоминания. Фотографии / сост. М. Т. Поляков, П. А. Дубицкая. – Волгоград : Издатель, 2005. – 600 с.
5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. – Ф. 113. – Оп. 12. – Д. 143.

GUERRILLA FIGHT ON THE OCCUPIED TERRITORY OF STALINGRAD REGION IN 1942–1943

Vladimirova Ekaterina Denisovna

Postgraduate Student, Department of the Russian History,
Volgograd State University
e.d.vladimirova@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The guerrilla movement on the occupied territory of the Stalingrad region during the Battle of Stalingrad is considered in the article. Its characteristics are marked out. The purposes and tasks facing guerrilla groups are also formulated, the principle of the organization of the movement, interaction of guerrillas and bodies of the Soviet power is considered. At the end of the article the volume of the work done by guerrillas is specified and also its results are summed up.

Key words: diversionary work, occupation, guerrilla, guerrilla movement, investigation, the Battle of Stalingrad, Stalingrad region.

УДК 94(47+57)“1945/1950”:314.745.4

ББК 63.3(2Р-4Вор)-284.6

РЕПАТРИРОВАННЫЕ СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1950 ГОДАХ

Гаевская Жанна Юрьевна

Заместитель начальника отдела

Центра документации новейшей истории Волгоградской области

gaevskaya.janna@gmail.com

ул. Дымченко, 16, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Настоящее исследование представляет собой анализ фактов о пребывании репатриантов на территории Сталинградской области в контексте негативной политики руководства СССР в отношении них. Дана характеристика состава репатриантов и условий проживания на территории региона. Приводятся данные об участии репатриантов в восстановлении Сталинградской области. Прослеживается связь ограничения прав и свобод репатриантов и возможности использования их труда. Делается вывод, что в период первого послевоенного пятилетия контингент репатриантов давал возможность Сталинградскому региону ослаблять выраженный дефицит трудовых ресурсов. Исследование основано на документах архивного фонда Российской Федерации, хранящихся в центральных и региональных государственных архивах: Государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военном архиве, Государственном архиве Волгоградской области и Центре документации новейшей истории Волгоградской области.

Ключевые слова: репатриация, репатриированные, бывшие советские военнопленные, восстановление Сталинградской области, принудительные работы, трудовые ресурсы, рассекреченные документы.

Частью истории Великой Отечественной войны, безусловно, является политика советского государства в отношении своих же граждан, вернувшихся из плена. На заключительном этапе войны и после ее окончания репатриация носила обязательный характер. Советскому государству необходимо было не допустить новой волны эмиграции [26, с. 27].

Уполномоченный Управления СНК СССР по делам репатриации генерал-полковник Ф.И. Голиков в интервью корреспонденту ТАСС в начале ноября 1944 г. отметил, что советские граждане «будут приняты дома, как сыны Родины. Даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности <...>» [27].

Однако власти опасались, что большое количество советских граждан, освобожденных из плена, так и останется в иностранных государствах вследствие боязни, что на Родине их будут воспринимать предателями, лишат законных прав, подвергнут жесткой проверке (еще в декабре 1941 г. в СССР началось создание специальных лагерей (далее – спецлагерей) для осуществления государственной проверки красноармейцев, вернувшихся из плена или окружения [33]).

Исходя из этого, велась усиленная пропаганда среди тех, кто должен был вернуться в Советский Союз. По радио транслировали записанные на пленку письма репатриантов, которых не коснулся послевоенный террор, публиковались статьи в периодической печати, планировался выход киноочерка «Возвращение на Родину», посвященного репатриации советских граждан [20, л. 26, 48–55, 80].

Обращаясь к нормативной стороне процесса репатриации, Советское государство гарантировало вернувшимся сохранение всех прав, предусмотренных Конституцией СССР. Декларировалось, что репатрианты могут самостоятельно выбирать место жительства и работы, занимать руководящие посты и др. [21, л. 108–114; 22, л. 35].

Однако рассекреченные в 1990-е гг. документы позволили вскрыть факты негативного отношения к вернувшимся из плена во время и после окончания Великой Отечественной войны.

Репатрианты были представлены несколькими категориями: военные и гражданские репатрианты недемобилизуемых возрастов, которым по закону следовало проходить службу в армии, были зачислены в Отдельные рабочие батальоны (далее – ОРБ) НКО СССР; военнослужащие демобилизуемых возрастов,

находившиеся в плену, а также военнослужащие и гражданские лица, которые проживали на оккупированной территории или участвовали в фашистских формированиях, были определены в спецлагеря НКВД СССР (с февраля 1945 – проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР [28, с. 48]); жители приграничных областей направлялись для проверки в проверочно-фильтрационные пункты НКВД СССР.

По результатам государственной проверки граждан, за которыми не было выявлено фактов измены Родине, невоеннообязанных и не являвшихся бывшими военнослужащими Красной Армии, предписывалось отпускать к месту жительства, исключая режимные населенные пункты [18, л. 26], а бывших военнослужащих Красной армии и военнообязанных предписывалось до особого распоряжения закрепить за предприятиями, на которых они работали [18, л. 24].

Репатрианты, изначально распределенные в ОРБ НКО СССР, должны были учитываться на местах прибытия и проверяться специальными комиссиями (срок проверки 2–3 месяца) [18, л. 23].

Выявленных в процессе проверки советских граждан, служивших в немецких строевых формированиях, было определено направлять в проверочно-фильтрационные лагеря (далее – ПФЛ) НКВД СССР или на спецпоселение [18, л. 23; 19, л. 112–113].

Правовые ограничения имели и те, кому после первоначальной проверки было разрешено вернуться на место жительства. Некоторых переселяли, а также подвергали неоднократным проверкам [18, л. 2–3]. К тому же нормативные акты центральных и местных органов власти определяли места работы репатриантов [30; 31].

На территории г. Сталинграда еще в 1943 г. был создан спецлагерь № 0108. В феврале 1945 г. он был реорганизован в Проверочно-фильтрационное лагерное отделение при подразделении Хозяйственного отдела (далее – ХОЗО) УНКВД СССР по Сталинградской области – Строительном отделе (далее – Стройотделе) [17, л. 82]. В 1945 г. численность переменного состава лагерного отделения постоянно менялась и не превышала 1 200 человек [5, л. 39–80]. Небольшой контингент использовался для про-

изводства различных работ на стадионе «Динамо», кондитерской фабрике № 4, для уборки территорий школ, детских садов и др. [4, л. 17, 66, 68, 74].

В 1945 г. в регионе появились и другие категории репатриантов. Они приезжали либо в составе ОРБ НКО СССР, либо направлялись к месту постоянного проживания.

В I квартале 1945 г. в Сталинградскую область прибыло примерно 7 000 репатриированных советских граждан [23, л. 28], а к 30 декабря 1945 г. в Сталинградской области насчитывался 29 961 репатриант [1, л. 65].

Вопросами организации учета репатриированных граждан, их размещения и распределения по объектам использования труда в регионе занимались Отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения Сталинградского облисполкома (с 19 сентября 1945 г. – переселенческий отдел при Сталинградском облисполкоме [8, л. 17]), райкомы ВКП(б) и райисполкомы [6, л. 4; 22, л. 82, 346; 23, л. 28; 32; 34, л. 29 об.].

Репатриированные советские граждане распределялись по районам области и административного центра. Постановлением Сталинградского обкома ВКП(б) от 29 мая 1945 г. предписывалось отправлять репатриантов в основном в сельскую местность в связи с хозяйственной целесообразностью, а также наличием материально-бытовых условий [34, л. 29 об. – 30]. Репатрианты распределялись по самым редконаселенным районам: Медведицкому, Ременниковскому, Палласовскому, Нижне-Добринскому, Мало-Дербетовскому и др.

Сюда они направлялись для работы в колхозах и совхозах, а также на промышленных предприятиях и в строительных организациях [1, л. 5]. Так, например, в связи с потребностью ускорения работы по строительству и освоению орошаемых участков в Волго-Ахтубинской пойме Сталинградский облисполком решением от 22 августа 1945 г. обязал начальника переселенческого отдела при Сталинградском облисполкоме в течение сентября – ноября 1945 г. направить 2 000 репатриантов на постоянное место жительства в районы Волго-Ахтубинской поймы и пригородные районы г. Сталинграда [8, л. 14].

Документы свидетельствуют о том, что направление на работу в сельские районы было принудительным. Так, в письме начальнику переселенческого управления при СНК РСФСР от 11 ноября 1945 г. начальник переселенческого отдела при Сталинградском облисполкоме М.П. Бирюков констатировал, что «принудительное распределение репатриантов на работу имело место быть. По указанию облисполкома и обкома ВКП(б) люди направлялись в сельскую местность и путевое хозяйство исходя из острой нужды в рабочей силе» [6, л. 5].

Подобные факты имеются и в документах личного происхождения. Согласно воспоминаниям одной из бывших узниц концлагеря: «<...> Родина нас приняла как злая мачеха. Многим не разрешили жить в городе <...>» [38, л. 6–7].

Репатрианты, распределенные по районам области, проживали не на режимных условиях, однако они не имели права выезжать из района без ведома местных властей [6, л. 4; 10, л. 67, 89].

В г. Сталинграде репатрианты работали с июля 1945 г. при строительном тресте № 4 завода «Красный Октябрь» (к 5 сентября 1945 г. их было 860 человек) [38, л. 5].

По данным на 10 декабря 1945 г. в городе находилось 10 169 репатриированных советских граждан, которые прибыли в составе ОРБ НКО СССР [14, л. 5]. К концу декабря 1945 г. их стало 23 112 человек [1, л. 65]. 12 000 репатриантов привлекались для работы в тресты Главного управления по восстановлению г. Сталинграда, 2 000 человек – на восстановление завода № 221 «Баррикады», 4 600 человек – на восстановление СТЗ и др. [29, л. 10; 36, л. 39]. В небольшом количестве репатрианты были направлены в Сталинградский автотрест, на железную дорогу, Сталинградскую районную электростанцию и др. [7, л. 11; 9, л. 7, 8].

Отмечено, что правовое положение репатриантов было различным, следовательно, неодинаковыми были и условия проживания.

Те, кто содержался в Проверочно-фильтрационном лагерном отделении при стройотделе ХОЗО УНКВД СССР по Сталинградской области, вынуждены были находиться на режимных условиях, то есть не имели возможности самостоятельно улучшить свой

быт. По данным за II квартал 1945 г., в лагерном отделении отсутствовали постельные принадлежности, большинство бывших советских военнопленных спали на голых нарах, а имевшаяся одежда была ветхой [3, л. 12].

Остальным категориям репатриантов, должны были выдаваться денежные пособия, обувь, одежда и промтовары [8, л. 2].

Постановлением от 29 мая 1945 г. Сталинградский обком ВКП(б) обязал переселенческий отдел улучшить работу по размещению и устройству репатриантов [34, л. 29 об. – 30]. Однако условия жизни в регионе не давали возможности снабдить приехавших всем необходимым.

По данным на 14 ноября 1945 г. колоссальной была потребность репатриированных граждан в теплой одежде [6, л. 4 об.], люди расселялись в заводских общежитиях, землянках, бараках, а также подселялись в дома местных жителей [6, л. 4; 10, л. 67, 89].

Репатрианты, прибывшие в г. Сталинград в составе ОРБ НКО СССР, в основном расселялись в подвальных помещениях. Для них были отведены: здание Универмага на 1 000 человек, бывшее здание Дома книги на 1 000 человек, дом бывшего МПВО на «Баррикадах» на 120 человек и др. Все эти здания требовали незначительного ремонта. Велось строительство жилгородка: 2 бараков на 140 человек, дома по улице Баррикадной на 100 человек, общежития на метизном заводе на 60 человек и др. Однако жилья было недостаточно. К 27 сентября 1945 г. Сталинград мог принять только 8 000 репатриантов [35, л. 43]. В связи с этим рабочие размещались на 2- и 3-ярусных сплошных нарах, а на одного человека приходилось 0,8 м² жилой площади [11, л. 243].

Местные власти впоследствии констатировали, что отдельные рабочие батальоны прибыли в период, когда предприятия и строительные организации не имели возможности подготовить жилье, не имели запаса обуви, спецодежды, теплой одежды и постельных принадлежностей [36, л. 39].

Не были оптимальными и санитарно-гигиенические условия. Так, по данным инструктора Сталинградского обкома ВКП(б) на 10 декабря 1945 г. в общежитиях, занятых рабочими ОРБ НКО СССР, было грязно и сыро [35, л. 46].

В справке от 11 декабря 1945 г. заместитель заведующего строительным отделом Сталинградского обкома ВКП(б) К.А. Уханов отмечал, что во всех общежитиях было грязно, холодно, нары были сделаны из сырого леса, постельных принадлежностей ни одно общежитие не имело, а среди рабочих наблюдалась завшивленность [35, л. 45].

Такие условия жизни репатриантов приводили к повышенной заболеваемости, невыходам на работу, дезертирству.

Материально-бытовое положение репатриированных несколько улучшилось только к середине 1946 года. Люди начали переселяться в финские домики (на Дар-горе, Максимовском разъезде, по ул. Саранской, ул. Ельшанке и др.) [36, л. 39–39 об., 60, 61; 37, л. 108 об.].

Однако отчетные данные Главсталинградстроя за I полугодие 1947 г. продолжали свидетельствовать о высокой концентрации людей в тесных помещениях, холоде, плохом питании [11, л. 202]. Только к 1950 г. для рабочих Главсталинградстроя были построены новые общежития. В них имелись бытовые комнаты, паровое отопление и др. [13, л. 48]

Отчасти улучшение условий жизни репатриантов было связано с необходимостью закрепления их в г. Сталинграде в качестве рабочей силы и снижения текучести кадров [12, л. 8], ведь в 1947 г. количество репатриированных советских граждан в Сталинграде заметно уменьшилось из-за демобилизации значительной их части [24, л. 499].

Некоторые репатрианты не смирились с неполноправным положением и пытались выехать на постоянные места жительства в другие регионы. Об этом свидетельствуют документы личного происхождения. Так, например, в письме-заявлении рабочего 85-го ОРБ НКО СССР председателю Верховного Совета СССР от 28 апреля 1946 г. указано: «<...> После расформирования ОРБ администрация треста заявила нам, что отныне мы должны считать себя сталинградцами. Нам выдали паспорта, приписанные к тресту ранним числом. Прошу дать разъяснение, будем ли мы отпущены по месту жительства хотя бы в 1946 г. или мы обязаны работать в городе Сталинграде? <...>» [16, л. 2].

Одни не возвращались из отпусков, другие дезертировали [15, л. 57]. К концу 1948 г. репатриантов в Главсталинградстрое стало на 90 % меньше по сравнению с 1945 г. [11, л. 3, 343, 347, 348, 349, 352; 12, л. 5; 13, л. 18]. В документах главной строительной организации города они продолжали выделяться в отдельную категорию рабочих. Это подтверждают и документы личного происхождения [16, л. 2].

Таким образом, факты, приведенные по Сталинградской области, свидетельствуют о неполноправии советских граждан – бывших военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и первое послевоенное пятилетие, доказывают связь правовых ограничений и принудительного труда репатриантов.

Направленные в Сталинградскую область, существенно пострадавшую в годы войны, репатрианты столкнулись с тяжелыми социально-бытовыми и санитарно-гигиеническими условиями, испытывали психологическое давление. Однако в период первого послевоенного пятилетия контингент репатриантов давал возможность Сталинградскому региону ослаблять выраженный дефицит трудовых ресурсов. Репатриированные советские граждане направлялись на восстановление и строительство промышленных предприятий, гражданских, культурных и административных объектов Сталинградской области, а также для работы в сельском хозяйстве.

Список литературы

1. Архив УФСБ РФ по Волгоградской области. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 44.
2. Бичехвост, А. Ф. История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944–1953 гг.) / А. Ф. Бичехвост – Саратов, 2008. – 536 с.
3. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. Р-1128. – Оп. 1. – Д. 131.
4. ГАВО. – Ф. Р-1128. – Оп. 1. – Д. 135.
5. ГАВО. – Ф. Р-1128. – Оп. 1. – Д. 48.
6. ГАВО. – Ф. Р-2863. – Оп. 1. – Д. 26.
7. ГАВО. – Ф. Р-2863. – Оп. 1. – Д. 27.
8. ГАВО. – Ф. Р-2863. – Оп. 1. – Д. 28.
9. ГАВО. – Ф. Р-2863. – Оп. 1. – Д. 29.

10. ГАВО. – Ф. Р-2863. – Оп. 1. – Д. 54.
11. ГАВО. – Ф. Р-2864. – Оп. 1. – Д. 100.
12. ГАВО. – Ф. Р-2864. – Оп. 1. – Д. 179.
13. ГАВО. – Ф. Р-2864. – Оп. 1. – Д. 212.
14. ГАВО. – Ф. Р-2864. – Оп. 1. – Д. 59.
15. ГАВО. – Ф. Р-4768. – Оп. 1. – Д. 3.
16. ГАВО. – Ф. Р-4768. – Оп. 2. – Д. 1.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-9401. – Оп. 1а. – Д. 174.
18. ГАРФ. – Ф. Р-9408. – Оп. 1. – Д. 1.
19. ГАРФ. – Ф. Р-9408. – Оп. 1. – Д. 2.
20. ГАРФ. – Ф. Р-9526. – Оп. 1. – Д. 559.
21. ГАРФ. – Ф. Р-9526. – Оп. 1. – Д. 549.
22. ГАРФ. – Ф. Р-9526. – Оп. 1. – Д. 63.
23. ГАРФ. – Ф. Р-9526. – Оп. 1. – Д. 64.
24. ГАРФ. – Ф. Р-9526. – Оп. 1. – Д. 744.
25. Земсков, В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект / В. Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 3–16.
26. Земсков, В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан: 1944–1951 гг. / В. Н. Земсков // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 26–41.
27. Интервью уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф.И. Голикова корреспонденту ТАСС // Правда. – 1944. – 11 нояб. (№ 271). – С. 2.
28. Латышев, А. В. Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. / А. В. Латышев // Клио. – 2014. – № 9. – С. 48–52.
29. Музей истории завода-комбината «Красный Октябрь». – НВФ. – № 524/6.
30. Постановление ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г. «О направлении на работу в промышленность военнотрудовых Красной Армии, освобожденных от немецкого плена, и репатриантов призывного возраста» // Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1943–1945) : документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград : Издатель, 2011. – Т. 9 (2) – 788 с.
31. Постановление ГКО № 9908с от 26 августа 1945 г. «Об оказании помощи НКТП и НКС по обеспечению жилищного и культурно-бытового строительства заводов НКТП» // Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1943–1945) : документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград : Издатель, 2011. – Т. 9 (2). – 788 с.
32. Проект записки отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову от 26 июля 1945 г. «О ходе репатриации, об устройстве на работу

репатриированных советских граждан и об организации политической работы с ними» // Проект «Исторические материалы». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/18438> (дата обращения: 09.05.2015). – Загл. с экрана.

33. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 30.

34. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 113. – Оп. 20. – Д. 6.

35. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 20. – Д. 164.

36. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 23. – Д. 233.

37. ЦДНИВО. – Ф. 120. – Оп. 3. – Д. 6.

38. ЦДНИВО. – Ф. 149. – Оп. 2. – Д. 5.

THE REPATRIATED SOVIET CITIZENS IN THE STALINGRAD REGION IN 1946–1950

Gaevskaya Zhanna Yurevna

Deputy Chief of Department,
Center for the Modern History Documentation of Volgograd Region
gaevskayajanna@gmail.com
Dymchenko St, 16, 400005 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This scientific study is presented as an analysis of the facts, connected with the presence of repatriated citizens in the area of the Stalingrad region in the context of negative politics against them. It is given the characteristic of the composition of repatriatedes and of their living conditions in the Stalingrad region's area. It is considered the information about the participation of repatriated citizens in the reconstruction of Stalingrad region. It is concluded that during the first postwar five years the contingent of repatriated citizens gave to the Stalingrad region a possibility to facilitate the clear deficit of workforce. The work is based on the documents of the Archival Fund of the Russian Federation, contained into the central and regional archives: State Archive of the socio-political history, State Archive of the Russian Federation, Russian State Military Archive, State Volgograd Region Archive and Documental Centre of the Contemporary History of the Volgograd Region.

Key words: repatriation, repatriated, former soviet prisoners of war, reconstruction of Stalingrad region, forced labor, workforce, declassified documents.

УДК 94(470)“1941/1945”:341.324.2

ББК 63.3(236)622,6

СТРАТЕГИИ УКЛОНЕНИЯ ОТ УГОНА НА РАБОТЫ В ГЕРМАНИЮ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДНЕВНИКАХ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА ПЕРИОДА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Гаража Наталия Алексеевна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии, истории и права
Новороссийского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
ngagazha@yandex.ru
ул. Видова, 56, 353900 г. Новороссийск, Краснодарский край,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются стратегии уклонения жителей Крыма от вывоза в Германию на работы в период немецко-фашистской оккупации, приводимые в дневниковых записях и воспоминаниях местного населения. Информативная насыщенность источников относительно проблемы указывает на ее актуальность для каждой семьи, оказавшейся на оккупированной территории, а также на высокий уровень осознания ситуации рабского труда на территории врага. Приводимые в дневниковых записях примеры солидаризируются с письмами крымчан-остарбайтеров, а также не противоречат иным комплексам источников – пропагандистским, делопроизводственным, нормативным и т. д. Более того, некоторые документальные свидетельства, например дневник жителя г. Симферополь Лашкевича Хрисанфа Гавриловича, отличаются четко прописанной гражданской позицией автора, интересными обобщениями и авторскими выводами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Крым, Третий рейх, восточные рабочие, оstarбайтеры, мобилизация, оккупация, дневники, воспоминания.

Широкие масштабы в течение Великой Отечественной войны приобрела нацистская политика использования рабского труда, осуществляемая путем организации принудительных работ

населения оккупированных территорий на местах или насильственного угона миллионов в Германию. Комплекс источников, позволяющий исследовать данную проблему, достаточно разнопланов и включает в себя материалы пропагандистского характера, как советские, так и германские, делопроизводственную документацию оккупационных властей, организаций, осуществлявших доставку и распределение рабочей силы на производствах в Германии [8, с. 239]. Вышеперечисленные материалы интересны и содержательны для анализа вопросов трудоустройства советских граждан в экономике Третьего рейха, но не достаточны без источников личного происхождения – писем, дневников и воспоминаний непосредственных участников и свидетелей событий оккупации и насильственного трудоустройства советских граждан [3, с. 180].

Дневниковые записи и воспоминания являются уникальным видом исторического источника, в котором через персональное преломление закрепляются и общие представления эпохи, идеи и представления той социальной общности, к которой принадлежит автор, и, наконец, его собственное, индивидуальное отношение к действительности. Интереснейшие свидетельства, оказавшиеся в нашем распоряжении, подтвердили данный установленный факт. Авторы записей – жители оккупированного Крыма фиксировали примеры оккупационного быта, размышляли о ежедневном собственном выборе и поступках людей, пытались соотнести новую жизненную ситуацию с собственной системой ценностей и убеждений. Исследовательским открытием стали достаточно полные рассуждения о процессе угона жителей полуострова на работы в Германию с регистрацией широкого спектра примеров отношения к этому: от смирения, сопротивления до избегания.

Житель г. Симферополь, зубной врач Х.Г. Лашкевич в своем дневнике выделяет общие условия, при которых, по его словам, можно было спастись на некоторое время – от угона в Германию, от бытового насилия, гестапо, смерти, в конце концов:

1. «...понравиться немцам, заслужить их расположение. Для исполнения этого условия необходимо было оказывать немцам бытовые услуги – работать на них, кормить их, сожительство-

вать с ними, исполнять их поручения и приказания. К этому средству прибегало большинство населения».

2. «...быть незаметнее других, то есть – стараться не обращать на себя внимание волков немцев, избегать общения с немцами, не попадаться им на глаза, не давать повода соседям указывать на нас, или даже говорить о нас».

3. «Третье условие могли выполнять только нечестные люди: это – предательство, доносы и прямое сотрудничество в проведении немецких мероприятий» [6, л. 76–77].

Но и те условия спасения, которые принимались населением, не давали гарантии безопасности: прячущийся от взоров немцев мог попасться им на глаза случайно, угрожающий немцам мог чем-то не понравиться им, наконец, могли быть доносы и на прячущихся и на угрожающих.

Л.В. Овсиенко отмечает, что мобилизация на работы в Германию советской молодежи была практически тотальной: путем уговоров, шантажа, угроз, облав и повесток [7, л. 143]. И столь нервнирующая ситуация приводила к нервному перенапряжению, выливавшемуся в поиск путей избежать угона в Германию, либо, наоборот, смириться перед участью стать рабом Третьего рейха, поддаться общему страху за судьбу семьи в случае отказа выезда.

Когда на бирже труда задавались вопросы: «Почему вы не соглашаетесь? Разве в Германии плохо? Ведь вы хотите же, конечно, помочь нашим спасителям? Разве вы не уверены в победе Германии? Может быть вы хотите возвращения большевиков? Не все ли равно вам, где работать? Работа в Германии приблизит победу наших спасителей и поможет разгромить жидо-большевизм», то отказ, по мнению авторов воспоминаний, становился затруднительным. «Дети начинали путаться в ответах, и их автоматически записывали в число добровольцев на работы, отнимали документы, а дальнейшее сопротивление вызывало крики, угрозы, наказания, обвинения в большевизме, арест и его, и семьи, обыски» [6, л. 95 об. – 96].

Случаи «вынужденной» добровольной записи были и со стороны детей партийных деятелей и комсомольцев. Нашим авто-

рам было очевидно, что причиной тому была не политическая неустойчивость, а страх перед репрессиями, действие на опережение возможного опознания и предательства со стороны соседей, знакомых. Таким образом, отъезд в Германию рассматривался как шанс сокрытия причастности к партии и, безусловно, спасения своей жизни и членов семьи. А так как добровольная мобилизация на работы в Германию поощрялась, то «семья такого добровольца сразу попадает под покровительство немцев, даже получает льготы по снабжению продуктами и никакая сволочь не решится сделать донос на семью немецкого патриота», писал Х.Г. Ляшкевич [6, л. 95 об. – 96].

Еще одним сильным мотивом «вынужденно-добровольного» согласия на отъезд в Германию был страх перед ожидаемым голодом на оккупированной территории, что отмечалось авторами всех дневниковых записей и встречается в письменных свидетельствах оstarбайтеров.

Тем не менее при всех условиях отъезда на работы в Германию – вынуждающих, обязывающих, репрессивных, мобилизующих и т. д. – жители Крыма пытались избежать подобных роковых перемен в своей жизни. Индивидуально и коллективно они апробировали различные средства и способы уклонения от вывоза на территорию Третьего рейха. В целом их можно обобщить следующим образом:

– стратегия заключения брака (чем вызывали гнев и смех не таких предприимчивых сверстников и что не избавляло от участи быть мобилизованным: «Здравствуй Николай и все молодые друзья! Пишу вам открытку с далекой Австрии. Николай ты говоришь что все женились с наших знакомых друзей. Ничего они тоже скоро будут с нами. Сейчас визут с Украины по 10 и 11 лет детей потому что нету старшой молодежи, всю забрали а что осталась та в лесах. Желаем этим молодым людям щастливой жизни и всего наилучшего. В такое время женится то лутше повесится...» [5, л. 76]);

– поступление на работу в местные нацистские учреждения. Например, по свидетельствам местных жителей, в Симферополе на бирже труда работали русские девушки, которые, пре-

небрегая принципами порядочности и совести, вербовали детей на работы в Германию. Многие учителя остались работать в «обновленных» школах только по причине нежелания выезда в Германию, но, наоборот, сохраняя свой патриотический настрой и человечность;

– учеба в школе. Учитель Лагутин (г. Симферополь) говорил своим ученикам: «Все мы, учителя и ученики, должны стараться не обращать внимания (“сидеть тише мышей”). Для нас школа является единственным спасением, так как отсюда нас не пошлют на работу в Германию» [9, л. 14]. Это также вызывало неудовольствие не столь предусмотрительных молодых людей, уже оказавшихся в Германии: «...ходит на курсы только для того чтобы не погнали на работу вот хитрые твари» [4, л. 52–52 об.].

В Одессе в силу специфики оккупации города и в ответ на приходящие из Германии тревожные новости о жестоком обращении с вывозимыми молодыми людьми вновь открывавшиеся учебные заведения также обеспечивали относительную «неприкосновенность» молодежи. Побочным эффектом этого спасения стала «румынизация», так как и названия, и представители руководства, и учебные программы заведений были румынскими. В Крыму при всех попытках взять систему образования под свой контроль нацистским властям так и не удалось реализовать свои планы;

– членовредительство. Чтобы избежать работ по рытью окопов в Крыму, 16-летние девушки делали себе инъекцию, от которой образовывался отек конечностей. Что, кстати, не избавляло их от работ в обычном, практиковавшемся для остарбайтеров режиме [1, л. 2].

Инструментарий запугивания, принуждения и насилия, который использовался нацистами при «работе» с молодежью, на самом деле, отличался определенной эффективностью, позволяя в указанные сроки исполнять мобилизационные квоты. Но для долгосрочного управления занятыми войсками вермахта советскими территориями необходимо было сочетание силы оружия и силы слова, манипулирование не только страхами человека, но и ценностями. Поэтому параллельно велась достаточно активная пропа-

гандистская работа в целях перекодирования советской молодежи на нацистский лад, получения ее добровольного согласия на сотрудничество с оккупационными властями и выезда на территорию Третьего рейха, а также внушения величия и значимости Германии. Тем не менее постоянный накал агрессии, с одной стороны, осознание несправедливости, неправомочности происходящего, с другой, приводили к закреплению и росту негативного отношения населения к оккупационным властям, выражавшегося зачастую в скрытых или открытых формах неповиновения. Отказ и многообразии стратегий избегания угона на работы в Третий рейх жителями Крыма рассматривались не только в качестве самосохранения, но и актов сопротивления оккупантам.

Список литературы

1. Воспоминания Безменова Н.Г., жителя д. Нейзац Зуйского района (Крым) // Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 3.
2. Воспоминания Мануйлова Д.М. // Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944. – М., 2013. – 231 с.
3. Гаража, Н. А. Исторические источники по оккупации сельской местности Краснодарского края и депортации населения в Германию. 1941–1945 гг. / Н. А. Гаража, Т. В. Лохова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 11. – С. 178–182.
4. ГАРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 30.
5. ГАРК. – Ф. Р-4602. – Оп. 1. – Д. 13.
6. Дневник Лашкевича Хрисанфа Гавриловича, жителя г. Симферополь (22.06.1941–17.11.1943) // ГАРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 31.
7. Дневник Овсиенко Людмилы Васильевны, г. Карасубазар (начало дневника) (октябрь – ноябрь 1942 г.) // ГАРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 31.
8. Красноженова, Е. Е. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее последствия в Сталинграде (июль 1942 – февраль 1943 г.) / Е. Е. Красноженова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 238–242.
9. Соображения о линии поведения учительства в связи с положением молодежи. Штаб пропаганды Крыма // ГАРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 13–15.

**AVOIDANCE STRATEGY FROM DEPORTATION
TO WORK IN GERMANY IN THE MEMORIES
AND DIARIES OF CRIMEAS INHABITANTS
DURING THE FASCIST OCCUPATION**

Garazha Natalia Alekseevna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Novorossiysk Branch of the Financial University
Under the Government of the Russian Federation
ngarazha@yandex.ru
Vidova St., 56, 353900 Novorossiysk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the evasion strategies of export to Germany to work in the period of Nazi occupation, given in diaries and memoirs of people of Crimea. Informative saturation sources on the problem, an indication of its importance for each family, which happened in the occupied territory, as well as a high level of awareness of the situation of slave labor in the territory of the enemy. Cited in the diaries examples identify themselves with the evidence of Crimean-ostarbeiters expressed by them in the letters, and do not contradict other sources complexes – propaganda, record keeping, regulatory, etc. Nevertheless, some documentary evidence, such as a diary resident of Simferopol Lashkevich H.G., are not only original and vivid facts of life in the occupation sources, but deep analytical researches with a clear position of the author.

Key words: the Great Patriotic War, Crimea, the Third Reich, eastern workers, Ostarbaiter, mobilization, occupation, diaries, memories.

УДК 94(47+57):37“1943”

ББК 63.3(2)622,12

**ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ
ПО РАЗМИНИРОВАНИЮ ПОЛЕЙ И ПОСТРОЕК
В ЯНВАРЕ – ИЮНЕ 1943 ГОДА¹**

Головина Евгения Леонидовна

Главный специалист отдела научно-исследовательской работы
Центра документации новейшей истории Волгоградской области
nagitchka@inbox.ru
ул. им. Маршала Чуйкова, 45, 400066 г. Волгоград,
Российская Федерация

Гоманенко Олеся Александровна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
gomanenko.olesya@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Усик Борис Григорьевич

Кандидат исторических наук,
заместитель начальника отдела научно-исследовательской работы
Центра документации новейшей истории Волгоградской области
centre-stalingrad@mail.ru
ул. им. Маршала Чуйкова, 45, 400066 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Для расчистки Сталинграда от взрывоопасных предметов, оставшихся после битвы, активно привлекалось местное население.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарно-научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 6-11-34006 «Сталинградская группа войск. 1943–1944 гг.».

Чтобы обучить гражданских лиц делу разминирования, создавались специальные курсы, на которых занимались подготовкой инструкторов по разминированию и бойцов-минеров. В статье рассматриваются первые месяцы работы подобного обучения среди населения.

Ключевые слова: Сталинградская группа войск, разминирование, Осоавиахим, Сталинград, подготовка саперов, местное население.

По окончании Сталинградской битвы территория Сталинграда и области представляла собой огромное минное поле, состоявшее из самых разных взрывных устройств, представлявших собой как неразорвавшиеся снаряды, так и специально оставленные взрывоопасные предметы. По самым скромным подсчетам, немцы заложили в Сталинграде около 200 тысяч мин: ими были усеяны улицы, блиндажи, подвалы домов. В самых неожиданных местах обнаруживались детские игрушки, самопишущие ручки, часы, при прикосновении к которым раздавался взрыв [1, с. 80].

Стоит отметить, что работа по очистке города и области от минной опасности начала проводится еще до окончания боевых действий. Уже тогда руководство области осознавало, что силами только военных частей справиться с этой задачей будет невозможно. Ввиду этого 21 января 1943 г. Сталинградским городским Комитетом Обороны было принято постановление о подготовке специалистов по разминированию полей и построек. Подготовка включала курсы для инструкторов по разминированию в Кировском районе Сталинграда, а также обучение специальных групп для разминирования минных полей и построек. Организация данных мероприятий возлагалась на председателя горсовета Д.М. Пигалева, секретаря обкома ВЛКСМ В.И. Левкина, председателя областного совета Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (далее – Осоавиахим) П.А. Гундырина, секретарей райкомов и председателей райисполкомов Ворошиловского, Красноармейского, Котельниковского, Верхне-Курмойярского, Тормосинского, Чернышковского, Кагановичского, Нижне-Чирского, Калачевского, Городищенского, Перелазовского районов [3, с. 477].

Курсы при областной организации Осоавиахима начали действовать с января 1943 г. и велись по двум направлениям: подго-

товка инструкторов – специалистов по разминированию минных полей для районов, освобожденных Красной армией от немецких захватчиков, и подготовка бойцов-саперов в учебных формированиях Осоавиахима непосредственно в районах. Также выполнялась задача пропаганды среди населения освобожденных районов и города Сталинграда правил определения минных полей и мерах предосторожности от мин.

К 15 марта 1943 г. Осоавиахимом было подготовлено 96 инструкторов-специалистов, в том числе 35 человек для освобожденных сельских районов (табл. 1). В это время не все районы смогли предоставить людей для обучения (Клетский, Перелазовский, Сиротинский, Красноармейский и Верхне-Курмойский). Также Сталинградским горсоветом, Котельниковским и Серафимовичским райсоветах Осоавиахима к данному сроку было подготовлено 102 бойца-сапера. К середине марта на курсах обучались еще 172 человека [4, л. 7–7 об.].

Таблица 1

**Инструкторы по разминированию для районов
Сталинградской области, освобожденных от оккупации
(на 15 марта 1943 г.)**

Район	Количество подготовленных инструкторов
Кагановичский	4
Калачевский	8
Городищенский	4
Котельниковский	2
Тормосиновский	3
Чернышковский	4
Нижне-Чирский	4
Ворошиловский (сельский)	2
Серафимовичский	4
<i>Всего</i>	35

С 15 января по 15 марта 1943 г. подготовленные минеры обнаружили и обезвредили 1 713 противопехотных и противотанковых мин, сюрпризов и других взрывоопасных веществ [4, л. 7 об.].

Стоит отметить, что 25 марта 1943 г. была окончательно разработана и утверждена председателем Центрального совета Осоавиахима генерал-майором авиации П.П. Кобелевым программа подготовки подрывников-минеров. Согласно данной программе, для начинающих инструкторов-подрывников курс состоял из 92 часов и включал такие дисциплины, как строевая, огневая подготовка, топография, спецподготовка (подрывные работы, заграждения, мины противника, разминирование) [2, л. 58]. Бойцы-минеры обучались по 70-часовой программе.

С конца марта 1943 г. началась организация курсов в самих сельских районах с использованием инструкторов, получивших подготовку в Сталинграде. В Ворошиловском районе на обучение приняли 26 человек из местного населения [4, л. 8]. В Кагановичском районе к началу апреля разминированию было обучено 57 человек [4, л. 9]. В Нижне-Чирском районе в первых числах апреля к работе приступили 30 бойцов-минеров, подготовленных на курсах, в Котельниковском районе – 26 инструкторов-минеров.

Пока местное население проходило базовую подготовку в деле разминирования, части Сталинградской группы войск (далее – СГВ) очищали поля для возможности колхозов и совхозов провести весенний сев [4, л. 8]. При необходимости силы военных и гражданских минеров кооперировались. Так, в Кагановичском районе с конца марта 1943 г. работало 4 бригады саперов из местного населения, а 2 апреля в район прибыл батальон по разминированию, который работал на особо сильно заминированных территориях [4, л. 9].

Опыт совместной работы обучавшихся разминированию на курсах Осоавиахима и частей СГВ показал хорошие результаты в Сталинграде, где большая часть минных полей к апрелю 1943 г. была расчищена. Основная работа в городе теперь заключалась в поисках и ликвидации коварных сюрпризов, оставленных противником. В сельской местности ситуация с минной опасностью продолжала оставаться сложной. Из районов поступало множество сообщений о подрывах местных жителей на минах [4, л. 10].

В это время продолжалось активное обучение населения. К 15 апреля Осоавиахимом в целом по Сталинградской области

было подготовлено 157 инструкторов и 159 бойцов. Продолжалось обучение 297 человек: 10 – на инструкторов, 287 – на бойцов-минеров (табл. 2) [4, л. 11].

Таблица 2

**Подготовка кадров минеров по состоянию
на 15 апреля 1943 г.**

Районы	Инструкторы по разминированию		Бойцы-минеры	
	подготовлено	обучается	подготовлено	обучается
Чернышковский	15	–	–	30
Ворошиловский (сельский)	–	–	26	29
Нижне-Чирский	–	–	30	30
Котельниковский	18	–	–	32
Серафимовичский	–	–	–	40
Красноармейский	–	–	10	15
Клетский	18	–	–	30
город Сталинград	160	10	93	81
<i>Всего</i>	157	10	159	287

Стоит также отметить, что Осоавиахим не занимался исключительно подготовкой специалистов по разминированию. Им осуществлялась большая работа по пропаганде правил поведения в местах минирования среди населения области. В Сталинграде к середине апреля 1943 г. горсоветом Осоавиахима было организовано 10 специальных выставок «Мины и их обезвреживание», на предприятиях и в учреждениях города прочитано около 100 лекций, в сельских районах – 30 лекций. Прослушали их около 6 000 человек. Кроме того, была издана листовка Облсовета Осоавиахима, приступали к выпуску плакатов-лозунгов тиражом до 6 000 экземпляров [4, л. 11 об.].

Со второй половины марта 1943 г. во всех без исключения районах области проводилась подготовка населения по 12-часовой программе, включавшей материал, знакомявший население с правилами поведения на местах, минированных противником, и правилами обращения с неразорвавшимися бомбами, снарядами и другими взрывоопасными предметами. Всего подобные курсы прошли 50 262 человека [4, л. 24 об.].

Опыт всей проведенной работы показал недостаточность предпринятых мер. По мнению руководства общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, положение требовало обучения всего населения по элементарной программе правилам обезвреживания мин и поведения в местах, заминированных противником [4, л. 11 об.].

Комсомольской организацией города, получившей задание, в соответствии с постановлением СГКО от 23 января 1943 г., было необходимо подготовить 209 инструкторов-минеров, 77 человек для Сталинграда и 132 человека для районов области. К 1 мая 1943 г. сталинградской организацией ВЛКСМ при содействии Осоавиахима было подготовлено 378 человек (табл. 3), из которых 155 саперов предназначались для города, 223 – для районов [4, л. 18].

Таблица 3

Подготовка инструкторов-минеров на 1 мая 1943 г.

№ п/п	Район	Подготовлено людей
<i>Город Сталинград</i>		
1	Тракторозводской	20
2	Краснооктябрьский	38
3	Ворошиловский	52
4	Кировский	45
<i>Всего</i>		155
<i>Сталинградская область</i>		
1	Ворошиловский (сельский)	26
2	Чернышковский	24
3	Калачевский	25
4	Красноармейский	17
5	Городищенский	45
6	Нижне-Чирский	32
7	Клетский	24
8	Иловлинский	13
9	Серафимовичский	17
<i>Всего</i>		223
<i>Итого</i>		378

На 1 июня 1943 г., к моменту, когда в течение мая основную часть войск СГВ вывели с территории Сталинграда, курсы подготовки инструкторов по разминированию прошли более 500 человек местного населения. В сводках сталинградской областной организации Осоавиахима фигурировали 476 обученных (табл. 4). В данных организации отсутствовали сведения по Верхне-Курмоярскому, Городищенскому и Перелазовскому районам. Майский отчет сталинградской организации ВЛКСМ предоставил сведения по Городищенскому району – 45 человек, прошедших обучение [4, л. 24]. О подготовке 7 специалистов в Перелазовском районе говорилось в сообщении райкома ВКП(б) от 17 апреля 1943 г. [4, л. 15].

Таблица 4

**Специалисты-минеры, подготовленные
в Сталинградской области на 1 июня 1943 г.**

Наименование района	Количество подготовленных
Сталинград	187
Верхне-Курмоярский	сведений нет
Ворошиловский (сельский)	26
Городищенский	сведений нет
Калачевский	8
Кагановичский	14
Клетский	46
Котельниковский	39
Красноармейский	10
Нижне-Чирский	47
Перелазовский	сведений нет
Серафимовичский	40
Сиротинский	4
Тормосиновский	25
Чернышковский	30
<i>Всего</i>	476

Силами местных жителей, прошедших подготовку на курсах, к 1 июня 1943 г. было обезврежено и уничтожено около 50 000 взрывоопасных единиц, в том числе противотанковые и противопехотные мины, разные сюрпризы, авиабомбы, неразорвав-

шие снаряды, минометные мины и ручные гранаты всех марок [4, л. 23].

И хотя объемы и скорость работ по разминированию местным населением нельзя сопоставить с таковыми, выполненными частями СГВ (к примеру, со 2 февраля по 7 марта 1943 г. войсками 62-й армии было обезврежено 159 110 взрывоопасных единиц [5, л. 13]), несомненно, это был вклад в общее дело по очистке Сталинграда и восстановлению города.

Список литературы

1. Левкин, В. Комсомольцы города-героя / В. Левкин. – М. : Молодая гвардия, 1944. – 112 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 132.
3. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы. – Волгоград : Издатель, 2003. – 920 с.
4. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 113. – Оп. 14. – Д. 293.
5. ЦДНИВО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 64.

TRAINING OF FIELDS AND BUILDINGS DEMINERS IN JANUARY-JUNE, 1943

Golovina Evgeniya Leonidovna

Specialist, Research Work Department,
Center for the Modern History Documentation of Volgograd Region
nagitchka@inbox.ru
Marshala Chuikova St., 45, 400066 Volgograd, Russian Federation

Gomanenko Olesya Aleksandrovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Social Work and Pedagogy,
Volgograd State University
gomanenko.olesya@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062, Volgograd Russian Federation

Usik Boris Grogorievitch

Candidate of Sciences (History), Deputy Chief, Research Work Department,
Center for the Modern History Documentation of Volgograd Region
centre-stalingrad@mail.ru
Marshala Chuikova St., 45, 400066 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The local population of the City of Stalingrad was actively involved to clear the city from explosive devices left after the battle. Special courses were created to train civilians for mine cleaning. The courses were preparing instructors and miners-soldiers. The article deals with the first months of such training among the population.

Key words: The Stalingrad Group of Troops, demining, OSOVIAKHIM, Stalingrad, training of instructors and mine-soldiers, the local population.

УДК 94(470.45)“1941/1945”:338.245

ББК 63.3(2)62-2

**ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ
АВИАЦИОННЫХ ЗАВОДОВ СССР
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ
ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Калмыков Иван Алексеевич

Аспирант кафедры истории и политики России
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
i-kalmykov@yandex.ru
просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород,
Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринят анализ кадровой политики руководства авиационной промышленности СССР в период Великой Отечественной войны на примере заводов Горьковской области. Основное внимание уделяется оценке эффективности различных форматов подготовки промышленных кадров в условиях военного времени, особенностям кадрового перемещения инженеров и руководителей. В работе используются ранее не опубликованные партийные и хозяйственные документы авиазаводов.

Ключевые слова: авиационный завод, кадры, производство, учеба, Великая Отечественная война.

Проблема инженерно-технических и руководящих кадров в советском авиапроме была острой как в предвоенные годы, так и на протяжении всей Великой Отечественной войны. Рассмотрим формы и методы работы с кадрами, обучения персонала по документам авиационных заводов Горьковской области – тылового региона, имевшего в масштабах страны значительный промышленный потенциал.

Обратимся к примеру вновь организованных накануне войны и эвакуированных в 1941 г. в Горьковскую область заводов.

Так, на авиамоторном заводе № 466 в Горьком, созданном в 1940 г., на заседании партбюро отмечалось, что «в цехах нет плановиков», «начальники цехов и отделов ясно не знают свои функции, это очень мешает работать» [9, л. 8, 9]. На заводе № 467 в Павлове-на-Оке партийное собрание в сентябре 1941 г. отмечало, что «мы имеем большой аппарат командирского состава, но нет организованности этого коллектива» [14, л. 1].

Одним из способов повышения знаний и квалификации инженерно-технических и руководящих работников авиационных заводов до начала войны являлись технические конференции (впоследствии партийно-технические конференции). Так, партийный комитет авиазавода № 21 им. С. Орджоникидзе 4 февраля 1941 г. постановил в целях обобщения опыта завода № 21 по скоростному методу освоения машины «тип 31» (ЛаГГ-3) и дальнейшему внедрению новой передовой технологии в производство, провести закрытую технологическую конференцию завода 15–16 апреля 1941 года. В конференции принимали участие представители ведомых заводов и Всесоюзного института авиаматериалов [7, л. 30].

С началом войны кадровая проблема обострилась. На заводе № 467 за 1942 г. выбыло по различным причинам 70 инженерно-технических работников (ИТР), в том числе начальников цехов, мастеров и начальников отделов 18 человек [20, л. 6]. В 1942 г. 113 специалистов были переведены с завода № 21 на заводы № 82, 293, 397, 99 и 466, в том числе: на завод № 99 в Улан-Удэ один контрольный мастер, 4 мастера, 5 технологов, 7 конструкторов, двое контролеров [1, л. 42].

На заводе № 467 в 1941–1942 гг. выбыло 23 руководящих работника, в том числе: по мобилизации в Красную армию – 9, по отзыву НКАП – 6, по отзыву горкома ВКП(б) – 3, по прочим причинам – 5 человек [19, л. 10].

Проблема руководящих кадров решалась за счет выдвижения на руководящую работу способных работников. На заводе № 467 на период с 22 июня 1941 г. по 20 апреля 1942 г. было выдвинуто на руководящую работу 64 человека, в том числе четыре женщины. Например, К.Я. Корякова работала кадмировщицей, переведена мастером; Е.С. Федорова, старший инженер, была пе-

реведена начальником группы планирования; Е.С. Козлова – руководитель группы, переведена начальником бюро технического контроля. Главными критериями для кандидатов на выдвижение считались хорошая профессиональная подготовка и инициативность [19, л. 54–55]. В подборе и расстановке кадров активно участвовала партийная организация завода. В 1942 г. партбюро завода № 467 рекомендовало на руководящую работу 20 коммунистов [10, л. 9]. Всего за 1942 г. на Павловском заводе было выдвинуто на разные руководящие должности, в том числе на должности начальников цехов, начальников групп и мастеров, 127 человек. За год были проведены семинары торговых работников и табельщиков [19, л. 54].

Тем не менее выдвижение не решало в целом проблемы ИТР и руководителей производства. Так, на заседании партбюро завода № 119 им. Г.М. Маленкова 23 апреля 1942 г. отмечалось: «На заводе явно ощущается недостаток инженерно-технических кадров, вследствие чего ряд нужных производственных технических вопросов не решается... Отсутствие кадров конструкторов по проектированию технологического оснащения не дает возможность в более сжатые сроки выполнить новый заказ по проектированию» [3, л. 61].

С техническими кадрами проводилась определенная работа по повышению их технического уровня. На заводе № 119 в цехе, «где начальником был Гольдберг», 20 декабря 1942 г. была проведена конференция по качеству, в которой участвовало 130 человек – мастера, контролеры, наладчики, стахановцы [2, л. 106].

В 1943 г. ситуация с кадрами ИТР и руководителей производства не менялась. Распределение ИТР по образовательному уровню на Горьковском заводе № 21 им. С. Орджоникидзе в 1943 г. отражено в таблице.

В годовом отчете о работе предприятия отмечалось, что сравнительно невысокий образовательный уровень инженерно-технических работников затруднял руководство процессом производства [17, л. 111].

Приказом по заводу № 21 от 16 октября 1943 г. за № 377с были проведены лекции для инженерно-технических работников

по вопросам поточной системы производства с общим охватом в 995 человек. В соответствии с приказом НКАП № 295с были организованы курсы по повышению квалификации счетных работников [16, л. 118].

**Уровень образования ИТР
на Горьковском заводе № 21 [16, л. 111]**

№ п/п	Показатели	Количество	% в общем числе
1	ИТР с высшим образованием	365	13,9
2	ИТР со среднетехническим образованием	535	20,4
3	ИТР-практики	1 735	61,7
<i>Всего</i>		2 636	100,0

Частично проблема роста квалификации ИТР и служащих решалась проведением курсов специального назначения. Так, в 1943 г. на заводе № 467 на таких курсах прошло обучение 115 человек [20, л. 212]. 24 августа 1943 г. директор завода № 467 А.Ф. Авербах издал приказ, которым предписывалось «провести аттестацию мастеров механических цехов завода, и для наиболее слабо технически подготовленных организовать техническую учебу по утвержденной мною программе». Приказом «в целях повышения технико-экономических знаний начальников цехов, отделов и их заместителей» директор потребовал «организовать две группы: одну для начальников и другую для заместителей [начальников] цехов и отделов, занятия проводить по утвержденной мною программе», занятия начать с 15 сентября 1943 года [22, л. 92].

30 сентября 1943 г. директор завода № 467 приказом № 455 утвердил расписание занятий с вышеназванными категориями руководителей [22, л. 125].

Те же процессы проходили в 1944 г.: на заводе № 467 на курсах целевого назначения был обучен 71 человек [21, л. 39]. На 1945 г. было намечено создание технического кабинета на заводе как центра популяризации и внедрения в производство технических достижений и технических новинок» [21, л. 55].

На заводе № 119 им. Маленкова в первом квартале 1944 г. было проведено два семинара с докладами на темы: «О роли мастера на производстве», «Главное и решающее в работе завода – повышение производительности труда», «Техническое нормирование и организация труда», «О технике безопасности» [4, л. 54].

Новым явлением в 1944 г. стало изучение вопросов экономики. По решению общего собрания завода № 467 об организации изучения вопросов экономики производства, «учитывая, что за время Отечественной войны к руководству цехов и отделов нашего завода выдвинуто значительное количество новых кадров», главный инженер С.И. Кадышев 14 декабря 1944 г. издал приказ об организации постоянно действующего семинара для хозяйственно-го актива по изучению конкретной экономики [23, л. 123].

На заводе № 119 работал семинар руководящих работников (начальники цехов, отделов, парторги, председатели цеховых комитетов, комсорги, мастера), на котором читались политические доклады и лекции на экономические темы. Кроме того, весь руководящий состав, принимавший участие в семинаре, был разбит на три группы, с которыми проводились теоретические собеседования.

В I квартале 1944 г. на семинарах были проведены лекции: «Главное и решающее в работе завода – поднятие производительности труда», «Техническое нормирование и организация труда», «Приказ товарища Сталина от 23 февраля 1944 г. и наши задачи», «Международное положение» [4, л. 19].

Партбюро завода № 119 11 ноября 1944 г., обсудив вопрос о состоянии качества выпускаемой заводом продукции, приняло решение провести в декабре заводскую партийно-техническую конференцию по качеству [4, л. 97].

На заводе № 466 для рабочих, кандидатов ВКП(б), партийно-хозяйственного актива, а также в помощь агитаторам и пропагандистам в 1944 г. была прочитана 101 лекция с охватом 10 737 человек. Лекции читались силами лекторов горкома партии и райкома ВКП(б); среди них было 13 лекций по вопросам конкретной экономики [4, л. 117].

Приближение окончания войны позволило перейти к другим формам обучения кадров. 16 февраля 1945 г. главный инженер завода № 467 С.И. Кадышев «в целях повышения квалификации мастеров механических цехов завода» приказал организовать постоянно действующие курсы мастеров с отрывом от производства. В первую очередь для обучения были выделены 7 человек. Начальникам цехов было предписано освободить их от всякой работы на период обучения с 16 по 28 февраля 1945 года [24, л. 38].

На заводе № 21 основной формой обмена опытом в конце войны стало издание ежемесячного «бюллетеня технической информации». Бюллетень служил для передачи опыта внедрения технических новинок в цехах завода, а также для информации работников завода о технических достижениях на других заводах СССР и за границей.

Всего за два года было издано 23 номера, из них 10 в 1946 году. Каждый номер, размноженный светокопировальным способом в 50–60 экземплярах, рассылался по цехам завода. В порядке обмена опытом «бюллетень» направлялся некоторым предприятиям города Горького: заводам № 92, 112 и автозаводу.

В выпуске «бюллетеня» участвовало значительное количество инженерно-технических работников и стахановцев завода (50–60 человек), в том числе главный инженер, главный технолог, главный металлург, начальник заводской лаборатории, начальники цехов и отделов, начальники технических отделов цехов и т. д. [5, л. 69].

Все эти меры позволили в той или степени решить кадровые проблемы, что видно на примере центральной лаборатории (ЦЗЛ) завода № 467, организованной в период Великой Отечественной войны. Основные кадры ЦЗЛ – это бывшие выпускники ремесленного училища, которые были прикреплены к отдельным лабораториям и в зависимости от назначения последних прорабатывали соответствующую теорию и практику. За время войны эти люди выросли в серьезных работников лаборатории. Из 39 сотрудников ЦЗЛ инженеров было 6 человек, техников четверо, 7–8 окончили среднюю школу, остальные имели начальное образование. С этим составом коллектив вполне справлялся с поставленными перед ним задачами [6, л. 47–48].

Таким образом, документы свидетельствуют, что с началом войны обострился кадровый дефицит среди инженеров и руководителей на заводах авиапромышленности, предприятия вынуждены были искать замену ушедшим на фронт и переведенным на другие участки работникам, выдвигать и обучать новые кадры. Для этого применялись самые разные формы: технические конференции, пропаганда передового опыта в печати, лекции, семинары, техническая учеба. С течением времени эти процессы совершенствовались, практиковалось повышение квалификации с отрывом от производства. Опыт подготовки инженерно-технических и руководящих кадров авиазаводов Горьковской области в период Великой Отечественной войны – наглядный пример удачного использования внутренних кадровых резервов предприятий.

Список литературы

1. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 2926.
2. ГОПАНО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 2928.
3. ГОПАНО. – Ф. 3321. – Оп. 1. – Д. 2.
4. ГОПАНО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 3383.
5. ГОПАНО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 5659.
6. ГОПАНО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 5074.
7. ГОПАНО. – Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 311.
8. ГОПАНО. – Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 315а.
9. ГОПАНО. – Ф. 1985. – Оп. 1. – Д. 23.
10. ГОПАНО. – Ф. 2410. – Оп. 1. – Д. 3.
11. ГОПАНО. – Ф. 2410. – Оп. 1. – Д. 33.
12. ГОПАНО. – Ф. 2410. – Оп. 1. – Д. 34.
13. ГОПАНО. – Ф. 4387. – Оп. 1. – Д. 1.
14. ГОПАНО. – Ф. 4387. – Оп. 1. – Д. 3.
15. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). – Ф. 2066. – Оп. 7. – Д. 3.
16. ЦАНО. – Ф. 2066. – Оп. 7. – Д. 24.
17. ЦАНО. – Ф. 6218. – Оп. 1. – Д. 11.
18. ЦАНО. – Ф. 6218. – Оп. 1. – Д. 18.
19. ЦАНО. – Ф. 6218. – Оп. 1. – Д. 22.
20. ЦАНО. – Ф. 6218. – Оп. 1. – Д. 29.

21. ЦАНО. – Ф. 6218. – Оп. 1. – Д. 36.
22. ЦАНО. – Ф. 6218. – Оп. 2. – Д. 6.
23. ЦАНО. – Ф. 6218. – Оп. 2. – Д. 8.
24. ЦАНО. – Ф. 6218. – Оп. 2. – Д. 10.

**TRAINING OF ENGINEERS AND HEADS
OF AIRCRAFT FACTORIES OF THE USSR
IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
OF 1941–1945 (ON MATERIALS OF GORKY AREA)**

Kalmykov Ivan Alexeevich

Doctoral Student, Department of Russian History and Politics,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
i-kalmykov@yandex.ru
Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. In article analyzes the personnel policy of the management of the soviet aviation industry during the Great Patriotic War on the example of Gorky region plants. The main attention is paid to an assessment of efficiency of formats of works on industrial personnel training in the conditions of the wartime, to features of personnel movement engineering and executives. In work earlier not published party and economic documents of aircraft factories are used.

Key words: aircraft factory, personnel, production, study, Great Patriotic War.

УДК 94(470+571)/(510)“1969”

ББК 63.3(2)633-64

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА
НА о-ве ДАМАНСКИЙ В МАРТЕ 1969 г.
В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЗДАНИЙ**

Каменская Екатерина Владимировна

Кандидат исторических наук,

доцент кафедры общей и экономической истории

Уральского государственного экономического университета

ekam82@yandex.ru

ул. 8 Марта, 62, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа информационного освещения советско-китайского конфликта 1969 г. на о-ве Даманский в разных газетных изданиях СССР центрального и регионального уровня. В ходе работы сравнивались источники информации, используемые жанры, лексический состав заголовков статей, фотоиллюстрации и др. Основной акцент был сделан на выявлении общего и особенного в подаче материала по проблеме.

Ключевые слова: советско-китайский конфликт, остров Даманский, советская пресса, СССР, внешняя политика СССР.

Советско-китайский конфликт 1969 г. на о-ве Даманский в 2000–2010-е гг. стал привлекать внимание отечественных исследователей [1; 3; 10–12; 14–17 и др.]. В советский период он не подвергался развернутому анализу, многие вопросы, касающиеся военной и дипломатической сторон конфликта, до сих пор остаются без ответа и требуют привлечения новых источников. В предлагаемой статье представлены результаты сравнительного анализа информационного освещения указанного пограничного конфликта в разных газетных изданиях СССР, основной акцент сделан на выявлении общего и особенного в подаче материала по проблеме.

Кратко осветим ход пограничного конфликта. 2 и 14–15 марта 1969 г. произошли советско-китайские вооруженные столкновения в районе острова Даманский. Подобных вооруженных конфликтов советская граница не знала со времен Второй мировой войны. В современной российской историографии события в общих чертах описываются следующим образом. Китайская сторона заранее готовилась к боевым действиям [23, с. 431–433]. 2 марта 1969 г. китайские вооруженные отряды перешли советско-китайскую границу и попытались захватить о-в Даманский. Вышедший им навстречу с целью объяснений погранотряд был расстрелян в упор. Прибывшие в качестве подкрепления советские пограничники к середине дня отеснили китайцев с острова. В ходе этого боя погибло 32 советских пограничника, ранения различной степени тяжести получили около 20 пограничников. Потери китайской стороны – до 248 солдат и офицеров [16, с. 35–37]. Попытка захвата острова была возобновлена 14–15 марта. Однако в этот раз китайская сторона, учтя опыт предыдущего боя, была лучше укомплектована и предусмотрела различные варианты советской обороны. Ситуация осложнилась настолько, что советские пограничники были вынуждены покинуть остров. В ход были пущены танки, а когда стало ясно, что этого не хватит, – реактивная артиллерия. В итоге атаки китайской стороны были отбиты и больше не возобновлялись. Число погибших с советской стороны составило 28 человек, раненых – 42 [16, с. 73–74].

При освещении событий на о-ве Даманский разные советские издания использовали свои специфические особенности. «Правда» – главная общественно-политическая газета страны – осторожно и однообразно представляла читателям данный вопрос. Треть материала, относящегося к советско-китайскому конфликту, составляло «мнение советской общественности»: отчеты о митингах трудящихся, письма советских граждан. Почти 40 % занимали «отклики иностранной печати на вылазку китайских авантюристов». И только четверть составляли репортажи с мест событий, публицистические заметки, информационные сообщения и пр. Очень скупа была эта газета на количественные данные о боях.

Заголовки к статьям, затрагивающим советско-китайский конфликт, в «Правде» были однотипны. Несколько вариаций слов «китайский», «пекинский», «советский», «провокаторы», «авантюризм», «осуждение», «гнев», «отпор» составляли основу журналистского лексикона. Исключением были немногочисленные заметки и репортажи специальных корреспондентов, публицистические статьи, язык которых был разнообразнее. Критика политики «клики Мао» в теоретических статьях выдерживалась в привычном для читателя тоне, создавая впечатление, что ничего кардинально нового в отношениях двух стран не произошло. Более серьезные обвинения в адрес КНР звучали лишь в откликах трудящихся.

В стиле текстовых публикаций в «Правде» шли и фотоиллюстрации. Их количество было ограничено, а сюжеты имели очень жесткие рамки. Отсутствовали фотографии тел погибших советских пограничников, их похорон. За весь март 1969 г. в «Правде» было напечатано лишь несколько нейтральных по характеру фотографий пограничников, проходивших службу на Дальнем Востоке. И только один раз появились официальные снимки четырех военнослужащих, которые получили после боев звание Героев Советского Союза, двое из них посмертно [13, с. 1].

По образцу «Правды» подавала информацию о советско-китайском конфликте «Советская Россия». Точных данных по событиям на границе было достаточно мало, ключевой являлась героическая тема. Соотношение собственных материалов и тасовской информации составляло 1 : 2, следовательно, публикации выдерживались в официальном духе. Оригинальными были только заметки с пограничных районов Дальнего Востока и очерки о героях боев. Фотоиллюстрации были нейтральными, а те, которые могли породить у читателей грустные чувства, сглаживались комментариями [18, с. 3].

При освещении событий на о-ве Даманский выделялся «Труд». Во-первых, эта газета уделяла достаточно большое внимание советско-китайскому конфликту, при том что ее специализация не имела непосредственного отношения к внешнеполитическим проблемам. Во-вторых, соотношение оригинальных пуб-

ликаций и тассовской информации составляло в этом издании 2 : 3. При публикации отчетов с митингов советских граждан поднимались проблемы внутренней политики китайского руководства, влияния советско-китайских отношений на события на Ближнем Востоке и т. д. Разнообразны и красочны были очерки о героях-пограничниках. Существенно отличался многочисленный фоторяд. К примеру, к напечатанным в нескольких изданиях последним фотографиям Н. Петрова, сделанным за несколько минут до гибели отряда И. Стрельникова, «Труд» добавил снимок личного документа фотографа, обгащенный кровью [19, с. 3]. Даже сообщение о награждении четырех пограничников званиями Героя Советского Союза в этом издании сопровождалось оригинальными фотоснимками. Но стоит отметить, что если подача материала была более живой и разнообразной, то сам материал вполне укладывался в установленные рамки.

Отличалась при подаче «китайского материала» и «Литературная газета». В публикациях первого после начала пропагандистской кампании номера издания подробно описывалось добывание китайскими солдатами раненых советских пограничников, приводились слова участников боев, родственников убитых военнослужащих, трагически описывались похороны. Кроме перепечатки уже знакомых читателю по «Правде» фотографий пограничников газета разместила несколько фотографий с похорон погибших военнослужащих, снимки раненого офицера, обезображенного тела советского пограничника [6, с. 15]. По размещенным фотографиям можно было составить представление о количестве погибших 2 марта: на фотографии памятника значилось 20 имен [6, с. 15]. В следующем номере была размещена большая фотография погибшего старшего лейтенанта И. Стрельникова с детьми, под которой шло стихотворение Е. Евтушенко «На красном снегу уссурийском» [7, с. 12]. Такие текстовые и фотоматериалы имели сильный психологический эффект, давали пищу для размышления, подчас шокируя читателя, провоцируя гнев. Однако необходимо отметить, что тираж данного издания значительно уступал крупнейшим центральным изданиям («Правде», «Известиям», «Труду» и др.).

Словарный состав заголовков имел в «Литературной газете» определенные отличия, но, с другой стороны, редакционные статьи, отчеты о выступлениях советских писателей в ответ на китайские действия сочетались со стилистикой «Правды» («Позор пекинским правителям!», «Позор провокаторам из Пекина» и т. д.). В последующих номерах издания информационные акценты были смещены – на первый план вышла критика внутренней политики Мао Цзэдуна, давно проводимая в газете. Целая полоса отводилась перепечатке в сокращении книги «Человек, бог или сфинкс. Политический портрет Мао Цзэдуна», вышедшей на Цейлоне [8, с. 13; 9, с. 13]. Эту публикацию сопровождали 4–5 фотографий, иллюстрирующих перегибы «культурной революции» в Китае и насаждение культа личности Мао Цзэдуна.

Вполне закономерно, что имелись отличия в освещении советско-китайского конфликта у «Красной звезды», центрального печатного органа Минобороны. Старт информационной кампании здесь, как и в других изданиях, был дан лишь 8 марта 1969 г., то есть спустя почти неделю после первого боя. Но затем рассматриваемая тема стала одной из главных в газете. Это выразилось, в частности, в том, что уже после первого инцидента на о-ве Даманский передовые статьи были посвящены советско-китайским противоречиям [4, с. 1; 5, с. 1]. Однако в целом формы подачи материала соответствовали общим тенденциям. Информационных сообщений, цифровых данных и подробностей пограничных боев было фактически столько же, сколько в других центральных газетах страны. Специфика издания выражалась в том, что, во-первых, авторами откликов выступали либо отдельные военные, либо целые воинские части. Во-вторых, одной из ключевых в публикациях стала проблема повышения бдительности при несении военной службы, особенно на таких сложных участках, как советско-китайская граница. В-третьих, газета демонстрировала широкий оригинальный фоторяд. Стоит отметить, что «Красная звезда» была тем редким изданием, в котором число погибших в боях 2 марта было указано несколько раз.

Региональная пресса в ходе советско-китайского конфликта активно участвовала в информационно-пропагандистской ра-

боте, повторяя стиль центральных изданий. Рассмотрим ее работу на примере газет Свердловской области. В «Уральском рабочем», печатном органе обкома КПСС, и в крупнейших городских изданиях области публиковались все официальные сообщения по этой проблеме, перепечатывались ключевые статьи «Правды», отклики зарубежной печати, заметки под рубрикой «События в Китае». С одной стороны, практика повторения материалов центральной печати позволяла знакомить с ними широкие слои населения области. С другой стороны – читатели хотели получать новую информацию, а не перечитывать то, что вчера вышло в центральных изданиях. Как и в центральной прессе, начиная с 8 марта 1969 г. ежедневно публиковались отклики советского населения на пограничные бои. Здесь использовался в подавляющем большинстве местный материал: была представлена вся Свердловская область, печатались письма в газеты жителей региона.

Активно использовалась героическая тема. К примеру, в «Вечернем Свердловске» была напечатана заметка о свердловском военнослужащем, который после вооруженных столкновений попросил отправить его «на самый трудный участок советской дальневосточной границы» [2, с. 3]. Журналисты подробно описали его семью, ее военные и трудовые традиции, показав, что и среди жителей области есть свои герои. Большое внимание к проблеме проявил «Тагильский рабочий» (г. Нижний Тагил). Издание крупного города, специализирующееся на выпуске военной продукции, не могло пройти мимо пограничных боев.

В ходе анализа печатных изданий были выделены и общие закономерности в изложении материала по рассматриваемой проблеме. Во-первых, во всех ежедневных изданиях было одинаковое расположение материала, касающегося советско-китайского конфликта. На первой полосе, занимая значительное место, шли сообщения о митингах трудящихся, «клеящих позором китайских провокаторов». А информационные сообщения или заметки имели малый объем и редко попадали на передовицу. Очерки о героях часто располагались на последней странице газет рядом с рубриками «Физкультура и спорт», «Погода» и т. д.

Во-вторых, в публикациях газет не было пессимизма, скорби, попыток выяснить причины жертв со стороны военнослужащих СССР и т. д. На первый план выходили боевой настрой и гордость за армию. Во всех изданиях активно использовались заголовки-лозунги с восклицательным знаком на конце («Будем бдительны!», «Не позволим посягать на рубежи Родины!», «Не выйдем!»). Конечно, были и исключения, такие как, к примеру, публикации в «Литературной газете» 12 и 19 марта [6, с. 12–13; 7, с. 12–13].

В-третьих, полная картина советско-китайского конфликта марта 1969 г. не была доступна рядовому читателю даже при чтении нескольких газет. Примечательно, что при освещении войны во Вьетнаме советские граждане каждые 3–4 дня узнавали последние данные о количестве сбитых американских самолетов, погибших и раненых в ходе боев, могли увидеть многочисленные фотографии.

В случае с боями на о-ве Даманский печать не изобиловала количественными данными, развернутыми подробностями, анализом сложившейся ситуации. В частности, это относилось к числу погибших пограничников. В советской прессе их поименный список не был опубликован, а в заметках и сообщениях цифровые данные не фигурировали. Единственной публикацией с указанием количества погибших, представленной во всех крупных изданиях, остались материалы пресс-конференции МИД СССР. В заявлениях советского правительства всегда присутствовала лишь сухая констатация произошедших вооруженных столкновений. Описание боев было поверхностным, основной акцент делался на героизм советских пограничников. Вооружение и тактика боя китайской стороны прорисовывались в прессе более четко.

Газеты были основным источником сведений по пограничному конфликту с КНР, и имеющейся в них информации явно не хватало. Событиям на о-ве Даманский была посвящена череда собраний трудовых коллективов, на которых население активно задавало вопросы и высказывало свое мнение по поводу конфликта. Анализ материалов Свердловской области показывает, что треть вопросов на собраниях была посвящена прояснению обсто-

ательств вооруженного столкновения. Население интересовало все: от общего числа участников боя, видов вооружений, используемых советскими войсками, до таких простых фактов, как местонахождение о-ва Даманский и его площадь. На всех собраниях были заданы вопросы о числе погибших и раненых китайцев [20, л. 10, 38; 21, л. 34], причем население интересовалось и причиной закрытости данной информации [20, л. 38]. Вызывали вопросы разногласия в данных, указываемых в печати и в ходе пресс-конференции. В частности, люди хотели выяснить, участвовали ли в ходе боя бронетранспортеры, как указывалось во всех газетах, или нет, как сказал на пресс-конференции заместитель начальника Пограничных войск СССР генерал-лейтенант П.И. Ионов [20, л. 75, 111, 125; 21, л. 17; 22, л. 7]. Жители различных населенных пунктов спрашивали, нет ли их земляков среди убитых и раненых пограничников [20, л. 37; 21, л. 62].

Таким образом, сравнительный анализ информационного освещения советско-китайского конфликта на о-ве Даманский в центральных и региональных изданиях обнаруживает существование отличий в изложении материала. Ключевой причиной этого являлась специфика отдельных советских газет, таких как «Труд», «Литературная газета», «Правда» и др., при подаче внешнеполитической информации, ориентация на разную аудиторию. Однако, несмотря на определенную вариативность, всем изданиям были присущи общие черты, характеризующие основную линию пропагандистской кампании вокруг пограничных событий. Стремясь сохранить статус-кво в отношениях с Китаем, советское руководство избегало жестких официальных оценок действий Пекина. Основу информационного освещения конфликта составляли материалы о собраниях и митингах граждан, коллективные и индивидуальные письма в газеты, отклики зарубежной печати, то есть взгляд со стороны. Важная роль отводилась героической теме. Подробности столкновений не тиражировались в прессе. При огромном внимании советской печати к различным локальным конфликтам современности вооруженный конфликт в рамках СССР остался закрытым для советских граждан. По причине слабой информированности из официальных источников советско-китай-

ский конфликт породил огромное количество слухов и мифов, существующих и сегодня.

Список литературы

1. Бубенин, В. Кровавый снег Даманского / В. Бубенин. – М. : Жуковский, 2004. – 192 с.
2. Вечерний Свердловск. – 1969. – 12 марта.
3. Евсеев, С. А. Американские источники по советско-китайским пограничным столкновениям 1969 г. / С. А. Евсеев // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 6. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 435–443.
4. Красная звезда. – 1969. – 9 марта.
5. Красная звезда. – 1969. – 13 марта.
6. Литературная газета. – 1969. – 12 марта.
7. Литературная газета. – 1969. – 19 марта.
8. Литературная газета. – 1969. – 26 марта.
9. Литературная газета. – 1969. – 2 апр.
10. Лободюк, Н. Л. Остров Даманский : интервью, воспоминания, фотографии / Н. Л. Лободюк. – М. : Граница, 2014. – 224 с.
11. Мусалов, А. Даманский и Жаланашколь 1969 / А. Мусалов. – М. : Цейхгауз, 2005. – 40 с.
12. Петров, А. И. Инциденты на советско-китайской границе в некоторых документах американской дипломатии (март – сентябрь 1969 г.) / А. И. Петров // Россия и АТР. – 2008. – № 1. – С. 65–74.
13. Правда. – 1969. – 22 марта.
14. Рябушкин, Д. С. Мифы Даманского / Д. С. Рябушкин. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. – 400 с.
15. Рябушкин, Д. С. Остров Даманский. 2 марта 1969 года / Д. С. Рябушкин // Вопросы истории. – 2004. – № 5. – С. 148–152.
16. Рябушкин, Д. С. Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969 г. / Д. С. Рябушкин. – М. : Русские Витязи, 2015. – 172 с.
17. Рябушкин, Д. С. Чем завершились события на острове Даманском / Д. С. Рябушкин // Вопросы истории. – 2005. – № 12. – С. 168–170.
18. Советская Россия. – 1969. – 26 марта.
19. Труд. – 1969. – 11 марта.
20. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 73. – Д. 103.
21. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 73. – Д. 104.

22. ЦДООСО. – Ф. 161. – Оп. 42. – Д. 25а.

23. Широкоград, А. Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество / А. Б. Широкоград. – М. : Вече, 2004. – 446 с.

**PRESENTATION OF THE SINO-SOVIET CONFLICT
ON DAMANSKIY ISLAND IN MARCH 1969
IN THE SOVIET PRESS: COMPARATIVE ANALYSIS**

Kamenskaya Ekaterina Vladimirovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,

Department of General and Economic History,

Ural State Economic University

ekam82@yandex.ru

8 Marta St., 62, 620144 Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the presentation of the Soviet-Chinese conflict in 1969 on Damanskiy island in different newspapers of the USSR (central and regional level). The author compared sources of information, genres, lexical composition of titles of articles, photo illustrations and others. The main focus was on identifying the general and the particular in the different newspapers.

Key words: Soviet-Chinese conflict, Damanskiy island, the Soviet press, the Soviet Union, the Soviet Union's foreign policy.

УДК 93/94

ББК 63.3(2Рос-4Вор)

ОСОБЕННОСТИ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1942–1943 гг.)¹

Кринко Евгений Федорович

Доктор исторических наук,
директор Института социально-экономических
и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН
krinko@mail.ru
просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Предметом статьи является нацистская оккупация сельских районов Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны. Автор рассматривает сложившуюся в них систему управления, основные цели и направления политики захватчиков и ее итоги. На основе анализа уже опубликованных и архивных документов, а также современной историографии автор делает выводы об особенностях оккупации сельских районов Сталинградской области (1942–1943).

Ключевые слова: оккупация, Сталинградская область, донское казачество, коллаборационизм, сопротивление.

Нацистская оккупация советских территорий относится к наиболее дискуссионным проблемам историографии Великой Отечественной войны. Советские историки характеризовали террор оккупантов против мирных жителей и советских военнопленных, грабеж захваченных районов, нанесенный им материальный ущерб. В то же время недостаточно внимания уделялось специфике оккупации отдельных областей, системе управления и различным направлениям оккупационной политики, повседневной

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

жизни советского населения на захваченной территории [6]. Все это в полной мере относится и к оккупации сельских районов Сталинградской области. Только в последние годы она нашла отражение в ряде работ, важнейшими из которых являются монография и кандидатская диссертация Т.А. Павловой [3; 9; 10 и др.]. Она впервые в отечественной историографии поставила вопрос о трагедии гражданского населения Сталинграда и Сталинградской области в условиях одного из решающих сражений Великой Отечественной войны. Тем не менее выявление особенностей оккупации сельских районов Сталинградской области по-прежнему остается перспективной исследовательской задачей.

Следует отметить, что еще до начала Великой Отечественной войны нацистское руководство предполагало создать на захваченной территории СССР несколько рейхскомиссариатов. На территории от Азовского моря до АССР немцев Поволжья планировалось создание рейхскомиссариата Дон – Волга (в немецких официальных документах *Dongebiet* – земли, примыкающие к Дону). Административным центром предполагалось сделать Ростов-на-Дону. На пост рейхскомиссара Альфред Розенберг выдвигал Дитриха Кляггеса, главу правительства Брауншвейга. Затем эти территории было решено включить в состав рейхскомиссариата «Украина» [4, с. 118, 123].

Весенне-летняя кампания 1942 г. на южном участке советско-германского фронта вызвала новую волну проектов административных преобразований на захваченных территориях СССР [5]. Министр по делам оккупированных восточных областей Розенберг в письме Гитлеру 29 июля 1942 г. изложил новый план территориально-политического устройства оккупированных советских областей. В частности, планировалось создать рейхскомиссариат между Украиной, Кавказом и Уралом, включив в него Ростовскую, Сталинградскую, Воронежскую и Саратовскую области. В качестве генерального комиссара Сталинграда предлагался обергруппенфюрер СС С.А. Бенке [11, с. 209–210].

Однако из 74 сельских районов Сталинградской области в 1942 г. противнику удалось захватить лишь небольшую их часть. В справке об оккупации немецко-фашистскими захватчиками го-

рода Сталинграда и Сталинградской области, составленной Сталинградской областной комиссией содействия работе Чрезвычайной государственной комиссии, указано 16 районов, включая Малодербетовский и Сарпинский, переданные из ликвидированной Указом Президиума Верховного Совета СССР 27 декабря 1943 г. Калмыцкой АССР. Без них остается 14: Клетский (частично), Сиротинский (частично), Перелазовский, Чернышковский, Тормосиновский, Кагановичский, Нижне-Чирский, Серафимовичский, Котельниковский, Красноармейский (частично), Верхнекурмоярский, Калачевский, Городищенский и Ворошиловский районы [14, л. 2]. Этот перечень районов приводится в большинстве публикаций, в том числе в фундаментальном справочном труде, посвященном Сталинградской битве [12, с. 419]. Но Т.А. Павлова добавляет к ним еще Черноярский район, ссылаясь на документы архива Управления ФСБ России по Волгоградской области и Центра документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО) [10, с. 298]. Однако в указанном деле в ЦДНИВО хранятся другие документы. В справочных изданиях указывается, что Черноярский район не был в оккупации [12, с. 666].

Все захваченные районы Сталинградской области были объединены в оккупационный округ, за который отвечал 1-й квартирмейстер штаба 6-й армии фон Верен [12, с. 419]. В 1939 г. здесь проживали 256 тыс. чел., в основном казаки. К началу войны численность жителей возросла за счет естественного прироста, но в 1941 г. сократилась вследствие мобилизации, отчасти компенсированной прибытием эвакуированных жителей из западных регионов. Исследователи полагают, что всего к началу оккупации в 690 населенных пунктах захваченных противником районов Сталинградской области проживало не менее 150 тыс. человек [10, с. 291, 301].

Находясь в непосредственной близости от линии фронта, данные районы, как и другие оккупированные территории РСФСР, оказались в военной зоне управления. Здесь не было создано немецкой гражданской оккупационной администрации, вся полнота власти принадлежала немцам (в ряде населенных пунктов – румынским) военным комендатурам. Военные коменданты отвечали не только за традиционный для них круг вопросов – охрану

территорий, расквартирование и снабжение войск вермахта и его союзников, обеспечение порядка, выполнение приказов командования. Они также вели контрразведывательную работу по выявлению советских диверсантов и враждебно настроенных к оккупантам лиц, насаждали собственную агентуру, проводили регистрацию населения и его мобилизацию на работы, организовывали сбор оружия и другого имущества, формировали вспомогательную полицию и гражданские административные учреждения, выполняли другие полномочия.

Военные комендатуры контролировали деятельность сельскохозяйственных комендатур, которые подчинялись штабам группы армий «А», 6-й армии вермахта и непосредственно ее 2-му квартирмейстеру [12, с. 419]. Их задачей являлось снабжение войск за счет местных ресурсов, организация сельскохозяйственных работ, хранение сельскохозяйственной продукции. В свою очередь сельскохозяйственные комендатуры контролировали работу сельских общин.

В сельских оккупированных районах Сталинградской области также действовало немало германских полицейских, контрразведывательных и других спецслужб. В документах нередко упоминается о создании и деятельности гестапо. В частности, в докладной записке начальника УНКВД по Сталинградской области комиссара госбезопасности 3-го ранга А.И. Воронина указывалось, что в Тормосиновском районе отделение гестапо «начало свою деятельность с ноября 1942 г., то есть по истечении 4 месяцев со дня оккупации района и подчинялось Н-Чирскому отделу гестапо. За время оккупации района отделение развернуло широкую вербовочную работу, создавая агентурную сеть среди всех слоев населения» [15, л. 53]. Однако сферой деятельности гестапо (*Geheime Staatspolizei* – тайной государственной полиции) являлась территория Третьего рейха, поэтому, возможно, в данном случае имеются в виду служба безопасности (СД), ГФП (*Geheime Feldpolizei* – тайная полевая полиция), полевая жандармерия или какие-то другие германские спецслужбы.

Как правило, через несколько дней после захвата населенного пункта в нем проводились выборы старосты. Там, где избрать

старосту не удавалось, он был назначен комендантом. Районную управу возглавлял районный староста или шеф района, городскую – городской староста или бургомистр. Военные коменданты направляли и контролировали работу сельских, районных и городских органов самоуправления, получавших от них инструкции по всем важнейшим вопросам и каждую субботу докладывавших о ходе уборки урожая, обеспечении немецких войск продовольствием и другим вопросам.

Во всех населенных пунктах были сформированы участки вспомогательной полиции. Количество полицейских зависело от численности населения, составляя от нескольких человек в небольших хуторах до десятков человек в крупных станицах и селах. Полицейские носили гражданскую одежду, а их отличительной чертой являлась белая повязка на рукаве. Каждому выдавался документ – свидетельство, подписанное комендантом и старостой. Оружие выдавалось в случае необходимости по специальному разрешению коменданта. Полиция охраняла органы власти и другие объекты, проводила обыски, аресты и облавы, выполняла указания комендантов и старост. Все сотрудники органов власти и полиции получали фиксированную зарплату: полицейские – 300 руб., начальник полиции – 650 руб., агроном – от 350 до 850 руб. в месяц [8, с. 17].

Оккупанты обычно сохраняли сложившуюся административно-территориальную систему, но при необходимости меняли границы районов, вводя дореволюционные волости. Так, в Ворошиловском (в настоящее время – Октябрьский) районе, включавшем до войны 21 сельский совет, административным центром «была волостная управа в селе Аксай. Во главе ее стоял старшина <...> и два его заместителя. <...> Выборы волостной управы проводились путем насильственного сбора населения румынскими солдатами». В состав волости входили 32 сельские управы [8, с. 22]. А Клетский район был разделен на две части, управление которыми находилось в Евстратовском хуторе (к нему относились станица Распопинская, Верхне-Саломаковский, Головской, Селивановский и другие хутора) и Сухановском хуторе Кагановичского района (Нижняя и Верхняя Бузиновки, Майоровский, Ерик

и другие хутора). В каждой из этих частей была создана сельскохозяйственная комендатура. Крупными центрами управления стали станица Нижне-Чирская, поселок Котельниково и хутор Тормосин. Так, в станице Нижне-Чирской, помимо уже упомянутого отделения гестапо, располагались военная и сельскохозяйственная комендатуры, бюро пропаганды, окружное отделение службы безопасности с отделением на хуторе Демкине, комендатура полевой жандармерии, а также управления районного и станичного старост, комендатура районной вспомогательной полиции при полевой жандармерии и станичная полиция [15, л. 19].

В первые же дни оккупации проводилась регистрация населения, в ходе которой выявлялись евреи и коммунисты. Каждый еврей должен был носить на одежде отличительный знак в виде шестиконечной желтой звезды. Приказы коменданта запрещали жителям пускать на квартиру других людей без проверки, укрывать военнопленных и других подозрительных лиц. За нарушение порядка виновным угрожал расстрел. Был установлен строгий пропускной режим: жителям запрещалось перемещаться без разрешения из села в село, для этого требовался специальный пропуск, выдававшийся комендатурой, на расстояние не более 7 км. Время хождения было установлено с 6 часов утра до 6 часов вечера (в другом документе указано с 5 часов утра до 8 часов вечера [8, с. 24]). Лица, задержанные до или после указанного времени или отлучившиеся из населенного пункта без пропуска, считались партизанами и подлежали расстрелу. Расстрелу также подлежали лица, уклонявшиеся от регистрации населения, не сдавшие оружие и не выполнявшие приказы комендантов.

Для населения в возрасте с 16 до 50 лет была установлена трудовая повинность. От нее были освобождены инвалиды 1-й и 2-й групп, женщины с детьми до 5 лет, тяжелобольные, имевшие справки от врача. За отказ от работы следовало суровое наказание, вплоть до расстрела. Трудоспособные жители использовались в сборе оружия, строительстве оборонительных рубежей, ремонте дорог. Для заготовки топлива и других работ широко использовались и эвакуированные, при этом им выдавалось по 400 г хлеба, а их иждивенцам – по 300 г хлеба в день [8, с. 17].

Согласно документам сельское население было обложено натуральными налогами: «...печеный хлеб, мясо, яйца, молоко, тарелки, ложки, чашки, ножи и вилки, стаканы и стекло и прочее. Хозяин или хозяйка каждый месяц должны были сами приносить все перечисленные виды продуктов в таком количестве, которое требовалось управе. Каждый дом облагался налогом стекол, кирпичей и домашней утвари: есть четыре окна – два заложы, а из двух стекло принеси в управу. Предприятия совершенно не работали, рынков и базаров не было. Торговля велась не за деньги, а за продукты (нелегальная) – немец приносил хозяйке рыбу, пудру, а она давала яйца и другие продукты» [12, с. 23].

Оккупанты широко пропагандировали роспуск колхозов и передачу земли в частную собственность [2, л. 2]. Но в реальности колхозы в оккупированных районах Сталинградской области продолжали работать, поскольку оккупанты были заинтересованы в стабильности сельскохозяйственных поставок. При этом часть председателей работала в прежних должностях до освобождения области. Населению разъяснялось, что задержка роспуска колхозов является временной мерой в связи с близостью фронта, в более глубоком тылу колхозы распущены, земля и инвентарь розданы крестьянам в личное пользование.

Особое внимание уделялось предотвращению инфекционных заболеваний, в первую очередь из-за опасений распространения эпидемий среди военнотружущих вермахта. Эти вопросы находились под особым контролем немецких спецслужб, регулярно собиравших сведения об инфекционных заболеваниях в районах. Заболевшие жители «во избежание контактирования их с солдатами и офицерами германской армии» немедленно отправлялись в глубокий тыл [12, с. 16].

В уже упоминавшейся докладной записке комиссара госбезопасности 3-го ранга А.И. Воронина указывалось, что школы, библиотеки, избы-читальни и другие культурно-просветительские учреждения во время оккупации не работали. Районные и сельские библиотеки в селе Аксай, станице Верхне-Курмоярской и ряде других населенных пунктов были разгромлены, книги выброшены, часть сожжена, а часть унесена жителями. Кино-

установки и радиоустановки уничтожены. Газет в оккупированных сельских районах Сталинградской области не издавалось, за исключением выпускавшейся два раза в неделю комендантом села Котельниково газеты «Котельниковская правда» [15, л. 31]. Однако в станице Нижне-Чирской был открыт кинотеатр. Бюро пропаганды организовало выпуск газеты «Новое время», распространяло «ряд контрреволюционных фашистских брошюр и иллюстрированных журналов», содержание которых было направлено на восхваление «мощи и непобедимости» германской армии [8, с. 21–22].

Все это свидетельствует о том, что оккупанты стремились привлечь на свою сторону местное население, особенно в казачьих районах. Оккупанты обещали казакам открыть церкви, раздать землю и скот, сделать их «вольным придонским казачеством, как оно жило и раньше» [2, л. 7]. Поощрялось возрождение религиозных традиций. Летом-осенью 1942 г. в Перелазовском (хутор Верхне-Черенский), Клетском (хутора Евстратовский, Платонов, Головский, Ореховский, Селивановский), Калачевском (село Мариновка, хутор Голубинский), Чернышковском (станция Обливская, Верхне-Гнутов), Тормосиновском (хутора Тормосин, Степано-Разинский) районах по инициативе оккупационных властей и румынских полковых священников открылись молитвенные дома. В Перелазовском районе при крещении детей в роли крестных нередко выступали румынские офицеры [7, с. 21].

Следует отметить, что часть антисоветски настроенных жителей действительно ожидала прихода оккупантов, надеясь с их помощью восстановить дореволюционные порядки, и не верила сообщениям советской пропаганды об их жестокости. По этой причине они отказывались от эвакуации и пошли на сотрудничество с оккупантами: «...все эти люди в большинстве были те, которые в прошлом, особенно до революции, до колхозного строительства были кулаками, зажиточными, знатными людьми этого казачества. Среди них имелась и интеллигенция, даже учителя, агрономы и другие профессии» [2, л. 7]. Некоторые прикладывали немалые усилия, «чтобы устроиться в учреждения оккупацион-

ной власти» [1, л. 7 об.]. Кроме того, с войсками вермахта в казачьи станицы «пришли отдельные люди, находившиеся за границей, которые рассчитывали получить здесь громадные наделы земли, инвентарь и прочие средства производства с тем, чтобы здесь стать помещиками. Это было в станице Н. Чирской, в хуторах Демкинском, Б. Солоновском» [2, л. 2].

В документах отмечалось: «Одной из особенностей на оккупированной территории Сталинградской области, и особенно в Ворошиловском районе, является то, что немцы не применяли террора к мирному населению и даже ответработникам. Они их или отпускали на нашу территорию, или эвакуировали за Дон, предварительно отобрав партдокументы, или оставляли на своем месте жительства. Немецкая жандармерия стала перевоспитывать <...> мирных жителей». В этих целях предпринимались различные мероприятия, особенно для молодых людей: «Молодежь, особенно комсомольцы, через день должны были являться в жандармерию. В первую явку задавались вопросы: год рождения, замужем ли <...>, при вторичной явке – дали задание связать по паре носков и варежек для германо-румынских солдат с исключительной точностью» [8, с. 23].

Тем не менее оккупантам не удалось в полной мере добиться своих целей. Об этом свидетельствует возникновение сопротивления захватчикам, создание партизанских отрядов и подпольных групп, саботаж населением решений оккупационных властей (см.: [3]). Вскоре после захвата сельских районов, в конце лета – начале осени, были уничтожены евреи, среди которых было немало эвакуированных, а затем начались массовые репрессии и против остальных мирных граждан. Крайне тяжелым было положение советских военнопленных в лагерях на захваченной противником территории.

Провалом обернулась сельскохозяйственная политика оккупантов. Так, из 2 700 га в колхозе станицы Клетской было убрано всего 10 га, в Нижней Бузиновке из 1 350 га – 300 га, посеяно 85 га ржи, на хуторе Муковнинском из 800 га убрано 60 га, посеяно 40 га. Причины резкого снижения показателей сельскохозяйственного производства во многом объясняются значительным ухудшени-

ем его материально-технической базы, сокращением поголовья скота вследствие боевых действий и эвакуации, а также саботажем. Если в Клетском районе до оккупации было 2 548 коров, то осталось всего 662, молодняка из 3 246 осталось 230 голов, из 11 288 овец и коз осталось 431, из 3 298 свиней осталось 214, из 47 012 птиц осталось 3 479 [8, с. 15].

Многие немецкие и румынские военнослужащие занялись открытым грабежом населения и имущества учреждений, особенно в конце осени – начале зимы, когда их снабжение резко ухудшилось. В докладной записке Клетского райкома ВЛКСМ о результатах временной фашистской оккупации района говорилось: «Забирали все до детской игрушки, производили массовый грабеж, и в хуторах, откуда не выселялся народ, забирали все, что попадало на глаза. Там, где побывал фашистский сапог, весь народ выгонялся из домов. Колхозники поселились в землянке, а квартиры представлялись для “арийских господ”. Кроме того, из жилых домов строили блиндажи и наблюдательные пункты» [8, с. 15].

Перед отступлением оккупанты сжигали дома мирных граждан и здания учреждений, убивали сопротивлявшихся этому жителей. В результате станица Клетская была разрушена на 85–90 %, Распопинская – на 80–85 %, хутор Логовский – на 100 %. Всего в Клетском районе было разрушено 930 частных домов и 674 дома значительно повреждены, разрушено 150 животноводческих построек, 53 дома, в которых располагались детские ясли, 32 школьных здания, 21 изба-читальня, дом культуры и кинотеатр. Уничтожены 38 школьных библиотек, в которых имелось 23 тыс. томов книг. В районной библиотеке было уничтожено 12 тыс. томов, в педагогической библиотеке – 5 тыс. книг [8, с. 15]. С собой отступавшие оккупанты угоняли в тыл местных жителей. При этом лица, сотрудничавшие с противником, опасаясь восстановления советской власти, уходили с ними добровольно.

Общие итоги оккупации сельских районов Сталинградской области представлены в таблицах 1–2, основанных на данных справки, представленной Сталинградской областной комиссией содействия работе Чрезвычайной государственной комиссии.

Таблица 1

**Итоги оккупации сельских районов
Сталинградской области [13, л. 2]**

Районы	Дата начала оккупации	Дата освобождения	Количество актов	Сумма ущерба колхозам (тыс. руб.)
Клетский (частично)	13.07.1942	22.11.1942	34	135 122,5
Сиротинский (частично)	15.07.1942	1.01.1943	19	70 159,0
Перелазовский	22.07.1942	4.12.1942	24	83 249,2
Чернышковский	23.07.1942	2.01.1943	21	109 264,3
Тормосиновский	24.07.1942	1.01.1943	19	87 117,3
Кагановичский	24.07.1942	15.12.1942	35	159 551,9
Нижне-Чирский	26.07.1942	31.12.1942	38	145 295,9
Калачевский	27.07.1942	23.11.1942	38	148 561,0
Серафимовичский	1.08.1942	21.12.1942	34	141 526,6
Котельниковский	2.08.1942	29.12.1942	19	111 785,9
Ворошиловский	4.08.1942	24.11.1942	28	214 911,3
Верхнекурмоярский	5.08.1942	10.01.1943	24	138 173,2
Красноармейский (частично)	10.08.1942	1.01.1943	15	67 623,0
Городищенский	9.09.1942	25.01.1943	24	163 992,3

Таблица 2

**Установленные злодеяния, совершенные оккупантами
в отношении жителей сельских районов
Сталинградской области [14, л. 3 об. – 4]**

Районы	Расстреляно, повешено	Случаев насилия	Угнано	Погибло от бомбардировок и обстрелов
Клетский	7	50	8	
Сиротинский	14	74	3 327	23
Перелазовский	4	5		
Чернышковский	9	18		
Тормосиновский	57	88		
Кагановичский	2	115		
Нижне-Чирский	301	73	800	
Калачевский	32	23		
Серафимовичский	40	585	5 000	
Котельниковский	48	14	125	
Ворошиловский	411	95	36	20
Верхнекурмоярский	22	31	8	
Красноармейский	–	6		
Городищенский	38	38	8 379	
<i>Итого</i>	985	1 215	17 683	43

Таким образом, оккупация сельских районов Сталинградской области летом 1942 – в начале 1943 г. имела определенные особенности. Они были захвачены во время немецкого наступления в середине июля – начале августа (Городищенский район – в начале сентября) 1942 г. и освобождены в ходе советского контрнаступления в конце ноября – начале января 1943 года. Главными задачами оккупантов являлись обеспечение безопасности немецкого фронтового тыла и организация бесперебойного снабжения войск за счет местных ресурсов. В то же время они стремились активно привлечь к сотрудничеству местных жителей, прежде всего донских казаков, встретив поддержку среди некоторых из них. Однако уже сама близость линии фронта с ее высокой степенью насыщенности войсками вермахта и их союзниками, а также краткий срок оккупации, составлявший от 3,5 до 5,5 месяца, лишал перспектив программы нацистских преобразований на принципах «нового порядка». Большинство населения оккупированных сельских районов Сталинградской области воспринимало войска вермахта и его союзников как захватчиков и ожидало возвращения Красной армии.

Список литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-3423. – Оп. 3. – Д. 2.
2. ГАВО. – Ф. Р6088. – Оп. 1. – Д. 14.
3. Дубков, В. Н. Непокоренные. Партизанская и подпольная борьба на территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. / В. Н. Дубков. – Волгоград : Издатель, 2004. – 104 с.
4. Загорулько, М. М. Крах плана «Ольденбург» / М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков. – 3-е изд. – М. : Экономика, 1990. – 376 с.
5. Кринко, Е. Ф. Кавказская программа Розенберга как проект модернизации «восточной политики» Германии / Е. Ф. Кринко // *Authority and society (history, theory, practice)*. – 2011. – Vol. 2, N 4 (20). – P. 52–59.
6. Кринко, Е. Ф. Нацистская оккупация и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны: проблемы и перспективы изучения / Е. Ф. Кринко // *Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект : материалы Междунар. конф. (Псков, 10–11 дек. 2009 г.)*. – М. : Историческая память, 2010. – С. 22–31.

7. Мордвинов, С. В. Православное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1942–1943 годах / С. В. Мордвинов // Вестник Волгоградского университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2013. – Вып. 1 (23). – С. 21–22.

8. Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. – Волгоград : Перемена, 2008. – 60 с.

9. Павлова, Т. А. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации: июль 1942 г. – февраль 1943 г. : дис. ... канд. ист. наук / Павлова Татьяна Анатольевна. – СПб., 2007. – 245 с.

10. Павлова, Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Т. А. Павлова. – Волгоград : Перемена, 2005. – 593 с.

11. Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 2000. – 863 с.

12. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : энциклопедия. – 5-е изд., испр. и доп. – Волгоград : Издатель, 2012. – 800 с.

13. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 113. – Оп. 14. – Д. 11.

14. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 14. – Д. 13.

15. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 14. – Д. 306.

SPECIFICITY OF THE NAZI OCCUPATION OF STALINGRAD REGION'S RURAL DISTRICTS (1942–1943)

Krinko Evgeny Fedorovich

Doctor of Sciences (History),
Director, Institute of Social-Economic Research and Humanities,
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
krinko@mail.ru
Chekhova St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article studies the Nazi occupation of the rural districts of Stalingrad region during the Great Patriotic War. The author considers the system of administration, emerged there, as well as the main objectives and directions of the invaders policy and its results. Analysing of both published and archival documents, and modern historiography, the author comes to the conclusions about the specificity of the occupation regime in the rural areas of Stalingrad region (1942–1943).

Key words: occupation, Stalingrad region, Don Cossacks, collaboration, resistance.

УДК 94(47+57):355.514

ББК 63.3(2)612,8

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРВЫХ ПАРАШЮТОВ В РККА

Кулькина Ольга Александровна

Научный сотрудник отдела
Государственного историко-мемориального музея-заповедника
«Сталинградская битва»
mim1937@ Rambler.ru
ул. им. Маршала Чуйкова, 47, 400005 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена применению первых парашютов в РККА. За основу работы взят местный материал. Анализируется подготовка к первому прыжку с парашютом А.В. Эдельштейна в г. Царицыне в 1919 году. Это событие позже оказало значительное влияние на развитие средств спасения летчиков и парашютного спорта.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная Армия, воздухоплавание, парашют, средства спасения пилотов.

Первое упоминание о приспособлениях, замедляющих падение, появилось еще две тысячи лет назад. Люди пытались прыгать с высоты порой с очень странными аппаратами: со шляпами, зонтами, самодельными конструкциями.

Немало изобретателей работало над парашютом, необходимым как средство спасения при авариях в воздухе, но верное решение было найти очень трудно. Конструкторы пытались расположить парашют в футлярах, на хвосте самолета или за спиной летчика. Прежде чем авиаторы научились покидать аэроплан в полете в случае аварии, погибло много замечательных пилотов.

Частая гибель летчиков и наблюдателей змейковых аэростатов заставила военных воздухоплавателей обратиться к идее ранцевого парашюта. В начале XX столетия в распоряжении воздухоплавателей были лишь французские парашюты Жюкмеса, ненадежные и опасные в применении, прикрепленные в чехле к корзине аэростата [2, с. 251].

Военнослужащие Рабоче-крестьянской Красной армии продолжали осваивать парашют и позже: он служил «красным воздухоплателем» в годы Гражданской войны. Так, 25 мая 1919 г. в Оренбурге прыгал Горбачев, 14 августа в Красном селе – Васильев и Рогозин, 2 сентября в Туле – Шиняков и Коваль, 23 октября совершил прыжок военный 18-го воздухоплавательного отряда Хлабов, 24 октября – Эдельштейн [3, с. 6].

Официальной датой первого показательного прыжка с парашютом является день празднования первой годовщины образования Красной армии – 23 февраля 1919 года. Прыжок с целью пропаганды парашютизма состоялся после многолюдного митинга [4, с. 81]. Разночтения с датой, указанной в статье, обусловлены источником – воспоминаниями А.В. Эдельштейна, написанными в 1974 году [1, л. 1].

В октябре 1919 г. на Царицынском фронте действовал 18-й отдельный воздухоплавательный отряд 10-й Красной армии, базировавшийся недалеко от реки Ахтубы. В нем имелось несколько старых парашютов, доставшихся Красному Воздушному флоту от Русского Императорского военно-воздушного флота, но не использовавшихся им. Не удивительно – французские парашюты системы «Жюкмесс» представляли собой довольно ненадежную громоздкую систему; они помещались в специальное конусное резиновое ведро, которое подвешивалось снаружи к корзине аэростата [2, с. 256]. Однако Александр Владимирович Эдельштейн – молодой воздухоплаватель отряда, помощник фотографа по своей гражданской профессии, решил совершить показательный прыжок с парашютом из корзины привязного аэростата. В своих воспоминаниях об этом он писал: «Получив парашют, я ежедневно его осваивал, изучал его конструкцию, надежность, прочность, систему действия, порядок его укладки в резиновое ведро, его подвешивание к корзине, его подвесную и поясную системы, крепление к ним парашюта. Товарищи ежедневно уговаривали меня оставить эту “сумасшедшую” затею. Но я твердо решил совершить сказочный для того времени полет с парашютом. Тогда товарищи решили сыграть со мной шутку. Принесли мне старый зонтик и предложили прыгнуть с ним с балкона второго этажа. Я согласил-

ся, но потребовал также и тонкую проволоку. Укрепил ее от каждой спицы зонта к ручке, чтобы зонт не вывернуло при полете, и прыгнул, угодив ногами в разостланную под балконом солому. Прыжок прошел очень удачно» [1, л. 1].

23 октября 1919 г. состоялось испытание парашютов с манекенами, которое закончилось неудачей: купола парашютов при раскрытии порвались в воздухе, не выдержав динамической нагрузки. Причина была в том, что парашюты лежали на складе уложенными в прорезиненные чехлы и очень долго не просушивались, их шелковая ткань потеряла свою крепость, эластичность и рвалась. По указанию командира отряда было проведено испытание – более успешное – другого парашюта: купол раскрылся в воздухе и благополучно доставил на землю мешок с песком [1, л. 2].

Показательный прыжок самого Александра Эдельштейна был назначен на следующий день. В полдень 24 октября привязной змейковый аэростат подготовили к подъему, возле него собрался весь отряд и жители соседнего местечка. После небольшого митинга раздалось несколько выстрелов, извещающих о начале подъема. Заработала лебедка, аэростат покачнулся и начал плавно подниматься над землей. Вот он достиг запланированной высоты в 850 метров и замер на месте. Пилот подал условный сигнал для отделения, и Александр Эдельштейн покинул борт аэростата. За ним тянулась веревка, которая вытягивала из чехла стропы и купол парашюта. Через пару секунд, к восторгу собравшейся публики, над головой первого советского парашютиста раскрылся белоснежный купол [1, л. 4].

О своих впечатлениях от этого прыжка Александр Эдельштейн писал позднее: «Я испытал неопишемую радость, ощущение необычайного простора и очень приятную качку всего корпуса. При посадке на землю я ощутил толчок – такой, как если бы спрыгнул со стула» [1, л. 4].

Под гром аплодисментов Александр благополучно приземлился, выполнив первый в истории Красной армии показательный прыжок из поднебесья. «Парашют прибило к земле, и я без труда собрал его на руки, – рассказывал он в своих воспоминаниях. –

Люди с восторгом кричали “ура!”, они хватили меня за руки, щупали шелк парашюта, задавали вопросы, угощали пирожками и бубликами. Вскоре подъехал мотоцикл, я сложил парашют в коляску и был доставлен к командиру отряда» [1, л. 5].

Командир отряда Петров, приняв рапорт Эдельштейна, поздравил его с успешным выполнением первого показательного прыжка в Рабоче-крестьянском Красном Воздушном флоте. На следующий день, 25 октября 1919 г., вышел приказ по 18-му воздухоплавательному отряду № 248: «24 октября был произведен спуск на парашюте системы “Жюкмесс” с высоты 850 м военнослужащим отряда Александром Эдельштейном. За означенный спуск А.В. Эдельштейну объявить благодарность за проявленную самоотверженность, за мощь Красного Воздушного флота нашей славной Красной Армии. Выдать ему денежную награду в размере 50 рублей. Командир воздухоплавательного отряда Петров, военком Громов» [1, л. 6].

Никто из участников того эксперимента не мог себе представить, насколько важным он окажется в исследовательском и пропагандистском плане. За прыжком Эдельштейна последовало множество других, куда более сложных. И уже не иностранный, системы «Жюкмесс», а советский парашют Котельникова вскоре, в 20-е гг. прошедшего века, стал главным средством спасения отечественных авиаторов при воздушных авариях. История показательного прыжка Александра Эдельштейна получила с годами свое продолжение в создании современных средств спасения летчиков и в развитии отечественного парашютного спорта.

Список литературы

1. Воспоминания А.В. Эдельштейна. Мой первый прыжок с парашютом // Музей-заповедник «Сталинградская битва (МЗСБ). – НВФ-4817. – П. 76 ЦД.
2. Дузь, П. Д. История воздухоплавания и авиации в России / П. Д. Дузь. – М. : Машиностроение, 1981. – 272 с.
3. Кайтанов, К. Ф. Под куполом парашюта / К. Ф. Кайтанов. – М. : ДОСААФ СССР, 1984. – 65 с.

4. Шестерикова, Л. П. Даты истории отечественной авиации и воздухоплавания : [справочник] / Л. П. Шестерикова ; Всесоюз. добровол. о-во содействия армии, авиации и флоту. – М. : ДОСААФ, 1953. – 283 с.

APPLICATION OF THE FIRST PARACHUTE IN THE RED ARMY

Kulkina Olga Aleksandrovna

Researcher,
State Historical and Memorial Museum “Stalingrad Battle”
mim1937@rambler.ru
Marshala Chuykova St., 47, 400005 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article focuses on the application of the first paraschytov in the Red Army. The basis of the work taken by local material. Analyzes the preparations for the first jump A. Edelstein in Tsaritsyn in 1919, the first jump A. Edelstein had a significant impact on the development of the means of salvation and pilots parachuting.

Key words: the Civil War, the Red Army, ballooning, parasailing, pilot rescue funds.

УДК 94(47+57)“1918”:327

ББК 63.3(2)611-6

БРЕСТ-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Мустафаева Ситара Орудж гызы

Кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории славянских стран
Бакинского государственного университета
msitara31@rambler.ru
ул. 3. Халилова, 23, AZ1148 г. Баку, Азербайджанская Республика

Аннотация. После прихода большевиков к власти Южный Кавказ выпал из сферы влияния России, охваченной Гражданской войной. 3 марта 1918 г. между Советской Россией и странами Четверного союза был подписан Брест-Литовский договор, по которому Карс, Батуми и Ардаган передавались Турции. Закавказская Республика, созданная представителями трех основных национальностей региона, не признает этот договор и пытается урегулировать территориальные противоречия с Турцией на Трабзонской и Батумской конференциях.

Ключевые слова: Брест-Литовский договор, Южный Кавказ, Советская Россия, Карс, Батуми, Ардаган.

Современные территориальные конфликты на Южном Кавказе уходят своими корнями в события, происходившие в регионе в начале XX века. Одним из таких событий, которое привело к изменению границ в Южно-Кавказском регионе, был подписанный Советской Россией со странами Четверного союза Брест-Литовский мирный договор.

После прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. в России сложилась новая политическая ситуация. Новую большевистскую власть, пришедшую путем вооруженного переворота, на Кавказе не приняли. 11 ноября 1917 г. в Тифлисе представители политических сил Южного Кавказа провели совместное совещание с ОЗАКОМом (Особый Закавказский комитет). 15 ноября участники совещания создали временное правительство – Закав-

казский комиссариат, принявший на себя всю полноту власти в пределах Закавказского края. Баку оставался единственным городом Южного Кавказа, на который не распространялась власть Закавказского комиссариата. Закавказский комиссариат, сформированный представителями трех основных национальностей региона – азербайджанской, грузинской и армянской, был объявлен временным органом власти на Южном Кавказе до созыва Учредительного собрания России. То есть пока речь не шла об отделении от России.

В ноябре 1917 г. между Советским правительством и Османской империей – участниками Первой мировой войны, была достигнута договоренность о начале мирных переговоров, в результате которых в Брест-Литовске между Россией и странами Четвертого союза (Германия, Болгария, Австро-Венгрия и Турция) 2 декабря был подписан договор о перемирии. 5 декабря в г. Эрзинджане между русскими и турецкими армиями, действующими на Кавказско-Турецком театре войны, был подписан договор о перемирии [7, с. 47–57]. 9 декабря в Брест-Литовске началась мирная конференция вышеуказанных государств. В январе 1918 г. турецкая сторона направила телеграмму закавказскому правительству, в которой предложила послать своих уполномоченных делегатов в Брест-Литовск [8, с. 52]. Это предложение говорило о том, что Турция хотела видеть Южный Кавказ независимым государством. Турецкое правительство, не получив положительного ответа на свою телеграмму, стало рассматривать Южный Кавказ как часть Российского государства [8, с. 105, 118–119].

23 февраля 1918 г. в Тифлисе был созван Закавказский сейм, который сменил Закавказский комиссариат. Главным вопросом повестки дня сейма был вопрос о мире с Османской империей. 1 марта Закавказский сейм принял основные положения по вопросу о мире с Турцией, согласно которому: «В основание заключаемого мирного договора должно лечь восстановление государственных границ России с Турцией, существующих к моменту объявления войны в 1914 г.; делегация добивается права на самоопределение для Восточной Анатолии, в частности, автономии турецкой Армении в рамках турецкой государственности» [8, с. 83–84].

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. Согласно договору (IV статья) округа Ардаган, Карс и Батуми переходили в состав Османской империи после проведения в этих регионах референдума. В этот же день был заключен русско-турецкий Дополнительный договор к вышеуказанному договору. II статья договора предусматривала установление русско-турецкой границы, существующей до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 годов [7, с. 121, 200–201]. Подписанием этого договора Советская Россия заявляла о том, что продолжает считать Южно-Кавказский регион частью своей территории. Турецкое правительство в свою очередь накануне и в ходе Брест-Литовской конференции планировало образовать из территорий Азербайджана и Дагестана независимое Исламское государство – как буферную зону между Советской Россией и Турцией. 27 февраля глава турецкой делегации на Брест-Литовской конференции Ибрагим Хаккы-паша обратился с этим требованием к российской делегации. Однако ни Советская Россия, ни Германия не поддержали эту идею [2, с. 108–109]. Турция считала, что буферное государство, находящееся под ее покровительством, сможет обезопасить ее восточные границы от российской угрозы.

Закавказский сейм заявил о непризнании Брест-Литовского договора. 14 марта в Трабзоне начались переговоры между представителями Закавказского сейма и Османской империей о заключении мира. Закавказская делегация, не признавая Брест-Литовского договора, отстаивала границу, существующую между Россией и Турцией до Первой мировой войны. Турецкая делегация, ссылаясь на нормы международного права (Закавказье де-факто представляло из себя государство, но еще не декларировало о своей независимости и поэтому де-юре считалось частью России), отвергла заявление закавказской делегации о недействительности Брест-Литовского договора в части, касающейся Кавказа. Османская делегация выступила и против требования «о самоопределении Восточной Анатолии», видя в нем вмешательство во внутренние дела [8, с. 111]. На просьбу ряда представите-

лей мусаватской партии о полном присоединении мусульманской части Южного Кавказа к Турции глава турецкой делегации Рауф-бей и командующий Кавказским фронтом Вехиб-паша ответили, что «...большая политика Турции требует, чтобы Азербайджан не отделялся от остальных народностей Закавказья, а сохранил бы общую с ними государственную форму, сохраняя за собой известную самостоятельность в виде конфедерации» [4, с. 4]. Просьба азербайджанских представителей имела свои основания. В этот период обострилась политическая обстановка в Южном Кавказе в связи с мартовскими событиями в Баку, Шемахе, Кубе и других частях Бакинской губернии, в ходе которых армянскими отрядами, входившими в состав вооруженных сил Бакинского совета, было убито, согласно материалам Чрезвычайной следственной комиссии при Министерстве юстиции АДР, около 30 тыс. мирного мусульманского населения.

В этот период наряду с большевиками борьбу за бакинскую нефть начали вести и другие государства. В частности, в апреле 1918 г. Германия и Турция обсуждали вопрос о разделе сфер влияния на Южном Кавказе [1, с. 69]. Говоря о Германии, необходимо отметить, что она, заинтересованная в природных богатствах края, после Брест-Литовского договора активизировала свою кавказскую политику. Для определения кавказской политики Германии и ее основных принципов 22 апреля была проведена конференция с участием представителей немецких политических и военных кругов. На основе принятых конференцией принципов 29 апреля МИД Германии подготовил документ, в котором были определены принципы, которыми должны были руководствоваться в переговорах, шедших между Турцией и Закавказьем [2, с. 138–140]. Этот проект, выгодный в экономическом и политическом отношении для Германии, не был принят Османской империей, так как при его реализации Южный Кавказ превращался в протекторат Германии, что ущемляло ее собственные интересы.

Пока шли трения в Закавказском сейме, военные действия продолжались. В течение апреля месяца турецкие войска заняли Ардаган, Карс и Батуми [2, с. 136]. Так как добиться мирного соглашения по вопросу о границах между Турцией и закавказским

правительством не удалось, 14 апреля 1918 г. закавказская делегация была отозвана в Тифлис. В этот период Турция продолжала упорно настаивать на необходимости декларирования независимости Закавказья. 22 апреля Закавказский сейм провозгласил Закавказье независимой Демократической Федеративной Республикой. 23 апреля было послано заявление Османской империи о том, что закавказское правительство принимает условия Брест-Литовского договора [8, с. 142, 184–224].

Для разрешения территориальных и пограничных вопросов между Турцией и государствами Южного Кавказа была созвана Батумская конференция. Закавказскую делегацию возглавлял председатель правительства и министр иностранных дел А. Чхенкели. На этой конференции, начавшейся 11 мая 1918 г., турецкая делегация, которую возглавлял министр юстиции Халил-паша, заявила о том, что границы, установленные Брестским договором, не могут быть приемлемы, они должны быть исправлены соответственно изменившимся обстоятельствам. На Батумской конференции в качестве полноправного члена конференции принимала участие делегация правительства Союза горцев Северного Кавказа. На конференции в качестве наблюдателя присутствовали германские представители во главе с генералом Отто фон Лоссовым, которые здесь вели тайные переговоры с грузинскими представителями делегации. В результате 28 мая Грузия с Германией подписала соглашение, по которому приняла ее покровительство.

Из доклада члена делегации Закавказского мусульманского совета Н.Б. Усуббекова, вернувшегося из Батуми, на чрезвычайном заседании бывших членов мусульманского Закавказского сейма 27 мая 1918 г. было видно, что «самым главным залогом процветания Закавказья, по мнению турецкой делегации, является солидарность и единение Закавказских народов, для достижения чего необходима будет некоторая территориальная уступка армянам со стороны Азербайджана» [3, с. 46]. Надо отметить, что в этот период в высших политических кругах Османской империи вокруг «армянского вопроса» были определенные разногласия. Энвер-паша и премьер-министр Талаат-паша считали, что населенные армяна-

ми территории на Южном Кавказе необходимо разделить между Азербайджаном и Грузией, а если будет невозможно предотвратить образование Армянского государства, то необходимо создать очень слабое, нежизнеспособное государство, чтобы оно в дальнейшем не представляло угрозы ни для Турции, ни для Южно-Кавказских мусульман [2, с. 163–167]. Халил-паша и Вехиб-паша исходя из политических соображений (Франция, Англия и Россия настаивали на создании Армянского государства в Восточной Анатолии) считали необходимым создание Армянского государства на территориях, населенных азербайджанцами.

Насколько сложным был вопрос установления границ между республиками на Южном Кавказе, можно судить из сведения Информационного отдела консульства РСФСР в Батуми о перспективах переустройства административного деления Закавказья: «Вследствие неравномерного и разбросанного расселения национальностей Закавказья, в особенности ее восточной части, населенной преимущественно армянами и татарами, вследствие вкрапленности последних оазисами в расположение друг друга, нет никакой возможности создать этнически компактные административные единицы более-менее значительных размеров. Низменности заселены почти сплошь татарами, предгорья – армянами (хотя часто встречаются татарские села), и, наконец, высокогорная часть опять мусульманами. Все же окончательно определить какую-нибудь этническую полосу вряд ли удастся» [6, л. 19].

26 мая грузинская фракция Сейма вышла из состава Закавказской Федеративной Республики. Выход Грузии из Сейма привел к его распаду и образованию трех независимых государств – Азербайджана, Грузии и Армении. Россия, считая Кавказ своей территорией, не сумев силовыми методами удержать регион в своих руках, пыталась с помощью дипломатии противостоять созданию независимых государств на Кавказе и размещению там войск других государств, в частности Турции. С целью надавить на Турцию с помощью ее союзников в мае 1918 г. начались тайные переговоры между Россией и Германией.

По окончании Батумской конференции 4 июня 1918 г. состоялось официальное подписание мирных договоров между Османс-

кой империей и закавказскими независимыми республиками – Азербайджаном, Грузией и Арменией. В соответствии с подписанными договорами они признавали переход к Турции наряду с Карсом, Ардаганом и Батумом Ахалкалакского и большей части Ахалцихского уездов Тифлисской губернии, Александропольского уезда и части Эчмиадзинского уезда, Сурмалинского уезда, южной и юго-западной части Иреванского уезда, Шарурский район Шаруро-Даралагезского уезда и Нахичеванского (за исключением Ордубада) уезда Иреванской губернии [2, с. 172–173]. Большинство переданных Турции территорий были заселены азербайджанцами, однако руководители Азербайджана вынуждены были пойти на такой шаг, так как нуждались в военной помощи Османской империи в борьбе против большевиков и дашнаков, в руках которых находился город Баку и которые во многих уездах Азербайджана грабили и истребляли мусульманское население. Согласно IV статье Батумского договора Турция при необходимости могла предоставить эту помощь Азербайджану [5, л. 126].

Представители Германии, проведя в Стамбуле ряд двусторонних переговоров с представителями Южного Кавказа, пришли к выводу, что решение вопросов, связанных с бакинской нефтью, в которой она сильно нуждалась, находится в руках Москвы. Поэтому Германия предложила пригласить на Стамбульскую конференцию, которую планировалось провести между Южно-Кавказскими республиками и Турцией летом 1918 г., и представителей Советской России. Турция категорически отвергла это предложение. После этого за спиной Порты начинаются тайные переговоры Германии с Советской Россией относительно Баку [7, с. 104]. Германия боялась, что если Баку захватят турки, то вопрос о нефти будет решен не в ее пользу. Таким образом, вопрос о разделе сфер влияния на Кавказе и недоверие Германии к Турции ухудшили отношения между ними. В связи с этим правительство Германии сделало следующее предложение: используя свое влияние на Турцию, оно согласилось бы приостановить наступление турок на Баку, если большевики гарантировали бы немцам часть бакинской нефти. Это предложение было сделано послу РСФСР в Берлине А. Иоффе. О предложении германской стороны 8 июля 1918 г.

И. Сталин известил С. Шаумяна – председателя Баксовета: «1. Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы внутренними для России вопросами, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, признанной Германией. 2. Возможно, что нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана. 3. Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить некоторое количество нефти на эквивалент. Мы эту “просьбу”, конечно, можем удовлетворить» [9, с. 99]. Сепаратные переговоры Германии и большевистской России по данному вопросу завершились подписанием 27 августа 1918 г. соглашения в дополнение к Брест-Литовскому договору. Шестая глава этого документа касалась непосредственно Кавказа. Согласно этому договору Россия давала свое согласие на то, что Германия признает Грузию самостоятельным государством; Германия должна была препятствовать прохождению войск третьего государства (имеется в виду Турция) границ Бакинского, Кубинского и Шемахинского уездов. В обмен на это большевистское правительство обещало Германии четвертую часть добываемой в Баку нефти и нефтепродуктов [7, с. 443–444, 724]. Это соглашение в корне противоречило провозглашенному Советским правительством принципу о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Несмотря на это, Россия и Германия делили территории и богатства независимого Азербайджана.

Талаат-паша в ходе своего визита 6–24 сентября 1918 г. в Берлин надеялся убедить Германию отказаться от договора, подписанного с Советской Россией 27 августа, и 10 сентября представил в МИД Германии меморандум, в котором, давая оценку ситуации на Южном Кавказе, сообщалось, что население Бакинской провинции на 85 % состоит из мусульман и в географическом отношении Баку принадлежит Азербайджану [1, с. 192; 2, с. 263]. Он предлагал признать четыре кавказские республики как

независимые государства. Однако МИД Германии решило прежде выяснить мнение Советской России по этому вопросу, в связи с чем ее послу в Берлине А. Иоффе был показан представленный турками меморандум. Иоффе, высказав свое мнение, заявил, что Советское правительство не признает существующие на Кавказе государства, считая этот регион частью России. После этого германское правительство заявило о невозможности без согласия России признать кавказские республики. Ситуация изменилась после освобождения 15 сентября азербайджано-турецкими войсками города Баку от антиазербайджанских сил, Диктатуры Центрокаспия, англичан и большевиков. 23 сентября между Турцией и Германией был подписан секретный протокол из 7 статей, по которому природные ресурсы Кавказа переходили под совместное использование этих государств. Фактически это соглашение ничем не отличалось от договора, подписанного 27 августа 1918 г. между Россией и Германией. Теперь Германия и Турция делили природные ресурсы независимых государств Южного Кавказа. Единственным положительным моментом этого протокола было то, что Талаат-паша добился признания Германией принадлежности города Баку Азербайджану [2, с. 266–269]. Это означало, что Германия отказывалась от условий договора от 27 августа 1918 года.

Советская Россия после этих событий аннулировала Брестский договор [7, с. 565]. Договор от 27 августа 1918 г. остался на бумаге и не был реализован из-за ухудшения внешне и внутриполитического положения как Германии, так и Советской России. Первая мировая война приближалась к концу, и становилось совершенно очевидным скорое поражение стран Четверного союза и повышение роли Антанты на Кавказе.

Подводя итог, можно отметить следующее: после прихода большевиков к власти в России представители трех основных национальностей региона создали Закавказскую Республику. В указанный период закавказское правительство, не объявив официально о своей независимости, не признало Брест-Литовский договор, подписанный Советской Россией и Четверным союзом 3 марта 1918 г., по которому Карс, Батуми и Ардаган передавались Турции.

Оно безуспешно пыталось урегулировать территориальные противоречия с Турцией на Трабзонской и Батумской конференциях, настаивая на том, чтобы в основу мирного договора с Турцией легло восстановление государственной границы России с Турцией, существовавшей к моменту начала Первой мировой войны. Результатом такой политики стала потеря по Батумским договорам кроме Карса, Батуми и Ардагана ряда других южнокавказских территорий.

Список литературы

1. Гасанлы, Дж. П. История дипломатии Азербайджанской Республики. В 3 т. Т. II. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920) / Дж. П. Гасанлы. – М. : Наука, 2010. – 576 с.
2. Гафаров, В. В. Проблема Азербайджана в российско-турецких отношениях (1917–1922) / В. В. Гафаров. – Баку : Азернешр, 2011. – 474 с. (на азерб. яз.)
3. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР). – Ф. 970. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ГААР. – Ф. 970. – Оп. 1. – Д. 7.
5. ГААР. – Ф. 970. – Оп. 1. – Д. 18.
6. ГААР. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 171.
7. Документы внешней политики СССР. В 7 т. Т. 1 (7 нояб. 1917 г. – 31 дек. 1918 г.). – М. : Госполитиздат, 1957. – 772 с.
8. Документы и материалы внешней политики Закавказья и Грузии. – Тифлис : Тип. правительства Грузин. респ., 1919. – 514 с.
9. Мурадалиева, Э. Б. Кровь земная – нефть Азербайджана и история / Э. Б. Мурадалиева. – Баку : Мутарджим, 2005. – 256 с.

BREST-LITOVSK CONTRACT AND SOUTH CAUCASUS

Mustafaeva Sitara Oruj

Candidate of Sciences (History), Teacher,
Department of the History of the Slavic Countries,
Baku State University
msitara31@rambler.ru
Z. Khalilova St., 23, AZ1148 Baku, Azerbaijan Republic

Abstract. After Bolsheviks came to power South Caucasus got rid of Russian influence, captured by civil war. On March 3, 1918 the Brest-Litovsk contract was signed between the Soviet Russia and the countries of the Quadruple Alliance under which Kars, Batumi and Ardahan were transferred to Turkey. The Transcaucasia Republic created by representatives of three main nationalities of the region did not recognize this contract and tried to settle territorial contradictions with Turkey at Trabzon and Batumi conferences.

Key words: Brest-Litovsk contract, South Caucasus, Soviet Russia, Kars, Batumi, Ardahan.

УДК 94(47+57)“1920”:359

ББК 63.3(2)612-35

**ПОДВОДНЫЕ СИЛЫ МОРСКИХ СИЛ
ЧЕРНОГО МОРЯ В 1920-е гг.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Никитина Ирина Витальевна

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Государственного музея героической обороны
и освобождения Севастополя
IrinaNikita@yandex.ru
Исторический б-р, 1, 299011 г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена литература по истории подводных сил морских сил Черного моря в 1920-е годы. Выявлено, что такая литература позволяет проследить основные этапы развития подводных сил на Черном море в указанный период. Уяснена степень ее объективности, на основе данного анализа сформулированы перспективы исследования темы в Государственном музее героической обороны и освобождения Севастополя.

Ключевые слова: подводные силы, морские силы Черного моря, литература, дивизион подводных лодок, библиография.

События Гражданской войны 1918–1920 гг. на Юге России привели к практически полному уничтожению Черноморского флота как боевой единицы. Возрождение флота (в 1921–1935 гг. морские силы Черного моря (далее – МСЧМ)) пришлось на период построения Советского государства, что наложило на него свой отпечаток. История флота в 1920-е гг., так же как и судьба его подводных сил, оставалась долгое время за пределами внимания исследователей.

Советский дивизион подводных лодок (с 1923 г. отдельный) в составе МСЧМ (до 1921 г. Черного и Азовского морей) был создан в октябре 1920 года. Его боевой состав на тот момент ограничился всего лишь одной субмариной «АГ-23». Его история в 1920-е гг. нашла свое отражение преимущественно в общих ра-

ботах о подводных силах российского и советского ВМФ, работах по истории советского кораблестроения. В фондовой коллекции Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя хранятся фотоснимки экипажей подводных лодок «АГ-24» («Коммунист») и «АГ-25», одной из подводных лодок типа «АГ», подводной лодки «Нерпа». Представлен и фото-портрет В.П. Клишниченко, краснофлотца подводных сил флота в 1920-е годы [8]. Снимки документируют важные факты сложной истории подводных сил МСЧМ в 1920-е годы.

В 2016 г. музей активизировал исследования своих фондовых коллекций для уточнения их состава, состояния изученности предметов, планирования дальнейшего их комплектования. Касается это и фондовых коллекций по истории подводных сил МСЧМ в 1920-е гг. в связи с их малочисленностью. Также разрабатывается тема исследования «Становление морских сил Черного моря в 1921–1925 гг.», где будет проанализирована история дивизиона подводных лодок МСЧМ в этот период. Все это вызывает необходимость тщательного обследования литературы по истории подводных сил МСЧМ в 1920-е гг. для уяснения степени изученности темы, значимости такой литературы для исследований в рамках нашего музея.

Анализ изученных изданий показал, что частично они являются научно-популярной литературой (присутствуют учебные пособия), научно-технической литературой. Их основное достоинство – тщательно собранный фактический материал по теме. Основные недостатки ряда изданий – отсутствие или недостаточность библиографических ссылок. В обзор вошло восемь публикаций. Самое раннее издание датируется 1950 г., самое позднее – 2012 годом.

Первое издание – это учебное пособие, составленное в 1950 г. А.И. Молявицким для курсантов Высшего Военно-Морского инженерного ордена Ленина училища им. Ф.Э. Дзержинского по изучению живучести подводных лодок, с краткой историей развития отечественных подводных сил с начала XX в. до Великой Отечественной войны. Правда, история подводных сил ВМФ СССР в 1920-е гг. в книге практически не затронута. Об их развитии на

Черном море встречаем лишь упоминание о наличии в МСЧМ в 1920-е гг. подводных лодок типа «АГ» [6, с. 62].

Второе издание – «Флот остается молодым» (авторы Г.И. Щедрин, М.И. Ципоруха) – затрагивает историю шефства комсомола над Советским ВМФ. Оно выпущено в 1982 г. к 60-летию данного шефства (дата широко отмечалась по всему СССР). Авторы книги – военные моряки (адмирал и капитан 1-го ранга) – подробно рассмотрели основные этапы шефства комсомола над флотом. История возрождения подводных сил МСЧМ в 1920-е гг. изложена в разделе «У истоков комсомольского шефства». В частности, читаем: «В первые годы восстановления Черноморского флота были достроены лодки “АГ-24”, “АГ-25”, “АГ-26”. Это небольшие лодки с надводным водоизмещением всего 385 т, с 4 носовыми торпедными аппаратами, с хорошей живучестью и непотопляемостью за счет деления прочного корпуса 4 поперечными переборками на 5 отсеков. Отремонтирована и введена в строй подводная лодка “Нерпа” типа “Морж” с надводным водоизмещением 630 т, вооруженная 4 торпедными аппаратами и 2 артиллерийскими орудиями калибром 75 и 37 мм. Эти пять подводных лодок вошли в состав отдельного дивизиона подводных лодок МСЧМ» [9, с. 15]. Далее представлены краткие сведения о проектировании новых советских подводных лодок типа «Декабрист», их основных характеристиках, утверждается о превосходстве данной лодки по ряду показателей над иностранными аналогами, но обоснования тезиса не проведено. Основанная ценность книги – характеристика состояния исследований по истории советского флота в 1980-е годы. Недостаток – полное отсутствие библиографических ссылок на источники и литературу.

Среди исследований по истории подводных сил МСЧМ в 1920-х гг. (технической стороны) наиболее подробной является книга В.И. Дмитриева «Советское подводное кораблестроение», изданная в 1990 г. в Москве. Она написана на основе широкого круга источников и литературы. В ней рассмотрена история строительства отечественного подводного флота с 1920-х по 1945 г., с раскрытием всех ее этапов, особенностей проектов лодок, с анализом их значения для истории подводного флота, с бережным

исследованием истории подразделений подводных сил в советском ВМФ, в том числе и на Черном море.

Рассматривая начальный период становления советских подводных сил в МСЧМ, автор пишет: «В мае 1920 г. Центральный комитет партии и Советское правительство приняли решение немедленно приступить к достройке на южных судостроительных заводах... трех подводных лодок... На заводе “Руссуд” сохранились на стапелях две лодки – АГ-23 и АГ-24. Секции и механизмы еще двух аналогичных подводных лодок находились в ящиках... Для руководства постройкой и ремонтом подводных лодок был направлен начальник механической части управления подводного плавания при Главном техническом управлении Морских Сил Я. Солдатов... Включились в работу командир подводной лодки АГ-23 А.А. Иконников, прибывший в апреле с Балтики, и инженер-механик Д.Г. Водяницкий, переведенный с Онежской флотилии. 1 июня 1920 г. АГ-23 была спущена на воду» [7, с. 13]. Автор отмечает, что появление на Черном море советских подводных лодок встревожило англичан, которые осенью 1920 г. стали угрожать нападением на них. На это последовал ответ Советского правительства от 19 октября 1920 г.: «Российская Республика имеет право, подобно прочим суверенным государствам, пользоваться для защиты своих границ и берегов всеми средствами, какие знает техника в части военного и морского дела. Инициатива введения во флот орудия подводной войны не принадлежит Рабоче-Крестьянскому Правительству России... Подводные лодки Советского Правительства могут иметь непосредственные боевые задачи в Черном море против судов генерала Врангеля и дружественных ему судов. Наилучшим средством предупреждения каких-либо военных столкновений, как в Черном, так и в Балтийском морях, Советское Правительство считало бы удаление из этих вод военных судов всех наций, которые не имеют собственных владений на их берегах» [7, с. 14–15].

Автор также подробно осветил основные тенденции восстановления подводных сил, в том числе и на Черном море, тщательно проанализировал первую советскую кораблестроительную программу. Раскрыта и геополитическая обстановка в мире

в 1920-е гг. для проведения тезиса о важности быстрого восстановления боеспособности подводных сил. Подробно рассмотрены тактико-технические данные подводных лодок типа «АГ» (основа подводных сил ЧФ в 1920-е гг.), и типа «Декабрист», к разработке которых приступили в середине 1920-х годов. Проанализировано и отношение к возрождению подводных сил советского руководства, проводится тезис о большом внимании к данному вопросу с его стороны.

В целом работу В.И. Дмитриева можно отнести к основополагающим трудам по истории подводных сил МСЧМ в 1920-е гг. (ее технической стороны) за счет тщательной подборки фактического материала, его подробного анализа. Книга содержит подробную постраничную библиографию. Активно использованы документы Центрального Государственного Военно-Морского архива (ныне Российский государственный архив Военно-Морского флота), Центрального государственного архива Советской Армии (ныне Министерства обороны РФ), Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (с 1992 г. объединен с Центральным государственным архивом РСФСР в Государственный архив РФ).

В 2004 г. к 100-летию подводных сил ВМФ России Ю.М. Ничиком и В.Р. Захаром, ветеранами подводных сил ЧФ, была издана книга «Подводные силы Черноморского флота». В популярной форме, на основе литературы и воспоминаний ветеранов подводных сил, ими раскрыты основные этапы развития подводных сил ЧФ с 1900-х гг. до начала 2004 года. Книгу отличает богатый фактический материал, но анализу он авторами не подвергается. Вот только некоторые факты из этой книги по нашей теме: «21 октября “АГ-23” вошла в состав МСЧМ. Этот же день стал днем создания дивизиона подводных лодок, начальником которого назначили А. Иконникова, комиссаром – В. Голубовского. В составе дивизиона, кроме “АГ-23”, находились в постройке “АГ-24”, а в ремонте – “Нерпа”. В дальнейшем дивизионом до 1931 г. командовали Ю. Пуаре, А. Бахтин, Н. Головачев, Н. Жимаринский, Г. Васильев. Затем была создана бригада лодок. 15 ноября 1920 г. “АГ-23”

перешла в Севастополь» [5, с. 26]. 16 июля 1921 г. был поднят военно-морской флаг на «АГ-24», 26 мая 1922 г. – на «Аг-25», 3 июня – на «Нерпе». Через год в составе дивизиона были плавбаза «Георгий» и 5 подводных лодок (добавилась «АГ-26», вступившая в строй 11 июля 1923 г.) [7, с. 27]. Далее следует описание истории дивизиона подводных лодок МСЧМ в 1920-е гг., в том числе заграничных походов подводников. В 1922–1923 гг. подводные лодки помогали осуществлять связь между Севастополем и портами Турции. Такие походы были организованы начальником морских сил Черного моря (МСЧМ) А.П. Максимовым по поручению Морского штаба Республики, осуществлялись в интересах НКВД (Народного комиссариата иностранных дел) РСФСР. Приведены сведения о роли в восстановлении флота и подводных сил комсомола в рамках шефства над флотом; о смене лодками своих названий на «революционные»: «АГ-23» – «Незаможный» (затем «Шахтер»), «Нерпа» – «Политрук», «АГ-24» – «Коммунист», «Аг-25» – «Марксист», «АГ-26» – «Политработник».

Приведены также воспоминания Ю.А. Пантелеева о начале его службы в дивизионе подводных лодок МСЧМ (в 1925 г. – штурман подводной лодки «Политрук», в 1930-е гг. – командир черноморской бригады подлодок, а после войны – командующий Тихоокеанским флотом, адмирал): «Плавбаза подлодок “Березань” – старый транспорт времен Первой мировой войны. Удирая из Севастополя, белые взорвали на судне машины, разграбили оборудование. Таким мертвецом оно и стояло в Южной бухте, недалеко от вокзала. Необходимые подводным лодкам зарядовая станция, аккумуляторная мастерская и прочее хозяйство только начинали строиться... Приняли нас, молодых штурманов, очень приветливо. Через пару дней мне казалось, что я уже давно служу в дивизионе. Конечно, это во многом зависело от начдива Головачева и комиссара Голубовского... Все пять командиров лодок дивизиона были представителями лучшей интеллигенции тех лет... С радостью узнали мы, что Советское правительство приняло решение строить новые подводные лодки по проектам советских конструкторов... На моих глазах рос подводный флот нашей страны» [7, с. 29, 30].

При подведении итогов первого десятилетия развития советских подводных сил на Черном море упор сделан на текст приказа Реввоенсовета морских сил Черного моря от 22 октября 1930 г. № 245 по случаю 10-летия дивизиона. Указано, что дивизион подошел к своему 10-летию с большими успехами в овладении оружием. «Были отмечены крепкая боевая закалка, большая выносливость и высокая пролетарско-классовая политическая сознательность всего личного состава» [7, с. 39].

В 2012 г. авторы выпустили второе издание своей книги. В ней история подводных сил МСЧМ в 1920-е гг. была изложена почти в прежней редакции с незначительными правками. Существенное дополнение – история появления на Черном море подводных лодок типа «АГ». Суть ее в следующем. В начале Первой мировой войны Великобритании потребовалось большое количество подводных лодок, но ни построить их быстро, ни купить готовые лодки в других странах было невозможно из-за запрета продажи лодок стране, ведущей войну (решением Женевского трибунала от 1872 г.). Выход предложил президент американской корпорации «Бетлехем Стилл» М. Швабб. В США изготовили часть корпусов и внутреннего оборудования лодок, затем их перевезли в Канаду, где провели сборку (Канада на тот момент – британский доминион). Образцом серии стала субмарина «Seawolf» («Морской волк»). Осенью 1915 г. все 10 лодок самостоятельно перешли в Англию. Их прекрасные технические характеристики заинтересовали другие страны, в первую очередь Россию, она заказала 11 лодок. Их доставили в разобранном виде во Владивосток, затем 5 отправили на Балтику, в Петроград, а 6 доставили на Черное море, в Николаев. Позднее были заказаны еще 6 подводных лодок для флотилии Северного Ледовитого океана и Черного моря [3, с. 49, 50].

В обоих изданиях большое внимание уделено боевой учебе подводников в 1920-е годы. Например: «В сентябре-октябре 1923 г. отряд в составе крейсера “Коминтерн”, дивизиона подводных лодок и эсминцев совершил поход вдоль Крымского и Кавказского побережья до Батуми с заходом в Феодосию и Новороссийск. Это было первое большое совместное плавание черноморских кораблей после гражданской войны» [3, с. 55].

В дополнение к первому изданию приведены данные о деятельности командиров подводных лодок: «Командир подводной лодки “Коммунист” В.С. Сурин совершил вход под перископом в главную базу флота и всплыл в Южной бухте непосредственно у своей плавбазы. Командир подводной лодки “Политрук” В.П. Рахмин после дифферентовки в Южной бухте под перископом вышел из Севастопольской бухты» [3, с. 57].

В целом же оба издания можно отнести к популярной литературе, основной недостаток которой – отсутствие ссылок на источники непосредственно в тексте.

Среди литературы середины 2000-х гг. по истории подводных сил отметим книгу Э.А. Ковалева «Короли подплава в море червонных валетов. Хроника начального периода советского подводного плавания 1918–1941 гг.». История подводных сил на Черном море в 1920-е гг. изложена в главе 5 «Возрождение Черноморского подплава (1921–1929 гг.)». На данный момент текст книги проанализирован лишь частично, он требует дополнительного изучения на предмет прояснения обоснованности ряда тезисов. Автор книги критически относится к процессу становления подводных сил МСЧМ в 1920-е гг., более того, роль советского государства в нем оценивает сугубо отрицательно. Основные факты истории подплава в 1920-е гг. изложены верно, но есть тенденция чрезмерного акцентирования на негативной ее стороне. Наиболее ценным материалом в книге стала характеристика торпедных стрельб подводных лодок в 1922–1924 гг. торпедами образца 1910 года. Указано: дальность стрельб составляла 2–10 кабельтовых (370,4–1 852 м), подготовительные стрельбы проводились в районе Учкучевка – Кача, в роли целей выступали сами лодки, для обозначения длины цели они вели за собой на буксире буй длиной 135 м. Скорость целей составляла 4–12,5 узлов. Автор отмечает, что стрельбы подводников «подняли уровень успешности боевых упражнений». В целом основную часть истории учебных походов автор рассматривает достаточно объективно. Анализ же общественно-политической обстановки, ее влияния на формирование подводных сил на Черном море в 1920-е гг. изложен чрезмерно тенденциозно [4].

В ходе работы по изучению литературы по истории подводных сил МСЧМ в 1920-е гг. выявлен также сборник статей 2003 г., посвященный 100-летию подводных сил ВМФ России. По нашей теме выявлены статьи Л.А. Кузнецова (о подводных лодках типа «АГ») [5] и уже упоминавшегося В.И. Дмитриева [2] (о подводных лодках типа «Декабрист»). Они содержат подробный анализ всех технических особенностей данных проектов, в них рассматривается история создания таких лодок, кратко и комплексно раскрыты основные факты в истории подводных лодок МСЧМ (ввод их в строй, учебные походы, сведения об экипажах, основные проблемы их функционирования). Публикации относятся к материалу с объективным осмыслением истории подплава МСЧМ в 1920-е годы.

Таким образом, рассмотрев ряд трудов по истории отечественных подводных сил, в том числе и на Черном море, проанализировав их на предмет освещения ими истории подводных сил МСЧМ в 1920-е гг., можно сделать следующие выводы. Данные работы содержат основные сведения о становлении советских подводных сил на Черном море (в МСЧМ), позволяют осмыслить проблемы этого периода в истории подводного флота, сформулировать дальнейшие направления нашего исследования. В качестве его перспектив выступают дополнительное изучение фондовой коллекции по теме, поиск потомков моряков-подводников тех лет, работа в отечественных архивах и музеях для выявления материалов по теме.

Список литературы

1. Дмитриев, В. И. Советское подводное кораблестроение / В. И. Дмитриев. – М. : Воениздат, 1990. – 286 с.
2. Дмитриев, В. И. Подводные лодки типа «Декабрист» / В. И. Дмитриев // Подводные лодки. История развития : сб. ст. / сост. В. П. Власов. – Екатеринбург, 2003. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://book.uraic.ru/elib/pl/index.htm>. – Загл. с экрана.
3. Захар, В. Р. Подводные силы Черноморского флота / В. Р. Захар, Ю. М. Ничик. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Севастополь : Рибэст, 2012. – 688 с.

4. Ковалев, Э. А. Короли подплава в море червонных валетов. Хроника начального периода советского подводного плавания 1918–1941 гг. / Э. А. Ковалев – М. : Центрполиграф, 2005. – 428 с.

5. Кузнецов, Л. А. Подводные лодки типа «АГ» («Американский Холланд») / Л. А. Кузнецов // Подводные лодки. История развития : сб. ст. / сост. В. П. Власов. – Екатеринбург, 2003. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.book.uraic.ru/elib/pl/index.htm>. – Загл. с экрана.

6. Молявицкий, А. И. Краткая история развития подводных лодок и их живучести / А. И. Молявицкий. – Л. : Изд. Высш. Воен.-Морского инж. ордена Ленина уч-ща им. Ф.Э. Дзержинского, 1950. – 90 с.

7. Ничик, Ю. М. Подводные силы Черноморского флота / Ю. М. Ничик, В. Р. Захар. – Симферополь : Таврида, 2004. – 429 с.

8. Фонды Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя. – КП 13421 ; КП 20166 ; АФ 3133 ; КП 45434 ; АФ 6406 ; Н/В 14143 ; Н/В 22328.

9. Щедрин, Г. И. Флот остается молодым / Г. И. Щедрин, М. И. Ципоруха. – М. : Мол. гвардия, 1982. – 190 с.

**SUBMARINE FORCES OF NAVAL FORCES
OF THE BLACK SEA IN THE 1920s:
HISTORIOGRAPHIC ASPECT**

Nikitina Irina Vitalievna

Candidate of Sciences (History), Leading Researcher,
State Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol
IrinaNikita@yandex.ru
Istorichesky Ave., 1, 299011 Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The article examines the literature on the history of the submarine forces of Naval Forces of the Black sea in the 1920s. Identified, this literature allows us to trace the main stages of the development of submarine forces in the Black sea in the period. Understood the extent of its objectivity, on the basis of this analysis formulated perspectives of the research topics at the State Museum of heroic defense and liberation of Sevastopol.

Key words: submarine forces, Naval forces of the Black sea, the literature, the division of submarines, bibliography.

УДК 94(47+57)“1941/1945”:665.6

ББК 63.3(2)622-2

ПРОБЛЕМА ПОИСКОВ НЕФТИ И РАЗВИТИЕ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Серазетдинов Борис Уразбекович

Кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института российской истории
Российской академии наук
sbu54@bk.ru
ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается процесс поиска нефти и развития нефтяной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Раскрываются основные этапы изучения нефтегазопоисковых работ на территории Западно-Сибирской плиты, работа сибирской группы института географии Академии наук, а также Западно-Сибирской экспедиции Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ) и других организаций по поиску нефти. Показывается роль ученых в развитии нефтяной промышленности в период военного лихолетья.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Великая Отечественная война, Западно-Сибирская плита, нефтегазопоисковые работы, экспедиции, бурение, скважины.

Проблема поисков нефти в Западной Сибири имеет свою историю. Изучением нефтегазоносности юго-восточных районов Западно-Сибирской плиты занимались Ф.Г. Гулари [3], В.Д. Наливкин [10], Н.Н. Ростовцев [18], А.А. Трофимук [20; 21] и др.

Развитие нефтегазопоисковых работ на территории Западно-Сибирской плиты проходило в несколько этапов. На первом этапе (1934–1948 гг.) изучались естественные обнаружения на восточном склоне Урала и велись наблюдения за отдельными скважи-

нами, пробуренными вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Геологические результаты работ этого периода были опубликованы в ряде публикаций А.А. Борисова, В.Г. Васильева, М.К. Коровина, Н.П. Туаева и др.

К сожалению, очень слабо изучен период Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 год. В этой связи изучение истории становления и развития нефтяной промышленности в Западной Сибири в военные годы является актуальной задачей, и, несомненно, анализ истории может способствовать дальнейшему развитию нефтегазового комплекса в Западной Сибири на современном этапе.

Цель статьи: на основе системного подхода проанализировать исторический процесс становления и развития нефтяной промышленности на рассматриваемых территориях в годы военного лихолетья, формирования научных знаний, оценить работу геологов в поиске и разведке нефти в годы Великой Отечественной войны.

Учитывая актуальность проблемы поиска нефти, необходимо обратить внимание на работу С.М. Лисичкина «Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР», которая вышла в 1958 году. В этой работе есть таблица, посвященная распределению капиталовложений в добычу нефти в годы войны.

Структура капиталовложений в нефтедобывающую промышленность (в %) [9, с. 46]

Показатель	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Бурение эксплуатационное	25	21	16	19	17	10
Бурение разведочное	15	18	16	16	16	14
Оборудование для бурения	7	9	3	5	8	8
Промысловое строительство	35	36	33	38	39	45
Геологические партии	8	1	6	5	6	3
Жилищное строительство	2	4	3	4	2	3
Прочие работы	8	11	23	13	12	17

Так, например, в первые годы военного лихолетья, несмотря на тяжелую обстановку, силами Горно-геологического управления Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) проводились поиски нефтегазовых проявлений на Ямале. Общие рас-

ходы Горно-геологического управления ГУСМП в 1941–1943 гг. на геологическую разведку составили 143,5 млн рублей [7, с. 18].

В книге «История геологического поиска», посвященной 50-летию открытия Западносибирской нефтегазоносной провинции, отмечается, что «лишь в трудном 1942 году, когда на фронте решалась судьба страны и немецкие танки прорвались к Сталинграду, разведочные работы в Западной Сибири были остановлены» [6].

В публицистическом научно-популярном сборнике «Западная Сибирь: история поиска. 1940–1975 годы» подчеркивается, что в «Западной Сибири только предстояло заново создавать геологоразведку, ликвидированную в годы Великой Отечественной войны» [4, с. 12].

Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН А.А. Иголкин в монографии «Советская нефтяная политика в 1940-м – 1950-м годах» также отмечает, что распоряжением СНК СССР № 175 97-р от 11 сентября 1943 г. Западно-Сибирский геологоразведочный трест со всеми кадрами, а также оборудованием и материальными ценностями переводился в Ташкент, с переименованием в Среднеазиатский геологоразведочный трест [5, с. 108].

Концепция о том, что в годы войны разведочные работы в Западной Сибири по поиску нефти и газа были прекращены, не верна.

В конце 1941 г. Институтом географии Академии наук СССР по поручению Президиума Академии наук СССР и заданию Госплана СССР была организована экспедиция в восточные районы СССР по экономгеографическому обследованию средних и мелких городов и других населенных пунктов этих районов с целью выявления возможностей их промышленного развития.

В соответствии с общими указаниями Госплана СССР и Института географии работала Сибирская группа, которая в первую очередь сосредоточилась на экономгеографическом обследовании населенных пунктов южной части Омской области, непосредственно расположенных на обеих ветвях Сибирской железнодорожной магистрали Омск – Тюмень и Калачинск – Омск –

Исилькуль. Позже в процессе работы выяснилось, что большие промышленные возможности имеются еще у ряда населенных пунктов (озеро Эбейты, Тумашово, отчасти Заводопетровское и Большеречье), не лежащих на магистрали, но связанных с нею уже в военный период рядом довольно удобных путей сообщения (железнодорожная ветка, водный транспорт, автогужевая дорога) и расположенных вблизи крупных и ценных сырьевых, а также и топливных (кроме озера Эбейты) ресурсов.

Ответственные Сибирской группы в отчете отмечают, что «...Тюменский район охвачен геолого-поисковыми работами по выявлению нефтеносности, производится магнитная съемка, в долине реки Тавды ведется сейсмо-электроразведка. По мнению ряда геологов, здесь могут быть обнаружены промышленные запасы нефти, что имело бы огромное значение, в частности для промышленного развития Тюмени и прилегающего к нему района» [17, л. 50].

Необходимо обратить внимание на коллективную работу «Потомки Прометея: Геологическая служба газовой промышленности», где впервые отмечается, что поиски нефти и газа в Западной Сибири полностью не прекращались и в годы Великой Отечественной войны [15, с. 20].

Проблемой нефтегазоносности в Западной Сибири занимались Западносибирское геологическое управление Министерства геологии РСФСР (ЗСГУ), Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт Министерства геологии и охраны недр СССР (ВНИГРИ), Западносибирский геологоразведочный трест Наркомата нефтяной промышленности (ЗСГРТ ННП), Трест Кузбассуглегеология Министерства угольной промышленности СССР (Кузбассуглеразведка) и Гелиогазразведка (регистрация газопроявлений) Горно-геологического управления Главного управления Северного морского пути (ГУСМП).

В 1941–1942 гг. Государственный Сибирский геофизический трест (ГСГТ) провел некоторый комплекс геофизических исследований в юго-западной части Западносибирской низменности, приуроченных в основном к полосе вдоль трассы Транссибирской железной дороги и частично севернее последней – по рекам Оби,

Иртышу, Конде и др. Результаты этих работ обобщены А.А. Борисовым. Им впервые были составлены тектонические карты рельефа складчатого палеозойского фундамента, а также намечены структуры в мезозойско-кайнозойском покрове юго-западной части низменности.

Все охарактеризованные выше геофизические исследования внесли много нового в уточнение существующих общих представлений о глубинном строении южной части низменности и подготовили основу для следующего этапа нефтеразведочных работ – поискового бурения, выявив ряд структур в мезозойско-кайнозойском чехле.

В ноябре 1941 г. с целью обобщения и интерпретации, с точки зрения нефтеносности, материалов по геологии Западносибирской низменности была организована Западно-Сибирская экспедиция Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ).

В 1941–1942 гг. Западно-Сибирским геологоразведочным трестом на Тавдинской структуре были пробурены две крелиусные скважины глубиной 72,83 и 444,62 м. Результаты геологоразведочных работ не дали оснований для определенного решения вопроса о ее нефтеносности, но работа по поиску нефти и газа продолжалась до конца войны.

С 1941 по 1943 г. ЗСГУ и ВНИГРИ с целью поисков нефти и газа проводились геологические съемки в северо-западной части Инского залива Кузбасса, в результате которых были уточнены стратиграфия палеозойских отложений, их тектоника, изучена гидрогеология района. Исследованная территория была признана бесперспективной в нефтегазоносном отношении, хотя Л.А. Rogozin и Д.А. Васильев дали рекомендации на дальнейшие нефтегазопосковые работы [8, Инв. 6471].

Работами ВНИГРИ между Ермаковским и Крапивинским поднятиями по северо-восточной окраине бассейна выявлены новые структуры и признаки нефтеносности в каменноугольных и девонских отложениях. Перспективы района на нефть оценены положительно. В отчете о геологических исследованиях, произведенных в 1941 г. Крапивинской и Крапивинско-Заломненской

партиями, отмечены прямые признаки нефтеносности: 1. Наличие твердых битумов – асфальтитов в D и морских C1 отложениях, слагающих Крапивинский купол. 2. Наличие битуминозных пород – битуминозные известняки C1 и битуминозные угли (сапропелиты) балахонской свиты. Геологи пришли к выводу, что район благоприятен для нахождения как первичной, так и вторичной нефти (см.: Петухов С. Ф. Материалы по геологии и полезным ископаемым северо-восточной части Кузбасса в [2, с. 216]).

За описываемый период выполнен ряд обобщающих работ, подводящих итоги изучения нефтегазосности Кузбасса и Колывань-Томской складчатой зоны и оценивающих их перспективы. В 1941 г. А.В. Тыжнов обобщил материалы по северной части Кузбасса, описал фактический материал и на основе анализа фаций и тектоники оценил регион как промышленно-перспективный по нефти. Особое внимание в работе А.В. Тыжнова уделено палеогеографии как поисковому фактору, указанному И.М. Губкиным. Он подчеркивает, что для северной части Кузбасса установлены благоприятные фации для нефти: наличие накоплений битуминозного органического вещества (сапромикситов), красноцветных толщ, гипсоносности и др. Отмечается миграция фаций в связи с перемещениями береговой линии моря [8, Инв. 5593].

В кратких геологических результатах по разведочным структурам Западносибирского разведочного треста на 15 октября 1941 г. С.И. Чернов, А.И. Середа подчеркивают, что наличие благоприятных коллекторов в разрезе, неглубокое залегание битуминозных пород, благоприятные тектонические структуры и условия для сохранения нефтяных залежей позволяют считать Ермаковскую структуру первоочередным объектом [2, с. 274].

В марте 1942 г. профессор Томского индустриального института, доктор технических наук Н.А. Чинакал направил в Новосибирский обком ВКП(б) докладную записку, в которой наряду с проблемами угольной и металлургической промышленности Сибири предлагал начать изучение нефтеперспективных структур Сибирской платформы и развернуть широкую разведку на нефть. Он поддержал прогнозы о том, что под поверхностью Западной Сибири плещется нефтяное море.

Еще 12 июня 1942 г. начальник Главнефтеразведки Григорий Ефимович Дикенштейн подписал приказ «О форсировании разведочных работ на нефть в Западной Сибири». За 1942 г. геологи Горно-геологического управления ГУСМП выявили и описали Тазовскую горную структуру, перспективную на нефть и газ [16, с. 86].

В приказе Наркома нефтяной промышленности было отмечено: «Задача выяснения промышленной нефтеносности территории, обслуживаемой Западносибирским геологоразведочным трестом, до сих пор не решена, несмотря на проведенный значительный объем геологопоисковых и разведочных работ. Этому способствовало отсутствие четкости и целеустремленности в направлении геологоразведочных работ треста.

Разведочное бурение на отдельных площадях проводилось одним станком, что затягивало решение вопроса об их промышленной нефтеносности. Бурение проводилось на площадях, удаленных от железных дорог и других путей сообщения (Тавда), то есть на площадях, трудно осваиваемых и требующих крупных капитальных вложений.

С целью концентрации разведочных работ на наиболее перспективных и легко осваиваемых площадях Западной Сибири и в соответствии с приказом наркома нефтяной промышленности от 3 июня 1942 г приказываю:

1. Управляющему Западносибирским геологоразведочным трестом т. Милодорову:

а) сосредоточить глубокое разведочное бурение на Асановской площади и выявить в 1942 году ее промышленную нефтеносность. Бурение производить одновременно 3 станками. В текущем году пробурить 2 800 метров;

б) ликвидировать разведочное бурение на Тавде в связи с удаленностью Тавдинского района от удобных путей сообщения, заболоченностью его, а также последними данными Западно-Сибирского треста, ставящими под сомнение прежние выводы по результатам геологопоисковых работ о наличии прямых признаков нефти;

...ж) сосредоточить основные геологопоисковые работы на восточном склоне Урала и Кузбасса...

4. Директору нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института т. Алексееву Ф.А.:

а) организовать в 1942 году Восточно-Уральскую, Северо-Сосьвинскую, Бийско-Кокчетавскую и Кузбасскую тематические партии с задачами обобщения геологических материалов, оценки отдельных районов и структур, сложенных мезозойскими и палеозойскими отложениями, в отношении их нефтеносности и обоснования выбора районов для дальнейших работ на нефть;

б) представить к 15 декабря 1942 года заключения по исследованным районам и проектам на разведочные работы по перспективным площадям.

Главнефтегазразведка требует от руководства Западно-Сибирского треста, ГСГТ, Нефтегазосъемки, НГРИ полной увязки в практической работе и решительного перелома в деле создания нефтяной базы в пределах Западной Сибири и восточного склона Урала, развертывания стахановских методов труда и мобилизации всего коллектива ИТР, рабочих и служащих на выполнение и перевыполнение производственных планов...».

В 1942–1943 гг. ВНИГРИ с нефтепоисковыми целями производились также маршрутно-геологические исследования в Северном Казахстане и прилегающей части Западносибирской низменности. В результате этих исследований для указанных районов было составлено геологическое описание региона от докембрийского до четвертичного периода, освещены его тектоника, геоморфология, гидрогеология, сделан вывод о бесперспективности в нефтегазоносном отношении палеозойских и мезозойско-кайнозойских пород Северного Казахстана и прилегающей части Западно-Сибирской низменности; перспективными были признаны западная и северо-западная части низменности и Иртышская впадина.

В 1943 г. на территории Тазовского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого округа (бассейны рек Мессо, Пур и низовья Таза) работала первая геологическая экспедиция Главного управления Северного морского пути под руководством М.Ф. Данилова. Поисковые геологические партии возглавляли И.П. Лагунец и В.Н. Сакс (впоследствии академик). На основании полученных данных начальник геологической партии Тазовской экспедиции

В.Н. Сакс сделал вывод о нефтеносности изучаемого региона. Он предлагал следующее: «Наиболее целесообразно дальнейшие нефтепоисковые работы на севере Западно-Сибирской низменности направить в пределы намечающихся впадин – Приенисейской, включая бассейны Массо и Таза, и Нижнеобской, возможно, захватывающей и бассейн Надыма». Это был правильный прогноз поисков, увенчавшийся в дальнейшем открытием крупнейших газовых объектов [1; 11; 13; 19].

Работы в течение периода были сосредоточены в северной половине Кузбасса и постепенно сокращались. Глубокое роторное бурение в Барзасском районе было прекращено, продолжалось крелиусное бурение в Крапивинском, Кемеровском и Завьяловском районах. В первых двух районах найдены перспективные антиклинарные структуры, частью с признаками нефтеносности. В скважине № 6-К у поселка Бердовского вскрыты до 17 горизонтов с битумами, в том числе жидкими, и битуминозные известняки, песчаники и конгломераты. А.В. Тышнов, О.В. Тышнова отмечают, что предполагаются промышленные скопления нефти в пределах антиклинарных структур, развитых южнее поселка Бердовского [8, Инв. 6483].

В геологическом отчете Конюхтинской нефтеразведки за 1943 г. (Западносибирский геологоразведочный трест Наркомата нефтяной промышленности (ЗСГРТ)) нефтепроявления (битумы) отмечены в широком интервале (600 м) породы балахонской свиты, а также установлены углеводородные газы с содержанием метана до 75,5 % [2, с. 273]. Бурение на Ермаковской структуре не было завершено и свернуто в 1944 году. Для выяснения формы структуры и более полной оценки перспектив ее на нефть и газ бурение возобновлено в последующие периоды.

Работы ВНИГРИ на восточной окраине Абашевского купола (Завьяловский геолого-экономический район) заключались в геологической съемке и небольшом объеме бурения. Предположения о существовании крупной структуры не подтвердились [2, с. 282].

В 1943–1944 гг. М.К. Коровиным произведено геотектоническое районирование Западной Сибири. К нефтегазоперспектив-

ным были отнесены Чулымо-Енисейская впадина, Колпашевская, Барабинская депрессии Обь-Енисейской и герцинские структуры Обь-Зайсанской складчатых зон [8, Инв. 9222].

В феврале 1944 г. Наркоматом нефтяной промышленности, Комитетом по делам геологии при СНК СССР и Главным управлением Севморпути (Главсевморнефть) было принято решение о необходимости обобщения полученных геологических материалов по нефтеносности восточных районов страны для определения стратегии дальнейшего поиска. Подписали совместный приказ заместитель наркома Н.К. Байбаков и председатель Комитета И.И. Мальшев. Для выполнения этой работы в Западной Сибири была создана специальная группа, в состав которого вошли известные ученые и геологи: В.Г. Васильев (главный геолог «Союзгазразведки»), М.Ф. Двали, А.Г. Донабедов, М.К. Коровин, Н.А. Кудрявцев (руководитель группы профессор ВНИИ Наркомнефти), М.И. Кучин, Д.Л. Степанов, А.В. Тыжнов. Главным редактором по изданию обобщенной сводки по нефтеносности Сибири был утвержден академик В.А. Обручев [12, с. 56].

Из новых находок интересны битумы в угленосной толще Байдаевского месторождения и свободный газ с высоким содержанием водорода из девонских отложений Колывань-Томской складчатой зоны.

В связи с поисками нефти и газа А.И. Захаров провел магнитометрические исследования в центральной и юго-западной частях Кузбасса.

В 1944–1945 гг. Н.А. Кудрявцев и А.В. Тыжнов в коллективной работе о перспективах нефтеносности Западной Сибири подробно рассмотрели материалы по Кузнецкому бассейну и Колывань-Томской зоне и вновь положительно оценили северо-восточную окраину Кузбасса. В работе Н.А. Кудрявцева «Сводка материалов по нефтеносности Сибири. Часть VIII. Сравнительная оценка для поисков нефти перспективных районов Западной Сибири» сравниваются геологические предпосылки нефтеносности Западно-Сибирской низменности и Кузбасса. Для разбуривания автор рекомендовал Невскую и Ермаковскую антиклинали Кузбасса [8, Инв. 8221, 6480, 6531].

В процессе нефтепоисковых работ Западносибирским геологическим управлением изучались западные и восточные невкие, конюхтинские, бердовские, ермаковские структуры в Барзасском районе и Абышево-Завьяловском районе Кузнецкого бассейна. Изучая Колывань-Томскую складчатую полосу, исследователи пришли к выводу, что понижение метаморфизма к окраинным зонам складчатости позволяет относить их в категорию районов, перспективных для поисков нефти.

Обращает внимание работа группы ученых ВНИГРИ, которые рассмотрели перспективы нефтеносности Западной Сибири и прежде всего геологическое строение и проблемы возможной нефтеносности этого региона. В работе описываются основные этапы поисков и разведки нефти в Западной Сибири. Приводится геотектоническое районирование с характеристикой палеогеографических условий. Описываются главнейшие геотектонические районы Западной Сибири: Обь-Енисейская складчатая зона, континент Тоболия, Переходная зона и Саяно-Алтайская область. Описывается геолого-историческое развитие. Подробно освещаются перспективы нефтеносности восточного склона Урала, Западно-Сибирской низменности, Колывань-Томской складской зоны, Кузбасса и Минусинской котловины. Дается сравнительная оценка перспективных для поисков нефти районов Западной Сибири [14].

По изучению газоносности бассейна работал А.И. Кравцов, осветивший вопросы метанообильности шахт, распределения газов по свитам и в зависимости от тектонических факторов и доказавший возможность промышленной эксплуатации газа из куполообразных структур. Исследователем составлена первая предварительная карта прогноза метанообильности шахт бассейна исходя из установленного значительного возрастания газоносности отложений с глубиной.

10 мая 1945 г. в Новосибирске состоялось первое заседание Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР, где с докладом «О перспективах нефтеносности Западной Сибири и о путях дальнейших геологических исследований» выступил профессор М.К. Коровин.

Нефтепоисковые работы в годы военного лихолетья доставили новые сведения о нефтегазопроявлениях в Западной Сибири, хотя не решили поставленных задач и не дали окончательной оценки перспектив нефтегазоносности, но благодаря предшественникам Западная Сибирь зазвучала в 50–60-е годы.

Главное достояние Западной Сибири на новом этапе развития ее нефтегазового комплекса – это нефть баженовской свиты и сланцевая нефть. И опыт геологов, бурильщиков и ученых в поиске и разведки нефти и газа в годы Великой Отечественной войны будет актуален.

Список литературы

1. Геологи и западносибирская нефтегазовая провинция : выступление на науч.-практ. конф. «50 лет началу промышленной добычи нефти в Западносибирской нефтегазоносной провинции» Евгения Александровича Козловского. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://mgri-rggru.ru/index.php?ELEMENT_ID1=2229. – Загл. с экрана.
2. Геологическая изученность СССР. Алтайский край и Кемеровская область. Т. 19 : Период 1941–1945. Вып. 2 : Рукописные работы. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1967. – 317с.
3. Гурари, Ф. Г. О поисках нефти в северных районах Западно-Сибирской провинции / Ф. Г. Гурари, Ю. Г. Зимин, А. А. Трофимчук // Геология нефти и газа. – 1971. – № 10. – С. 6–10.
4. Западная Сибирь: история поиска. 1940–1975 годы : публицист. науч.-попул. сб. / ред.-сост. Л. В. Цареградская. – М. : Зимородок, 2007. – 207 с.
5. Иголкин, А. А. Советская нефтяная политика в 1940-м – 1950-м годах / А. А. Иголкин. – М. : Изд. центр Ин-та рос. истории, 2009. – 324 с.
6. История геологического поиска. – М. : Пента, 2003. – 283 с.
7. История Ямала. В 2 т. Т. 2 : Ямал современный. Кн. 2 : Индустриальное развитие / под ред. В. П. Тимошенко [и др.]. – Екатеринбург : Баско, 2010. – 327 с.
8. Кемеровский филиал Федерального бюджетного учреждения «Территориальный фонд геологической информации по Сибирскому федеральному округу. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.geofondkem>. – Загл. с экрана.

9. Лисичкин, С. М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР / С. М. Лисичкин. – М., 1958.
10. Наливкин, В. Д. Типы тектонических структур платформенно-го чехла / В. Д. Наливкин // Сравнительный анализ нефтегазоносности и тектоники Западно-Сибирской и Турано-Скифской плит. – Л., 1965. – С. 46–156.
11. Нефть и газ российской Арктики: история освоения в XX веке, ресурсы, стратегия на XXI век // Наука из первых рук. – 2015. – № 1 (61). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://scfh.ru/papers/neft-i-gaz-rossiyskoy-arktiki-istoriya-osvoeniya-v-xkh-veke-resursy-strategiya-na-xxi-vek/>. – Загл. с экрана.
12. Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. 1901–1965. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. – 479 с.
13. Первая северная нефть (по материалу Л.Г. Борозинца «Ухтинская экспедиция ОГПУ 1929 г.») // Историко-культурный атлас г. Ухты. – Центральная библиотека МОГО «Ухта», 2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://scfh.ru/papers/neft-i-gaz-rossiyskoy-arktiki-istoriya-osvoeniya-v-xkh-veke-resursy-strategiya-na-xxi-vek/>. – Загл. с экрана.
14. Перспективы нефтеносности Сибири. Т. I : Западная Сибирь (Геологическое строение и проблемы возможной нефтеносности) / Н. А. Кудрявцев, Н. А. Гедройц, С. П. Ситников [и др.]. – М. ; Л. : Госгеолиздат, 1948. – 581 с.
15. Потомки Прометея: Геологическая служба газовой промышленности / Г. Г. Кучеров, В. С. Парасына, В. С. Маслов [и др.]; под ред. М. М. Золочевского. – М. : Росток, 2005. – 320 с.
16. Прибыльский, Ю. П. Деятельность полярников на Крайнем Севере (1920–1945 гг.) / Ю. П. Прибыльский // Тобольский исторический сборник. Вып. II. Ч. 1. – Тобольск : Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1997. – С. 62–90.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 4372. – Оп. 42. – Д. 400. – Л. 50.
18. Ростовцев, Н. Н. Некоторые вопросы тектоники Западно-Сибирской низменности / Н. Н. Ростовцев // Геология и геофизика. – 1966. – № 1. – С. 3–9.
19. Сакс, В. Н. Каолины на севере Западно-Сибирской низменности и их значение для познания структуры этой области / В. Н. Сакс // Доклады АН СССР. – 1945. – Т. 48, № 9. – С. 694–697.
20. Трофимук, А. А. Перспективы нефтегазоносности палеозоя юга Западно-Сибирской плиты / А. А. Трофимук, В. С. Вышемирский, Н. П. Запывалов // Геология и геофизика. – 1979. – № 7. – С. 3–13.

21. Трофимук, А. А. Проблема нефтеносности палеозоя Западно-Сибирской низменности / А. А. Трофимук, В. С. Вышемирский // Геология нефти и газа. – 1975. – № 2. – С. 1–7.

**THE PROBLEM OF SEARCHING FOR OIL
AND DEVELOPING THE OIL INDUSTRY
IN WEST SIBERIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Serazetdinov Boris Urazbekovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Leading Researcher, Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences
sbu54@bk.ru
Dmitry Ulyanov St., 19, 117036 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article discusses the process of oil exploration and petroleum development in West Siberia during the great Patriotic war. Describes the main stages of the exploration for oil and gas prospecting works on the territory of the West Siberian plate, the work of the Siberian group of the Institute of geography of the Academy of Sciences, as well as the West – Siberian expedition of the all-Union scientific research geological Institute (VNIGRI) and other organizations in search of oil. Shows the role of scientists in the development of the oil industry during the war years.

Key words: Western Siberia, the Great Patriotic war, the West Siberian plate, oil and gas exploration work, expedition, drilling, wells.

УДК 94(470)“1944/1949”:355.415.8

ББК 63.3(236)622,7

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КРЫМУ В 1944–1949 ГОДАХ

Сидоров Сергей Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
Волгоградского государственного университета
sg1955sidorov@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. После освобождения Крыма от гитлеровской оккупации на полуострове начался длительный восстановительный период. Эти годы были особенно трудными из-за резкого сокращения численности населения. В результате боевых действий, оккупации и депортации немцев, крымских татар, турок, болгар, греков, армян население уменьшилось втрое. Некоторые районы полуострова, ранее заселенные крымскими татарами, остались практически без населения. В этих условиях руководство СССР приняло решение снять остроту недостатка рабочей силы на полуострове за счет взятых в плен солдат противника. К концу 1945 г. в Крым было направлено более 30 тыс. военнопленных, которые выделялись хозяйственным организациям по решениям правительства и по указаниям НКВД-МВД СССР и Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУП-ВИ) НКВД-МВД СССР. Первый лагерь для военнопленных под № 241 на крымской земле появился уже 30 апреля 1944 г., когда освобождение полуострова еще не было полностью завершено. В октябре того же года был организован второй лагерь под № 299. После окончания войны в июле 1945 г. в Крыму появился третий и последний лагерь под № 420, контингент которого осуществлял строительство дорог. Наряду с лагерями на территории полуострова короткое время находились отдельные рабочие батальоны военнопленных, строившие объекты, принадлежавшие Вооруженным силам СССР. За время нахождения на территории Крыма военнопленными был выполнен большой объем работ.

Ключевые слова: Крым, иностранные военнопленные, лагеря НКВД-МВД СССР для военнопленных, спецгоспиталь № 3318, трудовое использование военнопленных.

Весна 1944 г. оказалась для Крыма незабываемой. В ходе Крымской операции, проведенной войсками 4-го Украинского фронта, Отдельной Приморской армии, при содействии Черноморского флота, авиации дальнего действия и партизан удалось расчленить и уничтожить 17-ю армию противника. Чуть более месяца (с 8 апреля по 12 мая) потребовалось советским войскам для разгрома вражеской группировки. 13 апреля наступавшие с севера и востока советские войска встретились в районе Карасубазара и в тот же день освободили города Евпаторию, Симферополь и Феодосию. Успешно развивая наступление, 15–16 апреля советские войска вышли на подступы к Севастополю. Этот город в первый год войны немцы штурмовали 250 дней и ночей – с 30 октября 1941 г. по 2 июля 1942 года. После 12-дневной подготовки к штурму советские войска 9 мая освободили Севастополь. Остатки разгромленной 17-й армии численностью около 30 тыс. человек были прижаты к морю в районе мыса Херсонес. Черноморский флот, артиллерия и авиация фронта не позволили им эвакуироваться. 12 мая на мысе Херсонес была пленена 21 тыс. солдат и офицеров противника, захвачено большое количество вооружения и боевой техники. Общие потери 17-й немецкой армии на суше составили 100 тыс. человек, в том числе около 62 тыс. пленными. Страна возвратила очень важный в экономическом и стратегическом отношениях район, а Черноморский флот вернул свою главную базу – Севастополь.

На крымскую землю пришел мир. Начинаясь длительный восстановительный период. Эти годы для Крыма были особенно трудными из-за резкого сокращения численности населения. В 1939 г. в Крыму проживало 1 126 429 чел., в том числе 558 481 русских, 218 879 крымских татар, 154 123 украинцев, 65 452 евреев, 5 299 немцев, 20 652 греков, 15 344 болгар, 12 923 армян и ряд других национальностей. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в августе-сентябре 1941 г. с территории полуострова были депортированы немцы. После ос-

вобождения полуострова от немецко-фашистских захватчиков органы НКВД СССР по постановлению ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. выселили с полуострова вместе с семьями крымских татар и турок, по постановлению ГКО № 5984 от 2 июня 1944 г. – болгар, греков и армян. В результате боевых действий, оккупации и депортации население Крыма уменьшилось втрое. В октябре 1944 г. в Крыму насчитывалось всего 379 000 жителей (33,6 % от уровня 1939 г.). Некоторые районы (горы и Южный берег Крыма, населенные до того в основном крымскими татарами) остались практически без населения. После депортаций были переименованы многие населенные пункты, названия которых имели крымско-татарское, немецкое, греческое, армянское происхождение (более 90 % населенных пунктов полуострова). В 1945 г. Крымская АССР была преобразована в Крымскую область [5].

В условиях войны, когда в народном хозяйстве страны остро не хватало рабочих рук, руководство СССР приняло решение использовать на восстановлении народного хозяйства полуострова захваченных в плен вражеских солдат. К концу 1945 г. в Крым было направлено более 30 тыс. военнопленных, которые выделялись хозяйственным организациям по решениям правительства и по указаниям НКВД-МВД СССР и Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР [7, с. 294].

Первый лагерь на полуострове появился весной 1944 года. Уже 30 апреля вначале на станцию Джанкой, а позднее в г. Севастополь было передислоцировано управление лагеря для военнопленных № 241, который ранее размещался в Молотовской области (ныне Пермский край). Отделения лагеря открылись в городах Алушта, Балаклава, Евпатория, Керчь, Феодосия, Ялта, на станциях Инкерман, Сиваш, Сирень, селах Бельбек, Булганак, поселках Саки, Таир, Ореанда. Всего в конце 1944 г. в составе управления лагеря имелось 19 отделений. По состоянию на 1 ноября 1944 г. в лагере содержалось 15 106 военнопленных, в том числе 9 810 румын, 3 846 немцев и 114 венгров. Высокая численность лагеря поддерживалась и в последующие годы. На 1 марта 1947 г. в лагере находилось 14 993 бывших вражеских солдата. Лишь к мо-

менту расформирования лагеря контингент сократился почти в два раза и составил на 10 мая 1948 г. 8 093 человека.

Военнопленные лагеря использовались на работах Военно-морского строительного управления (ВМСУ) треста «Севастопольстрой» Министерства строительства военных и военно-морских предприятий СССР (около 11,4 тыс. чел.), Перекопского бромного завода (до 2 тыс. чел.), треста «Севастопольгражданстрой» Министерства жилищно-гражданского строительства СССР (около 0,7 тыс. чел.), ВМСУ № 9 в г. Одесса, на строительстве Керчинского моста, на восстановлении Севастопольской ГРЭС, портов, Балаклавского рудоуправления Министерства черной металлургии СССР и других объектах [6, с. 214–215]. В вышеназванных хозяйственных организациях они выполняли строительные, восстановительные, сельскохозяйственные, погрузочно-разгрузочные и эксплуатационные работы.

Управление лагеря № 241 было расформировано 1 июня 1948 года. Действующие 9 лагерных отделений были переданы в Симферопольский лагерь № 299 [7, с. 228].

Лагерь для военнопленных под № 299 на территории Крыма был организован НКВД СССР 16 октября 1944 года. Управление лагеря почти за все время его существования находилось в г. Симферополь (с января по апрель 1945 г. – в г. Феодосия). Отделения этого лагеря были развернуты по всему полуострову. За более чем пятилетнюю историю лагеря через него прошло 45 746 военнопленных, в их числе 18 247 немцев, 14 801 венгр, 3 501 румын, 1 243 австрийца и 7 955 человек свыше 20 других национальностей. В структуре лагеря было открыто более 60 лагерных отделений, в том числе 42 в 1945 году. Лагерные отделения дислоцировались в г. Алушта, Балаклава, Бахчисарай, Евпатория, Керчь (пос. Камыш-Бурун), Севастополь (бухта Стрелецкая, Зенитный городок, гора Матюшенко, бухта Голландия, пос. Инкерман), Симферополь, Старый Крым, Судак, Феодосия, Ялта, пос. Саки, м. Сасык-Сиваш, районах: Азовском (с. Азовское), Алуштинском (совхоз «Кастель»), Бахчисарайском (пос. Чаир, ст. Альма, с. Кача), Белогорском, Зуйском, Колайском (пос. Колай), Красногвардейском, Красно-Перекопском (пос. Красный Перекоп, ст. Пятиозер-

ная), Куйбышевском (с. Крепкое), Нижнегорском, Приморском (Багерово), Симферопольском (с. Зуя, совхоз «Красный»), Старо-Крымском (д. Карабай, Цюрихталь, Золотое Поле, м. Карагозы), Судакском (д. Отузы, пос. Щебетовка), Феодосийском, Ялтинском (Верхняя Ореанда, пос. Ай-Даниль, д. Дегерменкой, Запрудное, пос. Ливадия, Массандра, Кореиз, Мисхор, Симеиз, Форос).

Отделения лагеря № 399 действовали в разное время при винкомбинате «Массандра», совхозах «Молодая гвардия», «Большевик», «Красный», «Кара-Кият», «Эшкине», «Чотты», «Тамак», «1-я пятилетка», «Мариано», «Крымская роза», винсовхоз «Судак», «Коктебель», Старо-Крымский, «Ай-Даниль», «Алупка», «Алушта», «Ливадия», «Кастепь», табаксовхоз им. Кирова, Симферопольский, сад-совхоз им. Чкалова. Рабочую силу из числа военнопленных получали заводы Министерства судостроительной промышленности СССР № 374 и Перекопский бромный, судоремзавод № 532, Сакский химзавод Министерства химической промышленности СССР, Камыш-Бурунский железорудный комбинат, эфирокмбинаты Бахчисарайский и Симферопольский, Бешуйские угольные копи управления местной топливной промышленности, Кутурский ракушечный карьер Министерства промышленности строительных материалов СССР, промысел по добыче соли, крупные строительные организации ВСМУ «Севастопольстрой» и ВМСУ-46 Минвоенморстроя СССР, спецстроительство № 10 МГБ СССР, трест Севастопольгражданстрой Мингражданстроя РСФСР, Крымморстрой НКМФ, Гражданстрой ОСМЧ Севкавказстроя № 1 НКС СССР, УВС № 167, строительство № 5 и № 100 Главного управления аэродромного строительства НКВД СССР, строительство аэродрома НКВМФ СССР, государственный Никитский ботанический сад им. Молотова, строительство дома отдыха «Судак» Госплана СССР при Совете министров, спецсанаториев ЦК ВКП(б), санатория Совета министров, восстановление санатория им. Ленина, объекты Академии наук СССР и др. [7, с. 225–228].

Более половины лагерных отделений функционировали менее одного года. Лишь 16 отделений просуществовали более двух лет, в их числе 11 – более трех лет и 1 – более четырех лет. К пос-

леднему относилось отделение, открытое при железорудном комбинате НКЧМ СССР в г. Керчи (пос. Камыш-Бурун), которое было открыто в мае 1945 г. и ликвидировано только в июле 1949 года. Ежедневно в среднем около 450 военнопленных трудились на комбинате. Больше всего военнопленных – 577 человек – ежедневно в среднем находились на объектах «Севастопольпромстроя». К организациям, на которых использовался труд более ста военнопленных, относились завод № 352 (в среднем 331 чел. ежедневно), Феодосийский порт (341 чел.), ГУАС № 5 и № 10 (459 чел.), стройотдел ХОЗО УМВД (525 чел.), совхозы «Красный» (301 чел.), «Молодая гвардия» (261 чел.), «Массандра» (162 чел.) и другие. На большинстве предприятий было занято от нескольких десятков до нескольких человек [7, с. 242–244].

Среднесписочный состав военнопленных лагеря составлял в 1945 г. 10 857 чел., в 1946 г. – 14 195 чел., в 1947 г. – 11 225 чел., в 1948 г. – 7 164 чел., в 1949 г. – 3 141 человек. Лагерь был ликвидирован по приказу МВД СССР № 001129 от 28 декабря 1949 года [6, с. 244–245].

Пленные военнослужащие армий противника использовались также и на восстановлении дорог. За время боевых действий в СССР оказались подорванными и разрушенными более 90 тыс. км шоссе-ных дорог, большое количество мостов. Без восстановления транспортных артерий ни о каком успешном развитии народного хозяйства страны и речи быть не могло. По постановлению ГКО от 4 июня 1945 г. за № 8921сс «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных» Главному управлению строительства шоссе-ных дорог (Гушосдору) НКВД СССР для строительства новых и реконструкции существующих дорог планировалось выделить 400 тыс. взятых в плен вражеских солдат, для содержания которых разворачивалось 34 лагеря.

В июле 1945 г. один из дорожных лагерей под № 420 был создан в Крыму с дислокацией управления в совхозе «Красный» и лагерных отделений в г. Симферополе, д. Курцы, совхозах «Красный» и «Кара-Кият» [6, с. 292]. Во вновь созданное подразделение Главного управления по делам военнопленных и интерниро-

ванных (ГУПВИ) НКВД СССР из лагеря № 299 в 1945 г. было передано 2 177 военнопленных [7, с. 259].

История данного лагеря оказалась короткой – менее полугода. Дело в том, что содержание контингента в наспех созданных дорожных лагерях было неудовлетворительным. Для обустройства лагерей не хватало строительных материалов. Организация труда военнопленных находилось на самом низком уровне. Существующая структура и подчиненность лагерей не способствовали высоким результатам труда. По данным ГУПВИ НКВД СССР на 25 октября из имеющихся в лагерях около 151 тыс. чел. работало немногим более 35 тыс. чел., в начале ноября – 45 тыс. чел., на 1 декабря – 67 тыс. человек [8, л. 24, 58, 90]. Остальные не работали по болезни, из-за отсутствия рабочих мест, одежды или обуви.

Руководство НКВД СССР в октябре изменило структуру лагерей Гушосдора и руководства ими. В составе отделений лагерей Гушосдора были сформированы дорожно-строительные батальоны численностью в 750–1 000 человек каждый, место дислокации которых определялось производственной необходимостью [2, л. 337]. В соответствии с приказом НКВД СССР от 31 декабря 1945 г. происходит переформирование существующих управлений лагерей для военнопленных на строительстве автомобильных дорог Гушосдора по линейному принципу. Теперь каждый из вновь сформированных лагерей был закреплен за отдельным управлением строительства. Во главе лагерей встали начальники соответствующих строительных Гушосдора. Всего на базе ранее существующих 35 лагерей было организовано 19 на 254 500 чел.; 16 лагерей, в том числе и № 420, были расформированы [3, л. 715].

Наряду с лагерями НКВД-МВД для военнопленных в Крыму в 1947 г. действовало и два отдельных рабочих батальона (ОРБ) МВС: № 475, переведенный из Брестской области в г. Симферополь, и № 493, переведенный в г. Севастополь из г. Черняховска (до 1946 г. – г. Инстербург). Военнопленные, находящиеся в ОРБ, использовались на строительстве и реконструкции объектов, принадлежащих Вооруженным силам СССР. Как правило, содержание военнопленных в отдельных рабочих

батальонах было хуже, чем в лагерях для военнопленных. В связи с этим заболевшие военнопленные отправлялись на родину, на излечение в спецгоспиталь и назад, как правило, не возвращались. Численность военнопленных в ОРБ МВС № 475 с 1 августа по 1 ноября 1947 г. сократилась с 457 до 35. В ОРБ МВС № 493 по состоянию на 1 ноября 1947 г. содержалось всего 67 человек [4, с. 621, 626]. Вскоре оба батальона были расформированы.

Для лечения тяжелобольных военнопленных в Крыму был развернут спецгоспиталь № 3318 (начальник госпиталя – майор медицинской службы Румянцев), который в сентябре 1944 г. размещался на станции Симферополь Сталинской железной дороги [6, с. 489]. По состоянию на 1 апреля 1946 г. в нем находилось 1 266 военнопленных [1, л. 54]. Весной 1948 г. госпиталь находился в Севастополе. Он был способен принять 800 больных [9, л. 35]. После ликвидации Севастопольского лагеря № 241 спецгоспиталь вновь перевели в г. Симферополь. По состоянию на 1 февраля 1949 г. госпиталь на 500 коек был размещен на базе отделения № 11 лагеря № 299 в помещениях совхоза «Красный» МГБ СССР [6, с. 498].

Наряду со спецгоспиталем в каждом лагере для военнопленных действовали медицинские учреждения, состоящие из санчастей производственных отделений, оздоровительного отделения и центрального лазарета. Санитарные части в лагерных отделениях состояли из амбулатории, стационара на 10–20 коек, изолятора и зубного кабинета (не во всех отделениях). Большинство больных, прошедших через стационары лагерей, выписывались здоровыми. Например, в лагере № 299 за время его существования к 1 сентября 1949 г. из 23 471 стационарных больных выздоровело 18 922 человек (80,6 %) [7, с. 254].

Весной 1947 г. во всех производственных отделениях лагерей стали создаваться комнаты отдыха, куда сроком на две недели направлялись ранее хорошо работавшие военнопленные, у которых начинало ухудшаться физическое состояние. До конца июля 1949 г. в комнатах отдыха лагеря № 299 побывало 11 852 военнопленных [7, с. 257].

Таблица 1

**Итоги производственной деятельности
Симферопольского лагеря НКВД-МВД СССР
для военнопленных № 299 за 1945–1949 гг.***

Показатель	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.**	Итого
1. Среднесписочное число военнопленных, чел.	10 857	14 195	11 225	7 164	3 141	9 316
2. Трудовой фонд, %	80,0	90,1	94,5	96,0	97,0	92,0
3. Вывод на производство, чел.	7 504	10 385	8 344	5 766	2 697	6 938
– в % от всех военнопленных	69,1	70,2	74,2	80,5	85,9	74,4
4. Военнопленные, выполняющие нормы, чел.	6 680	9 829	8 063	5 518	2 605	6 539
– в % к работающим	89,0	94,6	96,6	96,9	97,9	94,5
5. Валовая сумма выработки, тыс. руб.	27 828	40 303	37 890	27 384	16 091	149 496
– в % от плана	121,0	105,2	99,4	108,8	132,0	109,2
6. Средняя производительность труда, %	113,0	115,0	117,0	119,5	127,4	118,4

Примечание. * – таблица составлена и подсчитана по: [7, с. 242, 245–247]; ** – на 1 сентября 1949 г.

С каждым годом доля нетрудоспособных военнопленных в лагерях уменьшалась. Это достигалось за счет улучшения организации труда, медицинского обслуживания и жилищно-бытовых условий в лагерях, а также отправки на родину потерявших трудоспособность военнопленных. Свою роль в состоянии здоровья узников лагерей сыграли и благоприятные климатические условия Крыма. Подтверждением этому служат сведения о работе военнопленных лагеря № 299.

За пять лет производственной деятельности лагеря трудовой фонд вырос с 80 до 97 %, доля военнопленных, выводимых на оплачиваемые работы, увеличилась с 69,1 до 85,9 %, выполняющих нормы – с 89 до 97,9 % от числа работающих. Бывшими солдатами противника на полуострове был выполнен большой объем восстановительных и строительных работ. Валовая выработка контингента лагеря № 299 в хозяйственных организациях Крыма за

период с января 1945 г. по август 1949 г. составила 149,5 млн рублей. Военнопленные не только покрыли расходы на содержание лагеря, но и сдали в доход государства более 20 млн рублей [7, с. 247].

Пленные, выполняющие план, получили за свой труд премиальное вознаграждение в размере 6 874 тыс. рублей. Доля получающих вознаграждение составляла ежемесячно до 30 % контингента лагеря [7, с. 246].

Не все военнопленные, попавшие в лагерь НКВД СССР, смирились со своей участью. Некоторые совершали побеги, однако большинство из них были пойманы. Так, из 95 пленных, бежавших из лагеря № 299 за время его существования, было задержано 92. Большую помощь в поимке сбежавших руководству лагеря оказывали бригады содействия, созданные при каждом лагерном отделении из числа рабочих, колхозников, служащих и учащихся. С их помощью было задержано 37 человек [4, с. 277]. Отдельные военнопленные отказывались от работы, за что их сурово наказывали. Например, в декабре 1948 г. в связи с незавершением репатриации семь военнопленных отказались работать. Все они были привлечены к уголовной ответственности на разные сроки [7, с. 251].

Тяжелый труд, бытовая неустроенность, недостатки в организации питания и медицинского обслуживания вызывали болезни и смерть. Только в лагере № 299 за время его существования в спецгоспиталь № 3318 было направлено 6 635 чел., в лагере умерло 3 121 чел., в том числе 2 949 чел. в 1945 году. Высокая смертность в последний год войны была вызвана массовым поступлением в лагерь военнопленных, пораженных педикулезом, в состоянии крайнего истощения и последовавшей среди них эпидемической вспышки возвратного тифа [7, с. 259].

Более высокой смертности в последующие годы удалось избежать благодаря постоянному улучшению условий содержания и труда, проводимой репатриации на родину нетрудоспособных военнопленных. Передача проводилась через лагерь органов репатриации в Германии: № 69 в г. Франкфурт-на-Одере (немцы, поляки) и Венгрии: № 36 в г. Сегед (венгры, австрийцы) и № 176 в г. Фокшаны (румыны, венгры). По неполным данным, из лагерей № 241 и № 299 на родину было отправлено 34 тыс. человек (см. табл. 2).

Таблица 2

**Репатриация военнопленных на родину
из лагерей НКВД СССР № 241 и № 299 в 1945–1949 гг.***

№ лагеря	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	Итого
241	9 107	1 841	3 460	2 172	–	16 580
299	3 307	803	4 306	8 239	1 465 **	17 420
<i>Всего</i>	12 414	2 644	7 766	10 411	1 465	34 000

Примечание. * – таблица составлена и подсчитана по: [6, с. 215; 7, с. 261]; ** – на 01.09.1949.

Значительная часть военнопленных покинула территорию Крыма в 1945 г., когда в лагерях еще не были созданы благоприятные условия для жизни и трудовой деятельности, и в 1948 г. во время проведения массовой репатриации.

Пребывание военнопленных на крымской земле не прошло бесследно. Их труд ускорял восстановление экономики полуострова, разрушенной в ходе нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9401. – Оп. 1. – Д. 2434.
2. ГАРФ. – Ф. 1п. – Оп. 1а. – Д. 181.
3. ГАРФ. – Ф. 9401. – Оп. 12. – Д. 205. – Т. 4.
4. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952. Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2004. – 1111 с.
5. Депортация крымских народов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://krymology.info/index.php/>. – Загл. с экрана.
6. Лагеря для военнопленных НКВД-МВД СССР. 1939–1956 : справочник. – Волгоград : Издатель, 2013. – 768 с.
7. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951. Отчетно-информационные документы. Т. 5, кн. 2. – Волгоград : Издатель, 2006. – 1088 с.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 1п. – Оп. 15а. – Д. 4.

9. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 23а. – Д. 4.

10. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 10г. – Д. 3.

11. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 01е. – Д. 39.

FOREIGN PRISONERS-OF-WAR IN THE CRIMEA IN 1944–1949

Sidorov Sergey Grigoryevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Head, Department of Russian History,
Volgograd State University
sg1955sidorov@ayndex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. After the liberation of Crimea from Nazi occupation of the peninsula a long recovery period began. Those years were particularly difficult due to a sharp population decline. As a result of the fighting, the occupation and the deportation of Germans, Crimean Tatars, Turks, Bulgarians, Greeks, Armenians, the population decreased threefold. Some areas of the peninsula, formerly inhabited by the Crimean Tatars, virtually had no population. In those circumstances, the Soviet leadership decided to alleviate the labor shortage on the peninsula due to the captured enemy soldiers. By the end of 1945 more than 30 thousand ones were sent to the Crimea. Prisoners of war stood economic organizations on the decisions of the government and on the instructions of the NKVD, the Soviet Interior Ministry and the Chief of the Office for prisoners of war and interned (GUPVI) NKVD-MVD USSR. The first camp for prisoners of war under the number 241 on the Crimean land appeared on April 30, 1944, when the liberation of the peninsula had not yet been fully completed. In October of the same year the second camp under the number 299 was organized. After the war in July 1945 there was the third and the last camp under the number 420 were organized in the Crimea. The contingent of which was engaged in the construction of roads. In addition to the camps on the territory of the peninsula there were some labor battalions of prisoners that built the facilities belonging to the armed forces of the USSR. During their stay on the territory of the Crimea prisoners of war made a large amount of work.

Key words: Crimea, foreign prisoners of war, the Soviet Interior NKVD-MVD Ministry prison camp, spetsgospital no. 3318, labor use of prisoners of war.

УДК 94(47+57)“1941/1945”:322

ББК 63.3(2)622-37

НЕПОНИМАНИЕ НАРОДА КАК ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Терешина Ольга Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии
Российского государственного социального университета
starushkja@rambler.ru

ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, 129226 г. Москва,
Российская Федерация

Аннотация. Раскрывается потребность в религии у народа, возросшая в годы войны, несмотря на атеизацию. Представлено поведение советской власти видевшей в церкви средство ведения войны. Обыватели встретили большее понимание со стороны оккупантов, хотя благодарили вождя за изменение религиозной политики. Боязнь и непонимание обусловили контроль за разрешенными пределами религиозной жизни населения, но она все равно стала формой протеста против советских преобразований.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Великая Отечественная война, государственно-церковные отношения, непонимание, религиозность.

Накануне Второй мировой войны, прибегая к различным средствам, большевистское государство практически уничтожило институт Церкви. В конце 1930-х гг. в РСФСР были упразднены епархии, репрессированы архиереи, не существовало ни одного официально действующего монастыря. Приходы подчинялись непосредственно патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому). К 1941 г. Русская православная церковь имела 3 732 действующих храма, причем 3 350 из них на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 годы [20, с. 429]. Несмотря на попытки советской власти уничтожить религию, ощутимая часть населения РСФСР на начало войны сохранила привержен-

ность православию. Неверующими называли себя от 1 до 4 % населения [19, с. 409].

Непонимание было главным трендом во взаимоотношениях между государством и церковью в 1941–1944 годы. Советские власти не понимали потребности народа в утешении и церкви как социального института. Непонимание исходило из верной тогда марксистской теории о религии как надстройке над материальным базисом.

Приверженность населения к православию рассматривалась большевиками как излечимая болезнь, тем более что ее «распространители» – церковь и духовенство – практически были уничтожены. Тем не менее ошибкой было оценивать православие как предрассудок и классовый пережиток.

Как представляется современным исследователям, духовный потенциал россиян периода войны был сложен: в нем переплетались элементы старого православного уклада и нового «советского». Массы воспринимали идеи марксизма-ленинизма потому, что его принципы напоминали православные, в частности: принцип равенства (бедных и богатых в советском государстве и перед Богом); справедливости (перед законом и карой Божьей); законности (права, обязанности граждан и десять заповедей Божьих).

Общественное сознание целенаправленно подвергалось нивелированию через мифологизацию. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина превратились в Библию, а сами отцы-основатели выступали святыми. Для большинства людей Сталин превратился в живого бога. Однако эти методы не могли вытеснить потребность в религии [21, с. 69].

Уже в начале войны произошел отказ от планов уничтожения Русской православной церкви. Для победы требовался подъем моральных сил народа, в котором были бы задействованы вековые традиции и самоотверженность. И возможности православия по мобилизации общества на борьбу были безграничны [1, с. 155]. Институт церкви выступал средством решения государственных проблем, а в атмосфере страданий удовлетворял потребность людей в утешении. Цели органов власти и верующих были различны, но общий враг объединил их.

На оккупированной территории церкви переполнялись молящимися, священники проводили так много служб (крещения, причастия, венчания, молебны, похороны), что едва справлялись. В приходах создавались церковные хоры, религиозные книги моментально раскупались, миссионеров встречали с почтением. Это свидетельствовало не о волнении, вызванном чрезвычайными событиями, как пытались объяснить себе советские органы власти, а о том, что православие с давних пор является частью русской культуры.

Предварительный учет церковей показал, что «всего за время оккупации было открыто... 73,7 % к общему числу» [3, л. 215–223]. Эмоциональный всплеск иллюстрируют воспоминания о службе в одном из сельских храмов 1943 г.: «Сарай – это церковь, на верху которой самый обыкновенный деревянный крест. Внутри – небольшой иконостас, несколько самых обыкновенных икон, два-три... подсвечника, одна хоругвь, на клиросе несколько... молитвословов, и среди всего этого – священник... инвалид – результат издевательств ГПУ... молится за русский народ» [17, с. 133–134]. Очевидец вспоминал, с каким благоговением подходила паства, чтобы священник коснулся Чашей головы.

Эмоциональная картина представляет то, чего хотели люди, и то, что могла дать им церковь: утешение, надежду, возможность покаяться в грехах. И церковь исполняла то, что должна делать. Людям нужна была вера, советский патриотизм заменить ее не мог. Это государственные органы понимали с трудом.

Людям нужна была и материальная помощь. Духовенство и миряне Свято-Преображенского собора г. Ленинграда в июне 1943 г. «не могли отказать... в денежной помощи своим сотрудникам... видя как многие... изнемогали под тяжестью ниспосланного креста» [10, л. 21–22]. Это была попытка создать и не дать рухнуть идее «мы все равно победим» в ситуации, когда церковь в любом случае не могла помочь всем. Давали примерно 150–300 руб. или посылали «деревянное масло, чтобы не сидеть в темноте» [10, л. 21–22].

Решение об открытии церкви или отклонении ходатайства верующих принимали местные власти – СНК республик и обл(край-)исполкомы. Если заявление отклонялось, то копия решения с мотивировкой отказа направлялась в Совет по делам РПЦ при СНК

СССР, который был создан 4 сентября 1943 г. для осуществления связи между правительством и патриархом и контроля за применением законодательства о культурах. Если местные органы власти удовлетворяли ходатайство верующих, то все материалы также высылались в Совет по делам РПЦ. Он должен был вынести предварительное решение и представить материалы на одобрение в СНК.

«Вся работа по приему, учету, предварительному рассмотрению заявлений, проведению необходимой проверки и составлению проектов заключений по ним осуществляется уполномоченным» [12, л. 1–3] – чиновником Совета по делам РПЦ. Только за октябрь 1943 г. в Совет поступило 517 заявлений верующих об открытии церквей. Потребность простого народа в культовых зданиях была очень велика. Однако рекомендация зампреда СНК СССР В.М. Молотова о необходимости сдерживания процесса открытия церквей привела к тому, что к марту 1944 г. были открыты только 29 церквей [18, с. 67–70].

С окончанием войны источником конфликтов между верующими и государством стало церковное имущество. В ходе антирелигиозных кампаний Советы закрыли тысячи церквей, передав их здания для другого использования или оставив пустовать. В оккупированных районах верующие заняли такие церкви, вернув им первоначальные функции. Когда возобновилась советская власть, появились серьезные трения между ее органами и местными приходами, имелся «ряд фактов административного и самочинного закрытия церквей... и грубые выпады в виде выбрасывания на улицу предметов церковного обихода» [3, л. 215–223]. Уважать религиозные чувства верующих советские власти не желали. Карпов писал: «Законная деятельность местных советских органов по возвращению... зданий... толкуется верующими как “репрессии”» [3, л. 215–223]. Интерпретация государством и прихожанами одних и тех же действий была прямо противоположной, и понять друг друга было почти невозможно.

В оправдание фактов «массовых и настойчивых ходатайств об открытии церквей» Карпов в 1944 г. нашел и других виноватых: «роль в усилении поступления ходатайств от верующих играют...

бывшие церковные старосты, казначеи и другой церковный актив, заинтересованный в получении материально выгодного места» [3, л. 215–223]. Он свел все к деньгам и нашел разумную для советского правительства причину.

Люди тем временем «настойчиво добиваются удовлетворения их ходатайств», ссылаются «на конституцию... на дальность расстояния... на возросшую потребность помолиться за погибших... за сражающихся... желание стариков умереть по-христиански» [3, л. 215–223]. Эти аргументы легко отвергались атеистическим государством.

Как фиксировал Г.Г. Карпов в 1944 г., верующие «жалуются на неосновательность отказов... на медлительность... на грубость... на оскорбление религиозных чувств... случаи обмана» [3, л. 215–223]. Представители местных органов власти не понимали народа и не считали необходимым с ним считаться. Уполномоченный мог лгать. Как указывал в информационном отчете от августа 1944 г. уполномоченный по Саратовской области, «жалоб от верующих... на действия представителей местных советских органов не поступало» [6, л. 12–13]. Верить этому заявлению в ситуации, когда «молитвенные здания... используются... под ссыпными пунктами... под клубами... под складами колхозов», было смешно [6, л. 12–13].

Население не доверяло обещаниям власти открыть церкви, при этом всю вину перекладывало на местные органы. «Лично товарищ Сталин внимательно относится к верующим, а местные власти... тормозят открытие церкви под различными предлогами» [2, л. 81–82]. Очевидна стандартная для советской административной системы ситуация: на вершине аппарата бог по имени Сталин, который все понимает, в то же время непосредственное начальство целенаправленно препятствует твоим начинаниям.

Проблемой для советской власти было «массовое распространение групповых богослужений в домах верующих или... на кладбище, у здания церкви» [3, л. 215–223]. Эти действия объяснялись преступными наклонностями «не состоящего на регистрации духовенства».

Простые люди устали от советского образа жизни, одинаковости и запретов, хотели быть религиозно свободными. Этой пси-

хологии советские власти понять не могли, в то время как немецкие оккупанты удачно на этом сыграли. Как писала коллаборационистская газета «За Родину», «теперь в освобожденных областях население снова пользуется не только... правом исполнять религиозные обряды, но и полным покровительством германского командования» [11]. Мы должны взвешенно подходить к утверждениям авторов газет, издававшихся в оккупации, ведь существовала немецкая цензура. Следует признать, что журналисты в целом были искренны в благодарности немецкому командованию. Сами церковные иерархи открыто благодарили немецкие власти. В мае 1943 г. в Смоленске открылся съезд духовенства Смоленской, Брянской, Могилевской и Полоцко-Витебской епархий, на котором отмечалось, что «германская армия раскрыла двери [Смоленского] собора и вместе с верующими очистила храм» [8].

Что требовалось народу? Это становится понятно из «Спецсообщений... о реакции трудящихся на прием И. В. Сталиным руководства РПЦ и изменение политики в отношении религии» от сентября 1943 года. Высшее руководство желало разобраться не в нуждах населения, но в допустимой степени их удовлетворения и использования церкви как средства ведения войны. «Спецсообщения» дают иллюстрацию мнений трудовой интеллигенции (учитель, бухгалтер, главный механик, судья, экономист и т. п.), а не сельских жителей, чей уровень религиозности был заметно выше [15, л. 140–141]. Люди хотели толерантности («религия никому не мешает»), свободы совести («можно будет свободно молиться Богу» [14, л. 136–137]), надежды («стали молиться, имеем хорошие успехи на фронте» [16, л. 267–268]), компенсации («чувства большинства людей... закрытием церковей были оскорблены» [14, л. 136–137]), восстановления прежних устоев («Сергий сохранил все канонические устои» [13, л. 28]). Но больше всего хотели утешения («церковь принесет нам моральное облегчение» [14, л. 136–137], «когда сходишь в церковь, то успокоишь свою душу» [15, л. 140–141]).

Именно вождя народ благодарил за некоторое внимание к своим нуждам («мы должны молиться за власть, так как она идет к нам навстречу»), признавал его гениальность («политика тов. Сталина в этом вопросе мудрая и дальновидная» [13, л. 28]).

Люди пытались убедить себя, что политика послабления духовного гнета продлится достаточно долго, одновременно с поиском причин для закрепления изменений на длительный срок. Обосновать это простые люди пытались как простым: «церкви окажут помощь фронту через пожертвования» [13, л. 28]; так и достаточно сложным: «благосклонное отношение к религии большевиков вызовет в строе фашистов растерянность» [15, л. 140–141].

В глазах начальства всплеск религиозности надо было чем-то компенсировать, поэтому уполномоченные в своих информационных докладах могли очернять представителей духовенства. Доклад уполномоченного П.С. Ходченко в 1945 г. представлял их как недостойный элемент. «Многоженство, пьянство, грубое обращение с верующими, отказ... безграмотность» проиллюстрированы примерами [5, л. 41–66]. Он указывал на появление «нервнобольных, психов, юродивых», «святых», желающих идти в Иерусалим для окончания войны [4, л. 1–8]. Желание представить религию в самом неприглядном виде и приравнять ее к общественной болезни очевидно.

Советская власть пыталась найти причины роста религиозной активности. Среди них выдвигались: война, «влияние религиозных родителей», «недостаточно... культурно-массовой работы», действия церковников («организуют церковные хоры», «действуют на психику»), страх смерти («годы прошли... стал стареть»), «веруют из любопытства» [5, л. 41–66].

Простые люди могли видеть в религиозной жизни возможность высказать свою оппозицию против советских преобразований. В рапорте НКГБ сообщается, например, что 30 мая 1943 г. в деревне Николо-Азиас «антисоветский элемент» воспользовался религиозным сборищем. После общей молитвы группа из 30 женщин прошла по улице села, распевая церковные гимны, скоро к ним присоединились другие. Неожиданно «кликуша, впав в религиозный экстаз, начала выкрикивать антисоветские лозунги против колхозов» [7 л. 1378]. Советские власти объясняли поведение населения наличием некоего антисоветского элемента, а не сплетением религиозного сознания и протестного настроения.

Главный уполномоченный Совета по делам РПЦ был в затруднении: разрешить церковную жизнь в атеистическом государ-

стве – значит своими руками создать оппозицию; запретить религию – значит создать оппозицию другого сорта, которая будет или толерантно относиться к немцам, или уйдет в подполье [3, л. 215–223]. Карпов склонялся к первому варианту.

Таким образом, создание псевдорелигии из марксизма-ленинизма, упрощенный подход к борьбе с религией не смогли вытеснить потребность в ней у простого народа. Эта потребность возросла в годы войны, а власти усиливали ее, многократно отказывая в удовлетворении ходатайств об открытии церкви. Высшее руководство если и пыталось разобраться в нуждах народа, то лишь образованной его части и для использования церкви как средства ведения войны. За изменение религиозной политики простое население благодарило вождя и пыталось убедить себя в ее длительности. Боязнь и непонимание обусловили пристальный контроль за разрешенными пределами религиозной жизни населения.

Список литературы

1. Гридина, И. Н. Православные верующие Украины в годы Второй мировой войны / И. Н. Гридина. – Донецк : Норд-Прес, 2006. – 228 с.
2. Доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Чкаловской области от 8 июля 1944 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 8991. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 81–82.
3. Докладная записка Г.Г. Карпова В.М. Молотову от 5 октября 1944 г. // ГАРФ. – Ф. 6991. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 215–223.
4. Информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК УССР П. С. Ходченко в Совет по делам РПЦ при СНК СССР по состоянию на 1 июня 1944 г. // Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины. – Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 297. – Л. 1–8.
5. Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по УССР П. С. Ходченко в Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР о работе за II квартал 1945 от 3.08.1945 г. // Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО). – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 1640. – Л. 41–66.

6. Информационный отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Саратовской области в совет. 25 августа 1944 г. // ГАРФ. – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 12–13.

7. Новосельцев – Ходову. 28 июня 1943 г. ; Потогин – секретарю Пензенского обкома ВКП(б), без даты // Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 181. – Л. 1378.

8. Новый путь. Смоленск, 20 мая 1943 г. // Научная библиотека (НБ) ГАРФ.

9. Одинцов, М. Хождение по мукам. 1930–1938 гг. / М. Одинцов // Наука и религия. – 1990. – № 6. – С. 12–13 ; № 7. – С. 56–57.

10. Очерк о деятельности духовенства и мирян Спасо-Преображенского собора [г. Ленинграда] за 2 года Отечественной войны с кратким описанием и историей о помощи ленинградцам в дни блокады // РГАСПИ. – Ф. 4769. – Оп. 3. – Д. 147.

11. Петрович, М. Освобожденная религия / М. Петрович // НБ ГАРФ.

12. Постановление СНК СССР от 28 ноября 1943 г. № 1325 «О порядке открытия церквей» // Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1519. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1–3.

13. Спецсообщения начальника УНКГБ по Архангельской области Плещова начальнику 2-го управления НКГБ СССР комиссару госбезопасности 3 ранга Федотову о реакции трудящихся на прием И. В. Сталиным руководства Русской Православной Церкви и изменение политики в отношении религии // Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ). – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 313. – Л. 28.

14. Спецсообщения начальника УНКГБ по Курской области подполковника госбезопасности Аленцева начальнику 2-го управления НКГБ СССР комиссару госбезопасности 3 ранга Федотову о реакции трудящихся на прием И. В. Сталиным руководства Русской Православной Церкви и изменение политики в отношении религии от 8.09.1943г. // ЦА ФСБ РФ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 313. – Л. 136–137.

15. Спецсообщения начальника УНКГБ по Курской области подполковника госбезопасности Аленцева начальнику 2-го управления НКГБ СССР комиссару госбезопасности 3 ранга Федотову о реакции трудящихся на прием И. В. Сталиным руководства Русской Православной Церкви и изменение политики в отношении религии от 9.09.1943г. // ЦА ФСБ РФ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 313. – Л. 140–141.

16. Спецсообщения начальника УНКГБ по Омской области начальнику 2-го управления НКГБ СССР комиссару госбезопасности 3 ранга Федотову о реакции трудящихся на прием И. В. Сталиным руководства

Русской Православной Церкви и изменение политики в отношении религии // ЦА ФСБ РФ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 313. – Л. 267–268.

17. Церковная жизнь : издание при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей. Белград. 1943 г. № 9 // НБ ГАРФ.

18. Чумаченко, Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. / Т. А. Чумаченко. – М. : АИРО-XX, 1999. – 246 с.

19. Шкаровский, М. В. Крест и свастика: Нацистская Германия и православная церковь / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, 2007. – 516 с.

20. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Лепта : Вече, 2010. – 496 с.

21. Якунин, В. Н. Изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Якунин // Власть. – 2002. – № 12. – С. 67–74.

THE MISUNDERSTANDING
OF THE PEOPLE AS THE DEFINITION
OF THE CHURCH-STATE RELATIONS
IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Tereshina Olga Viktorovna

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of Sociology,
Russian State Social University
starushkja@rambler.ru
Wilhelm Pieck St., 4, Bld. 1, 129226 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article reveals the need of the religion for the people, increased during the years of the war, despite the politic of atheism. It is submitted the behavior of the Soviet power, seeing in the church only the means of the warfare. The population met more understanding from the side of occupiers, although thank soviet leader for the change of religious policy. The fear and the misunderstanding led to the control of the authorized outside of the religious life of the population, but it still became the form of the protest against the Soviet transformations.

Key words: Russian orthodox church, Great Patriotic war, state-church relations, misunderstanding, religiosity.

УДК 94(47+57)“1939/1945”:37

ББК 63.3(235.4)622-7

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА
РЕГИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
СИСТЕМЫ В 1939–1945 гг.
(НА ПРИМЕРЕ КУЙБЫШЕВСКОЙ МОДЕЛИ)**

Тузова Ольга Владимировна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества
Самарского государственного технического университета
ovtuzova@mail.ru
ул. Циолковского, 1, 443100 Самара, Российская Федерация

Аннотация. В статье преимущественно на материалах архивов и местной периодической печати рассматриваются основные тенденции развития образовательного компонента региональной музыкально-культурной системы на примере куйбышевской модели в довоенные и военные годы. Среди выделенных тенденций многоплановое оперативное решение проблемы дефицита кадров, социальная поддержка инвалидов войны, повышение качественного уровня педагогического состава, интенсивное расширение образовательной сферы в довоенный и постэвакуационный периоды.

Ключевые слова: музыкально-культурная система, куйбышевская модель, Великая Отечественная война, образовательный компонент, региональная культура.

На развитие образовательного компонента куйбышевской модели региональной музыкально-культурной системы в 1939–1945 гг. повлияли главным образом такие факторы, как государственная политика в социальной и культурной сфере, административный (превращение в «запасную столицу» и выделение Ульяновской области в 1943 г.), эвакуационно-реэвакуационные процессы.

В куйбышевской модели подготовка кадров осуществлялась в 1939–1945 гг. в музыкальных школах, училище, курсах общего музыкального образования (далее – КОМО), студии эстрадного искусства, оперно-балетной студии, музыкальных секциях; высших учебных заведений указанного профиля на исследуемой территории не было.

Областное музыкальное училище (возникло в 1902 г., адрес по данным на 1940 г. – ул. Куйбышевская, 68) работало в тандеме с музыкальной школой № 2 (ул. Садовая, 124) [24, л. 49, 52]. Подготовку в училище проводили на теоретическом, музыкально-педагогическом, фортепианном, вокальном, хоровом, струнном и инструкторском отделении (народные инструменты) [2, 4 июня].

В 1930-е гг. возникли новые институты: в Куйбышеве открыли две музыкальные школы: № 1 – в 1933 г. (ул. Куйбышевская, 129) и № 3 (завод им. Масленникова). Незадолго до войны была создана школа в Ульяновске. Кроме того, усилиями эвакуировавшейся с польской территории М.И. Гальбер появился кружок, на базе которого в 1943 г. основали первую в Мелекесе детскую музыкальную школу (далее – ДМШ). Таким образом, обозначилась тенденция к увеличению культурного пространства в сторону региональной периферии, малых провинциальных городов, получившая развитие во второй половине Великой Отечественной войны.

Средний контингент учащихся, по данным на 1940/41 учебный год, составлял: Куйбышевская ДМШ № 1 – 345, ДМШ № 2 – 381, ДМШ № 3 – 107, музыкальное училище – 139, Ульяновская школа – 67 человек [13, л. 167, 168 об.].

В 1941/42 учебном году планировалось увеличение контингента учащихся Ульяновской ДМШ вдвое – на 60 человек [29]. В школе обучали в классах скрипки, рояля, с 1941/42 учебного года планировали открыть классы виолончели, деревянных духовых инструментов (флейта, кларнет, гобой). Самая молодая в довоенное время Ульяновская ДМШ к концу 1940/41 учебного года (май) провела концерт для общественности города с разнообразной программой [11, 30 мая, 11 июня]. Школу закрыли в первые месяцы Великой Отечественной войны; исключенная из сети го-

сударственных учреждений искусства, она возобновила деятельность в качестве музыкальной секции при Дворце пионеров на полном содержании заказчиков образовательных услуг, то есть родителей учащихся. Такая трансформация указывает на проявление мобильных качеств системы в экстремальных условиях. Здание Ульяновской ДМШ летом 1941 г. превратили в общежитие чулочной фабрики «КИМ», и в продолжение всего военного времени оно оставалось в ведении фабрики. После преобразования в студию школа получила помещение во Дворце пионеров, где оставалась, несмотря на официальное возвращение ей статуса «музыкальной школы» и на решение облисполкома о передаче ей прежнего здания (1943 г.), до конца войны [7, л. 5; 8, л. 66].

Высокий уровень к началу 1940-х гг. демонстрировала Куйбышевская ДМШ № 1. Преподаватели систематически проходили повышение квалификации в Москве и Ленинграде; большая методическая работа осуществлялась в Куйбышеве: организована постоянная консультация для преподавателей; проводились встречи с мастерами, в том числе и совместно с музыкальным училищем и школой № 2, лауреатами П.А. Серебряковым, сестрами Козолуповыми, профессорами Г.Г. Нейгаузом и С.И. Савшинским. Летом 1940 г. датирован первый выпуск. Особенно сильную подготовку осуществляли на фортепианном отделе: из 9 пианистов 2 зачислены на музыкально-педагогическое отделение, а остальные – на исполнительское отделение [1, 8 авг.]. К маю 1941 г. в структуре ДМШ № 1 появились ансамбль из скрипачей (преподаватель Ю.А. Судаков), оркестр из 20 школьников (дирижер А.В. Фере). Конец 1940/41 учебного года был насыщен событиями: отчетный концерт куйбышевской ДМШ № 1 в зале редакции «Волжской коммуны», концерт выпускников школ – студентов I курса и Милы Кругловой, поступившей в Ленинградскую школу для одаренных детей, завершившийся беседой выпускников с завучем училища М.Н. Тейхом [2, 8 мая, 17 июня]. К проблемам функционирования школы следует отнести дефицит кадров, не позволявший организовать отдел смычковых инструментов, а также неудовлетворительное помещение и, как следствие, непомерная нагрузка школьного дня – с 7.30 утра до 11 часов вечера [1, 8 авг.].

Сеть музыкальных учебных заведений подвергалась сокращению в 1941–1942 гг. не только из-за уменьшения финансирования предприятий искусств, но и из-за необходимости уплотнения для размещения множества прибывших в край учреждений, тем более что музыкальное училище и школы располагались в центральных районах. Куйбышевская ДМШ № 1, остававшаяся в течение 1941/42 учебного года единственным музыкальным образовательным учреждением на территории области, освободила здание (ул. Куйбышевская, 129) для размещения в нем Управления НКВД (с 24 июня 1941 г. до 1942 г.) [12, л. 43]. Попытки добиться соответствующих учебных площадей, неоднократно предпринимаемые директором школы З.И. Маевской, получили поддержку у лауреатов Сталинской премии Д.Д. Шостаковича и В.В. Барсовой, выступивших в областной газете со статьей «О музыкальной школе», в которой призывали местные власти к более внимательному отношению к воспитанию музыкальных кадров и оказанию помощи учебному заведению [3, 12 июня].

23 августа 1942 г. Куйбышевской ДМШ № 1 вернули право пользования зданием на ул. Куйбышева, 129. Именно это обстоятельство позволило открыть при школе КОМО по программе музыкального училища. Курсы функционировали на самоокупаемости (за счет оплаты обучения студентами в размере 50 руб. в месяц), общеобразовательный компонент отсутствовал, снизилась численность контингента учащихся (на курсах обучалось 60 человек, на 80 человек меньше, чем перед войной) [16, л. 125; 20, л. 171, 175].

Десятилетию Куйбышевской ДМШ № 1 А.Я. Пейсин посвятил публикацию статьи с обзором ее достижений [4, 16 июня]. Местные власти специальным решением № 47/4 от 26 июня 1943 г. «О десятой годовщине первой музыкальной школы в г. Куйбышеве» отмечали и поощряли (в том числе и материально) директора З.И. Маевскую, преподавателя А.Ф. Лаговскую, других педагогов школы [21, л. 252].

За полтора года до войны Куйбышевское музучилище располагалось в Доме учителя; затем в здании на ул. Куйбышевской, 85 [9, с. 71; 18, л. 3335]. Даже после официального восстановле-

ния в 1943 г. училище не сразу смогло вернуться в свое помещение, занятое ГорФО, Зернотрестом и Промбанком. Известно, что начальник Управления по делам искусств при СНК РСФСР Н.Н. Беспалов дважды обращался в Куйбышевский обком по поводу скорейшего предоставления музучилищу учебной площади (20 октября и 17 ноября 1943 г., со ссылкой на постановление СНК СССР № 1089 от 2 июля 1942 г.) [19, л. 108, 109, 119, 120]. Минимум полгода учебное заведение проводило занятия в филармонии, где ему выделили четыре комнаты (три из которых проходные), не отвечавшие нормам звукоизоляции. Недостаточное отопление приводило к «повальным простудным заболеваниям среди студентов и педагогов». В распоряжении студентов были также два класса в здании ДМШ № 2 и квартиры педагогов, причем уроки на дому у преподавателей санкционировал областной отдел по делам искусств. Децентрализация, рассеивание учебных площадей негативно сказывались на достижении целостности системного образовательного процесса [22, л. 1 об.]. В подобной ситуации оказалась и ДМШ № 2, подготовившая свое здание по ул. Садовой, 124 к началу 1941/42 учебного года: к моменту закрытия (лето 1941 г.) сделали ремонт стоимостью 6 800 рублей. В соответствии с решениями горсовета от 5 и 9 июля 1941 г. школа передавала помещение конторе по найму и увольнению, а также под общежитие рабочих авиапромышленности. ДМШ № 2, как и музучилище, по восстановлению с осени 1942 г. не имела своего здания до 1944 года. Ей выделили две комнаты в ТЮЗе. Большинство занятий проводилось на квартирах преподавателей [16, л. 184; 25, л. 54; 28, л. 2].

Наиболее сильный преподавательский состав был сконцентрирован в Куйбышевской ДМШ № 1 в 1941–1942 гг. и с 1943 г. – в музучилище. В период с осени 1941 по 1943 г. в Куйбышевской ДМШ № 1 делились мастерством с учениками и коллегами опытейшие музыканты-педагоги, эвакуированные в «запасную столицу». Ни до, ни после войны в штате этой школы не было такого количества выдающихся педагогов: в 1943 г. в школе работали 8 эвакуированных преподавателей, из них 4 вели класс фортепиано. Особенно высоко ценился профессионализм М.М. Старковой (профессор Одесской консерватории), Е.О. Эрденко (Московская

государственная консерватория), Р.А. Зарицкой (Ленинградская консерватория). Из Смоленска прибыла Н.В. Сеницкая (концертмейстер музыкального училища им. М.И. Глинки). Теоретические дисциплины вел в школе доцент А.Л. Коган, преподававший ранее в Одесской консерватории. По оценке эвакуированного ленинградского композитора А.Я. Пейсина, «в суровые дни Отечественной войны школа не только сохранила свои прежние педагогические кадры, но и обогатилась превосходными музыкантами-педагогами из Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы» [10].

Эвакуационные процессы, вследствие которых многие выдающиеся деятели искусств оказались в Среднем Поволжье, создали условия для интенсивного обмена педагогическим и исполнительским опытом. Куйбышевская ДМШ № 1 получала большую методическую помощь от лауреатов Сталинской премии Д.Д. Шостаковича, В.В. Барсовой и других мастеров искусств (1941–1943 гг.), о чем писали в областной прессе: «Они прослушивали выступления учащихся, давали педагогам методические рекомендации, участвовали в обсуждении исполнения произведений» [3, 13 марта]. С докладами выступали профессор Минской консерватории Б.С. Розенблюм («О фортепианной технике в детской музыкальной школе»), педагоги С.О. Орлов («Моя работа с учащимися в плане звучания и штрихов»), А.В. Фере («Разбор со стороны формы сонаты Бетховена E-dur № 9»), А.Ф. Лаговская (3 доклада о педализации), профессор М.М. Старкова (разбор сонаты № 17 Л. Бетховена), кандидат наук, преподаватель Киевской консерватории Л.Я. Хинчин («Стилевые особенности творчества Л. Бетховена»). Кроме того, систематически проводились консультации профессоров и старших педагогов по разбору и исполнению произведений в комплексе с демонстрацией учащихся. В 1943/44 учебном году выступал с большим концертом лауреат Всесоюзного конкурса и участник международных конкурсов пианист И.И. Михновский. Состоялась встреча с лауреатами В.В. Нильсен и Г.Р. Гинзбург, они также слушали ребят и принимали участие в обсуждении исполнений [17].

В конце войны возобновились командировки столичных специалистов в наш регион. Большой резонанс в музыкально-педаго-

гических кругах вызвал визит известного пианиста, профессора Г.М. Когана из Москвы. Он провел в дни зимних каникул 1944/45 учебного года несколько лекций и закрытых концертов для музыкально-образовательных учреждений Куйбышева. Расходы на приглашение профессора составили со стороны музучилища 2 800 рублей [5, 13 янв.; 27, л. 85].

Недостаток педагогических кадров был одной из серьезных проблем, влиявших на качество подготовки учащихся. К примеру, в Куйбышевской ДМШ № 1 в первом полугодии 1943/44 учебного года программа не выполнялась по таким специальным дисциплинам, как виолончель и духовые инструменты в связи с отсутствием около двух месяцев преподавателей [17, л. 62]. Преподаватели и воспитанники всех музыкальных учебных заведений проводили шефские концерты в госпиталях, воинских частях, а также в периоды посевных и уборочных кампаний на селе: за 1943 г. Куйбышевское музучилище дало 15 концертов [22, л. 2]. Учащиеся и педагоги организовывали выступления, сбор с которых переводили на благотворительные цели: в фонд помощи семьям фронтовиков, на постройку самолетов для авиаполка «Валериан Куйбышев» в декабре 1942 г.; классы А.Ф. Лаговской и М.М. Старковой подготовили программы в ДМШ № 1 [30].

В соответствии с приказом Комитета по делам искусств при СНК СССР от 8 октября 1942 г. № 381, в целях привлечения к профессиональному обучению в музыкальных и художественных учебных заведениях бойцов, командиров и политработников, демобилизованных по состоянию здоровья, учебным заведениям была дана разверстка по набору инвалидов Отечественной войны [14, л. 38]. Архивные документы сохранили сведения о том, что из 107 студентов первого набора восстановленного Куйбышевского музучилища, по данным на 1 октября 1943 г., четверо – инвалиды войны: Руденко (теоретическое отделение), Эпельбаум (народные инструменты), Забежинский (скрипка), Смирнов (баян). Примечателен тот факт, что С.Я. Забежинский весной-летом 1944 г. представлял вместе с другими одаренными студентами училище на II туре республиканского смотра музыкальных учебных заведений в Саратове. К концу 1943/44 учебного года в Куй-

бышевском музучилище указанная категория студентов насчитывала 7 человек, а в 1944/45 г. свыше 20 инвалидов получали образование на отделении народных инструментов. Кроме того, училище организовывало занятия с группой бойцов, а также со слепыми в спецшколе (12 человек): 2 занимались по классу валторны, 9 – по классу баяна, 1 – по классу флейты [22, л. 1; 26, л. 74].

Среди традиционных видов концертов были академические (из произведений П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, И.С. Баха), тематические (класс А.Ф. Лаговойской дал три тематических концерта в 1943 г.: из музыки советских композиторов, С. Рахманинова, Э. Грига), программы ансамблевой музыки, итоговые или отчетные вечера, закрытые классные просмотры, концерты отличников, регулярные выступления по радио (студенты музучилища дали 6 радиоконцертов в 1943/44 учебном году), концерты-выступления артистов – родителей (ГАБТ) учащихся ДМШ № 1 (1943 г.), концерты-самоотчеты педагогов: С.О. Орлова, М.Н. Тейха, концерты-выставки композиторов (С.О. Орлов, В.Н. Денбский, В.В. Небольсин и М.Ф. Крейч), концерты ведущих мастеров искусства (Д.Д. Шостаковича, В.В. Барсовой, Н.Д. Шпиллер, И.С. Козловского, Л.Н. Оборина, С.И. Кнушевицкого, Э. Гилельса, Р. Тамаркиной), концерты коллективов (новая программа ансамбля красноармейской песни и пляски ПРИВО) [10; 22, л. 2].

В целях подготовки новых исполнителей оригинальных жанров для концертных организаций Управление по делам искусств при СНК РСФСР создало при Свердловской, Куйбышевской и Башкирской филармониях студии эстрадного искусства [15]. В студию при Куйбышевской филармонии осенью 1942 г. принимали лиц от 16 до 30 лет «независимо от профессии, образования, обладающих артистическими данными в области эстрадных жанров (художественное чтение, исполнение фельетонов и куплетов, жанровое пение, характерные, эксцентрические и национальные танцы, музыкальные инструменты – аккордеон, концертно, саксофон, ксилофон и т. д.)» [15]. При приеме в 30 человек к 15 сентября 1942 г. было подано 160 заявлений. Со студийцами работали в 1942–1943 гг. высококвалифицированные педагоги, режиссе-

ры, балетмейстеры: заслуженная артистка РСФСР М.П. Максимова, заслуженный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии, орденосец Р.В. Захаров, режиссер Е.Н. Соковнин [3, 23 сент.]. В 1943 г. 30 наиболее одаренных слушателей студии перевели в Москву. Кроме того, куйбышевские студийцы стали первоначальным ядром создававшейся в октябре-ноябре 1943 г. студии эстрадного искусства при Московской областной филармонии (директор А.К. Щепалин) с общим числом учащихся в 50 человек. Сохранение Куйбышевской студии с контингентом слушателей в 30 человек проводилось доукомплектованием за счет любителей [23, л. 7, 7 об.].

1 декабря 1944 г. Куйбышевский городской отдел по делам искусств издал приказ № 107, по которому, согласно разрешению Управления по делам искусств при СНК РСФСР и решению горисполкома, при театре оперы, балета и музыкальной комедии основывали двухгодичную студию из трех отделений: оперного, балетного и музыкальной комедии. Директором назначили С.А. Купермана, руководителями отделений И.Н. Просторова (опера), Н.В. Данилову (балет), Я.Л. Фельдмана (музыкальная комедия). В приемную комиссию вошли 10 артистов театра (кроме указанных выше И.А. Гитгарц (музыкальный руководитель, дирижер театра), В.М. Кропивницкий (хормейстер), Т.В. Демидов, А. Атаманова, М.В. Кочешкова, П.Д. Агеева). Прием проводился в декабре 1944 г. по трем турам конкурса путем общего обсуждения и открытого голосования комиссии. На обучение записали 57 студийцев при плане в 65 человек, что объяснялось отсутствием среди поступавших мужских голосов, соответствовавших условиям приема на оперное отделение. Фактическое начало работы студии относится к январю 1945 года [26, л. 136; 27, л. 26].

Наибольший количественный рост продемонстрировал во второй период Великой Отечественной войны образовательный компонент: Сызранская ДМШ (с января 1945 г.), студия эстрадного искусства в Куйбышевской филармонии (1943 г.), студия при оперном театре (январь 1945 г.) [6, л. 18; 16, л. 137 об.; 23, л. 6; 26, л. 136]. Таким образом, важнейшими тенденциями в развитии образовательного компонента куйбышевской модели стали много-

плановое оперативное решение проблемы дефицита кадров, социальная поддержка инвалидов войны, повышение качественного уровня педагогического состава в годы эвакуации с участием ведущих специалистов из различных городов страны, интенсивное расширение образовательной сферы в довоенный, а также постэвакуационный периоды.

Список литературы

1. Волжская коммуна. – 1940.
2. Волжская коммуна. – 1941.
3. Волжская коммуна. – 1942.
4. Волжская коммуна. – 1943.
5. Волжская коммуна. – 1945.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А259. – Оп. 4. – Д. 2263.
7. Государственный архив Ульяновской области (ОГБУ ГАУО). – Ф. Р634. – Оп. 1. – Д. 1643.
8. ОГБУ ГАУО. – Ф. Р-2176. – Оп. 1. – Д. 12.
9. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Куйбышевская область. – М. : НИИК, 1983. – 142 с.
10. Пейсин, А. Я. Десять лет первой музыкальной школе / А. Я. Пейсин // Волжская коммуна. – 1943. – 16 июня.
11. Пролетарский путь. – 1941.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 962. – Оп. 4. – Д. 715.
13. РГАЛИ. – Ф. 2075. – Оп. 1. – Д. 68.
14. РГАЛИ. – Ф. 2075. – Оп. 1. – Д. 121.
15. РГАЛИ. – Ф. 2075. – Оп. 4. – Д. 2263.
16. РГАЛИ. – Ф. 2075. – Оп. 5. – Д. 23.
17. РГАЛИ. – Ф. 2075. – Оп. 5. – Д. 54.
18. Самарский областной государственный архив социально-политической истории Самарской области (СОГАСПИ). – Ф. 656. – Оп. 32. – Д. 142.
19. СОГАСПИ. – Ф. 656. – Оп. 34. – Д. 70.
20. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). – Ф. Р-56. – Оп. 2. – Д. 65.
21. ЦГАСО. – Ф. Р-56. – Оп. 2. – Д. 81.
22. ЦГАСО. – Ф. Р-1902. – Оп. 1. – Д. 6.

23. ЦГАСО. – Ф. Р-2425. – Оп. 2. – Д. 32.
24. ЦГАСО. – Ф. Р-2521. – Оп. 7. – Д. 638.
25. ЦГАСО. – Ф. Р-2558. – Оп. 7. – Д. 423.
26. ЦГАСО. – Ф. Р-3437. – Оп. 1. – Д. 5.
27. ЦГАСО. – Ф. Р-3437. – Оп. 1. – Д. 16.
28. ЦГАСО. – Ф. Р-4314. – Оп. 1. – Д. 5.
29. Частиков, П. В детской музыкальной школе / П. Частиков // Пролетарский путь. – 1941. – 30 мая.
30. Щедрин, К. Концерты музыкальной школы / К. Щедрин // Волжская коммуна. – 1942. – 26 дек.

**SOME TENDENCIES OF DEVELOPMENT
OF THE EDUCATIONAL COMPONENT
OF REGIONAL MUSICAL AND CULTURAL SYSTEM
IN 1939–1945 (ON THE EXAMPLE
OF KUYBYSHEV MODEL)**

Tuzova Olga Vladimirovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Sociology, Political Science and the Russian History,
Samara State Technical University
ovtuzova@mail.ru
Tsiolkovsky St., 1, 443100 Samara, Russian Federation

Abstract. The basic tendencies of development of the educational component of the regional musical and cultural systems on the example of Kuibyshev model in the pre-war and war periods are considered in the article basing mainly on materials of the archives and local periodicals. Among the trends are multifaceted operational solution to the problem of shortage of personnel, social support of disabled veterans, improving the quality of teaching staff, rapid expansion of the education sector in pre-war and post evacuation periods.

Key words: musical culture system, Kuybyshev model, the Great Patriotic War, education component, regional culture.

УДК 94(47+57)«1917/1991»

ББК 63.3(2)622

**ИДЕОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.
СООБЩЕНИЯ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО
И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА
НАРОДА-ПОБЕДИТЕЛЯ**

Юдина Татьяна Федоровна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
международного права
Самарского национально-исследовательского университета
им. академика С.П. Королева
yulina.tatjana2010@yandex.ru
ул. Академика Павлова, 1, 443011 г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Трагические события начального периода Великой Отечественной войны показали просчеты советского правительства не только в военной, но и в идеологической сфере. Единственным источником официальной информации населения о ситуации на фронте, в тылу, о международном положении страны стали Сообщения Советского Информационного бюро, которые оказывали мощное идеологическое воздействие на население страны, формировали образ народа-победителя.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сообщения Советского Информбюро, патриотизм, идеология, пропаганда.

К началу войны с гитлеровской Германией пропагандистская машина СССР не была готова. Как заверяло советское руководство, война будет проходить на «чужой территории» и «малой кровью». Однако начальный период войны опроверг этот тезис и выявил грубейшие просчеты в идеологической работе. В литературе отмечается, что «первые месяцы войны вскрыли важнейшие недостатки советской пропаганды: ее абстрактность и неоперативность. Они были связаны с отсутствием у пропагандистов практического опыта ведения аргументированной дискуссии с идеологическим противником в предвоенные годы, а также опа-

сением допустить при самостоятельной работе политическую ошибку» [2, с. 46]. Исход начавшейся войны зависел в том числе и от эффективности идеологического воздействия на население страны. В Третьем рейхе пропаганда была одним из важнейших инструментов политики национал-социализма, причем «немецкие пропагандисты никогда не ставили перед собой задачи просвещения и информации населения... она (пропаганда) представляет собой односторонний инструмент господства, эффективность которого обеспечивается одновременно методами террора и жестокого насилия» [1, с. 340]. «Тотальное воздействие на народ, обеспечение единой реакции на события» – важнейшая заповедь нацистских специалистов в этой области. Пропаганда наряду с террором рассматривалась как основной инструмент сохранения и упрочения нацистского государства. О роли пропаганды в Германии свидетельствует создание в 1933 г. единственного в мире министерства пропаганды. Фактически министерством была монополизирована вся духовная жизнь страны. В СССР Бюро военно-политической пропаганды было создано только в июне 1941 года. Перед нападением на Советский Союз были определены основные направления немецкой пропаганды среди населения. «Никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великоруски армию); против Сталина и его еврейских приспешников; земля – крестьянам, но колхозы пока сохранять, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях. В остальном ориентироваться на ход событий» [3, с. 13].

С самого начала войны на бойцов и командиров Красной армии, на население оккупированных территорий обрушились потоки самой лживой пропаганды, основанной на идее освобождения народов СССР от коммунистов и власти Сталина. Осенью 1941 г. коллаборационистская печать публиковала материалы о победах германской армии и лживо информировала читателей о разгроме советских войск под Москвой. Перед советским государством встала задача усиления идеологического воздействия на население, особенно оккупированных территорий, находящихся в состо-

янии полной информационной изоляции. С началом войны пришло осознание того, что в основе победы над врагом лежат не только военные успехи, но и патриотизм как основа идентичности советского народа, основанный на исторической и культурной традиции. Феномен патриотизма напрямую обусловлен историей, политикой, культурой конкретного государства и напрямую связан с определенным историческим периодом. Уже 24 июня 1941 г. при Совете народных комиссаров СССР создается единый информационный центр – Советское информационное бюро, которое являлось не только средством информации населения о военных действиях Красной армии, положении в тылу, международном положении страны и т. д., но и мощнейшим средством идеологического воздействия на население.

Сообщения выходили от имени информационного бюро начиная с 25 июня 1941 г. и до 15 мая 1945 года. Кстати, несмотря на выступление «Говорит Москва», радиовещание до 1943 г. велось не из Москвы, а из Свердловска, а после разгрома немецких войск под Сталинградом в 1943 и по 1945 г. из Куйбышева. Сделано это было с целью безопасности, так как радиовышки были хорошей мишенью для немецких летчиков. Да и само Информационное агентство с октября 1941 г. по март 1942 г. находилось в Куйбышеве. В годы войны Сообщения Советского информбюро (Совинформбюро) фактически были единственным источником информации для населения. Совинформбюро было создано на основании постановления ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров «О создании и задачах Советского информационного бюро» для руководства освещением в средствах массовой информации военных действий. Руководителем Совинформбюро был назначен первый секретарь Московского горкома партии А. Щербаков. Текст уже первых Сообщений Информбюро свидетельствует о стремлении их составителей преодолеть идеологические упущения предвоенного времени и сделать информацию максимально конкретной и оперативной. Несмотря на цензуру и другие запреты, типичные для периода того времени, Сообщения, наряду с официальной информацией о ходе боевых действий, о положении на фронте, содержали очень много информации об истинных на-

мерениях фашистской Германии в отношении Советского государства и его граждан.

Совинформбюро аккумулировал всю информацию не только с фронтов, но сюда поступали сведения о действиях партизан и подпольщиков, о положении населения оккупированных территорий, о пресловутом «новом порядке», установленном фашистами. О своих истинных целях вожди Третьего рейха, не стесняясь, говорили в многочисленных распоряжениях, адресованных населению оккупированных стран. Так, после освобождения советскими войсками города Калинина 16 декабря 1941 г., был найден архив гестапо. Среди прочих документов был обнаружен приказ командующего 6-й германской армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1941 г. «О поведении войск на Востоке», одобренный Гитлером. Текст указа напечатан в 1-м томе Сообщений Совинформбюро. Цели этого указа – прежде всего физическое уничтожение населения захваченной территории путем голода: «снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью», особенно жестокие и решительные меры нужно применять в отношении «мужского населения с целью предотвращения возможных с его стороны покушений». Русские партизаны в этом указе именуется «бродягами», женщины-партизанки «выродками». Кстати, ни о какой борьбе с коммунистами здесь не упоминается вообще, лишь сказано о необходимости «уничтожать большевистскую ересь». Налицо признание расовой неполноценности советского народа, который оказывает «азиатское влияние на европейскую культуру», поэтому не только население, но «исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения» [5, с. 40]. Во исполнение этого приказа, как известно, были разрушены в 1941 г. музей-усадьба Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, усадьба П.И. Чайковского в Клину, монастырь «Новый Иерусалим». 12 января 1942 г. Совинформбюро опубликовало Акт, составленный комиссией Академии наук СССР, о причиненном ущербе музею-усадьбе Л.Н. Толстого, о факте глумления над могилой великого писателя, там говорится: «с первой же минуты вступления в Ясную Поляну фашисты начали заранее обдуманной, организованный и планомерный разгром музея-усадьбы. Германские солдаты и офицеры с официального разрешения гитлеровского командова-

ния разворовали толстовские реликвии, рубили мебель, уничтожали музейный инвентарь и в заключение подожгли музей» [5, с. 32]. В ответ на ноту от 06.11 1942 г. наркома иностранных дел В.М. Молотова, где он довел до сведения всего мира факты грабежа музея-усадьбы, германское информационное бюро сделало попытку оправдаться. В сообщении от 9 января было сказано, «...что при занятии этого пункта германскими войсками, там не оставалось ничего, кроме стеновых украшений, то есть некоторых картин, исполненных самим Толстым» [5, с. 29]. До сих пор все культурное человечество полагало, что Л.Н. Толстой писал романы, а не картины. Таким образом, геноцид русского народа, уничтожение культурных и исторических ценностей общемирового значения являлись проявлением идеологии национал-социализма уже на первом этапе войны.

В начальный самый трагический период Великой Отечественной войны, несмотря на упорное сопротивление Красной армии, вражеские войска продвигались вглубь территории страны, однако Сообщения Информбюро, сохраняя патриотический настрой общества, скрывали истинное положение вещей на фронте, указывая в своих сводках только направления, где велись ожесточенные бои. Однако в вечернем сообщении от 13 августа говорилось, что «несколько дней назад наши войска оставили Смоленск» [4, с. 139], и с этой даты информация об оставлении, как и впоследствии освобождении населенных пунктов, конкретизировалась. На мой взгляд, это очень важный момент в деятельности пропагандистской идеологической машины советского государства, так как первые дни войны показали небывалый патриотический подъем, героизм советских людей.

На этом этапе войны в массовом сознании людей произошли существенные перемены, был определен характер войны как войны освободительной, всенародной, был взят курс на победу любой ценой. Оставленные Красной армией города и села стали восприниматься как временные неудачи, стало ясно, что война принимает затяжной характер и нужна правдивая информация. Действительно, после разгрома немцев под Москвой, в Сообщениях говорилось об освобождении городов Подмосковья. Еще одним любопытным документом, упоминаемым в Сообщении от 24 ян-

варя 1942 г., является приложение к специальному приказу оперативного отдела генерального штаба за № 4376/41, который развенчивает надежды Гитлера о молниеносной войне. В этом документе указывается: «Так как помощи с родины ждать нельзя. ...нужно добывать любыми способами теплую одежду». Опасаясь, что награбленной одежды может не хватить, командование, ссылаясь на опыт финской армии, предлагает утепляться за счет оберточной бумаги или газет [5, с. 60]. Планы Гитлера по захвату СССР явно ограничивались периодом хорошей погоды. Освобожденные Красной армией города и села Советского Союза были разрушены и разграблены, население подвергалось массовому уничтожению. Так, подводя итоги первого года войны, Совинформбюро приводит явно заниженную, но поражающую воображение цифру потерь – 4,5 млн человек. По мере освобождения территории государства от немецко-фашистских захватчиков, представителями советского командования составлялись акты о зверствах немцев на данной территории, которые подписывались местными жителями. Сообщения изобилуют и многочисленными показаниями выживших военнопленных, приводятся факты глумления над психически неполноценными людьми, пациенты таких лечебниц подлежали в соответствии с идеологией фашизма уничтожению. Поэтому различные спекуляции на тему Отечественной войны современных антироссийских политиков опровергаются документальными свидетельствами той поры.

Таким образом, Сообщения Советского информбюро, по сути дела являясь единственным источником информации населения в период Великой Отечественной войны, сыграли колоссальную роль и в патриотическом воспитании народа. Современный неонацизм пытается модернизировать идеологию фашизма, но все эти попытки не могут скрыть его основной идеи – идеи превосходства одной нации над другой, идеи национализма. Поэтому только историческое просвещение народа, публикация различных свидетельств, в том числе и Сообщений Совинформбюро, снятие грифа секретности с архивов, патриотическое воспитание народа позволит нам помнить и не забывать историю Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Галкин, А. А. Германский фашизм / А. А. Галкин. – М. : Наука, 1989. – 352 с.
2. Ковалев, Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б. Ковалев. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 619 с.
3. Ржевская, Е. М. Геббельс. Портрет на фоне дневника / Е. М. Ржевская. – М., 2004. – 498 с.
4. Сообщения Советского Информбюро. В 8 т. Т. 1. Июнь – декабрь 1941 года. – М. : Совинформбюро, 1944. – 456 с.
5. Сообщения Советского Информбюро. В 8 т. Т. 2. Январь – июнь 1942 года. – М. : Совинформбюро, 1944. – 383 с.

**THE IDEOLOGY OF THE GREAT VICTORY.
THE MESSAGE OF THE SOVIET INFORMATION
BUREAU AND THEIR ROLE IN SHAPING
THE IMAGE OF THE VICTORIOUS PEOPLE**

Yudina Tatyana Fedorovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
of Theory and History of State and Law,
Samara International Law, National Research University
named after Academician S.P. Korolev
yulina.tatjana2010@yandex.ru
Akademika Pavlova St., 1, 443011 Samara, Russian Federation

Abstract. The tragic events of the initial period of the great Patriotic war demonstrated the failures of the Soviet government, not only in war but in the ideological sphere. The only source of official information of the population about the situation at the front, the rear, on the international situation of the country reports of the Soviet Information Bureau, which exerted a powerful ideological influence on the population of the country, formed the image of the people of the winner.

Key words: Great Patriotic war, Reports of Soviet information Bureau, patriotism, ideology, propaganda.

УДК 94(43)“1941/1945”:271.2

ББК 63.3(4Рум)62-37

**ПОЛОЖЕНИЕ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В РУМЫНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Якунин Вадим Николаевич

Доктор исторических наук, профессор,
проректор по научной и инновационной деятельности
Поволжского государственного университета сервиса
vadyak@mail.ru
ул. Гагарина, 4, 445677 г. Тольятти, Российская Федерация

Аннотация. Анализируется положение Русской Православной Церкви на занятых румынскими войсками землях юго-западной Украины и Молдавии. В эти области румынским руководством была послана духовная миссия, имевшая целью не только восстановление православия, но и постепенную румынизацию Церкви и населения, что вызвало отрицательное отношение населения. Несмотря на опасность для жизни, духовенством и верующими велась патриотическая деятельность на этих территориях.

Ключевые слова: Московская Патриархия, Русская Православная Церковь, Великая Отечественная война, духовенство, верующие.

Несмотря на растущий интерес исследователей к положению религии и Церкви на оккупированных фашистами территориях СССР в 1941–1944 гг., практически неизученным остается положение Русской Православной Церкви на занятых румынскими войсками землях Украины и Молдавии. Между тем оно отличалось своеобразием, так как румынские солдаты были преимущественно православными христианами. Румыния считалась православной страной, и ее профашистское правительство было вынуждено считаться с большинством верующего населения.

За участие во Второй мировой войне Гитлер обещал поощрить Румынию возвращением отторгнутой от нее Советским Со-

юзом в 1940 г. Бессарабии (восточной части Молдавии) и, кроме того, Транснистрией – областью между южным Бугом и границей Бессарабии. Территория Транснистрии включала значительную часть бывшей Херсонской губернии с Одессой в качестве столицы и располагалась на Черноморском побережье от Крыма до Днестра. Таким образом, Молдавия, Северная Буковина и Одесская область во время их оккупации были включены в состав Румынского государства. Румынская Патриархия распространила на них без согласования с Московской Патриархией свою юрисдикцию, проводя репрессии русского духовенства. Был закрыт ряд храмов. Вводился новый стиль. Своими действиями в присоединенных к Румынии областях Румынская Патриархия подтвердила свою солидарность с агрессивными захватническими планами румынского правительства [3, с. 109–111].

В Бессарабии был восстановлен порядок, существовавший до 1940 года. В Кишинев вернулся митрополит Ефрем (Тигиняну), который занимал эту кафедру до 1940 г. в составе Румынской церкви. Одесская область и Молдавское Приднестровье никогда раньше не входили в юрисдикцию Бухареста. Церковная жизнь на этой территории за два с лишним десятилетия советской власти была разрушена, и ее надо было восстанавливать, но вместе с тем румынские государственные и церковные власти ставили и иную задачу – румынизацию [10, с. 289].

То что Румыния была православной страной, создавало в Транснистрии особые условия. В церковном и политическом отношении она становилась частью Румынии. Восстановлением православия руководило румынское духовенство. В Транснистрию была послана духовная миссия, имевшая целью не только восстановление православия, но и постепенную румынизацию Церкви и населения занятой территории. Не случайно, что премьер-министр Румынии Ион Антонеску лично давал указания, как разворачивать миссионерскую деятельность в Транснистрии и как подбирать кадры миссионеров [4, с. 103].

Во главе миссии стоял архимандрит Юлий Скрибан, известный русофоб, приехавший из Бухареста [3, с. 34]. В ноябре 1942 г. он был заменен епископом Виссарионом (Пую), выпускником

Киевской духовной академии, хорошо знавшим церковно-славянский, русский и украинский языки. Епископа Виссариона знал Ион Антонеску, и есть сведения о том, что именно он рекомендовал патриарху Никодиму назначить владыку главой румынских миссионеров в России.

Епископ Виссарион не препятствовал совершению богослужений в церквях Одесской епархии по-церковнославянски, сам часто проповедовал по-русски и пользовался потому доверием со стороны православных русских и украинцев. Из местного духовенства он благоволил к тем, кто принадлежал ранее (в советский период) к канонической Церкви, обновленцев и самосвятов принимал в клир только после их перерукоположения. При нем в Одессе возобновилось богослужение в 30 церквях.

Румынские власти, недовольные тем, что епископ Виссарион не считал первоочередной задачей румынизацию Одесской епархии, в 1943 г. отозвали его из Одессы. Его преемником в должности начальника миссии стал молодой архимандрит Антим (Ника), который, напротив, настойчиво проводил линию на румынизацию церковной жизни. В феврале 1944 г. он был хиротонисан в Бухаресте во епископа Измаильского и Транснистрийского [3, с. 34]. Ввиду приближения линии фронта епископ Антим перебрался из Одессы в Тирасполь, потом в город Измаил, по названию которого носил титул.

Ф. Хейер приводит цифры церковного строительства в Транснистрии. До революции там было 1 150 приходов. После гонений на церковь их осталось ничтожно мало. Миссия открыла в одной Одессе 25 церквей, а во всей области свыше 400 [11, S. 209–212].

Из номера в номер «Одесская газета» сообщала, что при содействии оккупантов открывались новые храмы. Так, 19 декабря 1941 г. она писала: «Между Днестром и Бугом уже 3 месяца работает православная церковная миссия во главе с университетским профессором, известным церковным публицистом Юлием Скрибаном. За сравнительно короткий срок миссия осватила много возобновленных церквей и снабдила их всем необходимым для служения. Нужно сказать, что во многих местностях не было не только икон, но даже и самих храмов. Теперь население, как

богатырь в сказке, проснулось и жадно потянулось к религии. Там, где нет церквей, устраиваются молитвенные дома. Многочисленные работники миссии без отдыха трудятся, освящая храмы по всей области» [6].

Оккупационные власти нередко отдавали приказы разыскивать священников и предъявляли им требование в самый кратчайший срок открыть храмы и начать богослужение.

30 ноября 1942 г. в Дубоссарах открылась Духовная семинария. Ее ректором назначили Д. Христеску и приняли на обучение 80 студентов; на семинарию возлагалась задача румынизации церковной жизни юго-запада Украины, и потому занятия в ней проводились на румынском языке [10, с. 290].

Мероприятия по открытию, реконструкции и постройке церквей потребовали значительных средств. Их собирали с населения, а кроме того, оккупантами отпускались в кредит специальные ассигнования, с обязательством вернуть их после открытия храмов. Местное население участвовало в ремонтных работах и сборах средств на восстановление храмов.

Достоинно внимания, каковы были планы румынских миссионеров. По указанию Антонеску они рассматривали себя как силу, которая постепенно должна была подчинить своему влиянию православную жизнь во всей России. Планы такого рода открыто провозглашались на церковных совещаниях и съездах и частично были опубликованы в газетах.

В марте 1942 г. в Одессе состоялся съезд румынского и русского духовенства. В качестве почетных гостей на съезде присутствовали городской голова Герман Пынтя, военный прокурор Стефан Берикет и другие представители оккупационных властей. Съезд послал приветствие Антонеску и губернатору Транснистрии. Было принято решение выразить благодарность оккупационным властям за их борьбу против Красной армии [4, с. 97–110].

19 марта 1942 г. «Одесская газета» опубликовала отчет об этом съезде и официальное заявление председателя съезда протоиерея Андрея Ники, предназначенное для печати: «Румынской церкви, – заявил протоиерей Ника, – принадлежит ныне устройство церковной жизни не только в Транснистрии, управляемой Ру-

мынией, которая представлена здесь профессором Александру, но Румынская церковь может дать импульс и нормальной церковной жизни и для всей России, ибо Румынская церковь представляет собой высокоорганизованную церковь чисто православной страны, имеет вполне подготовленное духовенство и, следовательно, является главенствующей православной церковью в данный момент. Верующие люди всей России ждут и надеются, что Румынский патриарх позаботится о них и пошлет к ним румынских пастырей, так, как послал их в Одессу и Транснистрию вообще... Румынский народ предназначен для реставрации нормальной церковной жизни в России, которую ухитрился захватить в свои руки жидовский кагал...

Безусловно, Россия слишком велика в сравнении с Румынией по своей территории и по численности населения. Румыния не сможет удовлетворить всех церковных запросов России, но уделить на время некоторую часть своего духовенства для религиозного просвещения русского народа, взять на себя труд предварительной организации церковной жизни в России она может...» [4, с. 108–132].

Из этих широкомасштабных планов видно, что с Московской Патриархией румынские миссионеры даже и не желали считаться, хотя и привлекали русское духовенство к церковной деятельности как канонически законных священнослужителей. Самим себе миссионеры отводили большую роль «организовать церковную жизнь» по всей России.

Формируя миссионерские кадры, румынское правительство Антонеску создавало для них льготные условия. Румынское духовенство приезжало в Транснистрию на 6 месяцев и затем сменялось новыми священниками. Согласившимся уехать в Россию священникам выдавали тройное жалование, промтоварный и продовольственный пайки; им предоставлялась возможность получать за требы с населения и изыскивать другие доходы. Кроме того, за миссионерами сохранялись доходы по прежним приходам. Румынские священники получали 600 марок в месяц, тогда как русские – всего 200.

Многие русские священники, которым в то время пришлось служить в Транснистрии, свидетельствовали, что со стороны ру-

мынской миссии их подозревали в русофильстве, получение должности сопровождалось многочисленными трудностями. К русскому духовенству румынские священники иногда относились с презрением, третировали его. В миссии бывали случаи взяточничества и поборов [4, с. 108–132].

Измаильской румынской епископией была создана комиссия по проверке документов у русских и украинских священников, бежавших из-за Днестра. Председателем этой комиссии был назначен священник Андрей Остапов (Останеску), секретарем-экспертом – священник Николай Медий и членом – священник Виктор Беров. Отказавшихся проводить румынизацию населения священников комиссия передавала румынской жандармерии для отправки их в концлагеря. Комиссия изыскивала всевозможные меры, чтобы не допустить русских и украинских священников к занятию хороших приходов, придиралась к мелочам с целью лишить их права служения, высказывала сомнение в каноничности епископа Серафима, который защищал русских священников [2, с. 194].

Престарелый протоиерей Михаил Муретов в беседе с начальником румынской миссии в очень осторожной форме однажды заметил, что слишком уж тяжело выносить эти оскорбления, на что тот ответил: «Мы вас покорили, вы нам и подчиняйтесь».

В своей рукописи «Православие и гитлеризм» епископ Сергей (Ларин) приводит свидетельства священников о неблагожелательном поведении румынских миссионеров. Не довольствуясь большим пайком и окладом, многие из них занимались спекуляцией, скупали золотые вещи, драгоценные камни, всевозможные ценности. Румынское духовенство было удивлено высокими моральными требованиями, которые предъявляло ему население. Нередки были случаи самого бессовестного вымогательства денег у верующих за требы. Румынские миссионеры курили на улицах, посещали рестораны, театры, кафе. Благочинный в Беляевском районе Иван Ерхану, племянник румынского епископа, постоянно пьянствовал и сожительствовал с одной местной дамой. Некоторые румынские священнослужители являлись агентами сигуранцы, были случаи их доносов на патриотов и партизан [4, с. 108–132].

В Бессарабии на кафедру митрополита был назначен Гурий Гроссу, бежавший из Советской России и запрещенный Русской Православной Церковью в священнослужении. В книге «Правда о религии в России» о нем говорится: «...Бессарабскому молдавскому народу Гурий известен как вор общественно-церковных денежных вкладов. В 1936 году митрополит был изгнан из Бессарабии и предан уголовному румынскому суду по обвинению в хищении 1,5 миллиона лей, принадлежавших Кишиневскому епархиальному управлению» [9, с. 236]. Этот митрополит имел своей любовницей кишиневскую красавицу-еврейку Марию Щварц, которая ходила к нему в одежде послушника. Однажды, обидевшись за что-то на своего сановного друга, она украла у него митрополичью митру, крест и другие ценные предметы. Пришлось Гурию выплачивать за них 300 000 лей [4, с. 108–132].

Оккупационные власти и руководители миссионерских организаций считали необходимым максимально активизировать и разнообразить приемы и методы своего воздействия на население. Для достижения этой цели в ряде городов проводились специальные курсы, совещания, съезды. Литература, проповедь, благотворительность – все строилось с расчетом укрепить влияние захватчиков. В храмах продавали и раздавали портреты Гитлера, Муссолини, Антонеску, их восхваляли и прославляли. Румынские миссионеры не стеснялись использовать в своих целях даже богослужения. Каждое крупное событие в жизни фронта неизменно сопровождалось богослужениями с кошунственными просьбами к Богу оказать помощь захватчикам. Как праздники отмечались годовщины нападения на СССР, захваты крупнейших городов, дни рождения Гитлера и другие события. В честь румынских солдат, убитых на войне, устраивались торжественные заупокойные панихиды с произнесением хвалебных слов [7]. Духовенству было предложено во всех храмах по воскресеньям устраивать «религиозно-нравственные чтения» с прославлением «освободителей» – оккупантов. В Одессе во всех церквях служили торжественные молебствия по случаю дня рождения и ангела губернатора Алексеяну. Там же местные власовцы во главе с Пустовойтовым получили от фашиствующего духовенства стяг. В оккупационной пе-

чати делались клеветнические выпады против патриарха Сергия и Священного Синода. Утверждалось, что патриарх Сергий действовал в интересах еврейства и иудейской религии. Сообщалось даже, что в Московской области вместо священников служат переодетые советские работники [5].

В ряде городов были открыты «дома христианской культуры» – своеобразные церковные клубы, где устраивались собрания верующих, лекции, вечера с пением румынского гимна. Большое внимание миссионеры уделяли постановке своей работы среди рабочих. На предприятиях для них устраивались специальные лекции, сопровождаемые чтением стихов, пением, музыкой. Румынские миссионеры использовали в своих целях радио, кино, театр. В селах священники создавали культурные кружки.

Важнейший участок в своей деятельности фашисты видели в школе. Тут их деятельность развертывалась по двум направлениям: с учащимися и педагогами. Преподавание Закона Божия нередко сопровождалось чтением фашистской литературы и заучиванием фашистских гимнов и стихотворений. При кафедре богословия Одесского университета была устроена библиотека, где находилось много фашистских книг. Там же все студенты должны были слушать курс богословия, который читал румынский миссионер архимандрит Антоний Харгел. Для педагогов во многих городах были устроены богословские курсы, в Одессе их посещало 200 учителей.

Такие учреждения, как тюрьма, трудовые и концентрационные лагеря, лагеря для военнопленных, тоже были объектом внимания и деятельности румынских миссионеров.

Румынская миссия в Одессе имела довольно значительное издательство во главе с главным редактором А. Балясным и собственную типографию. Кроме большого количества непериодической литературы, миссия выпускала журналы: «Христианский вестник», «Христианская жизнь», «Христианская Транснистрия», «Христианская нива», «Журнал для юношества», «Журнал для детей», «Детский мир». Тиражи этих изданий непрерывно росли. Так, тираж «Христианского вестника» за весьма непродолжитель-

ное время вырос с 30 000 до 50 000 экземпляров. Был издан календарь на 1942 г. на русском языке [4, с. 124–140].

Епископ Виссарион (Пую) разделил Транснистрию в 1943 г. на три епархии: Северную с центром в Тульчине, Центральную с центром в Балте и Южную с центром в Одессе. Во главе Северной епархии был поставлен архимандрит Антим (Ника), во главе Центральной – епископ Василий (Стан), в Одессе оставался сам епископ Виссарион. Патриарх Никодим дал ему назначение быть епископом Одесским и всея Транснистрии [3, с. 34]. Румынская миссия в Транснистрии обладала значительным аппаратом и кадрами, в ее состав входило более 400 миссионеров. Ближайшими помощниками начальников миссии являлись 14 благочинных.

В своей работе В.И. Алексеев и Ф. Ставру приводят выдержки из «Отчета Румынской православной миссии в Транснистрии с 1 апреля до 30 июня 1942 г.», составленного архимандритом Антимом, помощником начальника миссии. Из отчета явствует, что, не дожидаясь конца войны, румыны во многих местах начали выделять землю для церквей, по 5–10 га на церковь. Архимандрит Антим констатировал недостаток священников, количество которых надо бы было увеличить в четыре раза, а также типичное для всей оккупированной территории массовое крещение детей и большое количество венчаний. Им выражалось сожаление, что при свободе всех религиозных вероисповеданий на оккупированной румынами территории, в деревнях, где нет священников, развивается сектантство. В то же время миссию осаждали делегации приходов, приезжавшие не только из Транснистрии, но и из-за Буга (то есть с Украины, оккупированной немцами), с просьбой прислать священников. В связи с этим румынский Синод дал распоряжение рукополагать местных русских, имеющих необходимое образование.

В своем отчете архимандрит Антим отмечал: «Миссионерская работа здесь очень ответственна и полна трудностей. Священник тут должен быть кротким, сочувствующим всем, полным любви к верующим и быть без претензий. Для священника не так нужно умственное развитие, как религиозное рвение и более всего прилежность, достоинство в жизни и нравственная чистота. В этом

отношении народ здесь очень требователен. Многие из наших миссионеров пользуются любовью всего народа, как носящие печать благодатности, а некоторые и мученичества. Священники из Румынии, приходя сюда, должны приносить самое высокое понимание своей миссии, воодушевление и большой пастырский такт. Более пожилые здесь предпочитают молодым. Священники, приходящие сюда, должны понимать окружающую обстановку, понимать здешний народ, его обычаи и язык» [1, с. 104–110].

Последнее замечание свидетельствует о глубине и серьезности религиозного подъема населения, сохранившего веру после почти 25 лет гонений. В своих донесениях румынские епископы отмечали исключительную религиозность населения и говорили, что румынским священникам следовало бы поехать в Россию для духовного обогащения [8, с. 218].

По мере приближения фронта румынское духовенство в большинстве своем бежало на запад, в Бессарабию, потом в Румынию. На приходах оставались священники русского и украинского происхождения, которые, конечно, пользовались несравненно большим доверием и любовью народа. Во время румынской оккупации в Приднестровье возобновилась монашеская жизнь. Возрождено было 12 обителей, в Одессе был восстановлен Свято-Пантелеимонов монастырь. В нем проживало 7 монахов-украинцев, а управлял обителью игумен Варлаам (Хирита), выпускник Кишиневского богословского факультета. Его сменил другой выходец из Бессарабии – отец Василий (Солтици). После бегства Румынской миссии из Одессы на запад игумен Василий (Солтици) взял на себя управление всей церковной жизнью Приднестровья [10, с. 290].

На оккупированных румынами территориях духовенством и верующими велась патриотическая деятельность. Священник Ф. Петрановский организовал в Одессе подпольную группу. Он регулярно принимал сводки Совинформбюро по радиоприемнику, расположенному в подвале дома. Полученные сведения передавались верующим в устной форме, а самые важные из них записывали и распространяли разными путями. Отец Ф. Петрановский в своем храме и на дому крестил более 100 еврейских

детей, выдав им документы о крещении. Спасал батюшка от смерти и взрослых. В мае 1942 г. бесстрашный священник был посажен на полгода в тюрьму по обвинению в большевизме. Однако и там он получал сводки Совинформбюро от своих товарищей по подпольной группе и использовал их в беседах с заключенными. Ф. Петрановский страдающим от истощения заключенным, в том числе и партизанам, оказывал помощь продуктами питания. Арестованных он всегда подбадривал, внушал надежду на скорое освобождение.

Одесский протоиерей Василий Брага, сотрудничая с советской внешней разведкой, передал много ценных сведений. В своих проповедях он призывал молиться за Родину, победу. Партизанам батюшка помогал продуктами, материально. За это он был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» [4, с. 283–289].

В августе 1944 г. Красная армия, освободив Молдавию, перешла Прут и вступила на территорию Румынии. Митрополит Кишиневский румынской юрисдикции Ефрем (Тигиняну) и его викарии оставили Молдавию вместе с румынскими войсками и властями. 31 декабря 1944 г. в Богоявленском патриаршем соборе в Москве патриаршим местоблюстителем митрополитом Алексием была совершена хиротония во епископа Кишиневского и Молдавского архимандрита Иеронима (Захарова).

Если сравнивать положение православного духовенства Молдавии и других западных территорий после их возвращения в Советский Союз, то оно было неодинаковым. В Прибалтике, Западной Украине и Западной Белоруссии православное меньшинство в отличие от униатов, католиков и протестантов рассматривалось властями как пророссийски ориентированное, молдавский же народ был православным, и это не считалось признаком лояльности советским властям. С приходом Красной армии значительная часть священнослужителей подверглась репрессиям, многие монастыри были закрыты, насельники арестованы и этапированы в концентрационные лагеря. Обвинение в коллаборационизме предъявлять было легко и удобно, поскольку во время румынской оккупации по закону молдаване были равноправными с собствен-

но румынами и потому являлись лояльными подданными румынского короля, в этом отношении и православное духовенство не отличалось от остального населения. Хотя несомненно, что закон не осуществлялся на практике, и значительная часть молдаван чувствовала свою второсортность.

За время оккупации на территории Транснистрии стало функционировать 12 монастырей и до 500 храмов. На 30 июня 1942 г. в Транснистрии служило 287 священников, 18 диаконов и 106 псаломщиков [11, S. 209–212]. Сам факт, что миссионерам удалось открыть 40 % действовавших до революции храмов, свидетельствует о вовлечении тысяч людей в церковную жизнь. Этому способствовали миссионерские курсы, лекции, съезды духовенства и верующих, издание религиозной периодической литературы и другие мероприятия. Вместе с тем румынизация Транснистрии вызвала отрицательное отношение населения. Введение румынского языка встречало глухое сопротивление прихожан, и после того как большинство румынского духовенства при приближении фронта уехало в Румынию, многие прихожане радовались, что у них снова «славянские» священники.

Попытки вовлечь часть миссионеров в политические мероприятия имели место, как имели место и отдельные негативные проявления в деятельности румынского духовенства. Однако все это встречало неприятие населения.

Список литературы

1. Алексеев, В. И. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории / В. И. Алексеев, Ф. Ставру // Русское возрождение. – 1982. – № 18. – С. 104–110.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 6991. – Оп. 1. – Д. 70.
3. ГАРФ. – Ф. 6991. – Оп. 1. – Д. 41.
4. Ларин Сергей, епископ. Православие и гитлеризм / Ларин Сергей. – Одесса, 1947. – 537 с.
5. Молва. – 1944. – 17 марта, 6 апр.
6. Одесская газета. – 1941. – 19 дек.
7. Одесская газета. – 1943. – 7 сент.

8. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.

9. Правда о религии в России. – М., 1942. – 457 с.

10. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. Кн. 9. 1917–1997 / Владислав Цыпин – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

11. Heyer, F. Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945 / F. Heyer. – Koln, Braunsfeld : Verlagsgesellschaft Rudolf Muller, 1953. – 484 S.

**THE POSITION
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN THE ROMANIAN ZONE OF OCCUPATION
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Yakunin Vadim Nicolaevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Prorector of Innovative and Science-Research Activity,
Volga Region State University of Service,
vadyak@mail.ru
Gagarin St., 4, 445677 Togliatti, Russian Federation

Abstract. This paper presents the situation of the Russian Orthodox Church in the lands of South-Western Ukraine and Moldova occupied by the Romanian army. The Romanian leadership sent spiritual mission to these areas which aimed not only to restore Orthodoxy, but also to include the gradual romanization of the Church and the population, which caused a negative attitude of the people. Despite the danger to life, the clergy and believers conducted Patriotic activities in these areas.

Key words: the Moscow Patriarchate, the Russian Orthodox Church, the Great Patriotic War, the clergy, believers.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

УДК 159.98
ББК А 848

ВОЕННЫЙ ПСИХОЛОГ: РАБОТА С ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ И СОТРУДНИКАМИ СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Арпентьева Мариям Равильевна

Доктор психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник кафедры психологии развития
и образования
Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru
ул. Разина, 26, 248023 г. Калуга, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблемам психологической безопасности, ее обеспечения в работе и реабилитации военнослужащих и сотрудников спецподразделений, а также жертв терактов и войн и близких сотрудников. Анализируются аспекты, помогающие сделать психологически безопасной и оптимизировать профессиональную деятельность и другие формы жизнедеятельности военнослужащих.

Ключевые слова: военный стресс, психологическая безопасность, защищенность, переговоры, симптомы, посттравматическое стрессовое расстройство.

Важную роль в обеспечении психологической безопасности военнослужащих, сотрудников СОБР и иных спецподразделений в условиях военных действий, антитеррористических

операций и иных экстремальных, приближенных к военным условиям деятельности, играет специальная психологическая подготовка сотрудников спецподразделений и психологическая помощь в процессе и после выполнения задач профессиональной деятельности. Решение проблем социальной безопасности, помощи жертвам войн, терактов и иных в разной мере развернутых или локальных военных конфликтов связано с решением проблем личной безопасности военнослужащих и сотрудников спецподразделений [10]. Осознание и решение проблем личной безопасности, в том числе в контексте совладания с последствиями военного стресса и сходных с ним переживаний, во многих случаях инициирующих нарушения психического и физического здоровья по сценарию посттравматического стрессового расстройства, возможно в первую очередь с помощью психолога или психотерапевта: человек, меняя личностный смысл внешне-средового воздействия, изменяет смысл психологической ситуации, в которой он находится и, таким образом, может хотя бы отчасти управлять своим физическим и психическим состоянием.

Данные многочисленных обследований военнослужащих и сотрудников СОБР и т. д. различными по ориентациям, методологическим принципам и методикам (технологиям) изучения позволяют констатировать, что экстремальная ситуация не является для большинства из военнослужащих сверхзначимой в том смысле, что она оценивается и переживается как повседневная, не затрагивает базовых структур личности. С другой стороны, сами эти базовые структуры подвергаются так или иначе существенной трансформации: как на этапе подготовки, так и на этапе освоения деятельности, и, кроме того, на этапах столкновения с интенсивными стрессами, создающими или сопровождающими деформации профессиональной деятельности, возникающими и протекающими по тем или иным причинам [таким как столкновение с предательством и сутяжничеством, мародерством, насилием над беззащитными людьми со стороны «своих», например, как нравственно некорректные боевые задания или приказы, добровольные суициды жертв терактов и соци-

альных репрессий, опыт плена и синдром заложников (концлагерей), опыт длительного интенсивного насилия, разрушающего все защитные, в том числе нравственные механизмы человека и т. д.] [1–3].

В любом случае негативные психические состояния всегда присутствуют в профессиональной деятельности военнослужащих и сотрудников спецподразделений, однако, они могут характеризоваться быстрым процессом протекания и восстановления, не затрагивать нравственных основ жизнедеятельности и профессиональной деятельности. Это может быть связано со сформированными в ходе профессиональной деятельности устойчивыми моделями поведения, приобретенным индивидуальным опытом преодоления кризисных ситуаций и выработанной системой самоуправления. С другой стороны, это может быть связано и с общим средне-низким уровнем развития саморефлексии военнослужащих, сотрудников МЧС и сотрудников правоохранительной систем, экстернальным характером локуса ответственности и интерпретации происходящего, и в конечном счете низким уровнем психологической культуры работников. Что касается иных структур, то в России и странах ближнего зарубежья у военнослужащих, телохранителей, работников внутренней безопасности и т. д. в области психологической подготовки практически не наблюдается никаких выраженных изменений, хотя уровень психологической подготовки к реализации этой деятельности в настоящее время достаточно низок, а проблемы реабилитации часто остаются частными проблемами самого военнослужащего и его семьи [9].

С точки зрения зарубежных исследователей в понятие «психология безопасности человека» входят также категории, связанные с ориентацией на человека как высшую ценность в существующем мире, биоэтические аспекты социального бытия. В психологическом плане это означает повышение чувствительности общества к общему страданию и боли, к персональной и межиндивидуальной ответственности за последствия своих действий, своей необразованности и глухоты к тем, кем управляют и кто составляет основание пирамиды благополучия всех, рост

внимания людей к нравственным аспектам отношений и ситуаций [10]. В России М.А. Котик, например, считает, что защищенность определяет возможности человека противостоять опасностям, а безопасность – реализация этих возможностей [7]. Защищенность может определяться и по способности противостоять специально незапрограммированным факторам, например, опасностям, неожиданно возникающим в деятельности. Безопасная деятельность является результатом не столько противодействия человека опасностям, сколько проявлением его возможностей не породить своей деятельностью эти опасности [4]. Однако не только выработанная система самоконтроля и самоуправления входит в блок личной безопасности военнослужащих и сотрудников спецподразделений. В нее входит и адаптация сотрудников к экстремальным и военным условиям деятельности, которая определяется его высшими адаптивными психофизиологическими уровнями, но выбор адаптивных стратегий обусловлен в большей мере особенностями психического склада данного индивида [2; 5; 7]. Экстремальная психология по определению [3; 4; 6] – это теория поведения в сложных обстоятельствах, связанных с повышенным риском, с угрозой для жизни. Одним из ее разделов является криминальная психология, отражающая особенности преступников и жертв, террористов, военнослужащих и мирных жителей и т. д. [8; 9].

Важным компонентом работы с военнослужащими и сотрудниками спецподразделений, участвующих в более или менее локальных военных конфликтах, антикриминальных операциях и антитеррористических мероприятиях является тренинг и психологическое консультирование военнослужащих и сотрудников спецподразделений, в том числе в процессе дебрифинга и т. д. Осознание необходимости специальных программ и мероприятий психологической реабилитации людей, переживших психотравмирующие условия военной службы непосредственно в боевой обстановке в различных «горячих точках» [3; 4; 7–9], в настоящее время становится реальностью для значительного количества сограждан и государства. Однако современный уровень отношений в нашем обществе в силу экономического кризиса и социальной не-

стабильности создает среду, которая сама по себе является не менее травмирующей для психики вернувшихся с войны людей, чем ситуация войны и боевых действий. В условиях отсутствия общественной признательности за честно выполненный воинский долг, за готовность жертвовать жизнью ради его выполнения, проблема посттравматических стрессовых реакций и расстройств не имеет необходимой социальной среды для успешного разрешения, значительно усугубляясь.

Люди, возвращающиеся с войны, кроме психологических проблем, вызванных психогенными условиями боевой деятельности, имеют определенные особенности, которые существенно отличают их от всех остальных [4; 10]. Это совершенно иная система нравственных ценностей, другой уровень духовного развития, при котором обостряются интуитивные ощущения неискренности отношений, фальши, корыстных устремлений по отношению к ним, как бы они не маскировались. Особо негативно ими воспринимается так называемая «помощь», за которой стоят чисто прагматические интересы тех, кто эту помощь предлагает [9; 11]. Помощь человеку не может навязываться. Она может быть оказана лишь при соответствующей просьбе о ней. Когда нам кажется, что мы видим нуждающегося в нашей помощи человека, наше участие должно быть ограничено только информированием о наших возможностях оказания психологической помощи и готовности принять участие в судьбе человека. До той поры пока человеком не будет принято внутреннее решение о желании разрешить эти проблемы и не прозвучит просьба о нашей помощи ему в этом, специалист или родственники не имеют права вторгаться в его внутренний мир и его духовную жизнь.

Много исследований посвящено вопросам реадaptации людей, участвовавших в военных действиях, к миру «нормальных людей» и «нормальных отношений». «Боевые рефлексy» не кажутся чем-то необычным, пока человек находится в районе военных действий. Но возвращаясь домой, он попадает в такую среду, где подобные рефлексy производят, по меньшей мере, странное впечатление. Множество раз, прямо и косвенно, множеством

различных способов человеку указывают, что пора прекратить вести себя как на войне. Но никто так и не может объяснить ветерану, каким образом это сделать. Многие же продолжают жить войной [1; 3; 4; 8]. Одним из распространенных способов «возвращения» становится работа в СОБР (ОМОН) и/или работа телохранителем. Однако, как отмечают эксперты, такая ситуация не вполне соответствует ни личным интересам воевавшего, ни интересам дела. А.Е. Тарас [3] отмечает распространенность мифа о том, что за плечами телохранителя обязательно должен быть Афган, Босния или Чечня, на худой конец – служба в спецназе либо десанте. Однако всякий опыт специфичен: умение устраивать засады в горах или прыгать ночью на парашюте в принципе не требуется телохранителю. Напротив, опыт военного насилия часто вредит телохранителю, поскольку всякое ружье «выстреливает»: опыт провоцирует видеть в нарушителях врагов, применяя к ним меры реагирования – соответствующие привычкам военного времени-места. Отчасти верно то, что прошедшие через «мясорубку» настоящей войны получили колоссальную психологическую закалку, – но это верно только по отношению к тем, кто отправился на войну, имея соответствующую подготовку и с убеждением в необходимости личного участия в ней. Но таких немного, и они, как правило, не нанимаются в телохранители. У остальных военный опыт приводит к психическим нарушениям, алкоголизму, наркомании, неврозам и депрессиям. У некоторых просто «едет крыша», развиваются различные психопатологические состояния [9].

Для тех немногих ветеранов, кому повезло, дом становится местом, где их ждет любовь, где они чувствуют себя в безопасности и могут спокойно осмыслить пережитое, обсудить его с близкими. Такая атмосфера позволяет проанализировать свои ощущения, а затем внутренне принять свой опыт и примириться с прошлым, чтобы двигаться по жизни дальше. Выходя из среды, порождающей одни психологические проблемы, связанные с угрозой для жизни, кровопролитием и другими реалиями войны, человек сталкивается с не менее серьезными проблемами его нужности в обществе, проблемами трудоустройства, поиска дос-

тойного места в этой жизни, непонимания его другими людьми и т. д. И именно в этих условиях основным психореабилитирующим фактором становятся самые близкие ему люди, родители, жены, настоящие друзья, а правильнее будет сказать, – те особые отношения, которые должны и могут складываться между этими людьми. К сожалению, счастливый сценарий не очень характерен для большинства вернувшихся с войны: общество потребления мало интересуется чужими ранами – тела и души, даже если это раны близкого человека, члена семьи и/или друга. Однако от реальности этих травм и ран не уйти, как ни стараются это сделать: пенитенциарные и военные психологи малочисленны и не имеют широких контактов с другими специалистами, работая скорее в рамках учреждений и приказов администрации, чем в рамках профессиональных ценностей и нормативов.

Критическая ситуация сложилась и в работе с мигрантами: в страну притекает лавина мигрантов, чье психологическое и даже физическое состояние никого не волнует, напротив, силами коррумпированных подструктур ФМС мигранты часто подвергаются изощренной травле: поборам и издевательствам, когда не имея денег, сил и желания платить коррупционерам и выполнять бесконечные и подчас абсурдные требования, не будучи способными защитить свои права, насильственно высылаются в государства гражданской принадлежности, с их необъявленными «взяточниками» войнами и насилием над людьми (Молдова, Таджикистан, др.), на пытки и смерть. Это – суровая реальность «помоги себе сам» оказывает деморализирующее действие на все сообщество и государство: даже Америка осмыслила опыт Вьетнама и приняла важность помощи жертвам массового насилия и катастроф. Россия все еще занята страданиями самих коррупционеров, раздуванием штатов контролирующих организаций и минимализацией затрат и усилий по психосоциальной поддержке военнослужащих, мигрантов, бывших и нынешних заключенных и их семей, жертв терактов и катастроф и т. д. Защита людей проводится только там, где она политически или экономически выгодна, в иных случаях даже существующие нормы права и механизмы не используются.

В этой ситуации людям не остается ничего иного как реализовать посыл «помоги себе сам», однако, поскольку в обществе превалирует настроение выученной беспомощности, постольку помочь себе сам человек (даже парадоксальным образом, человек, прошедший испытания войной) «не может»: ему нужен специалист – активизирующий это «сам», направляющий поиск новых жизненных смыслов указанием – на то что эти смыслы существуют. То, как трудно человеку поверить в эти смыслы и найти их, показывает опыт стареющих и умирающих: даже перед лицом смерти человек подчас остается пассивным, искренне переживая состояние «видел все». Это состояние «видел все», состояние жизни, которая потеряла смысл, надоела, является ярким предвестником ухода человека из жизни. Кроме того, львиная доля нагрузки ложится на сеть контактов – ближайшее окружение жертв и бывших военнослужащих.

Говоря о работе с участниками боевых действий и жертвами терактов, с родителями и семьями участников боевых действий и терактов, необходимо выделить два аспекта:

– работа с сетью контактов – окружением этих лиц является одним из наиболее важных и значимых факторов психореабилитации и психологической помощи вернувшимся с войны;

– оказание непосредственной психологической помощи и психореабилитация самих родителей и членов семей воевавших.

При вполне естественной потребности человека в понимании и поддержке его со стороны самых близких и родных людей, собственные их психологические проблемы, которых более чем достаточно, не только не позволяют создать необходимую психологическую атмосферу, но и проецируются на него самого и усугубляют и без того непростую ситуацию в плане его душевного равновесия и самочувствия.

Кроме того, несмотря на то, что в силу близости родственных и других человеческих связей уже предполагается изначальная способность близких взять на себя функции психотерапевта для искалеченной войной души, очень часто на самом деле происходит обратное. Кроме того, что родители и близкие воевавших людей сами нуждаются в психологической помощи и психо-

реабилитации посттравматических нарушений, есть целый ряд существенных моментов, по которым семья и близкие люди не в состоянии реализовать тот потенциал психологической помощи, которым они не только обладают, но и должны его в полной мере задействовать. Эти моменты являются продуктами серьезного нарушения отношений в семье, когда истинная любовь к другому человеку подменяется собственными устремлениями и потребностями [4]. Однако каждый человек, по закону «второй демократии» А. Адлера, все же может и нуждается в том, чтобы, начав с себя, сохраняя веру и надежду, любовь к жизни и окружающим подняться: «Поднимись, и поднимутся тысячи вокруг тебя», – гласит и Библия, оразившая вековой опыт осмысления войн и катастроф.

Во внутренних диалогах с собой, в отношениях с близкими, бывшими сотрудниками и консультантами травматический опыт и переживание воссоздается, чтобы поделиться с адресатом (реальным или символическим) и изменить что-либо – в себе или адресате. Причины и мотивы социального обмена в дебрифинге и иных видах психологической помощи таковы [3; 8; 9]:

– выразить сдерживаемые переживания, попытаться облегчить их или достичь катарзиса, вспомнить или повторно пережить событие, чтобы найти объяснение и прояснить смысл ситуации;

– «склеивание», уменьшить чувство одиночества, облегчение социальных взаимодействий, получить утешение, сочувствие;

– найти пути решения проблем, созданных случаем, найти руководство, запросить консультацию, получить помощь, поддержку, легитимизацию для проверки своих переживаний, их одобрения и подтверждения;

– развлечение, стремление привлечь внимание и получить внимание от других, возможно, произвести впечатление на других.

Консультирование выступает как партнерское, направленное на сотрудничество по поводу изучения и решения конкретных вопросов и ситуаций, фрустрирующее повседневные шаблоны жизнедеятельности, общения со значимым (реально присутствующим, искренним и аутентичным, включенным в диалог

как личность, утверждающим и подтверждающим значимость и само существование) другим общение специалиста и клиента, стремящегося пережить страдание и повысить качество своей жизни [2; 11].

Список литературы

1. Арпентьева, М. Р. Проблемы социально-психологической помощи жертвам террора и катастроф / М. Р. Арпентьева. – Калуга : Изд-во КГУ, 2016. – 450 с.
2. Вдовина, И. В. Посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР) военнослужащих и их реабилитация / И. В. Вдовина // Социальный конфликт. – 2001. – № 1. – С. 3–26.
3. Волосников, А. Психологическое сопровождение сотрудников спецподразделений ФСБ / А. Волосников, В. С. Мухина // Развитие личности. – 1999. – № 1. – С. 87–104.
4. Дзлийев, М. И. Социальная безопасность России: новая образовательная сфера / М. И. Дзлийев, Н. Н. Потрубач // Кафедра. – 1995. – № 4. – С. 15–23.
5. Зубарев, Ю. Г. Нервно-психологические расстройства в экстремальной обстановке / Ю. Г. Зубарев // Военно-медицинский журнал. – 1996. – № 11. – С. 14–16.
6. Йолов, Т. Экстремальные ситуации и ситуативное поведение / Т. Йолов // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь. – М. : Наука, 1990. – С. 171–182.
7. Котик, М. А. Ошибки управления / М. А. Котик, Е. А. Емельянов. – Таллинн : Валгус, 1985. – 390 с.
8. Магомед-Эминов, М. Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса / М. Ш. Магомед-Эминов. – М. : Инсайт, 2004. – 112 с.
9. Малкина-Пых, И. Г. Экстремальные ситуации / И. Г. Малкина-Пых. – М. : Эксмо, 2005. – 960 с.
10. Соловьев, И. В. Психологическая работа с семьями и родителями военнослужащих, участвовавших в боевых действиях: особенности оказания психологической помощи, психологической реабилитации / И. В. Соловьев // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 1999. – 2000. – № 3. – С. 50–55.
11. Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. – СПб. : Питер, 2001. – 272 с.

**MILITARY PSYCHOLOGIST:
WORKING WITH MILITARY PERSONNEL
AND THE MEMBERS OF THE SPECIAL FORCES**

Arpentieva Mariam Ravilievna

Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher,
Department of Development and Education Psychology,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
mariam_rav@mail.ru
Razina St., 26, 248023 Kaluga, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problems of psychological security, it security in work and rehabilitation of military personnel and special forces, as well as victims of terrorist attacks and war and relatives of employees. The author analyzes the aspects that help to make psychologically safe and optimize professional activity and other forms of life of military personnel.

Key words: military stress, psychological safety, security, negotiations, symptoms, post-traumatic stress disorder.

УДК 94(470):364.694«192»

ББК 63.3(2)613-2

ПОМОЩЬ ИНВАЛИДАМ ИЗ ПОВОЛЖЬЯ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ РСФСР (1921–1922 гг.)

Базаревич Анна Хасениевна

Магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси
Витебского государственного университета им. П.М. Машерова
anna_bazarevich@mail.ru
просп. Московский, 33, 210038 г. Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. Голод 1921–1922 гг. в Поволжье вызвал колоссальный наплыв беженцев в урожайные губернии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Бедствие стало острой государственной проблемой. Наиболее важной государственной задачей была реализация социальной политики в отношении наиболее уязвимых слоев населения. В статье на частном примере показан механизм по оказанию помощи инвалидам, которые прибывали в Витебскую губернию РСФСР. Несмотря на то что Витебщина считалась благополучным районом, продовольственная проблема и здесь была актуальна, что обусловило возникновение серьезных трудностей в обеспечении данной категории прибывающих.

Ключевые слова: социальная защита, голод 1921–1922 гг., инвалиды, беженцы, Витебская губерния, эвакуация.

Голод в Поволжье, который начался с весны 1921 г., вызвал крупный наплыв беженцев в БССР, а также в Гомельскую и Витебскую губернии РСФСР. Для оказания помощи пострадавшим деятельность государственных органов требовала концентрации, потому что волна переселенцев не была однородной: особого подхода в обеспечении и содержании требовали инвалиды. Социальная защита этой группы предполагала основную задачу – распределение ее по соответствующим учреждениям.

На первый взгляд алгоритм был прост: поиск подходящего для жилья помещения, оборудование его необходимой мебелью, обеспечение инвалидов питанием, одеждой, бельем и медикаментами,

наличие штата обслуживающего персонала, врача. Однако на практике его реализация была очень тяжелой, что отражалось на условиях содержания. А это в свою очередь влекло за собой проблемы социального и морально-этического характера.

Для рассмотрения механизма приема, обустройства и содержания инвалидов из голодающих губерний представляется наглядным пример инвалидного дома в бывшем имении «Добрино» Щербинской волости Витебского уезда.

Основу работы составили документы фонда Витебского уездного отдела социального обеспечения (Государственный архив Витебской области). Во время работы были использованы общенаучные и специально-исторические методы (историко-генетический и историко-системный).

Летом 1921 г. Витебская губерния приняла первых беженцев из голодающих территорий Поволжья. Основная волна переселенцев прибыла осенью 1921 года. На 20 ноября в рамках Витебской губернии находилось 7 974 человека, кроме того значительное количество незарегистрированных были рассеяны по уездам [1, л. 1]. Финансово-хозяйственная часть находилась в кризисном положении, свободных ресурсов не имелось. Ситуация осложнялась возвращением беженцев империалистической войны, которые зачастую приносили эпидемии и умирали, оставляя детей беспризорными – все это плохо сказывалось на социально-экономическом положении.

При Витебском Губернским комитете по оказанию помощи голодающим была создана инвалидная комиссия, в обязанности которой входила работа по приему и распределению этой категории; содержанием же занимался отдел социального обеспечения.

На 25 ноября среди прибывших насчитывалось 1 095 инвалидов, причем 440 из них прибыли самотеком [1, л. 1]. В это время, учитывая тяжелое положение, Губернский комитет по оказанию помощи голодающим поставил вопрос об отказе от дальнейшей эвакуации людей с территорий, которые были охвачены голодом. Однако, при наличии средств на обеспечение питанием и одеждой, был готов через 1–1,5 месяца принять еще 2 000 инвалидов [1, л. 2]. Переселенцы часто не имели ни одежды, ни обуви, их перевозка

осуществлялась в неотапливаемых вагонах, а при низких температурах в условиях осени это сопровождалось болезнями. Таким образом, в Витебскую губернию люди прибывали ослабленные не только голодом, но и тяжелыми условиями во время эвакуации.

Поиск подходящего помещения для организации инвалидного дома вблизи Витебска начался в августе 1921 г., выбор остановился на бывшем помещичьем доме в имении «Добрино» Щербинский волости Витебского уезда [2, л. 6]. Организация общежития была поручена уездному отделу социального обеспечения. То, что в доме проживал человек и комнаты использовались для хранения сена и соломы, помешало вовремя начать работы по подготовке здания, а отсутствие финансовых средств не позволило это сделать в полной мере и после того, как он был освобожден.

Организация общежития планировала размещение до 200 инвалидов. Первая партия из 23 человек прибыла 19 декабря [2, л. 23]. Информацию об условиях содержания и состоянии прибывших находим в докладах врача о результатах осмотра инвалидного дома «Добрино» от 22 декабря. Он был непригодный для жизни: окна были остеклены лишь частично, из-за чего в помещениях гулял сквозной ветер и температура была недопустимо низкая. Слабая материально-техническая база характеризовалась недостатком элементарных предметов обихода, проблемами с водой, отсутствием дров для отопления [2, л. 24].

Люди располагались на топчанах, которые были тесно поставлены рядом. Ни матрасов, ни подушек, ни белья не было. Положение инвалидов было критическое, наблюдалась вспышка тифа. 75 % призываемых имели хронические заболевания внутренних органов и требовали диетического питания, однако, горячая пища выдавалась только один раз в день. Как констатировал врач, от тяжелых условий умерли 8 постояльцев, а трупы находились в том же помещении из-за невозможности похоронить, так как отсутствовали средства на это [2, л. 24]. 13 января 1922 г. в инвалидном доме содержалось 55 человек, умерших насчитывалось уже 12 человек [2, л. 47]. Больных рекомендовалось направлять в больницу, что было сложным, так как требовалась повозка, которой в общежитии не имелось.

Рассматривая деятельность инвалидного дома «Добрино» в аспекте обеспечения учреждения персоналом, можно отметить, что сначала фиксировалась занятость только двух человек из штата, что заведующий объяснял отказом остальных служащих выполнять свои обязанности, потому что отдел социального обеспечения приостановил оплату их труда [2, л. 34 об.]. Работа по принуждению вызывала недовольство и не приводила к положительным результатам. Более того, постояльцы вмешивались в дела администрации, чем препятствовали ее деятельности [2, л. 35]. В докладных записках неоднократно подчеркивался непрофессионализм заведующего учреждением, отмечалось, что у него «нет ни инициативы, ни умения, ни желания работать» [2, л. 49 н.]. Тем не менее такая оценка работы видится предвзятой, поскольку реализовать профессионализм в полном отсутствии средств почти невозможно. С февраля 1922 г. на пост главы инвалидного дома «Добрино» был назначен новый заведующий и укомплектован штат из 6 служащих.

Внутренняя атмосфера имела проблемы социального и психологического характера. Например, из-за отсутствия освещения случались кражи и, как последствия, конфликты. Недостаточная обеспеченность питанием порождала подозрительность между постояльцами и администрацией, что привело к физическим злоупотреблениям со стороны последней [2, л. 91]. Безусловно, те трудности, которые перенесли инвалиды, отразились на их психике. В виде защитного механизма выступила регрессия – переход на более упрощенный уровень функционирования, сопровождавшийся морально-этическим кризисом.

Весной 1922 г. началось дело о выделении земли для организации хозяйства при общежитии, что было полезным в аспекте применения труда инвалидов, которые большей частью были земледельцами. В помещении бывшего училища было решено организовать сапожную и портняжную мастерские [2, л. 87]. Это решение соответствовало декрету СНК РСФСР «О социальном обеспечении инвалидов» [4, с. 1091–1093]. С наступлением летнего периода количество постояльцев начало уменьшаться, и в связи с эвакуацией 21 августа 1922 г. инвалидный дом был ликвидирован [3, л. 82].

Таким образом, реализация социальной политики в отношении инвалидов, прибывающих из Поволжья на территорию Витебской губернии в 1921–1922 гг., осуществлялась в соответствии с законодательными актами правительства РСФСР. Однако рассмотрение частного примера – инвалидного дома «Добрино» – позволило детально определить механизм и условия организации помощи призреваемым, выявить трудности и последствия, к которым они привели. Инвалидный дом «Добрино» функционировал около 8 месяцев. За это время слабая финансово-хозяйственная база учреждения, непригодные условия привели к значительной смертности среди постояльцев, вызвали социально-психологические проблемы. Тем не менее с наступлением весны наблюдалось улучшение положения общежития, заинтересованность инвалидов и администрации учреждения в обустройстве быта и хозяйства.

Список литературы

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 570. – Оп. 1. – Д. 20.
2. ГАВО. – Ф. 470. – Оп. 1. – Д. 31.
3. ГАВО. – Ф. 470. – Оп. 2. – Д. 10.
4. О социальном обеспечении инвалидов: Совет народных комиссаров РСФСР, 8 дек. 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М. : Типография Управления Делами СНК СССР, 1944. – 1207 с.

ASSISTANCE TO DISABLED PERSONS FROM THE VOLGA REGION IN VITEBSK PROVINCE OF THE RSFSR (1921–1922)

Bazarevich Anna Khasenievna

Master (History), Graduate Student, Department of History of Belarus,
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
anna_bazarevich@mail.ru
Prosp. Moskovsky, 33, 210038 Vitebsk, Republic of Belarus

Abstract. The famine of 1921-1922 in the Volga region has caused a huge influx of refugees into the productive province of the Russian Soviet

Federative Socialist Republic. The disaster has become a thorny public issue. The most important task of the state was the implementation of social policies for the most vulnerable segments of the population. In the article on a particular example shows a mechanism to assist persons with disabilities who have arrived in Vitebsk province RSFSR. Vitebsk was considered a safe area. But the food problem was relevant, resulting in the occurrence of serious difficulties in providing this category of the population.

Key words: the social protection, the hunger 1921-1922, the disabled, the refugees, the Vitebsk province, the evacuation.

УДК 94 (476) “1943/1953”:614.2:364

ББК 63.3(4Бел)62.2+51.1 (4Бел)

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА БССР В РЕШЕНИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: (КОНЕЦ 1943 – 1953 г.)

Бахир Юлия Николаевна

Аспирант кафедры истории Беларуси

Витебского государственного университета им. П.М. Машерова

yu.bahir@yandex.ru

просп. Московский, 33, 210022 г. Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. Для Общества Красного Креста (ОКК) БССР 1943–1954 гг. стали периодом восстановления организационной структуры, расширения санитарно-оборонной работы и решения медико-социальных проблем. В статье рассматриваются основные направления работы ОКК по ликвидации медико-санитарных последствий войны, инфекционных заболеваний и очищению населенных пунктов, по оказанию материальной и медицинской помощи раненым бойцам, инвалидам, семьям фронтовиков, детям, проведению шефской работы над учреждениями.

Ключевые слова: общественные организации, Красный Крест, шефская помощь, работа с населением.

После освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в рамках санитарно-оборонной работы Обществом Красного Креста (ОКК) БССР уже решался ряд медико-социальных вопросов, таких как помощь раненым бойцам и командирам КА; развертывание донорского движения; помощь органам здравоохранения по проведению профилактической и противоэпидемической работы, необходимой для обеспечения санитарного благополучия советского тыла; помощь населению, пострадавшему от военных действий во время немецкой оккупации; массовая санитарная подготовка населения по нормам ГСО и подготовка санитарно-оборонных кадров; развертывание санитарно-оборонной работы среди молодежи [8, л. 22 об.].

Поскольку основной проблемой после освобождения республики стало восстановление структуры ОКК (во время ВОВ она была полностью разрушена) и проведение санитарно-оборонной, санитарно-профилактической и противоэпидемической направленности, цель нашей работы заключается в том, чтобы выявить проводившиеся мероприятия по решению медико-социальных проблем в 1943–1953 годах.

Таким образом, выделим следующие направления.

Во-первых, организация стала заниматься оказанием помощи фронтовикам и их семьям, в целом детям и людям пожилого возраста. Материальная помощь нуждавшимся осуществлялась в денежных выплатах, предоставлении различных услуг и льгот, таких как путевки в санатории и оздоровительные лагеря. Данные льготы распространялись в первую очередь на социально уязвимые слои населения, которыми являлись те категории граждан, которые не могли самостоятельно налаживать собственную жизнь по биологическим или социальным параметрам.

Выплачивались пособия семьям погибшим. ОКК организовывало вещевые лотереи, оказывало платные услуги в поликлинике КК, средства от которых поступали в фонд помощи детям [1, л. 26]. Дополнительные возможности для организации социальной работы ОКК получило благодаря постановлению СНК БССР от 1945 г. «Об организации массовых мероприятий по сбору средств в фонд помощи детям-сиротам» [3], когда шефствующие над детскими домами первичные организации ОКК проводили поиск необходимых средств, вещей и продуктов питания.

Для престарелых и малообеспеченных граждан через пункты общественного питания либо путем выдачи талонов осуществлялась продовольственная помощь, раздавались обеды на улицах населенных пунктов, открывались столовые санаторного типа, где могли питаться дети, также организовывались лагеря и санатории.

Во-вторых, в послевоенные годы особое внимание было уделено детям. В Постановлении СМ СССР за № 3185 от 23 августа 1943 г. «О мерах по улучшению обслуживания детей в домах ребенка» Министерство здравоохранения СССР, Совет министров обязывал улучшить работу местных комитетов ОКК и КП [13,

л. 4]. Материальное обеспечение детских домов, профшкол-интернатов, домов-интернатов для инвалидов было неудовлетворительным. После освобождения республики с 1944 г. ОКК также была организована шефская работа. Представители ОКК входили в состав шефских комиссий и попечительского совета, закреплялись в помощь персоналу интернатов [4, л. 50].

Работа ОКК по профилактике правонарушений несовершеннолетними заключалась в пропагандисткой деятельности, сотрудничество с КДН не было распространенным. Работа с данной возрастной категорией наиболее активно проводилась совместно с ГАИ в форме лекций и бесед, которая дополнялась изданием плакатов. ОКК также работал с детьми, которые остались без родителей, сопровождал беспризорных детей в города Союза по месту их жительства [2, л. 7].

Кроме осуществления шефской помощи специализированным учреждениям в послевоенные годы особое внимание стали уделять проблемам адресной материальной и трудовой помощи одиноким престарелым и нетрудоспособным гражданам, инвалидам войны и труда.

Помощь колхозникам, рабочим промышленных предприятий оказывалась в основном в виде приближения медицинского обслуживания к данной категории. В соответствии с приказом наркома Здравоохранения СССР № 749 от 18 ноября 1944 г. «О подготовке колхозных медсестер и организации сестринских медпунктов КК в колхозах» областными и районными отделами здравоохранения совместно с организациями КК были организованы курсы медсестер в областях и районах. А 19 марта 1945 г. СНК принял постановление «О подготовке колхозных медсестер в системе ОКК БССР и организации медицинских пунктов КК при колхозах». Поскольку в государстве стала складываться система организации специализированной помощи со стороны органов здравоохранения, о чем свидетельствовал приказ МЗ СССР «Об улучшении медицинского обслуживания сельского населения» (1953 г.), ОКК также расширило свою деятельность в сельской местности.

Для того чтобы понять пути взаимодействия ОКК и органов здравоохранения, рассмотрим следующее. Еще в приказе № 310

от 11 августа 1947 г. министр здравоохранения СССР указывал, что одним из направлений работы и успешного решения задач здравоохранения являлись широкое привлечение населения к санитарно-профилактической работе органов здравоохранения и организации населения на борьбу за санитарную культуру. Для этих целей органы здравоохранения и медработники имели возможность использовать широкий санитарный актив в лице организации ОКК. Таким образом, приказ № 310 определил задачи органов здравоохранения в широком использовании общественного санитарного актива КК. Вся проводимая санитарно-оздоровительная работа на местах согласовывалась и планировалась с органами здравоохранения [6, л. 13]. Были определены конкретные формы участия актива КК в проведении профилактических и санитарно-оздоровительных мероприятий.

С 1943 г. по 1950-е гг. активно проводилась работа по противодействию тифу, так как в последующие определенные нами периоды деятельности ОКК эта проблема была решена. Ряд мероприятий были разработаны органами власти. Так, в соответствии с постановлением СМ БССР от 25 декабря 1947 г. «О мероприятиях по ликвидации эпидемических очагов заболевания паразитарными тифами в Белорусской ССР» организации предлагалось совместно с органами здравоохранения создать из активистов бригады и провести проверку санитарного состояния общественных мест, а от райкомов требовалось выполнение постановлений с предоставлением цифровых данных [5, л. 1].

Противодействие туберкулезным и раковым заболеваниям было важной медико-социальной задачей для ОКК в первые послевоенные десятилетия, так как в годы войны произошел резкий скачок заболеваемости ввиду отсутствия надлежащей медицинской помощи. Предусматривалось участие КК в проведении санитарных и противоэпидемических мероприятий, помощь учреждениям в патронажной работе, оказание больным социально-бытовой помощи, участие в санитарно-просветительской работе и привитии больным членам их семей санитарно-гигиенических навыков [7]. Внимание к заболеваниям было проявлено и на общесоюзном уровне. Так, в постановлении СМ СССР № 3989 от

25 октября 1948 г. «О мероприятиях по снижению заболеваемости туберкулезом» и в Постановлении министра здравоохранения СССР за № 676 от 12 декабря 1948 г. особое внимание рекомендовалось уделить профилактическим противотуберкулезным мероприятиям [9, л. 104].

На помощь в оздоровлении учащихся были направлены усилия всех имевшихся в республике общественных организаций. ОКК участвовало в летних оздоровительных кампаниях, совместно с комитетами комсомола, органами народного образования и здравоохранения составляло совместный план на летний период, а ЦК ЛКСМБ было дано указание о включении краснокрестной работы в планы работ пионерских отрядов [10].

Для улучшения здоровья школьников проводились медико-санитарные мероприятия на территориях учебных заведений. Расширению деятельности КК способствовало и Постановление расширенного заседания Президиума ЦК ОКК БССР от 19 апреля 1950 г. «Об участии краснокрестных организаций в пропаганде санитарных знаний и улучшения санитарного состояния детдомов, яслей, садов, домов ребенка, детприемников и школ» [11, л. 94], которое расширяло формы участия ОКК в образовательной среде.

Основные направления по развитию деятельности ОКК БССР были заложены еще в Уставе 1951 г. и включали вопросы создания сети санпостов и дружин, подготовку медико-санитарных кадров, проведение санитарной подготовки населения, оказание органам здравоохранения помощи в проведении санитарно-оздоровительных мероприятий, оказание содействия органам здравоохранения в разъяснительной работе по привлечению доноров, организацию помощи населению в чрезвычайных условиях [14, л. 35].

В своей деятельности ОКК было обязательно учитывать требования партийных органов, которые ставили задачи по профилактике заболеваемости. Значительное влияние оказали решения XIX съезда ВКП(б) 1952 г. в области задач здравоохранения, сосредоточения внимания в проведении профилактических мероприятий, усиления пропаганды медицинских знаний, повышения качества подготовки кадров.

Определяющее влияние на развитие КК в БССР оказывали исполнительные органы власти, так, например, СМ БССР критиковал работу председателя ЦК ОКК БССР П. Баронецкого за слабую организацию актива Общества по соблюдению санитарной дисциплины в домовладениях, на предприятиях, местах общественного пользования.

Характерной чертой деятельности ОКК было привлечение его к решению медико-социальных вопросов, стоявших перед органами здравоохранения. Об этом свидетельствовали приказы Министра здравоохранения СССР от 11 августа 1947 г. «О привлечении к работе органов здравоохранения организаций обществ Красного Креста и Красного Полумесяца», № 1127 от 12 декабря 1952 г. «О привлечении к работе по здравоохранению ОКК и КП» [12, л. 33], которые призывали учреждения здравоохранения привлекать активистов КК к мероприятиям культурно-просветительского и профилактического характера. Следовательно, можно говорить о положительном опыте сотрудничества общественной организации с органами здравоохранения.

Таким образом, в период конца 1943 г. – 1953 г. в реализации на практике поставленных обществу задач со стороны органов власти Общество Красного Креста (ОКК) занималось ликвидацией медико-санитарных последствий войны и помощи пострадавшему населению – бойцам, инвалидам, семьям погибших, детям. Медицинские аспекты проблемы рассматривались совместно с органами здравоохранения. Материальная и трудовая помощь дополнялась активной пропагандистской просветительской работой. Тем не менее в отмеченный период основное внимание Общество уделяло вопросам санитарно-оборонной работы, а значимые для послевоенного времени социальные вопросы чаще оказывались на втором плане.

Список литературы

1. Государственный архив Могилевской области (ГАМогО). – Ф. 892. – Оп. 1. – Д. 7.
2. ГАМогО. – Ф. 892. – Оп. 1. – Д. 30.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9501. – Оп. 2. – Д. 779.
4. ГАРФ. – Ф. 9501. – Оп. 2. – Д. 726.
5. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2889. – Оп. 1. – Д. 9.
6. Зональный Государственный архив (ЗГА) г. Барановичи. – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 7.
7. ЗГА г. Барановичи. – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 7.
8. Зональный Государственный архив (ЗГА) в г. Мозыре. – Ф. 505. – Оп. 1. – Д. 1.
9. ЗГА г. Мозыря. – Ф. 505. – Оп. 1. – Д. 44.
10. ЗГА г. Мозыря. – Ф. 505. – Оп. 1. – Д. 72.
11. ЗГА г. Мозыря. – Ф. 505. – Оп. 1. – Д. 54.
12. ЗГА г. Мозыря. – Ф. 505. – Оп. 1. – Д. 137.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 22.
14. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 92.

**PARTICIPATION OF THE BSSR RED CROSS SOCIETY
IN THE SOLUTION OF MEDICO-SOCIAL PROBLEMS:
(END OF 1943 – 1953)**

Bakhir Yuliya Nikolaevna

Postgraduate, Department of History
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
yu.bahir@yandex.ru
Prosp. Moskovsky, 33, 210022 Vitebsk, Republic of Belarus

Abstract. For the Red Cross Society (RCS) of BSSR 1943-1954 became the restoration period of organizational structure, expansion of sanitary and defensive work and the solution of medico-social problems. This article deals with main actions of the RCS in elimination of medical and sanitary consequences of war, infectious diseases and clarification of settlements, on rendering financial and medical care to wounded fighters, disabled people, families of veterans, children, carrying out patronage work.

Key words: public organizations, Red Cross, the patronage help, social work.

УДК 94 (47+57)“1917/1991”

ББК 63.3(2)62

**СОЦИАЛЬНОЕ ОБУСТРОЙСТВО ДЕТЕЙ
В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В РЕШЕНИЯХ
ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ**

Жбанникова Марина Исмаговна

Ассистент кафедры истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета;
преподаватель Московского университета им. С.Ю. Витте,
филиал в г. Ростове-на-Дону;
специалист по учебно-методической работе
Института истории и международных отношений
Южного федерального университета
mzhbannikova@yandex.ru
ул. Б. Садовая, 105/42, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются решения партийных и советских органов, касающиеся вопросов социального устройства детей в Ростовской области. Уделяется внимание открытию детских домов, содержанию и снабжению всем необходимым детей, которые остались без родителей, совместным действиям таких структур, как облОНО, облздравотдел, облФО, облторготдел, облземотдел и облуправление трудовых резервов. Акцентируется внимание на контроле мероприятий, связанных с социальным обустройством детей со стороны обкома и создании справочно-адресных детских столов для поиска детей родителями и родственниками.

Ключевые слова: социальное обустройство, дети, снабжение детских учреждений, органы партийной и советской власти, справочно-адресные детские столы.

Великая Отечественная война стала страшнейшим потрясением для всего населения нашей страны, однако дети как самый незащищенный слой граждан пострадали во много раз силь-

нее. Поэтому особенно важным со стороны партийных и советских органов было уделять внимание именно такому вопросу и направлению деятельности, как социальная защита детей, оставшихся без родителей, и их обустройство.

Ростовская область в этом плане не стала исключением. Несмотря на то что территория области являлась фронтовой, партийные и советские органы считали первостепенной задачей социальное обустройство и обеспечение детей.

Впервые этот вопрос рассматривался на заседании бюро обкома ВКП(б) 2 сентября 1941 г., когда был проверен ряд районов, в которых размещены эвакуированные детдома, и выявлены следующие недостатки. В некоторых районах детям эвакуированных детдомов не созданы нормальные бытовые условия, детдома не обеспечены надлежащим медицинским обслуживанием, в результате чего имеются заболевания среди детей. Так, например, в Раздорском районе 38 детей больны корью, 29 детей больны свинкой; в Мечетинском районе 16 детей болеют ангиной, и детдом размещен в бывшем пионерском лагере, здание которого не оборудовано и не приспособлено к зимним условиям, крыша течет, нет прачечной и столовой; дети спят по 2 человека на соломенных подушках, кровати отсутствуют. В Богаевском районе детдом размещен в небольшом помещении, большая скученность, дети спят на полу за отсутствием кроватей; кухонная и столовая посуда почти совершенно отсутствует. Такое же положение в Калмыцком, Раздорском, Неклиновском и других районах [2, л. 39–39 об.].

Облсполком и бюро обкома ВКП(б) считали нетерпимыми такие бытовые и санитарные условия жизни детей эвакуированных детских домов, что является результатом безответственного отношения со стороны районных организаций, и постановили обязать исполкомы райсоветов и все райкомы ВКП(б) принять необходимые меры для создания нормальных условий жизни детей эвакуированных детдомов, выделить инвентарь, хозоборудование, продукты питания, медикаменты, одежду и обувь, а также средства на бесперебойное финансирование эвакуированных детдомов, и предлагают:

«а) отвести для детдомов помещения, пригодные для пребывания детей в зимних условиях, оборудовав при них столовые, бани, прачечные;

б) организовать бесперебойное снабжение детдомов продуктами питания;

в) принять все меры для полного обеспечения детдомов топливом на зимний период времени;

г) охватить обучением на русском языке всех воспитанников эвакуированных детдомов и в случае необходимости открывать дополнительные классы;

д) детей-переростков эвакуированных детдомов (старше 14 лет) обеспечить местами на трудоустройство в колхозах, совхозах района» [2, л. 39–39 об.].

23 января 1942 г. выходит Постановление Совета народных комиссаров СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», которым совнаркомы союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых, областных, городских и районных советов депутатов трудящихся под личную ответственность председателей обязаны «обеспечить устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность, не допуская оставления детей безнадзорными» [1].

При исполнительных комитетах краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся должны быть созданы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, в составе заместителя председателя исполнительного комитета и представителей профсоюзов, ВЛКСМ, органов НКВД, народного образования и здравоохранения.

НКВД СССР обязан обеспечить выявление всех безнадзорных детей и размещение их в приемниках-распределителях, увеличив для этого их сеть за счет местных бюджетов. В детские приемники-распределители должны направляться дети в возрасте до 15 лет включительно на срок не более двух недель, после чего в случае невозможности возвращения детей родителям дети до 14 лет направляются через органы народного образования в соответствующие детские учреждения или определяются на патронирование, а дети старше 14 лет устраиваются приемниками-распределителя-

ми НКВД СССР по разверстке наркомпросов союзных республик на работу в промышленности или сельском хозяйстве.

Дети в возрасте до 3 лет включительно, поступающие в приемники-распределители, должны немедленно направляться через местные органы здравоохранения в детские учреждения или на патронирование на добровольных началах. Лица, принявшие на воспитание детей, имели право на ежемесячное пособие в размере 50 руб. на одного ребенка.

При определении детей на патронат или при направлении на работу в промышленность и сельское хозяйство дети должны обеспечиваться приемниками-распределителями НКВД необходимой одеждой на сумму до 200 руб. на 1 человека.

Особое внимание партийными и советскими органами было уделено поиску детей их родителями и родственниками, для чего НКВД СССР обязан был создать центральный справочный адресный детский стол, а также справочно-адресные детские столы при областных и краевых управлениях НКВД, городских отделах и районных отделениях НКВД. Дети, находящиеся в детских приемниках-распределителях, а также дети, направленные ими на производство, в детские учреждения или определенные на патронат, должны быть обязательно зарегистрированы.

Главному Управлению Трудовых Резервов при Совнарком СССР разрешалось производить набор детей из детских домов и оставшихся без родителей от 14 лет и старше для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах с соблюдением правил приема, а также направлять их на работу в промышленность и сельское хозяйство, обеспечив жильем за счет предприятий и организаций.

Во исполнение Постановления Совета народных комиссаров СССР от 23 января 1942 г. исполком Ростоблсовета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) на совместном заседании в феврале 1942 г. приняли постановление, в котором обязали «исполкомы городских и районных советов депутатов трудящихся под личную ответственность председателей обеспечить устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другие местности, не допуская оставление детей безнадзорными» [3,

л. 117–122, 142]. При облисполкоме была создана комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей. Аналогичные комиссии должны быть организованы исполкомами городских и районных советов депутатов трудящихся и работать в контакте с органами НКВД, народного образования, здравоохранения и строго соблюдать порядок устройства детей, потерявших родителей, установленный Советом народных комиссаров СССР.

Было решено восстановить работу детской комнаты при 4-м отделении милиции в г. Ростове-на-Дону и до 1 марта открыть дополнительно такие же детские комнаты в Пролетарском районе г. Ростова-на-Дону, в г. Шахты, Новочеркасске и Лиховском рабочем поселке; выделить в облуправлении НКВД в пределах утвержденного штата специальных работников борьбе с детской безнадзорностью; провести широкую массово-разъяснительную работу среди населения по вопросу о всемерном развитии патронирования детей с тем, чтобы наибольшее количество детей, потерявших родителей, было определено на воспитание в семьях рабочих, служащих и колхозников.

На облОНО же возлагались обязанности обеспечить прием от приемников-распределителей НКВД детей, потерявших родителей, в существующую сеть детских домов; восстановить в течение марта-апреля 1942 г. работу 14 детских домов на 1 525 детей, а в мае-июне 1942 г. – 5 детских домов на 500 детей; организовать подсобные хозяйства (овощные, мясомолочные, пчеловодные и др.) при детских домах; совместно с облздравотделом, городскими, районными и сельскими советами организовать надлежащий учет и контроль за правильным осуществлением патронирования детей и обеспечить своевременную выдачу ежемесячного пособия в размере 50 руб. семьям, принявшим детей на воспитание; направлять на работу в промышленность и сельское хозяйство детей старше 14 лет, находящихся в детских домах, за исключением детей, поступивших в школы ФЗУ и ремесленные училища.

Облздравотдел обязан был обеспечить прием от приемников-распределителей НКВД детей до 3 лет в Ростовский дом младенца, увеличив контингент этого дома до 50 человек; в мар-

те-апреле 1942 г. возобновить работу 4 домов младенцев, открывая их по мере потребности в этих домах; принять меры к открытию в мае 1942 г. детского дома-санатория на ст. Горная (Красногвардейского района) на 200 человек.

Определенные задания, касающиеся обустройства детей, поручались и облФО, облторготделу, облземотделу и облуправлению трудовых резервов.

В марте 1943 г. выходит новое совместное постановление бюро обкома ВКП(б), облисполкома, которым была утверждена на 1943 г. сеть детдомов и школ-интернатов в количестве 24 детдома и 3 школы-интерната с общим контингентом в 2 680 человек и сроки их открытия [4, л. 24–25, 31–32, 57].

Детдомам разрешалось беспрепятственно производить улов рыбы, приобретать свиноголовье, иметь земельные участки в размерах от 5 га и выше.

Утверждены были затраты на неотложные восстановительные работы по школам-интернатам, детдомам и детсадам, а также на приобретение одежды, твердого и мягкого инвентаря в размере 2 млн рублей.

Согласно постановлению бюро обкома ВКП(б) от 1–5 апреля 1943 г. [4, л. 130] детские дома были размещены в 23 районах области на 2 375 человек, а детприемники-распределители в 4 городах области на 270 человек. А секретарю Ростовского обкома ВКП(б) Б. Двинскому было поручено написать письмо секретарям райкомов ВКП(б), где будут размещены детские дома.

Примером отношения партийных и советских органов к вопросу социального устройства детей служит текст этого письма: «Большевистская Партия и Советское правительство признало “важнейшим государственным делом устройство детей, оставшихся без родителей”».

Советский народ трогательно откликнулся на недетское горе, пережитое детьми, родители которых замучены фашистскими бандитами.

Нам, партийным руководителям, в первую очередь следует считать своим патриотическим долгом дать родительскую ласку и заботу осиротевшим детям и в это суровое, грозное время

спасти их жизни, залечить их раны, воспитать их так, чтобы дети войны выросли мужественными, крепкими, смелыми, преисполнены жгучей ненавистью к врагу, чтобы они были достойными приемниками их отцов, матерей, братьев и сестер, отдавших дорогой ценой свои жизни в священной Отечественной войне против извергов человечества – фашистов.

С получением настоящего письма прошу лично Вас сделать следующее:

1. В Вашем р-не намечено организовать детский дом для детей сирот и полусирот, отцы которых погибли или находятся в действующей Красной Армии и Военно-Морском флоте на ... человек. Подготовьте на это количество детей помещение, организуйте сбор продуктов питания, посуды, постельных принадлежностей и обмундирования.

2. Проверьте, как выполняется постановление СНК СССР от 23-го января 1942 г. “Об устройстве детей, оставшихся без родителей” и что делают районная комиссия по трудоустройству и усыновлению детей.

3. Установить систематический контроль за условиями жизни детей трудоустроенных, патронированных и находящихся в детском доме.

4. При наличии ослабленных детей, родители которых впали временно в нужду, решите вопрос о необходимости открытия детской столовой, особенно в райцентре для детей от 3-х до 13 лет. Продукты питания изыщите среди населения и в колхозах.

5. К выполнению этой важнейшей государственной работы привлечите общественность, проявите родительскую ласку и заботу к осиротевшим детям.

6. О проделанной работе информируйте обком ВКП(б).

Секретарь Ростовского обкома ВКП(б) Двинский» [5, л. 197–198].

Оно ярко отражает то, насколько первостепенной считалась эта задача среди партийных и советских органов, какое внимание уделялось исполнению и контролю данного вопроса. То, как разносторонне и всеобъемлюще партийные и советские органы подходили к рассмотрению всех аспектов, касающихся детей, остав-

шихся без родителей, предусматривая денежное содержание, обеспечение медицинскими кадрами, и вообще всем необходимым для нормального жизнеобеспечения.

Социальное обустройство детей в период Великой Отечественной войны на территории Ростовской области помогло сохранить жизнь многим девочкам и мальчишкам, дать им образование и воспитать достойных граждан великой страны.

Список литературы

1. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Постановление СНК СССР от 23.01.1942 № 75. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4340.htm (дата обращения: 13.05.2016). – Загл. с экрана.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 314.
3. ЦДНИРО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 327.
4. ЦДНИРО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 368.
5. ЦДНИРО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 370.

SOCIAL L ARRANGEMENT OF CHILDREN IN THE ROSTOV REGION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE DECISIONS OF THE PARTY AND SOVIET BODIES

Zhbannikova Marina Ismatovna

Assistant Professor of History and Philosophy RostGMU,
Lecturer of the Faculty of Secondary Vocational Education
in “Moscow University named after S.Yu. Witte”, Branch in Rostov-on-Don,
Specialist on Educational and Methodical Work
of the Institute of History and International Relations SFU
mzhbannikova@yandex.ru
Bolshaya Sadovaya St., 105/42, 344000 Rostov-on-Don,
Russian Federation

Abstract. The article deals with the decisions of party and government bodies regarding issues of social order of children in the Rostov region. Attention

is given to the opening of orphanages, maintenance and supply the children who are left without parents with all necessary, by joint actions of such structures as the Department of Education, Oblzdravotdel, OblFO, Obltorgotdel, Oblzemotdel and the regional department of labor reserves. The attention is focused on the control of activities related to the social arrangement of children by the Regional Committee and the establishment of reference and address children's table to find the children's parents and relatives.

Key words: social arrangement, children, supply of children's institutions, bodies of the party and the Soviet power, reference and address children's tables.

УДК 94.47

ББК 63.3

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА БУДУЩИХ МАТЕРЕЙ В СССР ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Жидченко Александр Владимирович

Кандидат исторических наук, магистр права, преподаватель
Останкинского института телевидения и радиовещания
Zhidchenko220689@yandex.ru
ул. Академика Королева, 12, 127427 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу трудностей, перед которыми была поставлена советская женщина в первые десятилетия после войны. Отсутствие необходимой социальной инфраструктуры и защиты со стороны государства дополняло общие причины женщины « подождать » с рождением ребенка в конце 1940-х годов. Однако социальные реформы государства, принятые в 1950-е гг., обеспечили настоящий бум рождаемости, который позволил полностью восстановить население страны и дать серьезный прирост по сравнению с довоенными показателями.

Ключевые слова: война, послевоенная индустриализация, рождение детей, демография, социальная защита, государственная политика, жилищное строительство СССР.

Появление детей всегда было и остается одним из главных моментов в жизни человека. Ценность создания семьи, воспитания детей и забота о них является той основой в человеческой жизни, которая лежит в числе базовых на разных этапах мировой истории. И даже современные достижения в области информационных технологий, тенденции глобализации и изменения жизненных парадигм вновь возвращают человека к важности семейной жизни и заботе о детях.

---

¹ Подготовлено в рамках проекта РГНФ 16-01-00136 – «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ».

Войны и военные конфликты всегда негативно сказывались на демографической ситуации. Много молодых женщин не решаются рожать детей, и виной тому целый комплекс причин, который складывается в военное время – от ухода главы семьи на фронт до отсутствия материальных условий для нормального развития ребенка.

В нашей стране наиболее ярко эти сложные условия дали о себе знать в годы Великой Отечественной войны, которая не только забрала жизни миллионов советских граждан, но и сильно замедлила процесс рождения нового поколения, который в полной мере мог возобновиться не сразу после войны, а спустя некоторое время.

Современные условия в сфере повседневности и анализ их изменений заставляет прийти к вопросу о неодинаковом отношении к проблеме рождения детей на разных этапах отечественной (и зарубежной) истории. В предлагаемой работе мы обратимся к тому, как относились к рождению детей женщины в период хронологически не очень отдаленный от настоящего времени, но достаточно отличающийся от сегодняшнего дня. В центре внимания – социальная защита со стороны государства и проблемы выбора в вопросе рождения детей для молодых женщин в условиях послевоенной индустриализации в новых городах СССР. Хронологически этот период охватывает конец 1940-х – 1950-е гг., то есть то время, когда в стране активно начинают восстанавливаться разрушенные города и заводы, строятся новые предприятия и новые города и жилые районы при них. Это, с одной стороны, период сталинского времени, но уже и подступы к хрущевской оттепели, когда государство выполняет ряд социальных программ для населения, а с другой – это и первые шаги в сфере массового жилищного строительства, которое должно было выполнить ряд демографических задач.

Основными источниками для исследования стали: законодательные акты 1940–1950-х гг., периодическая печать, делопроизводственная документация, воспоминания жителей новых городов СССР середины XX в., отраслевая литература и т. д.

Анализ воспоминаний жительниц строящихся в 1940–1950-е гг. городов свидетельствует, что вопрос о том, рожать сейчас или через некоторое время возникал по разным причинам.

Во-первых, это было связано с самим внутренним желанием, психологическим настроем и потребностью женщины создавать семью. В зависимости от возраста, целей и симпатий к определенному человеку, женщина могла сделать выбор в пользу того, чтобы принять положительное решение в вопросе зачатия и рождения ребенка.

Второй важный аспект принятия решения составляло мнение партнера – супруга или молодого человека, который не состоял еще в отношении брака с девушкой. Проанализированные документы свидетельствуют, что многие мужчины уходили в армию на 2 года (или больший срок), что составляло сложность в принятии решения о ребенке. Однако многие торопились со свадьбой. Так, например, житель Омского городка нефтяников Иван Данилович Грицина вспоминал, что когда встретил свою будущую супругу, расписался с ней еще до армии, чтобы, как выразился респондент, «не увели». Однако дети появились у молодоженов уже после того как Иван Данилович вернулся со службы.

В-третьих, важной причиной того, что женщины решались заводить ребенка становилась государственная политика в этот период. Позже, в годы массового жилищного строительства, отдельные квартиры выдавали в первую очередь тем семьям, в которых были дети. Поэтому молодые супруги понимали, что чем быстрее появится ребенок в их семье, тем быстрее они смогут претендовать на так называемое «расширение» – переселение из комнаты в деревянном бараке в строящемся районе или из квартиры родителей или из комнаты в общежитии – в отдельную квартиру. На новых предприятиях в строящихся районах было очень много молодых семей, и разумеется, темпы жилищного строительства в 1950-е гг. еще не могли удовлетворить всех запросов трудящихся в жилье. Так создавались очереди, и приоритет при распределении отдавался семьям с двумя и более детьми. Такая политика становилась причиной выбора многих женщин в пользу решения «рожать». Решение « подождать » в данном случае становилось бы нецелесообразным.

Разумеется, важно учитывать и общие медицинские аспекты рождения детей. В ходе послевоенной индустриализации очень

многие молодые девушки по комсомольским путевкам переезжали из деревни в город. Уровень здравоохранения был здесь намного выше, чем в деревне или в городе довоенных или первых послевоенных лет. В Советском Союзе в годы хрущевской оттепели этой теме уделялось большое внимание. С одной стороны, для решения демографической проблемы, а с другой стороны, в связи с бумом рождаемости роддома строились почти в каждом новом жилом районе, построенном для работников крупного предприятия. Совершенствование подготовки врачей, наблюдение за беременной женщиной в стационаре, освобождение от работы в связи с декретным отпуском – все это было пусть и не главной, но все же причиной для женщины в пользу того, чтобы склониться к решению «рожать», а не «подождать».

Среди социально-демографических улучшений в СССР в конце 1940-х – 1950-е гг. можно отметить развитие сети родильных домов в городах и сельских районах. Уже в 1959 г. в Краткой энциклопедии домашнего хозяйства в разделе «роды» отмечается: «для правильного и нормального течения родов очень важна подготовка беременной женщины, которая должна находиться под наблюдением врача или акушерки. Роды требуют от женщины большого напряжения и правильного поведения... Надо иметь в виду, что роды не всегда проходят нормально из-за различных особенностей рожавшей (узкий таз, заболевания матки, положение плода), поэтому особенно важно проводить роды в родильном доме.

В Советском Союзе всем беременным женщинам предоставляется возможность рожать в родильном доме или больнице, где оказывается бесплатная помощь квалифицированными врачами или акушерками. Если женщина почему-то не может рожать в родильном доме, то надо вызвать на дом квалифицированную акушерку...» [2, с. 530].

В 1950-е гг. стране удалось наконец оправиться после Великой Отечественной войны, наладить промышленное производство товаров широкого потребления, восстановить разрушенные города. С начала 1950-х гг. социально-экономический уровень жизни горожан постоянно повышался, росли возможности удовле-

ния материальных и культурных потребностей, главной среди которых была потребность в жилье. Н.С. Хрущев на XXII съезде КПСС говорил: «Замечательным достижением коммунистического строительства явится бесплатное обеспечение каждой семьи благоустроенным жильем и основными коммунальными услугами». Обеспечение каждой семьи отдельной благоустроенной квартирой в течение 20 лет было важным пунктом создания коммунистического общества к 1980 году. Новые крупные городские районы массовой застройки были призваны решить проблему жилья в СССР. В годы сталинских пятилеток этот вопрос решался за счет высокой плотности заселения в коммунальных квартирах, а в годы хрущевской оттепели за счет высоких темпов строительства экономичного жилья индустриальными методами [4, с. 196]. В сознании городских жителей закреплялись такие атрибуты, характерные для коммунальных квартир 1950-х гг., как общая кухня, общий санузел, коллективный быт. На рубеже 1950–60-х гг. на смену им приходят атрибуты отдельной квартиры, связанные с новосельем, покупкой мебели и бытовой техники, ассортимент которых значительно расширился в годы хрущевской оттепели. Квартиры распределялись по норме 9 кв. м площади на человека, размер кухни в среднем не превышал 6 м, потолка – 2,2–2,5 м, общей площади квартиры – 45 м жилой площади. Как замечает Л.Б. Брусиловская, в условиях обширного жилищного строительства стали возможными дружеские круги. «Люди получают хоть маленькую, но собственную квартиру – “хрущобу”, где имеют возможность вести разговоры на любую тему с людьми, которых сами хотят видеть у себя дома» [1, с. 120–126]. Отдельное жилье было более комфортным местом и для уединения молодых супругов, и для воспитания детей.

Большим социальным завоеванием в строительстве коммунизма стало сокращение рабочего дня до 7 часов. Уменьшение рабочей недели до 40 часов, а затем и предоставление двух выходных дней освободило значительный резерв времени для досуга советских горожан [3, с. 297], у которых появилась возможность активней заниматься физической культурой и спортом, художественной самодеятельностью. Для этого строились спортив-

ные площадки, спортивные комплексы, библиотеки, открывались клубы по интересам. Однако присутствовали явления, противоречащие идеалам советского человека и гражданина, среди которых были: тунеядство, алкоголизм, преступность, аморальное поведение, проституция, с которыми усиленно боролись. Тем не менее большую роль в повседневной жизни горожан играл досуг. В этот период стали более доступными поездки в Москву, Крым, к родственникам и друзьям в разные части Советского Союза. Важную роль в социокультурном пространстве новых городов и городских районов стали играть дворцы и дома культуры, кинотеатры, парки культуры и отдыха. Они становились культурными доминантами как в городской среде, так и в повседневной жизни.

Необходимо отметить и общую либерализацию политического режима, связанную с периодом хрущевской оттепели, который дал возможность людям более открыто высказываться о некоторых вещах, осуществлять повседневную деятельность без страха, присутствовавшего в предшествующие годы. Ослабла и жесткая дисциплина работы на предприятиях, характерная для военного времени, жесткий идеологический контроль. Однако на смену реалиям сталинского периода пришли новые нормы проведения социального эксперимента в нашей стране, характерные для периода хрущевского правления.

Таким образом, выбор женщин в плане согласия на рождение ребенка определяло в новом советском городе множество факторов. Государственная пропаганда говорила о социальном обеспечении женщин – декретных отпусках, доступных родильных домах, яслях, в которые можно было отдавать ребенка. Но немалую роль играли и личные – психологические и моральные факторы, которые для каждой женщины были индивидуальными.

Список литературы

1. Брусиловская, Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля / Л. Б. Брусиловская. – М. : Изд-во УРАО, 2001. – 188 с.
2. Роды // Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1959. – Т. 2. – 772 с.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР 8 марта 1956 г. «О сокращении продолжительности рабочего дня рабочих и служащих в предвыходные и праздничные дни» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961 гг. – М. : Полит. лит., 1968. – 783 с.

4. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе / С. С. Букин, А. А. Долголюк, В. И. Исаев, А. И. Тимошенко. – Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2011. – 280 с.

THE SOCIAL PROTECTION AND THE PROBLEM OF CHOICE OF PROSPECTIVE MOTHERS IN THE SOVIET UNION AFTER SECOND WORLD WAR

Zhidchenko Alexander Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Master (Law), Teacher,
Ostankino Institute Television And Radio Broadcasting
Zhidchenko220689@yandex.ru
Academician Korolev St., 12, 127427 Moscow, Russian Federation

Abstract. This article analyzes the difficulties faced by the Soviet woman was placed in the first decades after the war. The lack of the necessary social infrastructure and protection of the state complemented common causes women to “wait” with the birth of a child in the late 1940s. However, the social reforms of the state, adopted in the 1950’s provided a real baby boom, which allowed to fully restore the population of the country and give a serious increase compared with pre-war figures.

Key words: War, post-war industrialization, birth of children, demography, social security, public policy, housing the USSR.

УДК 316.334.3

ББК 60.561.36

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗНЫХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОТНОШЕНИИ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ г. СТАЛИНГРАДА В 1945–1953 ГОДАХ

Колесникова Анастасия Алексеевна

Студент кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
an.asia@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется решение социальных проблем рабочих промышленных предприятий города Сталинграда в послевоенный период советскими организациями и хозяйственными органами. Рассматриваются способы решения жилищно-бытовых проблем, оказания материальной помощи дирекцией, месткомом и профсоюзом заводов. На основе архивных данных автор делает вывод об итогах проведенных мероприятий профсоюзами по оказанию социальной поддержки рабочим и инженерам сталинградских заводов.

Ключевые слова: профсоюзы, жилищный фонд, рабочие промышленных предприятий, общежитие, материально-бытовые условия.

Советский Союз перенес тяжелейшее испытание в Великой Отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками, понеся большие потери. Все силы страны были направлены на послевоенное восстановление экономики. Тем не менее ряд острейших социальных вопросов требовал безотлагательного решения. Наиболее актуальными из них являлись продовольственный и жилищно-бытовой. Особенно острыми и масштабными они были в г. Сталинграде – крупном военно-промышленном центре, важном стратегическом объекте.

В ходе продолжавшейся войны все основные средства были мобилизованы на фронт, что плохо сказалось на обеспечении про-

довольствием и промышленными товарами рабочего класса, на плечи которого легла вся тяжесть трудового подвига и обороны города. В связи с этим снабжение и всесторонняя поддержка промышленных рабочих и ИТР была возложена на специальные хозяйственные и государственные органы. После Великой Отечественной войны деятельность государственных органов по этому направлению продолжала осуществляться, так как положение рабочих было плачевным, а восстановление промышленности стояло в приоритете.

Так, в 1945 г. совместно с обкомом партии советскими организациями и хозяйственными руководителями заводов и строителств было принято решение провести ряд мероприятий по подготовке к зиме жилого фонда и коммунально-бытовых учреждений предприятий. Для решения этой задачи в промышленные районы города, на заводы и промышленные предприятия были направлены представители организаций, которые утвердили график завершения подготовки к зиме жилых домов и учреждений по каждому району города. Обсудив этот вопрос осенью 1945 г. городскими райкомами партии, партийными комитетами заводов и строительными учреждениями, был принят ряд конкретных мероприятий по его завершению.

Вторичная проверка показала, что после выполнения мероприятий по ряду крупных заводов («Баррикады», «Красный Октябрь», СТЗ) работа в основном закончена. План по ремонту жилья крупных промышленных предприятий был выполнен на 108 % [7, л. 2].

Несмотря на то что план ремонта жилых домов, общежития и культурно-бытовых помещений на заводе «Баррикады» был перевыполнен, 2 000 тыс. рабочих и служащих завода продолжали жить во временно приспособленных к жилью помещениях, в том числе: в подвалах – 132 человека, в блиндажах и землянках – 230 человек и в полуразрушенных зданиях – 1 846 человек. Некоторые из домов имели крупные недоделки: в подъездах не навешены входные двери, не вставлены оконные переплеты в лестничных клетках и т. д. [7, л. 2]. Однако меры по переселению этих рабочих были предприняты партийным комитетом, и уже к фев-

ралю 1946 г. планируется ввести в эксплуатацию еще 6 184 кв. м нового жилья [7, л. 3].

В отношении общежития завода «Баррикады» партийный комитет не принял решительных мер по его подготовке к зиме. Во многих помещениях не были остеклены вторые оконные рамы, не наведена чистота и ощущалась нехватка инвентаря и освещения. Так, в общежитии дома 2000 на 260 проживающих женщин-работниц имелось лишь четыре стола и 15 табуреток [7, л. 3].

Аналогичная ситуация наблюдалась на СТЗ. План по подготовке к зиме жилья был перевыполнен, отремонтирована баня на нижнем поселке, заводской здравпункт, два изолятора на 100 коек для инфекционных больных. Но все же жилищно-бытовые условия рабочих СТЗ на 1946 г. оставались неудовлетворительными. Многие общежития и жилые дома имели недоделки: неоштукатуренные стены, потолки, неисправные печи, выселены красные уголки из-за недостатка жилой площади [7, л. 6].

Даже после предпринятых мер партийными органами проблема обеспечения рабочих жилыми помещениями не была решена до конца. Более 1 000 рабочих с семьями проживали в подвалах жилых домов, в блиндажах, сараях и землянках. Из-за нехватки свободных мест репатриированных 1 500 человек на завод разместили в прачечной [7, л. 7].

Немного иная обстановка отмечалась на Судостроительном заводе, жилой фонд которого практически не пострадал от происходящих в пределах города военных действий. План был не выполнен, вместо 19 507 кв. м по графику обкома отремонтировано 18 тыс. кв. метров [7, л. 7].

При наличии всех возможностей партийно-хозяйственное руководство не создало нормальных жилищных условий для рабочих и служащих завода. В общежитии печи не были исправлены, постельных принадлежностей не хватало, а имевшиеся матрацы были не набиты. На 12–14 человек выделялось в сутки лишь одно ведро кипятка. В других общежитиях завода № 264 наблюдалась аналогичная ситуация. Однако ремонт коммунально-бытовых помещений на заводе был сделан несколько лучше [7, л. 8].

Схожая ситуация по подготовке жилого фонда наблюдалась и на «Красном Октябре», Сталинградском химкомбинате.

В 1946 г. бюро областного комитета ВКП(б) проверило выполненную работу по проведению мероприятий хозяйственными, партийными и профсоюзными организациями. Отмеченные недостатки бюро обкома ВКП(б) потребовало устранить и наметило мероприятия на дальнейшее улучшение бытовых запросов рабочих, ИТР и служащих. Главной задачей стало наведение санитарного порядка в общежитиях, очистка территорий рабочих поселков, дворов, улиц и обеспечение общежитий нужным инвентарем [7, л. 17]. Так, после повторной проверки на СТЗ партийные хозяйственные и профсоюзные организации провели большую работу по улучшению материально-бытовых условий рабочих, ИТР и служащих.

Все ранее проживающие рабочие в палатках были переселены во вновь восстановленный дом № 621, семьи военнослужащих – в деревянные стандартные дома. В 1946 г. ремонт 43 оставшихся общежитий был полностью окончен, для лучшего обеспечения рабочих кипятком были установлены три кубовые емкости в поселках. В молодежных общежитиях были установлены камеры личного хранения, что сократило число краж [7, л. 19].

Санитарная обстановка на СТЗ значительно улучшилась после переселения рабочих из прачечной в общежития, она стала использоваться по назначению (стирка белья и постельных принадлежностей). Общежитие начало пополняться необходимой мебелью. Было предоставлено 700 столов, 1 800 табуреток, 1 000 тазов и 750 баков для кипяченой воды. Кроме того, остро нуждающиеся рабочие, проживавшие в общежитии, получили постельные принадлежности [7, л. 19].

В ноябре и декабре 1946 г. было выдано 2 600 шт. одеял, 1 370 шт. матрацев, 1 970 шт. простыней, 400 шт. подушек. Также дирекция завода позаботилась и об обеспечении рабочих зимней одеждой. Выдано было рабочим 5 037 пар мужских и женских валенок, 4 127 шт. фуфаяк, 1 733 шт. ватных брюк [7, л. 21].

В целом в результате предпринятых мер по улучшению материально-бытовых условий рабочих на заводе сократилось чис-

ло прогулов и случаев самовольного оставления работы. Однако из-за невыполнения в 1946 г. плана восстановления жилого фонда положение многих рабочих на заводе продолжало оставаться тяжелым.

Завод «Сакко и Ванцетти» в отличие от остальных крупных заводов г. Сталинграда не имел своих заводских жилых домов. Поэтому в 1945 г. заводу передали жилой дом для ремонта, в который к середине 1945 г. переместилось общежитие рабочих, а также семьи рабочих и ИТР [6, л. 2].

Завод Медоборудования по решению бюро Сталинградского обкома ВКП(б) в 1945 г. проделал большую работу по улучшению материально-бытового положения рабочих и ИТР. Имевшиеся три общежития, где проживали 40 рабочих, были отремонтированы и утеплены на зимний период. Детский сад завода приведен в порядок и подготовлен к зиме [6, л. 15].

Что касается выполнения плана по строительству жилого дома, то один жилой дом был полностью готов, в нем разместились одно женское общежитие, а на втором этаже даны квартиры четырем семьям (две семьи рабочих, одна семья ИТР и семья инвалидов ВОВ). Другой жилой дом находился на стадии строительства, которому для окончания не хватало досок для полов, потолков и перегородок [6, л. 15].

В отличие от других предприятий, дирекция Судостроительного завода направила свою деятельность на благоустройство территорий поселков завода и прилегающих к ней территорий. Силами черкасовских бригад на территории завода посажено более 1 000 деревьев, поставлены ограждения садиков, побелены деревья [5, л. 2].

Материально-бытовое обеспечение рабочих не было оставлено без внимания. Для удовлетворения нужд проживающих в общежитиях цеха изготавливали ведра, тазы и кружки. Общежитие пополнилось железными койками, табуретками, а для вновь прибывших на завод выделили 150 комплектов постельного белья [5, л. 4].

Тем не менее к 1947 г. материально-бытовой вопрос не был завершен. Проверки показали, что на некоторых предприятиях

ситуация по-прежнему оставалась в неприглядном виде. Так, на заводе «Химпром» проверка бараков общежития членом парткома и инструктором райкома ВКП(б) показала, что они не соответствовали санитарным правилам, а начальник этих цехов не бывал в бараках и не интересовался жизнью своих рабочих. В бараке № 8 было грязно, жильцы рубили дрова прямо в секции, чайника, газет и другой литературы не имелось [8, л. 3]. В бараке № 17 в секции все было аналогично. Пол был побит во всех секциях. Такая же ситуация наблюдалась и в остальных бараках [8, л. 4].

В 1947–1948 гг. работа партийных организаций и государственных органов по поддержке рабочих промышленных предприятий продолжалась. На каждом заводе имелись свои неурегулированные проблемы, которые оставалось решить.

На заводе «Красный Октябрь» руководство профсоюза построило жилплощадь и проблема с обеспечением жильем рабочих, проживавших в блиндажах и землянках, решилась лишь частично [3, л. 3].

Проблема подготовки общежития к зиме на заводе оставалась по-прежнему нерешенной. Однако руководство завода совместно с хозяйственным руководством приняли меры по ее устранению. Для выполнения намеченных задач был мобилизован коллектив, в результате чего все общежития вовремя и качественно были подготовлены к зиме [3, л. 9].

Жилищный вопрос так и остался не решенным до конца изучаемого периода. На заводах было зафиксировано халатное отношение руководства к подготовке жилого фонда для своих сотрудников к зиме.

Общежитие судоремонтного завода к 1949 г. все еще не соответствовало санитарным нормам: в помещении грязно, постельное белье не стиралось, в результате чего у некоторых рабочих имелась завшивленность. Однако с приходом к руководству начальника ОРСа А.Т. Шишканова работа ОРСа значительно улучшилась, несмотря на то что вследствие растраты и хищения бывшим начальником положение там оставалось тяжелым [4, л. 90].

Схожая ситуация и на Мачтопропиточном заводе. Жилищно-бытовые условия рабочих не соответствовали санитарным тре-

бованиям. Дирекция завода все еще не в силах была обеспечить каждого рабочего жильем. В некоторых квартирах наблюдалась скученность, где на одного жильца приходилось 2×2 кв. м на человека [4, л. 114].

В этот период активная и более успешная деятельность профсоюзных организаций наблюдалась на заводе «Красный Октябрь». Профсоюзы завода не только участвовали в распределении жилья, но и помогали получать ссуды и строительные материалы лицам, ведущим индивидуальное строительство [1, с. 51]. И уже к концу рассматриваемого периода число рабочих и служащих, проживавших в бараках, заметно сократилось. Так, в бараках завода «Красный Октябрь» в 1946 г. находилось 6 574 человека, а в 1952 г. – 1 574 человека. В 1946 г. барачную прописку имели 4 400 сталинградских судостроителей и членов их семей, а в 1952 г. – 2 454 [2, с. 4].

Таким образом, оказание всесторонней помощи рабочим промышленных предприятий в послевоенный период полностью возлагалось на обком партии, советские организации, хозяйственных руководителей. Рабочим, ИТР и служащим с каждым годом оказывалось все больше социальных услуг. Наиболее важная проблема – проблема обеспечения рабочих жильем, на которую обращал внимание обком партии ВКП(б), так и не была решена окончательно отчасти из-за халатности руководства.

Список литературы

1. Аллен, Ч. Путешествие в советские профсоюзы / Ч. Аллен. – М. : Профиздат, 1967. – 79 с.
2. Кузнецова, Н. В. Восстановление жилого фонда Сталинграда в 1943–1953 гг. / Н. В. Кузнецова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2003. – Вып. 8. – С. 12–19.
3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 71. – Оп. 5. – Д. 15.
4. ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 7. – Д. 63.
5. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 20. – Д. 158.
6. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 20. – Д. 161.

7. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 23. – Д. 91.

8. ЦДНИВО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 30.

**OF TRADE UNION AND PARTY ORGANIZATIONS
IN RELATION TO INDUSTRIAL WORKERS
IN THE CITY OF STALINGRAD 1945–1953 YEARS**

Kolesnikova Anastasiya Alekseevna

Student, Department of Social Work and Pedagogy,
Volgograd State University
an.asia@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the solution of social problems of workers of the industrial enterprises of the city of Stalingrad in the postwar period, Soviet organizations and economic bodies. The author examines the ways to solve the living problems, the provision of financial assistance, the Directorate, local committee and the union factories. Based on historical data, the author concludes that the results of activities undertaken by trade unions to provide social support for workers and engineers Stalingrad plants.

Key words: Unions, housing, factory workers, dormitory, material living conditions.

УДК 94(100):350
ББК 63.3(0),7

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЖИЛОГО ФОНДА СТАЛИНГРАДА В 1945–1950 ГОДАХ

Литвиненко Евгений Евгеньевич

Научный сотрудник отдела
Государственного историко-мемориального музея-заповедника
«Сталинградская битва»
eugenlit92@gmail.com
ул. Гоголя, 10, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена восстановлению жилого фонда Сталинграда в 1945–1950 годах. Автор выделяет задачи жилищного строительства в ходе выполнения четвертого пятилетнего плана. Рассматриваются методы работы строительных организаций. В результате анализа цифровых данных определены темпы и динамика жилищно-коммунального строительства в городе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, восстановление Сталинграда, жилищное строительство, строительный трест.

Задачи послевоенного периода подробно отражены в Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг., принятом Верховным Советом СССР 18 марта 1946 года. Цель четвертого пятилетнего плана состояла в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень в промышленности и сельском хозяйстве и затем превзойти его.

Составной частью пятилетнего плана восстановления народного хозяйства вошла программа, намеченная постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. «О мерах по восстановлению Сталинграда». В соответствии с этим постановлением объем капитальных вложений в жилищное, культурно-бытовое и административное строительство на 1945–1947 гг. устанавливался в раз-
мере 587,45 млн рублей. Данная сумма значительно превышала

средства, которые были выделены в период с 1943 г. по I полугодие 1945 года. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 сентября 1945 г. город Сталинград был отнесен к городам республиканского подчинения. С IV квартала 1945 г. планирование средств, оборудования Сталинграду устанавливалось Госпланом отдельной строкой [5, с. 12].

Постановление обязало различные наркоматы оказать помощь в восстановлении городского хозяйства. Так, Наркомат Обороны был обязан направить в Сталинград ряд фронтовых управлений оборонительного строительства с инженерно-техническим персоналом, оборудованием, инструментами и транспортом. Наркомату торговли поручалось выделить для строителей дополнительные лимиты на питание [8, с. 91]. Для восстановления жилья и культурно-бытовых объектов была создана специальная организация – Главсталинградстрой в составе трех трестов – Жилстрой, Сантехстрой и Культстрой [6, с. 67].

Во время войны жилищное строительство велось преимущественно в заводских районах силами ведомств. В центральной части города восстановленных объектов насчитывались единицы [9, с. 132, 138]. Медленное возрождение города связывалось в том числе и с отсутствием генерального плана реконструкции города. Решением горисполкома от 17 мая 1943 г. было образовано управление главного архитектора г. Сталинграда. Им стал В.Н. Симбирцев. Тогда же был объявлен конкурс на создание схемы генерального плана. В нем приняли участие три организации: Академия архитектуры СССР, Гипрогор и архитектурно-планировочная мастерская Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. Экспертная комиссия из числа представителей Совнаркома и сталинградского обкома взяла за основу схему, разработанную Академией архитектуры под руководством К.С. Алабяна.

Результаты изысканий группы архитекторов были представлены на заседании бюро сталинградского обкома 23 февраля 1944 г. в докладе «Об эскизе генерального проекта планировки г. Сталинграда». Его основные положения сводились к следующему: не восстанавливать предприятия по речке Царице, приступить к строительству нового промышленного района в предме-

тье станции Разгуляевка, создать зеленые зоны между заводами Тракторным, «Баррикады» и «Красный Октябрь», вынести за пределы города нефтебазу [2, л. 12–13]. От речки Царицы до площади 9 января предполагалось провести центральный бульвар как начало главного продольного проспекта города. За площадью Павших борцов сохранялось значение центральной с размещением на ней главных административных учреждений [1, с. 371–372]. Проект планировки города разрабатывался исходя из ориентировочной численности населения в 650 тысяч человек: 500 тысяч жителей в центральной и северных частях и 150 тысяч в Бекетовке и Красноармейске [6, с. 67]. Реконструкцию города предполагалось провести в течение двух-трех пятилеток.

Однако первый послевоенный генеральный план имел и ряд недостатков, отразившихся на застройке города. В частности, не нашла достаточного обоснования принятая этажность застройки. Согласно плану трех-пятиэтажные здания занимали 25 %, двухэтажные – 30 %, одно-двухэтажные – 25 %, индивидуальные одноэтажные – 20 %. В результате часть ценных территорий была занята малоэтажными зданиями, зона индивидуальных построек слишком близко подходила к центру города [7, с. 56].

Трест «Сталинграджилстрой» был создан 4 октября 1945 года. Организация труда в тресте имела некоторые особенности. «Сталинграджилстрой» выполнял работы в основном по сборке стандартных домов и восстановлению разрушенных капитальных жилых и общественных зданий. Управляющий трестом отмечал, что «выполнение этих работ осуществлялось силами совершенно не квалифицированных кадров и в лучшем случае рабочими, получившими некоторые строительные навыки в процессе непродолжительной работы в тресте» [10, л. 21]. Указанные обстоятельства наложили свой отпечаток на работу треста. При строительстве финских стандартных домов проводилась поточная система организации работ. Суть ее сводилась к тому, что объект возводили последовательно идущие бригады специализированных рабочих: землекопы рыли котлованы, каменщики клали фундаменты и цоколи, монтажники собирали каркасы, печники собирали печи и так далее. Иначе обстояло дело с организацией работ на объек-

тах капитального строительства. На них задачи не были однотипными, по этой причине создание поточной системы здесь было затруднительно. Однако и здесь руководство треста старалось применять специализированные бригады [10, л. 23].

К концу 1950 г. жилой фонд Сталинграда еще не достиг довоенного уровня и составил 91,8 % к 1940 году. За период с 1945 г. по 1950 г. было восстановлено и вновь построено 1 001,4 тыс. м² жилья. С 1945 г. количество жилой площади в городе возросло в 2,4 раза, что характеризуется следующей таблицей.

Таблица 1

**Динамика жилищного фонда за 1940–1950 гг.,
тыс. м² [3, л. 4–6; 4, л. 10–12]**

Показатель	1940 г.		1945 г.		1951 г.		1951 г. в % к	
	тыс. м ²	% к итогу	тыс. м ²	% к итогу	тыс. м ²	% к итогу	1940 г.	1945 г.
Весь жилой фонд	1 848,8	100	695,1	100	1 696,5	100	91,8	244,1
Обобщественный жилой фонд	1 032,4	55,8	330,3	47,5	848	50	82,1	256,7
а) местных советов	269,6	14,6	36,3	5,2	106,9	6,3	39,7	294,5
б) ведомств	762,8	41,2	294	42,3	741,1	43,7	97,2	252,1
Индивидуальный фонд	816,4	44,2	364,8	52,5	848,5	50	103,9	232,6

Из данных таблицы 1 следует, что ведомственный жилой фонд достиг 97,2 % к 1940 г., в то время как жилой фонд местных советов составлял только 39,7 % к 1940 году. Индивидуальный сектор достиг 103,9 % к 1940 году. Если государственное и ведомственное строительство до 1945 г. отставало от индивидуального, то за 1946–1950 гг. обобщественный жилой фонд растет быстрее. Также стоит отметить значительный рост темпов государственного строительства. Так, прирост жилой площади местных советов в 1950 г. к 1949 г. составил 32,5 %, тогда как ведомственной – только 13,1 % [4, л. 8]. Высокие темпы объяснялись как широкомасштабным капитальным строительством в центральном, Сталинском районе города, так и принятием жилой площади

от других ведомств. За 1949 и 1950 гг. местными советами было вновь построено и восстановлено 38,1 тыс. м² и принято от других ведомств 25,4 тыс. м² [4, л. 10].

Жилая площадь распределялась по районам Сталинграда неравномерно, что подтверждается следующей таблицей.

Таблица 2

**Распределение жилого фонда по районам города
[4, л. 17]**

Районы	Местные советы		Ведомства		Всего	
	тыс. м ²	% к итогу по городу	тыс. м ²	% к итогу по городу	тыс. м ²	% к итогу по городу
1. Тракторозаводский	–	–	170,8	23,1	170,8	20,1
2. Баррикадный	–	–	86,6	11,7	86,6	10,2
3. Краснооктябрьский	–	–	123,8	16,7	123,8	14,6
4. Дзержинский	20,9	19,5	52,9	7,1	73,8	8,7
5. Сталинский	41,2	38,5	15,3	2,1	56,5	6,7
6. Ворошиловский	28,3	26,5	111,5	15	139,8	16,5
7. Кировский	5,2	4,9	83,9	11,3	89,1	10,5
8. Красноармейский	11,3	10,6	96,3	13	107,6	12,7
<i>Итого</i>	106,9	100	741,1	100	848	100
В % ко всей жилой площади	12,6		87,4		100	

Наибольший удельный вес во всей жилой площади имеют промышленные районы: Тракторозаводский (20,1 %), Ворошиловский (16,5 %) и Краснооктябрьский (14,6 %). Самый низкий удельный вес имеет Сталинский район – 6,7 %. Жилой фонд местных советов, составлявший 12,6 % ко всей жилой площади, распределялся по районам также неравномерно. Больше всего государственного жилья имелось в Сталинском районе (38,5 %), Ворошиловском (26,5 %) и Дзержинском (19,5 %) и совершенно не имели его промышленные районы.

Всего к концу 1950 г. жилым фондом в Сталинграде обладали 39 ведомств и организаций. Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что 10 из них владели 73,8 % всей обобществлен-

ной жилой площадью. Основная часть жилья распределялась по промышленным министерствам союзного подчинения и принадлежала главным образом Тракторному заводу и заводу «Красный Октябрь».

На 1 января 1951 г. жилой фонд Сталинграда составил 1 696,5 тыс. м² и характеризуется следующей таблицей.

Таблица 3

Жилой фонд Сталинграда на 01.01.1951 [4, л. 1–4]

Показатель	Всего жилой площади, тыс. м ²	В жилых домах, тыс. м ²	В бараках, тыс. м ²	В нежилых строениях, тыс. м ²	Удельный вес, %
Обобществленный жилой фонд	848	736,2	96,5	15,3	50
Индивидуальный жилой фонд	848,5	848,5	–	–	50
<i>Итого</i>	1 696,5	1 584,7	96,5	15,3	100

Из приведенной таблицы 3 видно, что государственное и ведомственное жилье, представлявшее собой обобществленный жилищный фонд, занимало 50 % к общему наличию жилой площади. Основная часть жилой площади находилась в жилых домах – 93,4 %, остальная – в бараках – 5,7 %. На долю нежилых строений приходилось 0,9 %.

Список литературы

1. Водолагин, М. А. Очерки истории Волгограда / М. А. Водолагин. – М. : Наука, 1968. – 448 с.
2. Из протокола заседания бюро обкома о ходе восстановления г. Сталинграда. 23 февр. 1944 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 113. – Оп. 18. – Д. 34. – Л. 12–13.
3. Итоги единовременного учета жилищного фонда по г. Сталинграду за 1945 г. // ГАВО. – Ф. 686. – Оп. 13. – Д. 50.
4. Итоги учета обобщественного жилого фонда по г. Сталинграду за 1951 г. // ГАВО. – Ф. 686. – Оп. 13. – Д. 136.
5. Кузнецова, Н. В. Восстановление жилого фонда Сталинграда в 1943–1953 гг. / Н. В. Кузнецова // Вестник Волгоградского государственного университета.

го университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2003. – № 8. – С. 12–19.

6. Кузьмина, Э. В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950 / Э. В. Кузьмина. – Волгоград : Издатель, 2002. – 142 с.

7. Липявкин, А. Ф. Волгоград / А. Ф. Липявкин. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1971. – 303 с.

8. Люшин, С. П. Трудовой подвиг волгоградцев: ист. очерк восстановления и развития города-героя. 1943–1962 / С. П. Люшин. – Волгоград, 1963. – 226 с.

9. Поднятый из руин : сб. док. и материалов о восстановлении и развитии Волгограда (1943–1960 гг.) / сост.: В. Г. Сидорин [и др.]. – Волгоград : Кн. изд-во, 1962. – 371 с.

10. Сведения о состоянии организации труда, нормирования и зарплаты по тресту Сталинграджилстрой. Март 1946 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-4768. – Оп. 1. – Д. 3.

RESTORATION OF HOUSING OF STALINGRAD IN 1945–1950 YEARS

Litvinenko Evgeny Evgenyevich

Researcher,

The State Historical and Memorial Museum “Battle of Stalingrad”

eugenlit92@gmail.com

Gogol St., 10, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the restoration of housing of Stalingrad in 1945–1950 years. Author allocate the task of housing construction progress of the fourth five-year plan. The methods of work of construction companies. As a result of analysis of digital data the pace and dynamics of the housing and public works in the city.

Key words: the Great Patriotic War, the Battle of Stalingrad, Stalingrad recovery, housing, building trust.

УДК 908(470)
ББК 63.3(2)521

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЦАРИЦЫНА ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Литвинова Ирина Николаевна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
irina-litvinova2010@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья дает представление о социальных практиках, имевших место в провинциальном обществе в годы Мировой войны. Анализируется роль и место предпринимателей в организации и реализации форм помощи фронту, семьям воинов, беженцам, реабилитации раненых. Эта страница истории Волгограда, как и вклад предпринимателей в решение многих социальных проблем тылового города, мало исследована. При всем том активная позиция представителей делового мира Царицына в условиях войны способствовала смягчению острой социальной напряженности среди населения. В статье поднимается вопрос о социальной памяти современников и проблемах увековечения имен благотворителей и меценатов Царицына.

Ключевые слова: Царицын, война, предприниматели; помощь воинам, семьям, беженцам.

С началом военных действий Царицын представлял собой развитый в торгово-промышленном отношении уездный центр Саратовской губернии. По темпам роста новых форм предпринимательской деятельности – акционированию капиталов, органи-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-13-34004 а(р) и Администрации Волгоградской области по проекту «Гражданское общество Царицына в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.)».

зации компаний на паях он опережал губернский центр. Тем не менее к началу Мировой войны это был типичный провинциальный город тыловой губернии. Как и во всей России времен Первой мировой войны, общественная жизнь активизировалась здесь с началом мобилизации, на гребне патриотической волны соотечественников в поддержку союзных войск и солидарности с братьями-славянами – сербами.

В самом начале войны женами офицеров 187 Аварского полка, отправленного на фронт, был основан Царицынский Дамский комитет с целью материальной и моральной поддержки офицеров и рядовых. Комитет почти ежедневно организовывал массовые сборы пожертвований среди населения, которые поступали от горожан по подписным листам, квитанционным книжкам, кружечным сборам и другими способами. Значительные суммы всегда жертвовали представители делового мира, в частности, владелец кожевенного завода и торгового дома В.П. Смирнов, владелица рыбного торгового дома А.В. Кулыгина, купец И.Н. Рысин, потомственный почетный гражданин В.Ф. Лапшин, лесопромышленник А.К. Воронин и многие другие. Иногда на средства коммерсантов приобретались вещи для отправки на фронт – сапоги для нижних чинов Аварского полка, теплые одеяла, белье.

Среди гласных думы, при активном содействии почетного гражданина города В.Ф. Лапшина, также постоянно собирались средства для отправки подарков на фронт. В.Ф. Лапшин был известен в крае как владелец торгово-промышленного товарищества «Лапшин и К^о», волжского пароходства «Русь», и как председатель правления Русского на Биби-Эйбате нефтепромышленного и торгового общества (г. Баку) [6, с. 122].

В годы Мировой войны владельцы торгово-промышленных фирм участвовали в благотворительных акциях по сбору средств фронтовикам и их семьям, для реабилитации раненых, находившихся на излечении в лазаретах Царицына. Наряду с имевшимися государственными пособиями, коммерсанты и фабриканты выплачивали жалованье семьям отобюрозованных на фронт бывших рабочих предприятий. Царицынские газеты того времени писали о том, кто из купцов – гласных городской думы и в каком количестве через

общественные благотворительные организации перевел денег для нужд фронта, отправил чая, табака, мыла и прочих необходимых вещей. Особенно активно шли сборы денег перед рождественскими и пасхальными праздниками. Например, купец Я.И. Пирогов в 1916 г. пожертвовал 500 руб. на пасхальные подарки солдатам [17]. Согласно сведениям местной прессы, «Первое Общество Взаимного Кредита», основу которого составляли деловые люди Царицына, к светлому празднику Пасхи 1916 г. перечислило нижним воинским чинам 1 000 рублей [17]. В частности, товарищество «Первой паровой мельницы» на подарки в армию отправило 500 руб., а «Второе Общество Взаимного Кредита» пожертвовало 500 руб. на пасхальные подарки фронтовикам Кавказской армии и 500 руб. для Лиги борьбы с туберкулезом [17].

Информация о денежных поступлениях воинам от жертвователей публиковалась в газете «Царицынский вестник». Например, в самом начале войны, 2 августа 1914 г., в «Вестнике» имеются следующие данные о благотворительных взносах предпринимателей: от И.В. Максимова поступило 3 040 руб. и 20 долларов, братьев Серебряковых – 1 025 руб., от Н.И. Лапшина – 1 000 руб., А.К. Воронина – 5 000 рублей [11].

Некоторые коммерсанты и служащие торговых домов переводили средства местному отделению Общества Красного Креста. Представители делового мира Царицына – Г.Г. Серебряков, А.А. Репников, Ю.Д. Репникова, Т.А. Каменщиков и многие другие лица являлись членами этого Общества. Помимо уплаты членских взносов предприниматели часто жертвовали денежные средства на конкретные цели, например, на лечение и нужды раненых воинов, находившихся в лазаретах Царицына. За свой счет они приобретали медикаменты, содержали койки в военных лазаретах. От Красного Креста под руководством коммерсанта и благотворителя А.А. Репникова в городе действовала специальная Комиссия по распределению раненых, которых направляли в лазареты этого Общества, находившиеся в Ельшанке, Сарепте, при французском металлургическом заводе, Дамском обществе.

Согласно сведениям Врачебно-санитарной хроники уже в октябре 1914 г. на полном обеспечении частных лиц и благотвори-

рительных организаций в Царицыне находилось 84 койки в лазаретах, а Обществом Красного Креста содержались 402 койки [1, с. 1238]. Содержание коек в лазаретах, как новая форма благотворительности, прижилась в городе, так как очень многие горожане оплачивали лечение конкретных раненых воинов до их выздоровления. Известны имена благотворителей – жены купцов: А. Кулыгина, К.В. Серебрякова, В.И. Рысина. Лесопромышленник А.К. Воронин открыл и содержал в одном из своих особняков лазарет для офицеров на 25 коек [1, с. 1236]. Содержание койки включало в себя полное обеспечение раненого – расходы на медикаменты, продукты, одежду и прочее.

Как было отмечено ранее, в первые месяцы войны в городе организовывались общественные союзы и кружки благотворительной направленности, инициаторами которых являлись представители предпринимательского слоя и их супруги, некоторые из которых, в свою очередь, являлись владелицами модных и галантерейных магазинов, лавок. Общественные структуры основывались и при различных учреждениях города. В августе 1914 г. был создан «Комитет Царицынского отделения государственного банка для оказания помощи воинским чинам и их семьям». В состав учредителей Комитета в том числе входили два потомственных почетных гражданина города – В.Ф. Лапшин и Г.Н. Серебряков, являвшиеся крупными коммерсантами в Нижнем Поволжье и известными благотворителями Царицына [2, л. 1–4]. В отчете Банковского Комитета за ноябрь 1914 г. содержится информация о благотворительной помощи предпринимателей семьям воинов. Так, от В. Лапшина Комитетом было получено 18,5 фунтов чаю, от Г. Серебрякова – 75 фунтов табака [2, л. 5]. Этой общественной структурой организовывались кружечные сборы пожертвований, а в одном из городских лазаретов содержались три койки для раненых имени Банковского Комитета.

В числе учредителей «Царицынского общества презрения и попечения о детях воинов, пострадавших во 2-ю Отечественную войну» значатся имена двух известных царицынских купцов – И.К. Мухина и В.П. Смирнова. Купец первой гильдии В.П. Смирнов являлся владельцем крупного кожевенного завода, работавшего в военные годы на ВПК [5, л. 16].

Под руководством Коммерческого собрания, представлявшего корпоративную общественную организацию предпринимателей, в праздничные дни для раненых, находившихся на излечении в царицынских лазаретах, устраивались благотворительные спектакли и концерты, раздавались подарки от владельцев предприятий: пряники, конфеты, фруктовые воды, мыло, ватные одеяла, табак. Была организована передвижная библиотека для раненых, организатором которой стал предприниматель А.А. Репников. Горожане дарили книги, журналы, пополняя библиотечный фонд.

Отметим активную деятельность еще одной дамской ассоциации – армянского Дамского Комитета. В газете «Царицынский вестник» с декабря 1914 г. почти ежедневно появлялись заметки о сборах денежных средств и вещей этим Комитетом в пользу воинов, впоследствии – беженцев-армян, оказавшихся в Царицыне. Основу организации составили жены купцов и предпринимателей армянской национальности. Например, в статье «Среди армян идет активное движение в пользу пожертвований на нужды войны» отмечается, что «армянские дамы» организовали Дамский Комитет, утвержденный губернатором в начале декабря 1914 года. Здесь же прилагается внушительный список с фамилиями жертвователей. Назовем некоторые из них – чета Саркисовых – 650 руб., братья Казаровы – 350 руб., купец Ахвердов – 350 руб., Домбаев – 110 руб. и многие другие [13]. Приведем некоторые сведения местных газет о деятельности армянского Дамского Комитета по организации сбора вещей и средств для фронта. Так, коммерсант «Кистов купил добровольцам, отбывшим из Царицына на фронт, теплые платья и дал на проезд 50 руб.» [13]; армянское городское училище приспособлено под лазарет на 40 коек, на что израсходовано 2 000 руб. [10]; «от владельца чувячной фабрики Алпетьяна поступило в распоряжение Дамского комитета 25 пар чувяков»; «приток пожертвований продолжается». Интересная информация имеется в заметке «Армянское рождество» в 1915 г.: «6 января армяне местной колонии справляли праздник Рождества, который решили ознаменовать добрым делом, а именно все крупные фирмы, как, например, Кистова, Ахвердова и Казарова, сделали пожертвования на устройство обеда для армян-воинов. Армяне пригласили с со-

бою своих приятелей русских солдат и в помещении армянского Дамского комитета, в доме Ахвердова состоялся обед на 200 человек» [14]. Проведение рождественского обеда с подарками на 200 человек представляло собой мероприятие с немалыми расходами для его организаторов.

В конце августа 1915 г., когда в Царицын стали прибывать первые партии беженцев и переселенцев, «Царицынское отделение Общества спомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне» и помогавшее беженцам, открыло в доме купца Ахвердова приют на 50 детей поляков, там же расположилась канцелярия Общества [15].

Член Царицынского ВПК, крупный лесопромышленник И.В. Максимов за свой счет организовал отопление и ремонт в открывшемся приюте Польского общества на 40 детей беженцев, в пос. Ельшанка г. Царицына [15].

Активную деятельность по поддержке еврейских беженцев и переселенцев проводило «Царицынское еврейское общество помощи жертвам войны». Среди основателей Общества в октябре 1915 г. стали два купца первой гильдии – Х.Д. Белкин и Б.Ц. Рабинович [4, л. 1].

Помимо помощи фронту и пострадавшим от войны категориям населения коммерсанты активно участвовали в культурной и духовной жизни провинциального общества. В газете «Царицынский вестник» имеются интересные факты событий того времени. Например, 12 сентября 1914 г. потомственный почетный гражданин Царицына, гласный городской думы Г.Н. Серебряков пожертвовал в пользу нового, строящегося собора во имя Александра Невского церковной утвари и икон на сумму свыше 7 000 рублей [12]. Иконы и утварь были приобретены г. Серебряковым в магазине купца И.Н. Рысина, о чем и сообщил гласный и председатель Комиссии по постройке собора И.Н. Рысин [12].

В Царицыне с 1913 г. стал развиваться институт именных стипендий, активизировавшийся во время войны. Если в довоенный период именные стипендии назначались успешным, но несостоятельным учащимся, то во время Мировой войны в том числе выдавались детям-сиротам, отцы которых погибли на фронте. В 1915 г.

потомственный почетный гражданин Царицына Григорий Нестерович Серебряков, являясь председателем Попечительного совета коммерческого училища, внес 1 300 руб. на учреждение стипендии имени своего сына Григория. Стипендия выдавалась на проценты с этой суммы [7, с. 735]. Институт именных стипендий учащимся действовал вплоть до февральской революции, например, в январе 1917 г. для Царицынской Александровской мужской гимназии почетным попечителем А.А. Репниковым был внесен капитал в 1 300 руб. процентными бумагами на учреждение стипендии имени Александра и Августы Репниковых [18].

Царицынец Г.Н. Серебряков – один из успешных представителей деловой элиты Саратовской губернии. Он являлся совладельцем акционерного общества «Братья Г. и А. Серебряковы», в состав которого входили: завод металлических изделий с основным капиталом в 2 млн руб., конфетная фабрика «Метрополь» и другие торгово-промышленные заведения [9, с. 1588]. В 1916 г. им была построена еще и карандашная фабрика. Таким образом, средства на благотворительность и попечительскую деятельность имелись.

В разгар Первой мировой войны, в 1915 г., Г.Н. Серебряков передал городу 2-этажное каменное здание для бедных семей и беженцев. Городская дума испросила разрешение у губернатора о присвоении этому зданию следующего наименования: «Городской дом имени потомственного почетного гражданина Г.Н. Серебрякова» [16]. Губернатор разрешил. За благотворительную деятельность, то есть содержание двух детских приютов, попечительство учебных учреждений и прочие благие дела, Серебряков был отмечен некоторыми наградами – золотыми медалями и орденом Святого Станислава III степени [7, с. 735].

Самым известным благотворителем в Царицыне являлся потомственный почетный гражданин Александр Александрович Репников – владелец двух крупных магазинов в городе (модного и мануфактурного) на Александровской и Вознесенской площадях и гостиницы [8, стб. 1987]. Примерно в конце 1870-х гг. семейство Репниковых переехало из посада Дубовки и обосновалось в Царицыне, где еще успешнее стал процветать их бизнес по торговле мануфактурной продукцией.

В 1880 г. А. Репников передал в дар для Мариинской женской гимназии свой особняк (ныне здание Комитета областной статистики). Став попечителем этого учебного заведения, ежегодно отчислял значительные суммы на его содержание. С 1912 г. он являлся председателем правления двух общественных структур – «Общества вспомоществования нуждающимся ученикам» и «Общества содействия внешкольному образованию» [3]. С первых дней войны под руководством благотворителя «Обществом содействия внешкольному образованию» велась значительная работа по оказанию помощи семьям воинов и погибших. Собирали денежные средства, одежду, обувь, учебники для этих семей. При всем том А.А. Репников продолжал попечительствовать в пяти учебных учреждениях города и двух детских приютах. На Набережной улице, в доме предпринимателя было открыто очередное четырехклассное училище. Следует отметить, что благодаря деятельности А. Репникова в качестве председателя Городской комиссии по попечению и наблюдению за учебными учреждениями уезда, в военный 1914 г. Царицын занял первое место по уровню образования в Саратовской губернии.

А.А. Репникова как гласного городской думы и социально ответственного коммерсанта, достойного гражданина Отечества волновали многие проблемы, связанные с жизнью беднейших слоев общества. Он являлся членом Царицынского отделения Императорского Человеколюбивого общества, которое занималось строительством и организацией приютов для сирот и богаделен для стариков, ночлежных домов.

Тем не менее важным фактом в его истории благотворительности является строительство Дома науки и искусств в Царицыне в разгар Первой мировой войны. Большое красивое здание в стиле классицизма практически было сооружено на деньги купца Репникова и подарено городу в декабре 1915 года. Более того, А.А. Репников сам создал, возглавил Комитет по строительству Дома науки и профинансировал само строительство, выделив на эти цели 90 тыс. рублей [19].

В открывшемся дворце работали библиотека, музей, музыкальные и художественные классы, Народный театр, который так-

же был организован по настоянию Репникова на год раньше. Зрительный зал был рассчитан на 1 000 мест. Культурный центр принадлежал «Обществу содействия внешкольному образованию», который, как отмечалось ранее, возглавлял А.А. Репников. Провинциальный общественный деятель имел дальнейшие планы – организовать народную консерваторию в Царицыне.

Самым же ценным являлось то, что библиотека, музей и театр Дома науки и искусств работали для общества и всех горожан, невзирая на их сословную принадлежность. Все это совершалось во исполнение культурных и просветительских целей. В Доме науки и искусств, Общественном собрании, а также в лазаретах устраивались благотворительные спектакли и концерты, вырученные от них средства поступали в Царицынское Общество Красного Креста.

Здание Дома науки и искусств сохранилось до сегодняшних времен в Волгограде, хотя после Сталинградской битвы изменился его фасад и название. После революции там размещался Драматический театр имени М. Горького, а ныне – Новый экспериментальный театр. Немногим современникам известно о том, что театр располагается в Доме, построенном на средства известного царицынского благотворителя. 2 января 2016 г. исполнился 100-летний юбилей здания, но общественность Волгограда это событие проигнорировало. Более того, по инициативе волгоградского благотворительного фонда «Благословение» на рассмотрение городской Комиссии по увековечению памяти, а именно – памятной доской с именем основателя здания – благородного общественного деятеля, благотворителя и мецената, потомственного почетного гражданина А.А. Репникова, было отклонено до «лучших» времен. Отметим, что изготовление эскиза и саму памятную доску взяли на себя волгоградские предприниматели и художники, но предложение об увековечении имени А.А. Репникова на голосовании волгоградской Комиссии не прошло.

В наши дни в городе весьма мало осталось зданий царицынской застройки. Нет ни одной улицы, носящей имя какого-либо общественного деятеля или почетного гражданина Царицына, нет памятных досок на зданиях. Данное обстоятельство отличает Волгоград от бывшего губернского центра Саратова, где горожане бережно относятся к истории города. Социальная память потом-

ков в том числе увековечена именами известных благотворителей Саратова – Агафонова, Вакурова, Зейферта, Шмидта, Сухой и многих других в названиях больницы, улиц, парков, именных досок на зданиях.

Связь времен в городе-герое Волгограде не должна иметь отношение только к событиям военного Сталинграда. Наряду с героико- и военно-патриотическим направлениями воспитания волгоградской молодежи, безусловно, значимым является краеведческо-патриотическое направление. Именно оно создает основу для гордости за малую родину и свои исторические корни, тем самым способствует формированию гражданской позиции и ответственности перед обществом.

Таким образом, социальные практики представителей делового мира Царицына реализовывались в следующих формах: организация и деятельность общественных структур по оказанию помощи пострадавшим от войны категориям населения, вклады капиталов на пожертвования, именные стипендии, содержание коек для раненых. В условиях тотальной войны предприниматели еще в большей степени руководствовались нравственными принципами и гражданской ответственностью перед Отечеством, родным городом, считая это делом своей чести. Оказание помощи семьям воинов, детям-сиротам, беженцам не прекращалось вплоть до революции 1917 года. Активная позиция благотворителей в условиях войны являлась одним из механизмов, способствующих решению многих социальных проблем в обществе и смягчению острой социальной напряженности среди населения.

Список литературы

1. Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. Январь 1915. – Саратов : Земская типография, 1915.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 440.
3. ГАСО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 463.
4. ГАСО. – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 506.
5. ГАСО. – Ф. 573. – Оп. 1. – Д. 29.

6. Литвинова, И. Н. Частная форма благотворительности в г. Царицыне / И. Н. Литвинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 3 (15).
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУ и РП) № 91 от 6.04 1916. – СПб., 1916.
8. Справочная книга. Вся Россия на 1913 г. – СПб., 1913.
9. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. – Пг., 1914.
10. Царицынский вестник. – 1914. – 28 авг.
11. Царицынский вестник. – 1914. – 2 авг.
12. Царицынский вестник. – 1914. – 12 сент.
13. Царицынский вестник. – 1914. – 5 дек.
14. Царицынский вестник. – 1915. – 8 янв.
15. Царицынский вестник. – 1915. – 7 нояб.
16. Царицынский вестник. – 1916. – 8 янв.
17. Царицынский вестник. – 1916. – 28 февр.
18. Царицынский вестник. – 1917. – 24 янв.
19. Царицынское слово. – 1913. – 5 июня.

SOCIAL PRACTICIANS OF BUSINESSMEN OF TSARITSYN OF TIMES OF WORLD WAR

Litvinova Irina Nikolaevna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Social Pedagogy,
Volgograd State University
irina-litvinova2010@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Article gives an idea of the social practitioners taking place in provincial society in the years of World war. The role and the place of businessmen in the organization and realization of forms of the help to the front, families of soldiers, to refugees, rehabilitation of wounded is analyzed. These pages of history of Volgograd, as well as contribution of businessmen in the solution of many social problems of the rear city are a little investigated. For all that, the active position of representatives of the business world of Tsaritsyn in the conditions of war, promoted mitigation of sharp social tension among the population. In article the question of social memory of contemporaries and problems of perpetuating of names of philanthropists and patrons of Tsaritsyn is brought up.

Key words: Tsaritsyn, war, businessmen, help to soldiers, families, refugees.

УДК 94(47+57)«1917/1991»

ББК 63.3(2)622.9

**ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ
ЦЕЛЕВЫХ КРЕДИТНЫХ ПРОГРАММ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ РАЗРУШЕННОГО
КОЛХОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1943–1945 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Лохова Татьяна Владимировна

Кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе,
доцент кафедры философии, истории и права
Новороссийского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
324548@mail.ru
ул. Видова, 56, 353907 г. Новороссийск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению практики организации целевых кредитных программ восстановления разрушенного колхозного хозяйства СССР в 1943–1945 гг. в постоккупационное время. На материалах Краснодарского края автор анализирует опыт взаимодействия банковской сферы СССР в части выделения ссуд колхозам и колхозному населению с целью скорейшего восстановления сельскохозяйственного потенциала региона, а также реализации социальной государственной политики защиты различных категорий сельского населения Краснодарского края. Деятельность кредитных учреждений сыграла значительную роль в восстановлении не только сельскохозяйственного производственного процесса, воссоздания животноводческого комплекса колхозов региона, но и реальной помощи сельскому населению в восстановлении и строительстве разрушенных в период Великой Отечественной войны домовладений и хозяйственных построек, индивидуального хозяйства в целом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сельское хозяйство, восстановление колхозного хозяйства, кредитные программы, Сельхозбанк СССР, Краснодарский край.

Изучение организации и деятельности финансовой сферы СССР в годы Великой Отечественной войны вызывает несомненный инте-

рес в связи с несколькими сюжетами: это и выявление специфики организации всей финансовой политики государства в экстремальных условиях военного времени, а также своеобразие использования, накопления, распределения денежных средств и финансовых потоков от необходимости решения первоочередных задач всех этапов войны, а также изучение трансформаций восприятия населением страны экономических преобразований 1941–1945 годов. Роль кредитных учреждений на всем протяжении Великой Отечественной войны была значительной. Уже с 1941 г. отделения банков не только способствовали выдаче кредитов по разным направлениям, но и активно содействовали пролонгации действий и отсрочке выплат отдельным категориям граждан и государственным учреждениям. В 1943–1945 гг. кредитная линия банковских учреждений особенно была востребована с целью скорейшего восстановления разрушенного хозяйства во время оккупационного режима.

После освобождения оккупированных немецко-фашистскими захватчиками территорий Краснодарского края первоочередной задачей было воссоздание и восстановление разрушенных хозяйств как в городах, так и в сельском секторе региона [задачи восстановления были сформулированы в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»]. Процесс восстановления начался еще в условиях продолжающейся войны и требовал решения сразу нескольких первоочередных задач: возврат колхозам скота, эвакуированного в восточные районы; восстановление птицеводства в колхозах; восстановление МТС и МТМ; оказание помощи коллективным и советским хозяйствам семенами для озимого сева 1943 г.; восстановление и строительство жилищ для колхозников, рабочих и служащих; восстановление железнодорожных вокзалов и станций; наделение приусадебными участками транспортных рабочих железных дорог и др.

Задачи ликвидации последствий оккупации требовали немедленного восстановления не только всего производственного процесса сельского хозяйства, но и материально-бытовой базы самих сельских жителей. Колхозы и совхозы Краснодарского края к концу января 1943 г. фактически находились в состоянии полной разрухи

по данным докладной записки комиссии по определению ущерба, нанесенного Краснодарскому краю войной [комиссия была создана решением Крайисполкома от 05 февраля 1944 г. (протокол № 26, п. 42)]. Цифры Справки об ущербах, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками имуществу колхозов, общественных предприятий, учреждений, райисполкомов и сельских советов в период временной оккупации Краснодарского края ужасали своими размерами: «по колхозам – 7 324 185 тыс. руб.; по общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям – 1 502 307,5 тыс. руб.; райисполкомам – 110 060,5 тыс. руб. и всего по краю – 8 936 565,5 тыс. руб.» [4, л. 301].

Решить вышеуказанные проблемы восстановления было невозможным без привлечения мощных финансовых потоков и организации программ кредитования колхозов и сельского населения. Несмотря на сложность условий на протяжении всего периода Великой Отечественной войны сохранялись неизменными основные принципы банковского кредитования (всесторонняя социально-экономическая помощь населению страны, развитие кредитования колхозам, нацеленность на результат, организация и внедрение целевых программ). В первые два года происходило уменьшение материальных запасов и резервов в народном хозяйстве, что привело к некоторому сокращению общего объема краткосрочных кредитных операций Госбанка СССР при росте кредитов предприятий военной промышленности, поскольку через кредитную систему перераспределялись основные средства по плану, в зависимости от складывающейся военной обстановки. Банковская система СССР еще с мая 1932 г. разграничивала функции между Госбанком и банками долгосрочных вложений (Промбанком, Сельхозбанком, Всекобанком и Цekomбанком). Именно в функционале Сельхозбанка СССР находились вопросы кредитования колхозного строительства и непосредственное жилищное строительство населения села. Причем в 1943–1945 гг. Сельхозбанк СССР и его филиалы занимались организацией обеспечения целевых кредитных программ восстановления разрушенного хозяйства путем выдачи ссуд колхозам и населению.

Целевые кредитные программы для колхозов предполагали выдачу ссудных сумм для восстановления разрушенных колхоз-

ных построек, организации сельхозугодий, а также для восстановления животноводства. Уже 29 июля 1943 г. на заседании Исполнительного комитета Краснодарского краевого совета депутатов трудящихся (протокол № 10) рассматривался вопрос организации реализации и трудностей внедрения плана кредитования предприятий для организации расширения и восстановления подсобных хозяйств. Установленный Сельхозбанком предварительный план в сумме 1 500 тыс. руб. на 1943 г. был недостаточным, при необходимом увеличении до 2 000 тыс. руб. [1, л. 2], причем право распределять между предприятиями и организациями предлагалось предоставить управляющему конторой Сельхозбанка путем перемещения кредитов в пределах отпущенных средств в зависимости от освоения в сторону увеличения или уменьшения кредитов. Так, в телеграмме Управляющего Краснодарской краевой конторы Сельхозбанка Гуйвика в Центральную контору Сельхозбанка СССР (№ К/35 от 25.05 1943 г.) отмечалось, что «ориентировочно по согласованию с Крайзо требуется два миллиона на животноводческое, ремонтно-восстановительное строительство, четыре – на живпоголовье, один – на подсобные предприятия колхозам, один – на машины, транспорт; всего восемь» [3, л. 3]. Но в декабре 1943 г., по уточненным данным анализа нанесенного ущерба периода оккупации и освобождения Краснодарского края, в телеграмме (К/179 от 02.12 1943 г.) требовалось уже выделение переходящего кредитного лимита в 10 миллионов. «Необходимо кредита первого квартала 1944 г. на животноводство 3 миллиона, виноградарство и садоводство – 3 миллиона, подсобного хозяйства – 2 миллиона, индивидуальное строительство колхозников, рабочих и служащих оставить переходящим лимитом 10 миллионов» [3, л. 19].

Огромные разрушения и убытки, ставшие следствием оккупации, отбросили на несколько десятилетий назад все отрасли сельскохозяйственного производства. Достаточно сказать, что только к концу 1950-х гг. Кубань достигла предвоенного уровня развития этой отрасли. По отдельным видам поголовья скота восстановить прежние показатели удалось уже значительно позже [6, с. 18]. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 389 от 13.04 1943 г. «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и по-

вышения его продуктивности» крайисполкомы обязывались организовать общественную помощь колхозникам и в первую очередь семьям красноармейцев, не имеющим скота, в приобретении телок, свиней, овец, путем закупки. Для этих целей Краснодарская краевая контора Сельхозбанка по районам открывала необходимую сумму кредита, в ходе распределения которого постоянно шли уточнения по его уменьшению или увеличению в каждом отдельном случае. Совнарком СССР постановлением № 580 от 22.05 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Краснодара и Краснодарского края» обязал Наркомзем СССР (Заготживконтору) передать в 1943 г. колхозам Краснодарского края 500 баранов. Из них: 150 голов породы прекоз из Котовского овцеплемхозяйства Сталинградской области, 150 голов каракулевой породы из колхозов Узбекской ССР и 250 голов хряков крупной белой породы из свиновосхозов Саратовской области. В связи с этим Управляющий Сельхозбанком СССР Д. Кравцов направляет управляющему Краснодарской конторы Сельхозбанка Гуйвику циркулярное письмо от 03.06 1943 г., в котором предлагалось обеспечить кредитование колхозов на приобретение указанного выше поголовья племенного скота за счет открытых кредитов колхозам Краснодарского края по годовому кредитному плану на 1943 г. в сумме 4 млн рублей [3, л. 28]. Исполком Краснодарского крайсовета, Наркомзем РСФСР выступали неоднократно с ходатайствами перед Сельхозбанком СССР о выделении дополнительных долгосрочных кредитов колхозам (в мае 1943 г. ходатайство о выделении 2,5 млн руб. долгосрочного кредита на восстановление разрушенных оккупантами пасек) [3, л. 35].

Специальным распоряжением СНК СССР № 6229 от 15.04 1945 г. всем филиалам Сельхозбанка и отделениям Госбанка, выполняющим операции Сельхозбанка, было разрешено на оплату крупного рогатого скота, овец, свиней и лошадей, поставляемых из Румынии, предоставлять кредит колхозам, получающим рабочих лошадей и племенных жеребцов на оплату их стоимости сроком от 3 до 4 лет, причем устанавливалась четкая система расценок в рублях за голову, включая расходы по приемке, перегону и передаче лошадей (сельскохозяйственные

лошади стоили от 1 000 до 1 100 руб., легковые и легкотранспортные лошади – от 1 300 до 1 500 руб., тяжелотранспортные – 2 500 до 2 600 руб., молодняк – от 150 до 500 руб.) [2, л. 188 об.]. Совнарком СССР обязал Сельхозбанк обеспечить выдачу колхозам кредита на оплату принятых ими трофейных лошадей и племенжеробцов, поступающих из Румынии, в размере полной стоимости с погашением в течение трех лет. Размер ссуды определялся в зависимости от финансового состояния колхозов, допускаемая в необходимых случаях кредитование в полной стоимости приобретаемых ими лошадей.

Кредитование сельского населения предполагало реализацию ссуд сразу по нескольким направлениям: а) кредитование на реализацию плана восстановления хозяйства (восстановление домовладения, жилищное строительство, строительство хозяйственных построек, надворных построек, восстановление животноводческого индивидуального хозяйства, на покупку скота, хозобзаведение, восстановление рыбного домашнего промысла и т. п.); б) кредитование социально незащищенной и нуждающейся категории населения (инвалидов войны, семьи погибших воинов); в) кредитование участников войны и членов их семей (семьи фронтовиков, семьи партизан, демобилизованным и т. п.); г) кредитование представителей отдельных профессий (сельским врачам, фельдшерам, учителям и т. д.) [5, с. 337–344].

Подводя итоги, необходимо отметить, что деятельность кредитных учреждений сыграла значительную роль в восстановлении не только сельскохозяйственного производственного процесса, воссоздания животноводческого комплекса колхозов Краснодарского края, но и реальной помощи сельскому населению в восстановлении и строительстве разрушенных в период Великой Отечественной войны домовладений и хозяйственных построек, индивидуального хозяйства в целом.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-1373. – Оп. 1. – Д. 37.

2. ГАКК. – Ф. Р-1373. – Оп. 1. – Д. 44.

3. ГАКК. – Ф. Р-1373. – Оп. 1. – Д. 53.

4. ГАКК. – Ф. Р-1378. – Оп. 1. – Д. 35.

5. Лохова, Т. В. История организации Сельхозбанком СССР целевых кредитных программ восстановления разрушенного хозяйства Краснодарского края в 1943–1945 гг. / Т. В. Лохова // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Ростов н/Д : ФАНО : ИОНЦ РАН : ИСЭГИ, 2016. – С. 337–344.

6. Лохова, Т. В. Трудности восстановительного периода сельскохозяйственного потенциала Краснодарского края после временной нацистской оккупации (1943–1945 гг.) / Т. В. Лохова // Казанская наука. – 2012. – № 3. – С. 18–24.

**ORGANIZATION OF GOAL-ORIENTATED
CREDIT PROGRAMS FOR RESTORING
OF DESTROYED KOLHOZY IN 1943-1945
(BASED ON KRASNODAR KRAI)**

Lokhova Tatyana Vladimirovna

Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of Academic Research,
Associate Professor in Philosophy, History and Law Department
of Financial University Under the Government
of the Russian Federation in Novorossiysk
324548@mail.ru
Vidova St., 56, 353907 Novorossiysk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to studying organization of goal-orientated credit programs for restoring of destroyed kolhozy in 1943-1945 in post-occupation period. Based on Krasnodar krai the author analyses work of USSR bank system in providing loans to kolhozy and its members in order to restore agricultural potential of the region, and also implementing social policies in order to secure all categories of agricultural population in Krasnodar krai. Work of credit institutions played a great part not only in restoring of agricultural process of production, but also in providing a real assistance to all members of kolhozy in order to rebuild destroyed during Great Patriotic War houses and farm buildings and individual agricultural sector on the whole.

Key words: Great Patriotic War, agriculture, restoring of destroyed kolhozy, credit programs, USSR bank of agriculture, Krasnodar krai.

УДК 316.334.3

ББК 60.561.36

**РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ, СОВЕТСКИХ
И ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ г. СТАЛИНГРАДА
В 1945–1953 ГОДАХ**

Лященко Анастасия Олеговна

Студент кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
anastasia.lashenko@gmail.com
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется опыт деятельности партийных, советских и профсоюзных организаций г. Сталинграда в социальном обеспечении интеллигенции в контексте послевоенного восстановления, а также оценивается качество работы перечисленных организаций и уровень их вовлеченности в мероприятия по социальной поддержке интеллигенции в 1945–1953 годах. Автор делает вывод, основанный на архивных материалах, о масштабности проведенных партийными и профсоюзными организациями мероприятий по повышению материально-бытового положения врачей и учителей г. Сталинграда в послевоенный период.

Ключевые слова: послевоенная жизнь, партийные органы, профсоюзы, социальное обеспечение, врач, учитель.

Глобальное разорение Сталинграда в период битвы на Волге заставило направить все силы и средства государства и местных организаций на мероприятия по восстановлению города. Возрождение сети учреждений здравоохранения и школы области, возвращение ее специалистов к прежним профессиональным задачам в условиях послевоенного времени было одной из первостепенных задач. В связи с этим был поставлен вопрос об организации мероприятий, направленных на восстановление и строительство школ и больниц, а

также о стимулировании кадров соответствующих учреждений – универсального инструмента повышения качества работы служащих.

Координирующими деятельность всех районных управляющих, хозяйственных и иных организаций органами на период послевоенного восстановления являлись Сталинградский областной комитет (обком) и Сталинградский исполнительный комитет (облисполком). В секретариат обкома поступали ежедневные постановления, планы и поручения от Совета министров, указания от министерств, государственных управлений и других высших партийных организаций. Взамен в вышестоящие инстанции поступали отчеты, записки, справки и результаты обследований по проведенным проверкам в учреждениях, на стройках, торговых предприятиях и т. д.

В школах г. Сталинграда в 1945–1946 гг. работало свыше тысячи учителей. Ситуация с обеспечением жильем была тяжелой. Около одной трети учителей до сих пор продолжали проживать в подвалах, блиндажах и подсобных помещениях школ. Создавшееся положение с обеспечением квартирами учителей Сталинграда и области поставило сотни семей в крайне тяжелые условия жизни и угрожало срывом учебной деятельности. Помимо этого, многие семьи имели нужду в кожаной обуви и одежде. Для создания необходимых материально-бытовых условий учителям города и области Сталинградский обком ВКП(б) направил Совету министров письмо с просьбой выделить для размещения учителей г. Сталинграда 100 разборных финских дома, а также 3 000 пар кожаной обуви и 100 000 м хлопчатобумажной ткани [4, л. 2]. В последующие годы обком также проявлял заботу об учителях города.

В начале 1950 г. областными партийными организациями была одобрена инициатива трудящихся начать социалистическое соревнование по восстановлению зданий и жилых домов. Проводилось строительство новых школ и ремонт старых школьных зданий, также закупка учебных материалов, одежды для учеников и учителей. Силами шефствующих организаций и предприятий дело шло к успеху. Несмотря на это имели место серьезные недостатки в укреплении материальной базы. Причиной этому являлось слабое пополнение учебных кабинетов необходимым оборудованием из-

за недостаточного финансирования и недостатка стройматериала во многих районах области. Проблема финансирования имела место во все года, строительство квартир из года в год останавливалось из-за отсутствия в сельских советах средств и стройматериалов [8, л. 2]. Обкомом ВКП(б) для строительства жилых домов для учителей и врачей отправлялись письма в Совет министров с просьбой направить специальные ассигнования и фонды стройматериалов. Полученные средства позволяли вновь возобновить стройку во многих районах [8, л. 17–18]. На период 1945–1950 гг. областной комитет совета депутатов трудящихся, а также облисполком с большим вниманием относились к нуждам трудящихся.

Не менее обширной и кропотливой была работа районных комитетов и советов. Начиная с 1945 г. решением обкома ВКП(б) и исполкома облсовета Спецстройтрест № 1 обязали построить школы на 400 человек и детсад на 120 человек к началу учебного года. Однако после проверок, проведенных управлениями жилкульта в мае, выяснилось, что строительство идет крайне медленно: только заканчивали рытье котлованов под фундамент, а строить детсад еще не начали [1, л. 35]. Большая часть культурно-бытовых зданий была еще не восстановлена, так как большинство строительных организаций не выполняли планов восстановления этих объектов. Причиной невыполнения по-прежнему оставалась нехватка финансовых средств и недостаточный контроль ответственных секторов райсоветов. В Тракторозаводском районе из восьми школ функционировали только две, также не был восстановлен диспансер и около восьми детских садов и яслей. Однако, несмотря на сложившуюся со строительством ситуацию, в области за 1945–1947 гг. было восстановлено более 56 школьных зданий, 108 детских учреждений, 23 здания больниц и поликлиник [1, л. 55] и санаторий для детей, больных туберкулезом [2, л. 45]. В 1948–1949 гг. план по капитальному строительству зданий школ и жилых помещений для учителей строительными и хозяйственными организациями под контролем стройсекторов горкома и райкомов был выполнен примерно на 80 %. Осуществить полное выполнение плана не удалось в связи с возникшей вновь проблемой снабжения стройматериалами и нехваткой специалистов [7, л. 19].

Работа месткомов города и области относительно организации материально-бытового обеспечения учителей Сталинграда в 1946–1947 гг. имела застойный характер. Из 959 учителей области 190 находились в крайне тяжелых условиях. Многие учителя города проживали в школьных зданиях, в подвальных помещениях, что в дальнейшем плохо сказывалось на их здоровье и вело к преждевременному выходу на пенсию. В бедственном положении находились учителя Ворошиловского, Кировского и Дзержинского районов. 20 школ строительства 1947–1948 гг. оставались с серьезными недоделками до начала 1950-х годов. Отпущенные на благоустройство дворов этих школ ассигнования по вине недостаточного контроля со стороны районных организаций были израсходованы трестами культжилстроя и списаны. Примером таких допущений в 1951 г. был Балыклейский район. Из 23 школ в нем было отремонтировано только восемь. В среднем финансирование по капремонту, расходам на топливо, канцелярским и хозяйственным расходам составляло меньше 50 % положенных. Однако, несмотря на эти проблемы, все школы района были обеспечены учителями, так как была налажена деятельность районо [10, л. 55–56]. В результате снова возбужденного ходатайства об отпуске снятых средств для ликвидации недоделок в 1952 г. ремонтные работы были завершены [10, л. 20].

Все дальше уходя вглубь Сталинградской области, можно заметить снижение работоспособности местных комитетов. Учителя одной из школ Мачешанского района опубликовали в «Учительской газете» жалобу, согласно которой школа переживает глубокий социальный и экономический кризис. Райком крайне мало интересовал вопрос о состоянии работы школы и о материально-бытовых условиях учителей. Они плохо снабжались прод- и промтоварами, жили в неотремонтированных квартирах, или же вовсе не имели жилья. Обращение учителей средней школы в газету в конце 1946 г. заставило районные организации принять конкретные меры: учителям выдали задолженные пайки, организовали выдачу промтоваров и начали срочный ремонт квартир [5, л. 37–38]. Восстановление и строительство школ и ремонт учительских квартир в Николаевском, Среднеахтубинском и других районах люди осуществляли своими силами. Ввиду этого подготовка школ

осуществлялась медленно. В целях ускорения работы райком все силы направлял на решение существующих проблем по обеспечению учительскими кадрами, устранению нехватки топлива, ресурсов на ремонт и строительство школьных зданий. В школах также были отремонтированы печи, рамы и парты [5, л. 75]. Проверки горно показали, что исполкомы многих райсоветов не уделяли должного внимания контролю снабжения топливом, продуктами и промтоварами учителей, кроме того, на улучшение их положения выделялось катастрофически мало средств [5, л. 134]. Однако похвальной была деятельность Красноармейского райкома. Они оказывали большую помощь в восстановлении и хозяйственном обеспечении, помогали заново отстраивать школы. На протяжении всего учебного года райком и исполком района все время интересовались работой школ и помогали отделу народного образования. На заседаниях райкома и райисполкома поднимались вопросы по оказанию помощи учителям и учащимся, а самое главное, предпринимались конкретные меры по их социальной поддержке в виде материальной помощи [5, л. 34–35].

По результатам отчетов о работе за 1946 г., обком обязал районные комитеты улучшить контроль за социальным обеспечением работников школы. Райисполком Баррикадного района в течение длительного времени добросовестно выполнял свои обязательства по рассмотрению жалоб и предложений от жителей района. В январе 1947 г. учителя района жаловались на плохое снабжение хлебом от завода № 2. Вопрос был поднят в райисполкоме и после проведенной на заводе проверки был несколько урегулирован. В начале 1950-х гг. районы области охватила волна, называемая социалистическим соревнованием. Это позволило ускорить работы по строительству школ и жилых помещений, и, что самое важное, устранить все недоделки по строительству за прошлые года [9, л. 15].

Наряду с организацией социального обеспечения учительской интеллигенции, в Сталинграде не менее важной задачей было восстановление системы здравоохранения и улучшение жилищно-бытового и материального благополучия медицинских работников. Сеть учреждений здравоохранения после войны оказалась не в лучшем состоянии. Здание Балыклейской районной больни-

цы полностью было отремонтировано к зиме 1947 г., однако большой проблемой явилось отсутствие необходимого количества топлива. Остальные больницы районов испытывали аналогичные нужды. На заседании исполкома районного совета было решено обязать хозяйственные организации к концу ноября полностью довести топливо всем больницам.

Еще одним спорным моментом в обеспечении больниц являлся острый дефицит инвентаря и специального оборудования. Обком ВКП(б) обязал облздравотдел решить эту проблему, однако отпущенные средства и материалы оказались недостаточными и не смогли полностью обеспечить необходимыми материалами. Таким образом, подготовка учреждений района к зиме была неудовлетворительной [6, л. 42]. Руководство со стороны районных организаций и исполкомов осуществлялось более оперативно и успешнее со стороны областных районных советов, в отличие от сельских и поселковых [6, л. 99].

Работа с медкадрами по социальной поддержке, жилищно-бытовому обеспечению, повышению квалификации и другим вопросам была отведена районным отделам здравоохранения. В Палласовском, Ждановском и Калининском отделах медучреждения находились в хорошем состоянии, больницы и дома для работников ремонтировались по мере поступления средств. Важно отметить, что с коллективом больниц планово проводились совещания и лекции. В Ленинском районе руководство персоналом значилось качественное, большое внимание уделялось районным лечебным учреждениям, медпунктам, медшколе, где проводилась повседневная проверка. Но, несмотря на высокое качество работы облздравотдела и районных организаций здравоохранения, в ряде районов сотни больничных учреждений нуждались в ремонте, десятки медицинских работников находились в состоянии нужды.

Во время войны серьезно пострадала больница межрайонного значения в Михайловском районе. В начале 1945 г. она была обследована инженером облздравотдела и на основе проверки была составлена смета расходов на ремонт. Однако после выделенные стройматериалы были потеряны и облздравотдел в отношении этого вопроса не предпринимал никаких действий. Больнице пришлось

свернуть свою деятельность до минимума. Принимать пациентов было негде, так как 50 % больницы нуждалось в ремонте, наблюдалась постоянная нехватка топлива, также не хватало простыней, белья, халатов [3, л. 43]. Довольно долгое время областные организации не уделяли внимания многим санаторно-курортным учреждениям и их работникам. Так, в костно-туберкулезном санатории Новоаннинского района в 1947 г. наблюдалось полное отсутствие ремонта, необеспеченность топливом, отсутствие необходимых медматериалов. Получение работниками спецпайков и продуктовых карточек грубо нарушалось. Письма райисполкома в райпотребсоюз с указаниями по устранению выявленных проблем в итоге позволили улучшить питание детей санатория и восстановить отovarивание работниками продуктовых и продовольственных карточек [3, л. 32].

По итогам работы за 1945–1949 гг. следовало по-прежнему утверждать, что здравоохранение области резко отставало от развития промышленности и сельского хозяйства. Основная проблема оставалась в нехватке квалифицированных кадров, а также в материально-техническом состоянии лечебных учреждений. До 40 % зданий требовали капитального ремонта. На 1950 г. недокомплект врачей в области составлял 756 человек. Для решения этой проблемы областными отделом здравоохранения и народного образования было решено выделить выпуск врачей медицинского института 1951 года [8, л. 43].

Более конкретную социальную и материально-бытовую поддержку учителям и врачам Сталинграда оказывали партийные профсоюзные организации при учреждениях здравоохранения, обком объединений профсоюзов Медсантруд и райздравотделы. Сталинградская городская больница вместимостью в 220 коек была предназначена для обширной работы, но как и многие больницы города, не имела кухни, прачечной, морга и т. д., и руководство вынуждено было размещать эти службы в подвалах, что ухудшало санитарную обстановку в помещениях. На партийных собраниях больницы регулярно обсуждался вопрос о сдаче пятого корпуса больницы в эксплуатацию, что позволило бы разгрузить помещение, тем самым улучшив положение как больных, так и работников больницы [12, л. 11].

В 1947–1948 г. задача, связанная с обеспечением топливом, была решена значительно лучше, чем в прошлые годы.

Профсоюзом активно велась деятельность по оздоровлению работников. Оказывалась помощь детям, не имеющим родителей, также для них приобретались бесплатные путевки, значительное количество детей отправляли по платным путевкам. По мере возможностей профсоюз старался осуществлять обслуживание каждого работника, нуждающегося в помощи [12, л. 13]. Парторганизация Сталинградского облздравотдела достаточно хорошо справлялась с задачами, связанными с подъемом работы в части вовлечения коллектива в профсоюз и проявлением заботы по оказанию материальной и денежной помощи остро нуждающимся членам профсоюза, а также по направлению больных членов профсоюза на курортное лечение в дома отдыха [11, л. 6–7]. Большая работа проводилась по оздоровительным мероприятиям для работников и их детей. Так, в 1945 г. было оформлено 225 пайков, отправили в пионерлагеря и на площадки 305 детей, а в санатории и дома отдыха – 61 врача. В общей сложности за год профсоюзами больниц была выделена материальная помощь многодетным матерям и семьям военнослужащих на сумму более 30,5 тысяч рублей [11, л. 48]. Обязательным элементом социальной поддержки и у профсоюзов было обеспечение топливом, продуктами и промтоварами, так как эти ресурсы на данный период времени были в недостатке [11, л. 52–53].

Областными и районными партийными организациями в период послевоенного восстановления народного хозяйства была проделана обширная работа по оказанию социальной поддержки учителям и медицинским работникам Сталинграда как представителям интеллигенции. А наиболее актуальной на протяжении всего послевоенного периода формой поддержки работников было улучшение их жилищно-бытовых условий. Ежемесячные партийные собрания профсоюзов больниц, пленумы райотделов образования и здравоохранения позволяли наиболее полно обсудить остро стоящие на повестке дня проблемы и изыскать пути и средства для их решения. Из года в год работа отделов партийных комитетов улучшалась, однако были еще открыты возможности повышения уровня оказания социальной поддержки трудящихся области.

Список литературы

1. Центр документации Новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 71. – Оп. 5. – Д. 55.
2. ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 7. – Д. 36.
3. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 20. – Д. 125.
4. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 23. – Д. 65.
5. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 23. – Д. 149.
6. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 25. – Д. 174.
7. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 25. – Д. 351.
8. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 33. – Д. 68.
9. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 33. – Д. 180.
10. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 33. – Д. 181.
11. ЦДНИВО. – Ф. 1366. – Оп. 1. – Д. 7.
12. ЦДНИВО. – Ф. 4879. – Оп. 1. – Д. 2.

**ROLE OF PARTY, GOVERNMENT
AND TRADE UNION ORGANIZATIONS
IN SOCIAL SERVICES INTELLIGENTSIA CITY
OF STALINGRAD IN 1945–1953 YEARS**

Lyashenko Anastasiya Olegovna

Student, Department of the Social Work and Pedagogy,
Volgograd State University
anastasia.lashenko@gmail.com
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the experience of the Party, government and trade union organizations in Stalingrad in the welfare of the intelligentsia in the context of post-war reconstruction, as well as the estimated quality of listed companies and their level of involvement in activities for social support of the intelligentsia in the years 1945-1953. The author concludes, based on archival materials on the scale conducted by party and trade union organizations of measures to improve the material and social position of doctors and teachers in Stalingrad in the postwar period.

Key words: post-war life, party organs, trade unions, social services, doctor, teacher.

УДК 94(100):350

ББК 63.3(0),7

ПРОБЛЕМА ВОСПОЛНЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ВОССТАНОВЛЕНИИ СТАЛИНГРАДСКОГО ГИДРОЛИЗНОГО ЗАВОДА В 1943 ГОДУ

Мозгунова Елена Александровна

Преподаватель

Волгоградского медицинского колледжа

eamozgunova@gmail.com

ул. Казахская, 12, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается процесс восстановления Сталинградского гидролизного завода в 1943 году. Особо остро в ходе восстановления стояла проблема обеспечения трудовыми ресурсами. Требовались кадры как для восстановительных работ, так и для обеспечения производства на заводе. Формирование кадрового состава завода шло несколькими путями: централизованная подготовка и распределение кадров; возврат с других предприятий отрасли ранее эвакуированных туда руководящих и инженерно-технических работников завода; набор рабочей силы в городе и подготовка кадров на самом заводе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградский гидролизный завод, восстановление, трудовые ресурсы, производство, трудовые резервы.

Сталинградский гидролизный завод № 8 являлся стратегическим предприятием и находился в подчинении Главного управления сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности при СНК СССР. В Советском Союзе на 1943 г. насчитывалось 14 таких предприятий.

Начало строительства Сталинградского гидролизного завода относится к 1939 году. Учитывая острую необходимость производства технического спирта, являвшегося в годы войны стратегическим сырьем, возведение завода с началом Великой Оте-

чественной войны не было прекращено. Выпуск продукции начался в июле 1942 года. Основной деятельностью завода являлось производство технического этилового спирта из лесопромышленных отходов. Гидролизный завод состоял в производственной кооперации со Сталинградскими деревообрабатывающими заводами: им. Ермана, им. Куйбышева, НКПС, Бекетовским лесокombинатом. В сентябре 1942 г. завод прекратил свою работу в связи с началом боевых действий на территории Ворошиловского района.

Как и подавляющее большинство предприятий города, к окончанию Сталинградской битвы гидролизный завод имел серьезные потери. Разрушены производственные помещения (из 9 зданий 3 – полностью, 6 – частично), строительные конструкции, транспортная инфраструктура, технологическое оборудование; из необходимого кадрового штата в наличии имелась лишь незначительная часть работников [5, л. 17 об.–18]. В целом заводу был нанесен ущерб на сумму около 7 тыс. рублей [4, л. 1].

Продукция завода была жизненно необходима стране. 15 февраля 1943 г. Сталинградский городской комитет обороны принял решение о восстановлении первой очереди гидролизного завода № 8 сроком к 1 июля 1943 года [12, л. 41 об.]. Работы по восстановлению велись крайне медленными темпами и установленная дата пуска производства была сорвана. Расчеты на восстановительные работы по заводу № 8 были технически не оправданы и не соответствовали складывающейся ситуации и обстоятельствам жизнедеятельности Сталинграда. 2 апреля 1943 г. на заседании бюро Сталинградского городского комитета ВКП(б) директор завода № 8 тов. Н.М. Огаджанянц докладывал о возникших трудностях. В качестве основной он называл нерешенность Главлесоспиртом вопроса о начале восстановления завода. Не были определены титульные списки, штатное расписание, не решены вопросы об обеспечении завода квалифицированными кадрами (в том числе и возврат специалистов с других заводов), о снабжении завода электроэнергией и паром [9, л. 76].

4 апреля 1943 г. в связи с важностью поставок этилового спирта для военного производства ГКО принимает постановление № 3117с (Постановление ГКО № 3117с не рассекречено), а 12 мая – распоряжение о восстановлении Сталинградского гид-

ролизного завода № 8. Во исполнение этих директив Главное управление сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности издает приказ № 7с от 19 мая 1943 г. «О восстановлении Сталинградского гидролизного завода» [7, л. 3–4]. Приказом разрешались финансовые, планово-экономические вопросы, организация работы строительных управлений на предприятии.

К июню 1943 г. на территорию завода прибыли строительные организации, приступив к работам по восстановлению помещений и инфраструктуры предприятия. Установленный план работ не выполнялся. 19 сентября 1943 г. главк издает приказ за № 322-а «О подготовке к вводу в эксплуатацию Сталинградского гидролизного завода» [2, л. 91–95]. 5 октября выходит постановление Сталинградского ГКО № 509 «О подготовке к пуску гидролизного завода» [12, л. 127–128]. Согласно этих директив все необходимое для ведения восстановительных работ должно было предоставляться заводу в первую очередь. В результате приложенных усилий к концу 1943 г. было выполнено работ на 1 461,3 тыс. руб., но это составляло лишь 53,8 % к годовому плану [4, л. 2–2 об.].

Важно отметить, что все постановления СГКО и директивы Главного управления были инициированы обращениями директора завода Николая Мирзоновича Огаджанянца. Огромная роль в восстановлении завода принадлежит именно ему. Н.М. Огаджанянец был в курсе всех тонкостей ситуации не только на своем заводе, но и на лесозаводе им. Куйбышева, с которым восстанавливалась производственная кооперация. В качестве первоочередных мер планировалось доленое участие в восстановлении водопровода и электростанции лесозавода, поскольку он должен был обеспечить завод № 8 водой, паром и электроэнергией. А с возобновлением основной производственной деятельности гидролизного завода – снабжать его сырьем (опилками). Во всех своих обращениях к вышестоящим инстанциям он не только описывал сложное положение на восстановлении завода, но и давал конкретные предложения по исправлению ситуации. Активная работа Н.М. Огаджанянца была по достоинству оценена – он награжден медалями «За оборону Сталинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [11, л. 1].

Несмотря на недостаток строительных материалов, техники, энергоресурсов, сырья и многого другого, основной проблемой являлась нехватка трудовых ресурсов, нехватка кадров, особенно – квалифицированных. Это касалось самого промышленного предприятия и тех строительных организаций, которые занимались его восстановлением. Порой даже складывалась ситуация, когда имеется грузовик, но нет водителя, есть станок, но нет квалифицированного токаря. Невыполнение строителями установленных сроков выполнения работ объяснялось главным образом отсутствием в достаточном количестве рабочей силы, неукomплектованностью штатов строительных организаций города. В результате сложившегося положения большинство восстановительных работ гидролизный завод проводил хозспособом с использованием собственного постоянно растущего состава рабочих и служащих [10, л. 137].

Формирование кадрового состава Сталинградского гидролизного завода шло несколькими путями: 1) централизованная подготовка и распределение кадров Главным управлением сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности при СНК СССР; 2) возврат с других предприятий отрасли ранее эвакуированных туда руководящих и инженерно-технических работников завода № 8; 3) набор рабочей силы в городе и подготовка кадров на самом заводе.

Осознавая первоочередность обеспечения предприятий трудовыми ресурсами, Главное управление сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности с начала июня 1943 г. предпринимает ряд мер, направленных на решение данной проблемы. 4 июня управление издает приказ № 179 «Об организации индивидуального конторского ученичества» [2, л. 34]. Подобный способ обучения специалистов – непосредственно на рабочем месте через систему индивидуального ученичества – в годы войны получает достаточно широкое распространение. Данная практика существовала и до войны, наряду с подготовкой квалифицированных кадров в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов [8, с. 49]. Но в условиях войны она оказалась более предпочтительной ввиду приближенности ее к производству. Согласно упомянутого приказа ученики зачислялись

на вакантные должности счетных работников; на время обучения (до трех месяцев) им выплачивалась заработная плата в размере 7 % установленного оклада по занимаемой должности. К каждому ученику прикреплялся квалифицированный бухгалтер, которому должны были выплачиваться от 350 до 500 руб. за каждого обученного ученика.

Продолжалась подготовка кадров в учебных заведениях трудовых резервов. В целях обеспечения квалифицированными рабочими кадрами гидролизных и сульфитно-спиртовых заводов Главным управлением трудовых резервов при СНК СССР организовывалось ремесленное училище на базе Саратовского гидролизного завода [2, л. 37]. Занятия в нем согласно приказу по Главному управлению сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности за № 184 от 8 июня 1943 г. должны были начаться в сентябре 1943 года. Планировался ежегодный выпуск в 300 человек. Одновременно приказом по Главному управлению за № 188 от 9 июня при Пищальском лесотехническом техникуме организовывалось отделение техников-технологов гидролизного и сульфитно-спиртового производства с ежегодным выпуском по 50 человек [2, л. 35].

Выпускники ремесленных училищ централизованно распределялись Главным управлением по всем заводам отрасли, в том числе и на Сталинградский гидролизный завод № 8. Приказ Управления от 7 июня 1943 г. обязывал принимающую сторону трудоустроить выпускников «в соответствии с полученной специальностью и квалификацией, а также создать нормальные бытовые условия» [2, л. 35]. Завод должен был выделить «специального работника, возложив на него ответственность за повышение деловой производственной квалификации, морально-политическое и культурное воспитание молодых рабочих» [2, л. 35]. Директора заводов обязывались обеспечить молодых специалистов общежитием, кроватями, постельными принадлежностями, а также трехразовым питанием. При зачислении на работу необходимо было «выделить молодым рабочим аванс в сумме 300 руб. каждому, с последующим погашением его на протяжении 6 месяцев» [2, л. 35]. К тому же, передвижение молодых рабочих от ремесленного училища до завода проводилось «за счет завода, с вып-

латой по 7 руб. 50 коп. командировочных в сутки на период следования к месту работы» [2, л. 35].

Несколько изменялась система оплаты труда и материально-гоощрения. Отменялись ранее утвержденные персональные оклады в связи с изменением условий работы и переводом на другие должности и другое место работы. Разрешалось устанавливать коэффициент 1,3 к расценкам рабочих, ИТР и служащих, занятых на восстановлении завода [7, л. 3 об.]. В целях обеспечения повышения производительности труда и увеличения выхода спирта из единицы сырья на гидролизном заводе изменялась система премирования руководящих и инженерно-технических работников согласно приказу по Главному управлению от 17 июля 1943 года [2, л. 60]. Устанавливались соответствующие нормы выхода спирта из единицы сырья – не ниже 95 %. Условием премирования также являлось соблюдение норм расхода пара, электроэнергии и химикатов, установленных по заводу, но не выше 100 % [2, л. 61]. За выполнение месячного плана по заводу премировались все руководящие и инженерно-технические работники, начиная с 60 % к месячному окладу у директора, до 25 % к окладу у ремонтных мастеров, электриков и нормовщиков. За каждый процент перевыполнения месячного плана выплачивалась премия от 2 % у мастеров, электриков и нормовщиков до 10 % у директора. Планировалось с 1 августа ввести систему оплаты труда рабочих по дифференцированным расценкам, повышающимся при увеличении выходов спирта из единицы сырья [2, л. 60]. Таким образом, вводилась прогрессивная система премирования и оплаты труда.

Согласно указаниям главка на завод через централизованное распределение выпускников училищ направлялись более 60 человек, но фактически прибыл лишь 1 лаборант. В течение 1943 г. на Сталинградский гидролизный завод прибыли следующие руководящие и инженерно-технические работники. С Краснокамского сульфитно-спиртового завода прибыли сменный инженер и 2 сменных химика [6, л. 30]. Сокольский сульфитно-спиртовой завод прислал одного электрика, а также своего главного инженера Н.М. Алексева, занявшего на Сталинградском заводе должность заместителя главного инженера [2, л. 13, 23]. С Архангельского гидролизного завода № 6 вер-

нулись главный механик Ф.Я. Головки и главный химик Д.Г. Поликарпов [2, л. 12, 56]. Саратовский гидролизный завод № 7 направил в Сталинград двух инженеров, занявших здесь должности сменного инженера и заведующего производством [6, л. 31].

Согласно отчету о восстановлении Сталинградского гидролизного завода № 8 на конец 1943 г. из имеющихся 90 квалифицированных рабочих основного производства 89 человек были подготовлены на месте [4, л. 7–8]. Рабочие наиболее сложных профессий направлялись на практическое обучение на Саратовский гидролизный завод, предварительно пройдя теоретическую подготовку в Сталинграде на основном рабочем месте. Таковых оказалось 48 человек. Остальные специалисты были обучены на месте непосредственно у аппаратов, насосов и другого оборудования в процессе восстановительных работ [10, л. 139]. Недостающих специалистов основного производства (21 человек) планировалось также подготовить на рабочих местах.

Как и на любом промышленном предприятии того времени, значительную часть рабочих составляли подростки. Интересную информацию о работающих на заводе подростках предоставляет составленный в ноябре 1943 г. «Список военнообязанных гидролизного завода № 8 рождения с 1922 г. по 1925 г. включительно и допризывников рождения 1926 г. и 1927 г.» [3, л. 27]. Список состоит из 40 человек. Из них нет ни одного человека 1922–1925 г. р., 29 человек – 1927 г. р., 11 человек – 1926 г. р. Из всего состава допризывников 5 человек являются учениками, вероятно, недавно поступившими на завод; 7 человек имеют третий разряд, 15 человек – четвертый, 8 человек – пятый, из которых пять человек – 1927 г. р. Очевидно, чтобы получить достаточно высокий пятый разряд шестнадцати-семнадцатилетним подросткам необходимо было иметь определенный производственный стаж. Подростки, имевшие III, IV, V разряд, работали токарями, плотниками, электриками, жестянщиками, слесарями. У 8 человек в качестве домашнего адреса указано «территория завода № 8»; это были, скорее всего, подростки, оставшиеся без семьи. На территории завода собственными силами было восстановлено здание заводоуправления, второй этаж которого был приспособлен под жилье, а

также построен барак, восстановлены блиндажи. К началу 1944 г. весь контингент завода имел жилплощадь, хотя жилищные условия были весьма тяжелы.

В целом в течение 1943 г. численность коллектива завода возрастала очень быстро. На конец февраля имелось всего 32 человека. Здесь следует отметить, что штат завода к августу 1942 г. не был еще укомплектован окончательно. Согласно штатному расписанию на 1942 г. завод должен был иметь 142 человека рабочих, из них – 111 на основном производстве и 59 человек административно-управленческого персонала [1, л. 1]. С началом боевых действий в Сталинграде основные специалисты завода были направлены на другие предприятия отрасли. Поэтому теперь приходилось формировать кадровый состав завода практически заново. В отчете о восстановлении завода в 1943 г. директор завода Н.М. Оганджянц отмечал, что основная деятельность дирекции завода была направлена «на накапливание людских ресурсов» [4, л. 1]. Несмотря на многочисленные трудности, деятельность эта оказалась успешной. Общая численность рабочих и служащих составляла в марте – 86 человек, в апреле – 197, в мае – 234, в июне – 248, в сентябре – 270, а к концу декабря – уже 505 человек. Почти половина из них – 213 человек – были заняты на строительных и монтажных работах [4, л. 6].

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование кадрового состава Сталинградского гидролизного завода № 8 в ходе восстановительных работ в 1943 г. происходило в основном за счет использования местного трудового потенциала путем подготовки специалистов непосредственно на производстве. Хотя свою роль продолжала играть и подготовка квалифицированных кадров в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов.

Список литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 3326. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАВО. – Ф. 3326. – Оп. 1. – Д. 2.

3. ГАВО. – Ф. 3326. – Оп. 1. – Д. 4.
4. ГАВО. – Ф. 3326. – Оп. 1. – Д. 6.
5. ГАВО. – Ф. 6088. – Оп. 1. – Д. 20.
6. ГАВО. – Ф. 3326. – Оп. 2. – Д. 4.
7. ГАВО. – Ф. 3326. – Оп. 2с. – Д. 1.
8. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны : учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по специальности «История» / под ред. Ю. С. Кукушкина. – М. : Высш. шк., 1986. – 190 с.
9. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 71. – Оп. 2. – Д. 64.
10. ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 2. – Д. 133.
11. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 40. – Д. 315.
12. ЦДНИВО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 5.

THE PROBLEM OF LABOR FORCE REPLENISHMENT DURING THE RECONSTRUCTION OF STALINGRAD HYDROLYSIS FACTORY IN 1943

Mozgunova Elena Aleksandrovna

Teacher,
Volgograd Medical College
eamozgunova@gmail.com
Kazakhskaya St., 12, 400002 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article considers the process of Stalingrad hydrolysis factory reconstruction in 1943. The problem of provision with labour force during reconstruction was especially difficult. Personnel for the remedial work and production support were required. Formation of the personnel proceeded in several ways: centralized training and allocation of regular labour force, demobilize of high-level personnel and engineers from other enterprises of the branch, who had been evacuated there before, recruiting of the labour force in the city, and training of the personnel on the factory.

Key words: The Great Patriotic War, Stalingrad hydrolysis factory, reconstruction, labour force, production, labour reserves.

УДК 94(470.45):338.246.88

ББК 63.3(2 Р-4Вор),12

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СТАЛИНГРАДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
НАРКОМАТА ЮСТИЦИИ РСФСР
В 1942 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1943 ГОДА**

Пищулина Светлана Юрьевна

Кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Волжского филиала Международного юридического института
supishulina@mail.ru
ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается деятельность Сталинградского Управления Наркомата юстиции РСФСР в 1942 – первой половине 1943 года. Особое внимание уделено вопросам надзора и контроля за работой народных судов, коллегии адвокатов области, решения кадровой проблемы в условиях военного времени. Рассмотрены первоначальные мероприятия по восстановлению судебной системы Сталинграда и области.

Ключевые слова: Сталинград, органы юстиции, Великая Отечественная война, народные суды.

Сталинградское Управление Наркомата юстиции РСФСР образовано 27 мая 1939 г. постановлением Президиума облисполкома в соответствии с Указом Верховного Совета РСФСР. В качестве основных функций были определены организация и контроль над деятельностью судебных органов, судебных исполнителей, адвокатуры и нотариата [1, л. 15]. В современной историографии, затрагивающей проблематику военного периода в Сталинграде, данная тема практически не исследовалась.

Великая Отечественная война практически с первых дней внесла коренные изменения в стационарный режим функционирования всех органов власти и управления Советского Союза. Наркомат юстиции РСФСР 7 июля 1941 г. издал приказ № 5/С о

неотложных мероприятиях органов НКЮ в военное время: судьи, ушедшие в Красную армию, заменялись народными заседателями, позже по факту эти назначения по личному представлению начальника УНКЮ утверждались областными исполнительными комитетами Совета народных депутатов; шло сокращение сети народных судов; ограничивался вызов в судебное заседание свидетелей и народных заседателей, чтобы не отрывать их от работы на производстве; уменьшались сроки рассмотрения жалоб; остатки нерассмотренных дел в судах на окончание квартала должны были быть отработаны в 2-недельный срок. Существенным моментом приказа стали изменения процессуальных правил. Так, по делам о маловажных преступлениях можно было ставить вопрос об их прекращении уже в подготовительном заседании; по делам с наказанием в виде исправительно-трудовых работ или краткосрочного лишения свободы обвиняемый отпускался домой под подписку о невыезде, явка его производилась непосредственно на судебное заседание. Значительное внимание уделялось изучению мотивов совершения преступления. При установлении мотива «избежание призыва в армию», преступление расценивалось и наказывалось как «дезертирство». Специальной проверке подвергались дела о спекуляции, нарушении правил торговли, Указов ПВС СССР от 26 июня, 10 июля 1940 г., 10 февраля 1941 г., растратам, хищениям, выселении из жилья лиц, призванных в армию/флот, или членов их семей [2, л. 142–146].

Приказом НКЮ СССР № 028с 17 июля 1941 г. о подсудности дел определялось, что дополнительно областные суды рассматривали споры между государственными, кооперативными, общественными организациями, если хоть один из аспектов данного дела затрагивал функционирование предприятий оборонной промышленности, о признании авторских прав, уголовные дела о нарушении техники безопасности. Народные суды обязывались вести заседания по искам, касающимся заводов и фабрик военно-промышленного комплекса страны, при «закрытых дверях». Списки таких предприятий судьи должны были знать устно, их хранение запрещалось [3, л. 157–157 об.].

Ситуация на фронте осложнялась, и в конце июля 1941 г. штаты НКЮ СССР, а затем и НКЮ РСФСР начали эвакуироваться из Москвы. С 7 августа часть Наркомата юстиции РСФСР во главе с замнаркома И.Д. Перловым расположилась в г. Камышине Сталинградской области. В их ведение определялись суды местностей, не находящихся на военном положении, учебные заведения, адвокатура и нотариат, решение кадровых вопросов. В столице остались только структуры, отвечающие за финансовые вопросы [4, л. 173, 182].

Сталинградское Управление НКЮ РСФСР весь начальный период войны возглавлял В.С. Козлов. В штатном расписании управления числились заместитель начальника, члены судов, ревизоры, консультанты-кодификаторы, технические работники. В городе действовало двадцать два судебных участка (в Ерманском районе – 4, Тракторозаводском – 3, Баррикадном – 2, Краснооктябрьском – 2, Дзержинском – 3, Ворошиловском – 5, Кировском – 3), три нотариальные конторы, областная коллегия адвокатов, юридическая школа и юридические курсы (консультационный пункт).

Значительное внимание ревизоры УНКЮ Сталинградской области в конце 1941–1942 гг. уделяли делам особого производства. Сюда относилась административная практика о взыскании штрафов, нарушении правил оборонных и противопожарных мероприятий, прежде всего, светомаскировки, паспортного режима, подготовки бомбоубежищ, правил дежурства около жилого дома, общественного порядка и уличного движения, санитарии, военного учета, борьбе с безнадзорностью детей [5, л. 2–4].

Особый контроль осуществлялся за исполнением приговоров по делам лиц, осужденных за самовольный уход с предприятий и учреждений по Указу ПВС СССР от 26 июня 1940 года. Всего за I квартал 1942 г. в Сталинграде было возбуждено 3 302 таких дела, в том числе возрастной категории от 16 до 25 лет 827 человек, или 62 % [6, л. 34]. Всего по региону рассмотрено 8 447 дел, осуждено 6 490 человек, оправдано 195 человек [7, л. 33]. За самовольный уход осуждено 1 329 человек, из них 540 опоздало, 310 не вышли на работу, 66 спало на рабочем месте, 5 было в пьяном виде, 19 бездельничали, 36 отказались от сверхурочных, 2 «прогуливали» в связи с круглосуточным дежурством накануне, 33 по другим причинам [8, л. 35].

Главная причина совершения правонарушений данной категории, как было установлено в ходе судебных разбирательств, состояла в том, что администрация заводов не смогла организовать бытового обслуживания, продажу хлеба по карточкам, отпуск завтраков, очередность выходных дней и прочее [9, л. 35]. В социально-бытовом плане наиболее сильно это отражалось на эвакуированных рабочих-подростках, им не предоставлялись места проживания, они вынуждены были искать ночлег в углах цехов, «причем за ночь их несколько раз перегоняют с одного места на другое, время вступления на работу им никто не говорит. Сами они на работу просыпают и, в результате, материалы об их прогулах поступают в нарсуд». Часто нарсуды выступали в защиту молодежи. Например, нарсудья II участка Тракторозаводского района т. Елагина поставила вопрос перед коммунальным отделом СТЗ о предоставлении эвакуированным подросткам общежития. Реакции не последовало, и нарсудья подготовила обращение на имя прокурора о привлечении к ответственности заведующего коммунальным отделом за нераспорядительность и нечуткое отношение к молодым кадрам [10, л. 49].

Еще одна важная категория дел – это отказ от работы и уклонение от мобилизации. Наказания прописывались в Указе ПВС СССР от 13 февраля 1942 года. В Сталинградской области в период с февраля по июнь 63 % осужденных получили до 6 месяцев исправительно-трудовых работ, около 33 % – до 3 месяцев исправительно-трудовых работ, и только 4 % – 1 год работ [11, л. 25].

Проведя вторичную проверку в марте 1942 г. судебной практики дел о самовольном уходе и дезертирстве в регионе, НКЮ СССР в приказе № 05 отмечал, что учет исполнения приговоров велся формально. Суды передавали приговор в милицию, сотрудники направляли запрос в адресный стол, иногда посещали место регистрации. При отрицательных результатах объявлялся всесоюзный розыск, на этом все поисковые мероприятия завершались [12, л. 14–19]. Таким образом, суды не добивались получения подтверждений о реализации приговоров. Всего по Сталинграду на 1 мая 1942 г. числилось 946 таких неисполненных судебных решений [13, л. 16].

Вторым по значимости недостатком являлся срыв сроков рассмотрения дел. Часто вместо трех-пяти дней срок растягивался до двух месяцев. Судьи обосновывали данный факт тем, что руководство предприятий материал на нарушителей подавало в органы через значительный промежуток времени после совершения правонарушения. Показателен случай нарсуда III участка Ворошиловского района г. Сталинграда – дело № 170 по обвинению М.П. Коротаева за уклонение от мобилизации на завод Нефтемашстроя. М.П. Коротаев был осужден к 3 месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием 20 % с заработка. Однако в ходе проверки ревизорами УНКЮ установлено, что мужчина в это время оформлялся на завод № 490 НКАП СССР, и с 21 апреля уже трудился слесарем. Тем не менее первый вызов его по мобилизации произведен был только 14 апреля, то есть во время процесса оформления на завод № 490, а рассмотрение дела судом прошло уже в момент работы на военном заводе. Приговор в порядке апелляции отменен [14, л. 26].

Развитие военных событий и потеря Советским Союзом значительных территорий на западе привели к обострению в стране продовольственной ситуации. Мобилизационные мероприятия увеличили количественный состав Красной армии, требовалось постоянное и бесперебойное снабжение продпайками. В этой ситуации 15 апреля 1942 г. принят Указ ПВС СССР о минимуме трудовой колхозников (30 дней) и о мобилизации населения на сельхозработы. Загруженность судов возросла в несколько раз. Судебные коллегии для ведения заседаний выезжали на места и рассматривали дела по данному Указу в вечернее время. Всего в Сталинградской области до 15 июля 1942 г. было возбуждено 3 498 подобных дел, из них рассмотрено 2 121 дело, осуждено 1 520 человек, главным образом женщин от 30 до 50 лет, которые трудились на своем приусадебном участке. 377 дел поступило в суды по составу «за уклонение от сельхозработ и уход с них», рассмотрено из них было 218 дел. На исправительно-трудовые работы с удержанием 25 % дохода осуждено 133 человека [15, л. 123–132].

Обобщив судебную практику, УНКЮ по Сталинградской области начало разъяснительную работу с руководством колхозов и самими колхозниками по содержанию Указа, проводя со-

брании и встречи. В отчетных документах отмечалось, что учет трудовой поставлен неудовлетворительно. Председатели колхозов передавали в суд дела даже на тех людей, которые являлись единоличниками, что было недопустимо [15].

В начале Сталинградской битвы судебная система региона функционировала в нормальном режиме. Заключенные из тюрем эвакуировались в другие области, судьи получили задание передать личные дела в новые места дислокации исправительных учреждений. Первыми перебазировались суды из задонских районов – Кагановичского, Котельниковского, Клетского, Серафимовичского. Одновременно шел процесс сокращения судебных участков.

В августе 1942 г. началась эвакуация сталинградских судов. Областной суд переехал в Старую Полтавку, там образовали «тройку». Вечером 24 августа УНКЮ получило устное распоряжение от заместителя председателя облисполкома М.И. Жаворонкова и секретаря обкома ВКП(б) Ф.И. Ляпина о переезде за Волгу. До 27 августа заместитель начальника Управления П.А. Ардашев провел организационные подготовительные мероприятия, и 4 сентября 1942 г. аппарат УНКЮ обосновался в Старой Полтавке. В эвакуацию прибыли начальник Управления В.С. Козлов, его заместитель П.А. Ардашев, завсекретариатом Л.А. Ваземиллер, инспектор спецчасти, ревизор по нотариату и адвокатуры Е.С. Скурлатова, ревизоры З.В. Лагода (потом отправлен в Астрахань), М.Ф. Переходнова (обслуживала восточные прифронтовые районы), врио ревизора Алексеенко, инспектор О.Г. Романова [16, л. 137–139 об., 142]. Остальные кадры не прибыли. В Елань, где также находилась оперативная группа облисполкома и обкома, были направлены два работника УНКЮ для координирования деятельности судов северо-западных районов области.

Свои обязанности УНКЮ продолжало исполнять и в дни сражения. В сентябре проревизионированы суды Хоперского, Алексеевского, Лемешкинского, Руднянского районов. Оказывалась практическая помощь, особенно в деле изучения законов «военного времени», организации судопроизводства [16, л. 143 об.].

К ноябрю 1942 г. в штате УНКЮ осталось 9 человек из 27 требуемых единиц. УНКЮ перебазировался в Николаевку [17, л. 146,

155–156]. Начальник Управления с сентября находился на излечении в г. Саратове, его замещал бывший член облсуда т. Миرونнов. В информационном сообщении на имя Уполномоченного КПК по Сталинградской области т. Ягодкина он сообщал, что Управление совершенно не имеет ревизоров, неизвестно местонахождение большинства судей, кроме 7 человек, которые были отпущены В.С. Козловым, потеряны следы эвакуации юридической школы. В связи с этим, главной задачей УНКЮ определялся подбор судей в освобождаемые районы. К декабрю 1942 г. в три района назначено 12 судей, однако открытыми оставались вакансии еще для 5 районов. В связи с нехваткой квалифицированных кадров большее внимание стало придаваться подготовке из эвакуированных заместителей судей, однако такие люди не бронировались за УНКЮ и их могли призвать в ряды армии. В самом УНКЮ недокомплект штатов равнялся 14 единицам, в том числе требовалось 3 ревизора, старший консультант по кодификации, технические сотрудники [17].

Помимо кадровых проблем перед УНКЮ стояли в период боевых действий Красной армии по разгрому немецко-фашистской группировки под Сталинградом и чисто технические, организационные вопросы. Требовалось наладить связь между судами и Управлением, обеспечить действующие транспортом, бланками (приговоры даже писались на газетах), специализированной литературой, кодексами, новыми законами, так как бытовала практика вынесения приговоров по утратившим силу актам.

Судебная практика в октябре – декабре 1942 г. сосредоточилась на рассмотрении дел о хищении хлеба. Только Облсуд по семи сельским районам рассмотрел дела на 110 человек, из них 19 получили наказание в виде лишения свободы свыше 3 лет. Часть дел народных судов Облсуд передал Облпрокуратуре для опротестования приговоров «за мягкостью» [18, л. 153 об.].

В декабре 1942 г. в области работало из 112 необходимых судебных участков только 77, из них один в Кировском районе Сталинграда, 8 нотариальных контор, срочно требовалось открыть еще 4, недостаток адвокатов составлял 30, а судебных исполнителей – 21 человек [19, л. 157–158].

После окончания Сталинградской битвы был произведен подсчет причиненного ущерба системе юстиции: сгорели здания УНКЮ, областного суда, 22 здания нарсудов города, 23 здания сельских судов, смогли эвакуировать только часть нарядов с директивами, секретное производство, личные дела нарсудей, доклады с обобщением практики судов за 1939–1941 гг., печать, штамп. Все остальное не спасли.

Началась восстановительная работа. К июлю 1943 г. уже функционировало 93 участка народных судов, из них в Сталинграде 7 – по одному в каждом районе. Судьи назначались из числа местных работников, 29 человек прислал НКЮ РСФСР. Образовательный ценз судей был довольно низким, только двое имели высшее образование, 36 – среднее, 55 – начальное. Основной упор при назначении делался на опыт работы – стаж 79 % общей численности судей равнялся от 5 до 10 лет. Обучение кадров шло целевым набором в Саратовском юридическом институте. В Сталинградском регионе для переподготовки судей и других кадров юстиции планировалось в августе 1943 г. открыть на 100 человек двухгодичную юридическую школу. Активно использовался и пропагандировался опыт лучших судей, такими УНКЮ были признаны в Сталинграде судьи Семенова, Алексеенко, Майорский.

Выполнение полномочий УНКЮ по контролю над деятельностью адвокатов, судебных исполнителей и нотариата временно было затруднено. В первой половине 1943 г. в области работал 91 адвокат и три стажера, из них в Сталинграде 9 адвокатов. Существовало 23 юридические консультации, в которых с января по июнь было отработано 5 435 обращений физических и юридических лиц, дел в судах проведено 2 376. Председателем оргбюро областной коллегии адвокатов числился т. Гуськов, но это являлось формальностью. На практике оргбюро не собиралось. Оно в лице председателя только информировало Управление о текущей практике и производило согласование кандидатур адвокатов путем просмотра личных данных зачисляемых. По обращениям граждан, при отсутствии специального ревизора по адвокатуре в Сталинградском УНКЮ, было только установлено, что постоянных дежурств в юрконсультациях не велось, график приема граждан

не соблюдался, исполнительская дисциплина находилась на низком уровне [20, л. 8–55].

Организационная работа УНКЮ в первой половине 1943 г. состояла из ревизорских проверок 9 нарсудов, 11 судебных исполнителей, 18 судебных участков по делам о выполнении Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 года. Составлено 36 представлений в Верховный суд РСФСР об опротестовании приговоров по 30 уголовным и 6 гражданским делам (трудовые, колхозные, алиментные). Проведено шесть оперативных и восемь кутовых совещаний, где были заслушаны доклады отчетные, о выполнении приказов НКЮ, о борьбе с хищениями и растратами в торговой сети, прогулами и самовольном уходе с предприятий, досрочном освобождении и снятии поражений в правах, о трудовой дисциплине среди работавших в системе Сталинградской юстиции, о предоставлении статистической отчетности, утверждались акты об ущербе.

Шло изучение судебной практики, особенно по статьям 162, пункт «г» и «д», 107, 116 УК РСФСР, Указа ПВС от 26.06 1940 г., по осужденным членам семей военнослужащих, о государственных поставках сельхозпродуктов, злоупотребления продовольственными карточками [20].

Таким образом, анализ деятельности Управления НКЮ по Сталинградской области в 1942 – первой половине 1943 г. показал, что социальная ситуация в регионе была напряженной. Несмотря на передачу значительной части полномочий военным трибуналам, суды общей юрисдикции продолжали активно работать, решая в том числе и военные задачи по укреплению трудовой дисциплины на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, охраняя социалистическую собственность. В то же время многие судьи, судебные исполнители, адвокаты и нотариусы добровольно возлагали на себя проблемы обустройства и помощи эвакуированным и малозащищенным слоям населения в трудное военное время.

Список литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 2115. – Оп. 1. – Д. 247. – Л. 15.

2. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 142–146.
3. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 157–157 об.
4. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 173, 182.
5. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 2–4.
6. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 34.
7. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 33.
8. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 35.
9. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 34–35.
10. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 49.
11. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 25.
12. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 14–19.
13. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 16.
14. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 26.
15. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 123–132.
16. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 143 об.
17. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 146, 155–156.
18. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 153 об.
19. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 157–158.
20. ГАВО. – Ф. 6332. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 8–55.

**THE ACTIVITY OF STALINGRAD DEPARTMENT
OF PEOPLE'S COMMISSARIAT OF JUSTICE OF RSFSR
BETWEEN 1942 AND THE FIRST HALF OF 1943**

Pishchulina Svetlana Yurevna

Candidate of Science (History),

Head of the Chair of Theory and History of State and Law,

Volzhsky Branch of the International Law Institute

supishulina@mail.ru

Bolshevistskaya St., 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation

Abstract. The article deals with the activity of Stalingrad Department of People's Commissariat of Justice of RSFSR between 1942 and the first half of 1943. Much attention is paid to the supervision of work of people's courts, bar association, to the solution of personnel problems under wartime conditions. It considers the initial measures on the recovery of the judicial system of Stalingrad and area.

Key words: Stalingrad, judicial authorities, the Great Patriotic War, people's courts.

УДК 947.084.8(470.4)
ББК ТЗ(2Р-4Сам)62Ф342

**УСЛОВИЯ ЖИЗНИ
ЭВАКУИРОВАННЫХ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ
РЕГИОНОВ ПОВОЛЖЬЯ)**

Федотов Виктор Владимирович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества
Самарского государственного технического университета
Fedotov-74@mail.ru
ул. Молодогвардейская, 244, 443100 г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья рассказывает об основных аспектах социальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны по отношению к эвакуированному населению. Основное внимание в работе автор уделяет анализу приема и размещения в Среднем Поволжье эвакуированных семей военнослужащих, а также проводимых мероприятий властными структурами региона, направленных на решение задач социальной адаптации данной категории граждан.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, беженцы, Поволжье, социальная политика, военнослужащие, материальная помощь.

Среди многотысячного потока эвакуированного населения в Среднем Поволжье большой процент составляли семьи военнослужащих, которых в силу специфических обстоятельств и особенностей социального обеспечения со стороны центральных и местных органов власти можно выделить в отдельную социальную группу.

Вопросы материально-бытового обслуживания этой категории эвакуированного населения сразу стали приоритетными для властных структур всех уровней. Уверенность в том, что семьи

не брошены на произвол судьбы, обеспечивала определенное душевное спокойствие солдат на фронте и одновременно цементировала единство фронта и тыла. Газета «Правда» 5 июля 1941 г. заверяла бойцов Красной армии: «Не беспокойтесь о своих женах и детях, отцах и матерях. Сражайтесь смело, родные, славные сыны Советской страны. Весь народ, каждый советский человек отвечает перед вами, дорогие товарищи, за спокойствие, благополучие ваших семей» [5].

Особенностью Среднего Поволжья стало прибытие сюда по эвакуации большого количества семей армейского начсостава. На территории региона располагалось несколько эвакуированных центральных военных ведомств. Так, в Ульяновске разместились Наркомат ВМФ СССР и Управление тыла Волжской военной флотилии, интендантское управление ПриВО, некоторые отделы Наркомата обороны СССР. Вместе с работниками этих учреждений прибыли и их семьи. Например, в Ульяновске было размещено 1 801 человек, в Пензенской области – 8 948 семей военнослужащих [8, л. 12].

Руководством страны была разработана система льгот и денежных пособий, направленных на поддержку эвакуированных семей военнослужащих. Основным законодательным актом стал указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», принятый 26 июня 1941 года. Пособие начислялось в пределах 100–200 руб. в месяц на семью, если та проживала в городской местности и половину от этой суммы – в деревне. С середины 1942 г. для тех городских семей, где при отсутствии трудоспособных имелось пять и более человек, пособие увеличивалось до 250 руб., и до 200 руб. увеличивалось пособие для семей, в которых при двух работающих имелось пять и более иждивенцев [6, с. 28].

Для решения вопросов размещения и обслуживания эвакуированных семей военнослужащих создавались комиссии-тройки: начальники политических отделов военных комиссариатов, заведующие военными отделами партийных комитетов и ответственные секретари исполкомов. В их задачи входили учет, размеще-

ние и бытовое устройство прибывающих семей, обеспечение своевременной выплаты денежных пособий и пенсий, организация советов офицерских жен. Повседневная работа по материально-бытовому обслуживанию этой категории перемещенного населения была возложена на отделы по хозяйственному устройству и иные властные структуры региона, занимавшиеся эвакуированным населением.

Финансирование и материально-бытовое обслуживание этой категории беженцев осуществлялось двумя способами. Помимо помощи, поступавшей от специализированных органов, государственное обеспечение всех семей военнослужащих осуществлялось также по линии НКО. Члены семей получали в военкоматах аттестаты на обеспечение продовольствием и промышленными товарами. Кроме этого, семьи начсостава, прибывшие в регион без аттестатов с места службы офицеров и генералов, получали подъемные. До восстановления необходимых документов им выплачивали в течение трех месяцев пособия в размере от 400 до 1 000 рублей. Помимо этого семьи военнослужащих имели льготы по налогам, квартирной плате, поставкам сельскохозяйственной продукции. Жены фронтовиков пользовались льготами при трудоустройстве, их дети в первую очередь устраивались в детские сады и интернаты. Но все эти льготы имели существенные оговорки, были ограничены по величине и по охвату семей. Множественность законодательных актов и подзаконных инструкций создавала возможность для разнообразных нарушений установленных льгот.

В начальный период войны трудностей с начислением пособий возникало немало. В связи с огромными масштабами и темпами как мобилизации в армию, так и эвакуации, отделы социального обеспечения просто не справлялись с объемами работ по начислению пособий. Пособия начислялись по заявлению граждан, а затем по ним проводилась проверка. Окончательное решение по заявлению принималось комиссией в составе заместителя председателя райисполкома, заведующего отделом социального обеспечения и военкома, причем оно должно было выноситься не более чем в 3-дневный срок. На деле справиться с этой работой

в установленный срок было практически невозможно, поэтому в начальный период войны выплаты по пособиям задерживались на два-три месяца. В сельской же местности задержки по выплате пособий в 15–30 дней были обычным явлением.

Много вопросов возникало с поиском источников финансирования для выплаты пособий. Например, в сентябре 1941 г. Военный отдел Пензенского обкома ВКП(б) был вынужден давать разъяснения по выплате пособий разным категориям семей военнослужащих [2, л. 33–35]. Суть проблемы состояла в том, что возникли сложности с выплатой пособий семьям партизан, ополченцев, добровольцев и других категорий мобилизованных граждан. Местные власти не могли решить, кто должен выплачивать денежные средства – военкоматы или гражданская администрация.

Ситуация с выплатой пособий и пенсий во многом изменилась к лучшему после выхода постановления СНК СССР от 22 января 1943 г. «О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих».

В соответствии с ним создавались отделы по государственному обеспечению и бытовому обслуживанию семей военнослужащих в каждом районе. В их ведение входило изучение быта эвакуированных семей военнослужащих, оказание им помощи в трудоустройстве и получении новой профессии, привлечении к этой работе различных организаций и общественности, устройство детей в детские учреждения. Отделами государственного обеспечения была проведена большая работа по налаживанию учета семей военнослужащих, выявлено немало случаев, когда пособия и пенсии получались незаконно. В то же время было обнаружено немало фактов, когда семьи вообще не получали пособия и пенсии из-за утери документов или по другим причинам.

Типичными недостатками в работе отделов были бюрократизм и волокита. Имели место и злоупотребления служебным положением. В результате проверки деятельности Чаадаевского районного отдела государственного обеспечения выявлено, что «не распределено среди семей военнослужащих 31 детский

паек, 500 метров мануфактуры, 40 пар обуви. Заведующий отдела тов. Кондратьев раздавал хлеб своим родственникам: свояченице Сабековой – 20 кг, дяде Калапушкину – 20 кг» [3, л. 10].

Объем государственной помощи, оказываемой эвакуированным семьям военнослужащих через пособия, пенсии, льготы, был явно недостаточен. За весь 1941 г. эвакуированным семьям военнослужащих в Куйбышевской области было выдано бесплатно товаров всего на 45 тыс. рублей [7, л. 12]. Поэтому, на передний план выдвигалась проблема трудоустройства членов этих семей.

В документах местных властей внимание к трудовому устройству прослеживалось с первых дней прибытия этой категории населения в Среднее Поволжье. Дело в том, что часть руководства предприятий избегало принимать на работу эту группу населения, потому что ей необходимо было оказывать всестороннюю и постоянную помощь, выплачивать пособия и компенсации, ремонтировать жилье. В сложных условиях войны администрация предпочитала брать мобилизованную или лагерную силу.

Большую помощь властям оказывали советы офицерских жен, которые проводили самостоятельные проверки материально-бытового положения эвакуированных семей военнослужащих. В результате их деятельности многие семьи улучшили жилищные условия, были устроены на работу, получили материальную поддержку. Так, результатом деятельности женсовета ульяновского военного гарнизона за 1942–1943 гг. стало трудоустройство 420 человек [8, л. 12].

Часть офицерских жен, получая крупное денежное довольствие по аттестатам мужей, отказывалась от работы, причем в подчеркнуто-высокомерном тоне. Другие старались устроиться на менее тяжелую, но более высокооплачиваемую работу. Учитывая подобные настроения, распространенные среди семей начсостава, партийные организации вели с ними целенаправленную работу. В октябре 1942 г. исполком Куйбышевского областного совета отмечал, что «комиссия по помощи эвакуированным семьям военнослужащих в г. Ульяновске полагает, почему-то, использовать актив и жен начсостава только в торгующей системе, обходя Указ Президиума ВС СССР об использовании трудо-

способного населения на работе в промышленных предприятиях» [1, л. 69].

Несмотря на оказываемую помощь, положение многих эвакуированных семей фронтовиков оставалось крайне тяжелым. В партийные и советские органы поступали сведения о многочисленных нарушениях в обеспечении пособиями и пенсиями, о непредоставлении льгот, о голоде, побирательстве, инфекционных заболеваниях. Характер жалоб и заявлений от семей красноармейцев в начальный период их пребывания в эвакуации свидетельствует, что наибольшее количество их было связано с устройством детей в детские сады и ясли, обеспечением жилой площадью, ремонтом квартир. Архивные источники зафиксировали и прямые нарушения законности в отношении семей военнослужащих. Так, военным отделом Пензенского обкома ВКП(б) установлено, что «семья тов. Горшкова размещена по Ворошиловской улице, дом № 44-3. Хозяин квартиры работник облисполкома тов. Цвайкин учиняет частые скандалы и предлагает ей освободить квартиру» [4, л. 19].

Основания для увеличения числа жалоб были серьезны: бедственное положение многих семей, их слабая правовая и социальная защищенность, явное попрание принципа социальной справедливости, доходящее до прямого противопоставления основной массы эвакуированного населения и тех, кто обладал властью и, следовательно, возможностями распределения социальных благ в свою пользу. Факт социальных противоречий осознавался обеими сторонами, но выражался он особенно отчетливо стороной ущемленной. Анализ архивных материалов показывает, что большинство подобных жалоб исходило от эвакуированных семей рядового и младшего офицерского состава, размещенного в сельской местности. В более благоприятном положении находились семьи, проживавшие в городах Среднего Поволжья. В результате проверки Военным отделом ВКП(б) жилищно-бытовых условий 80 семей военнослужащих, размещенных в г. Кузнецке Пензенской области, выявлено, что большинство из них проживает в лучших квартирах города, устроено на работу 13 человек, а остальные работать не желают, так как, материально обеспечены [2, л. 34].

Источники убеждают, что эвакуированные семьи военнослужащих относились к тем группам населения тыла, которым оказывалась адресная помощь. Формами государственной помощи им стали пособия и пенсии, целевые фонды продовольствия и промтоваров, налоговые льготы и преимущества в обеспечении жильем, огородными участками, топливом, местами в детских учреждениях. Были созданы специальные государственные структуры, занимавшиеся социальным обеспечением эвакуированных семей фронтовиков. Однако материально-финансовая база, которой они располагали, была слабой. Большую долю социальной помощи составили негосударственные формы и средства. Привлекались ресурсы колхозов и общественных организаций. Активно применялся прием мобилизации средств населения, проводились широкомасштабные целевые кампании, часто означавшие не только взаимопомощь, но и самопомощь социально незащищенных слоев населения. В наиболее благоприятном положении находились семьи высшего начсостава РККА и НКВД, для которых в кратчайший срок были созданы достаточно комфортные условия жизни. Но, несмотря на принимаемые меры, значительная часть эвакуированных семей военнослужащих находилась в исключительно тяжелых материально-бытовых условиях, что не всегда объясняется чрезвычайной обстановкой.

Список литературы

1. Государственный архив Ульяновской области. – Ф. Р-634. – Оп. 1. – Д. 1759.
2. Отдел фондов общественно-политических организаций Государственного архива Пензенской области (ОФОПО ГАПО). – Ф. 148. – Оп. 1. – Д. 565.
3. ОФОПО ГАПО. – Ф. 3447. – Оп. 1. – Д. 1059.
4. ОФОПО ГАПО. – Ф. 148. – Оп. 2. – Д. 25.
5. Правда. – 1941. – 5 июля.
6. Старое, но грозное оружие (приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г.) // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 9. – С. 23–28.

7. Центральный государственный архив Самарской области. – Ф. Р.-4074. – Оп. 1. – Д. 10.

8. Центр документации новой и новейшей истории Ульяновской области. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 2020.

**LIVING CONDITIONS OF THE EVACUATED FAMILIES
OF THE MILITARY PERSONNEL
IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
OF 1941–1945 (ON MATERIALS OF ARCHIVES
OF REGIONS OF THE VOLGA REGION)**

Fedotov Viktor Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Docent,
Associate Professor, Department of Sociology, Political Science
and the History of the Fatherland,
Samara State Technical University
Fedotov-74@mail.ru
Molodogvardeyskaya St., 244, 443100 Samara, Russian Federation

Abstract. The article tells about the basic aspects of the social policy of the USSR in the Great Patriotic War, in relation to the evacuees. The focus of the paper, the author gives the analysis of the reception and accommodation of evacuees in the Middle Volga military families, as well as of the activities the authorities in the region to address the problems of social adaptation of this category of citizens.

Key words: The Great Patriotic War, evacuation of refugees, the Volga region, social policy, military, financial assistance.

УДК 94(47+57)“1945/1953”:378.147

ББК 63.3(2)631–284.2

**ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
СО СТУДЕНТАМИ НИЖНЕВОЛЖСКИХ ВУЗОВ
В 1945–1953 ГОДАХ**

Харинина Лариса Васильевна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
larisa-kharinina@rambler.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье дан анализ организации внеаудиторной работы со студентами высших учебных заведений Нижнего Поволжья послевоенного периода. Несмотря на все тяготы послевоенного времени, жизнь студентов была насыщенной и интересной. Она находила воплощение не только в науке, спорте, творчестве, но и в возрождении народного хозяйства. Прежде всего, это касалось восстановления материальной базы собственных вузов, а также участия во всесоюзном черкасовском движении. Автор отметил роль студенческих агитационных бригад, которые были призваны повышать образовательный, просветительский и политический уровень населения страны, с оптимизмом идти к выполнению намеченных целей. Все тезисы, приводимые автором, подкрепляются обширным фактическим материалом архивного происхождения, ранее не публиковавшимся в подобных исторических исследованиях.

Ключевые слова: высшие учебные заведения, студенты, научные кружки, спортивные секции, политинформация, черкасовское движение, агитационные бригады.

Студенческие годы – один из самых значимых периодов жизни человека. Поскольку именно в этот период происходит взросление и окончательное становление личности, закладывается будущее не только его самого, но будущее всего общества.

Для того чтобы этот процесс проходил наиболее плодотворно, необходимо обратиться к опыту предыдущих поколений нашей страны. Особый интерес вызывает послевоенное время, сопряженное с преодолением невероятной тяжести восстановления и развития народного хозяйства, когда студенческой молодежи не хватало самого необходимого: учебников, лабораторного оборудования, продуктов питания, промышленных товаров, предметов личной гигиены. Зимой учебные аудитории и лаборатории не отапливались, и студентам приходилось заниматься в верхней одежде, размеры стипендий были в 3–4 раза меньше средней заработной платы рабочих. К тому же, обучение в те годы было платным для всех студентов, за исключением участников Второй мировой войны, инвалидов, детей погибших красноармейцев и отличников. Следует учитывать и тот факт, что стипендия, в подавляющем большинстве случаев, являлась единственным источником доходов учащихся. Тем не менее молодежь вузов не теряла интереса к жизни и старалась как можно полноценнее организовать внеаудиторное время.

Характерным примером студенческой жизни можно назвать Нижневолжский регион, включавший в себя такие крупные города, как Саратов, Сталинград и Астрахань, и насчитывавший в то время 18 высших учебных заведений, в которых в 1945 г. обучалось 13 883 студента, а к концу изучаемого периода – 23 720 человек.

Научные общества, студенческие конференции, диспуты, политические занятия, участие в общественной работе – играли огромную роль в повышении качества подготовки специалистов с высшим образованием, а также в идейно-политическом воспитании студентов [10, с. 323]. Это было свойственно всем высшим учебным заведениям Союза, в том числе и Нижнего Поволжья. При каждом институте организовывались студенческие научные общества (СНО), которые занимались исследовательской работой под руководством преподавателей. Наиболее ярким примером организации научных исследований студентов являются медицинские институты региона, в которых учебный процесс был неразрывно связан не только с работой в клиниках

и больницах, но и с ознакомлением с современными изысканиями в медицине. Так, даже не в самом крупном вузе, таком, как, например, Астраханский медицинский институт, студенческих научных кружков насчитывалось в 1946/1947 г. около 15 [2]. В 1952/1953 г. в студенческом научном обществе состояло 232 студента, что соответствовало 24 % от общего количества обучавшихся в АМИ. СНО под руководством доктора медицинских наук, профессора И.В. Колпакова провело в том учебном году 12 заседаний, на которых обсуждались вопросы, посвященные деятельности студенческих научных кружков и их тематике; проведению конференций, затрагивавших проблемы здравоохранения в регионе [5, л. 97].

В Саратовском мединституте в 1946/1947 г. функционировало 17 научных кружков с участием 260 студентов. Помимо проведения научных конференций руководство института организовало конкурсы на лучшие студенческие научные работы. Так, в 1946/1947 учебном году на студенческой конференции было сделано 22 доклада, часть которых, по оценке профессоров вуза, по своему содержанию и характеру соответствовали кандидатским диссертациям. На Всероссийской конференции научных студенческих работ, прошедшей в ноябре 1946 г., одно из исследований студентов СарМИ получило 1-ю премию, а 3 – отмечены как заслуживающие внимания [7, л. 78].

Студенческие научные работы носили не только теоретическую, но и практическую направленность. Студенты Саратовского мединститута в 1946/1947 г. в качестве соавторов были вовлечены в разработку комплексных тем: «Обобщение опыта Великой Отечественной войны» по военно-полевой хирургии, «Механизм действия лекарственных средств», «Вопросы борьбы с раком», «Тонкая морфология автономной нервной системы» и т. д. Студенты Сталинградского механического института в 1952/1953 учебном году оказали помощь в строительстве Сталинградской ГЭС, которая выражалась в усовершенствовании литейного производства на центральном ремонтно-механическом заводе и проектировании отдельных видов оборудования и приспособлений для этого завода, реставрации изношен-

ных деталей тракторов, консультациях по отдельным техническим вопросам. К этим работам были привлечены 11 студентов старших курсов [6, л. 50].

Студенты со своими работами выступали на различных конференциях, их исследования печатались в вузовских малотиражах. Например, в Сталинградском сельхозинституте в 1948/1949 учебном году в вузовской газете широко обсуждалась актуальная для Нижнего Поволжья проблема, связанная с постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О плане полезащитных лесных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» [4, л. 83]. Студенты выдвинули идею по оказанию практической помощи селу. К ним присоединились учащиеся саратовских сельскохозяйственных институтов, они помогали во время уборки урожая, принимали непосредственное участие в селекционной работе, проводимой в колхозах и совхозах [3, л. 63].

В отличие от современного студенчества учащиеся вузов послевоенных лет отличались повышенной политической активностью, они интересовались политическими событиями не только в стране, но и в мире. Частично это было связано с политизацией и идеологизацией учебного процесса в высших учебных заведениях. В общежитиях устраивались «красные уголки», в которых силами самих студентов проводились политинформации, обсуждались насущные проблемы, проходили комсомольские и партийные собрания, вечера-диспуты [8, л. 89]. Кроме того, создавались агитбригады, которые ездили по предприятиям и учреждениям городов, по сельским населенным пунктам для ознакомления населения с международными событиями, а также для разъяснения тех мероприятий, которые проводились руководством страны [9, л. 60–61 об.].

Все высшие учебные заведения Нижнего Поволжья имели спортивные секции, в которых студенты занимались плаванием (этот вид спорта был развит практически во всех вузах, поскольку находились они рядом с такой полноводной рекой как Волга),

греблей, волейболом, футболом, легкой атлетикой. Студенты Сталинграда летом сплавлялись по рекам области, устраивая во время стоянок концерты для местных жителей [6, л. 72]. Астраханские институты славились своими секциями по гребле. Причем астраханские студенческие команды принимали участие в союзных соревнованиях [12, л. 30].

Но существовали и различия в интересах, связанные с особенностями городов. В Сталинграде, разрушенном почти до основания во время Сталинградской битвы, было широко развернуто черкасовское движение по восстановлению города, с воодушевлением подхваченное учащимися институтами. Инициатором этого движения стала жительница города, работница детского сада Александра Максимовна Черкасова. Черкасовские бригады стали организовываться на каждом предприятии, учреждении, учебном заведении. Студенты сталинградских вузов после учебных занятий восстанавливали разрушенные помещения, разбирали завалы, освобождая от мусора улицы, площади, озеленяли парки. У каждого студента была «черкасовская книжка», в которой отмечалось число отработанных на восстановлении трудовых. За каждой студенческой бригадой закреплялся конкретный строительный объект, что являлось предметом особой гордости [11, л. 94]. К концу 1940-х гг. черкасовское движение распространилось практически по всей европейской части СССР, на которой проходили боевые действия или которая подвергалась оккупации.

При институтах существовали студенческие творческие коллективы, театральные кружки. Силами студентов организовывались концерты, творческие вечера, ставились спектакли. Этим особо отличался Саратов – город с театральными традициями. Здесь был создан студенческий театр, который выезжал со своими спектаклями в населенные пункты области и даже за ее пределы. В Саратове также функционировал студенческий городской клуб, в котором проводились массовые мероприятия, осуществляемые силами всех студентов города [1, л. 137].

Таким образом, несмотря на крайне тяжелое положение системы высшего образования в послевоенный период, студенты

стремились активно участвовать не только в учебном процессе, но и в социальной жизни вузов. Во многом благодаря исходящей снизу инициативе стало возможным восстановление высшей школы как системы общественного воспроизводства.

Список литературы

1. Внеучебная воспитательная работа со студентами Саратовского автодорожного института в 1948/1949 учебном году // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-9396. – Оп. 4. – Д. 329.
2. Волга. – 1946. – 16 апр.
3. Научно-исследовательская работа Саратовского сельскохозяйственного института за 1948/1949 учебный год // ГАРФ. – Ф. Р-9396. – Оп. 5. – Д. 401.
4. Научно-исследовательская работа Сталинградского сельскохозяйственного института в 1948/1949 учебном году // ГАРФ. – Ф. Р-9396. – Оп. 5. – Д. 405.
5. Отчет Астраханского медицинского института за 1952/1953 год // Государственный архив Астраханской области. – Ф. Р-1071. – Оп. 5. – Д. 25.
6. Отчет Сталинградского механического института за 1952/1953 год // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. Р-4182. – Оп. 5. – Д. 77.
7. О ходе проверки Саратовского медицинского института: докладная записка бригады Кировского райкома ВКП(б) г. Саратова, февраль 1946 – март 1947 г. // Государственный архив новейшей истории Саратовской области. – Ф. Р-594. – Оп. 2. – Д. 262.
8. Политико-воспитательная работа в Саратовском зооветеринарном институте в 1946/1947 учебном году // ГАРФ. – Р-9396. – Оп. 5. – Д. 68.
9. Политико-массовая работа Сталинградского медицинского института в 1945/1946 учебном году // ГАВО. – Ф. Р-4330. – Оп. 2. – Д. 8.
10. Советская интеллигенция : (История формирования и роста. 1917–1965 гг.). – М. : Мысль, 1968. – 432 с.
11. Участие коллектива Сталинградского механического института в 1948/1949 учебном году в черкасовском движении // ГАРФ. – Ф. Р-9396. – Оп. 3. – Д. 281.
12. Учебно-методическая работа Астраханского медицинского института за 1948/1949 учебный год // ГАРФ. – Ф. Р-8009. – Оп. 9. – Д. 855.

**ORGANIZATION OF SOCIO-PEDAGOGICAL WORK
WITH STUDENTS IN INSTITUTES OF LOWER VOLGA
IN 1945–1953**

Kharinina Larisa Vasilyevna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Social Work and Pedagogy,
Volgograd State University
larisa-kharinina@rambler.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The analysis of organization of extracurricular work among students of Lower Volga institutes was made in this article. The life of students was saturated and interesting in spite of all hardships of post-war period. It was incarnated not only in science, sport, and arts but also in process of reconstruction of national economy. It had deal with restoration of material basis of institutes and taking part in Cherkasova's movement. The author marked the role of student agitation brigades which increased the educational, enlightener and political potential of population of our country. They allow people to move to their aims with optimism. All thesis set by author are confirmed by wide archival data never published before in such historical research works.

Key words: institutions of high education, students, science groups, sport sections, political information, Cherkasova's movement, agitational brigades.

УДК 94(470.4)“192...”: 314.174

ББК 63.3(235.547)613-2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

Юдина Таисия Васильевна

Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
taisia.yudina@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализирован экономический уровень Нижнего Поволжья накануне и после завершения I мировой и гражданской войн. Освещено социально-экономическое положение нижеволжского населения в послевоенные годы. Показаны меры, предпринимаемые советскими органами власти, по повышению жизненного уровня людей. Выяснено, что в восстановительный период (начало 1920-х гг.) предоставление продовольственных пайков, обеспечение бесплатной медицинской помощью, выделение жилья обеспечивали улучшение материального положения населения Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: население, Нижнее Поволжье, материальное положение, социальная помощь, продовольственные пайки, медицинское обслуживание, предоставление жилья.

После завершения I мировой и гражданской войн Советская Россия находилась в состоянии разрухи. Ухудшилось материальное положение населения. Долгие, изнурительные военные 1914–1920 гг. резко изменили положение в стране, нарушили естественный уклад жизни населения. Экономика Нижнего Поволжья, как и всей страны, была в кризисном положении. Войны нанесли огромный урон народному хозяйству края, выразившийся, прежде всего, в уничтожении материальных ценностей, спаде производства, развале экономики. Современники того времени отмечали, что

«Нижне-Волжский край пострадал гораздо серьезнее других частей СССР» [8, с. 3].

Удельный вес хозяйства Нижнего Поволжья в экономике страны характеризовался следующими показателями: валовой сбор хлеба, составлявший в 1913 г. 6 %, сократился к 1922 г. до 2,3 %; количество скота – соответственно 8,2 и 4,9 %; валовая продукция ценовой промышленности – 3,19 и 0 %. Экономический уровень нижеволжского края определялся производством сельскохозяйственной продукции, которое в довоенное время достигало 73 % общей продукции региона. Индустриальная сфера по своему значению занимала второе место и была представлена отраслями, связанными с сельским хозяйством. Выработка таких отраслей промышленности, как мукомольное, маслобойное, цементное производство и деревообработка, в довоенное время в ценностном выражении составляла соответственно: 13,1 %, 11,1 %, 11–13 %, 13 % от суммы производства этих отраслей промышленности по всей стране [8, с. 1, 3, 8]. Таким образом, основными отраслями Нижнего Поволжья являлись земледелие, скотоводство, а также рыболовство и соледобыча. Регион имел важное значение в народном хозяйстве государства.

Общеизвестно, что начало восстановительного периода ознаменовалось неурожаем 1920–1921 гг. и небывалым для России голодом. Он охватил многие районы страны, но особенно тяжело сказался в Поволжье. Последствия были катастрофические. Население питалось суррогатами, нередко были случаи каннибальства [8, с. 3]. Донесения местных властей свидетельствовали: «В связи с неаккуратной выдачей продуктов питания было много случаев, что рабочие падали на работах от истощения» [6, л. 113].

Уровень жизни населения как в Нижнем Поволжье, так и по всей стране, был очень низким, и в связи с этим оно проявляло недовольство. В марте 1921 г., например, недовольство существующим положением вылилось во всеобщую забастовку рабочих в Саратове, инициаторами которой были железнодорожники. Рабочие требовали свержения большевиков, находившихся у власти [13, л. 94]. Постоянно растущее недовольство масс можно было

нейтрализовать только путем новых решений в экономике. Большевистской партией был осуществлен поворот от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике. Первоочередными задачами советского руководства в начале 1920-х гг. являлись подъем производительных сил страны, повышение благосостояния населения. Нэповская система, несмотря на административные крайности и экономические кризисы, во многом соответствовала реалиям восстановительного периода, смягчала неизбежный рост социальной напряженности в условиях социального расслоения. Губернские государственные органы предлагали различные меры, прежде всего по восстановлению промышленности и улучшению положения рабочих. Например, ввести коллективное снабжение на промышленных предприятиях, проводить принцип непосредственной заинтересованности каждого рабочего в результатах труда путем сдельной и аккордной работы, регулярным премированием. Помимо повышения уровня заработной платы, а соответственно и уровня жизни населения, большевистское руководство в 1920-е гг. определило еще ряд мер по смягчению ситуации в социальной сфере. Среди них – предоставление продовольственных пайков, обеспечение бесплатной медицинской помощью, жилищная политика и др.

Продовольственные пайки, выдававшиеся в первой половине 1920-х гг., имели большое значение для поддержания минимального уровня питания. О их роли можно судить по заметке в царичинской газете «Борьба»: «Уже больше месяца работы все нет для 450 грузчиков... Пять лет в союзе состоим, а жить нечем... Дети школу побросали, в чем они пойдут, когда нет ни обуви, ни одежды? В прошлом году хоть и голод был, а пожалуй что легче было: продовольственный паек получали, а теперь – ничего» [2]. В послевоенные годы, при отсутствии элементарных продуктов и товаров в магазинах и лавках и огромных ценах на них на рынке, государственными пайками – набором продуктов и товаров обеспечивали прежде всего работающих. Так, для поддержания жизни рабочих на астраханских и царичинских предприятиях в 1922 г. выдавали муку, хлеб, крупу, мясо, жиры, картофель, капусту, соль, сахар, чай, кофе, табак, мыло,

керосин, спички. Рабочие советских хозяйств получали паек, состоящий из хлеба, пшена, мяса, картофеля, молока, соли, капусты, моченых яблок, терна [3, л. 81; 4, л. 9; 5, л. 34, 76; 9, л. 58]. Абсолютная величина перечисленных продуктов была мизерной, но несомненным показателем сдвига в питании стало исчезновение к концу 1922 г. из употребления пищевых суррогатов – основы предшествующего питания.

Уменьшение пайков как в количественном отношении, так и в ассортименте вызывало массовое недовольство рабочих. О важности пайков для семей рабочих свидетельствует тот факт, что только из-за несвоевременной выдачи продовольствия вспыхнули 2 забастовки среди транспортников Царицына [11, л. 14].

Работу по улучшению социально-экономического положения трудящихся партийные и профсоюзные органы проводили и другими мерами, как, например: кредитование фабрикатами и изделиями производства, заготовка топлива и сельскохозяйственных продуктов, строительство и открытие бань, библиотек, школ. Также нижеволжским рабочим – членам кооперативов, существовавших при предприятиях, предоставляли скидки: 10 % – на все товары и 20 % – на хлеб [10, л. 139; 14, л. 95].

Состояние здоровья населения, пережившего военные годы, голод и его последствия, оставалось сложным. Скудность больных в больницах, огромные очереди на стационарное лечение наблюдались не только в Нижнем Поволжье, но и по всей стране. Происходило расширение сети лечебных учреждений, увеличение количества медицинского персонала в послевоенные годы, но удовлетворить потребности населения в медицинской помощи в полной мере не получалось. Тем не менее из бюджета государства и профсоюзов продолжали выделяться средства на медицинское обслуживание населения, вопросы медицинского обслуживания работающего населения регулярно заслушивались на партийных заседаниях и заседаниях разного уровня.

Государственная советская система предоставляла населению не только бесплатное медицинское обслуживание, но и такое социальное благо как жилье. В 1920-е гг. жилье служило способом удовлетворения элементарных нужд в крыше над головой. В осно-

ву государственной жилищной политики было положено распределение жилья, обеспечение населения дешевой жилой площадью. В начале 1920-х гг. во всех губерниях Нижнего Поволжья были созданы комиссии по улучшению быта рабочих, одной из основных задач которых было обеспечение жильем семей рабочих [1]. Достигалось это прежде всего уплотнением, переселением так называемых непролетарских элементов. За 1921 г. рабочим Нижнего Поволжья было предоставлено 876 квартир и 186 комнат, что позволило улучшить жилищные условия 6 000 человек. Всего же в это время насчитывалось около 40 000 рабочих, не считая членов их семей [12, л. 501]. В 1924 г. средняя обеспеченность рабочих губернских центров Нижнего Поволжья была выше общесоюзных показателей, хотя и меньше установленных государством норм (9,2 кв. м). Так, в Саратове на одного человека приходилось 6,42 кв. м, в Сталинграде – 6,3 кв. м, в Астрахани – сведения отсутствуют [15, л. 76]. Таким образом, положение нижеволжских рабочих было лучшим, чем в целом по стране. У них имелась возможность восстановиться после трудового дня, что отражалось на их производительности труда, самочувствии.

Складывавшаяся система социальной защиты, гарантий в послевоенные, 1920-е гг., обеспечивала населению невысокое, но устойчивое социально-экономическое положение, относительную стабильность привычного уклада жизни.

Список литературы

1. Борьба. – 1921. – 10 мая.
2. Борьба. – 1923. – 7 янв.
3. Государственный архив Астраханской области. – Ф. 1493. – Оп. 1. – Д. 71.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 18.
5. ГАВО. – Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 81.
6. ГАВО. – Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 185.
7. ГАВО. – Ф. 1755. – Оп. 1. – Д. 145.
8. Хозяйство Нижнего Поволжья к 1925/26 г. – Саратов : Изд. Н.-Волж. обл. план. комиссии, 1926. – 290 с.

9. Центр документации новейшей истории Астраханской области (ЦДНИАО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 58.
10. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 64.
11. ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 191.
12. ЦДНИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 201.
13. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). – Ф. 27. – Оп. 2. – Д. 43.
14. ЦДНИСО. – Ф. 27. – Оп. 3. – Д. 149.
15. ЦДНИСО. – Ф. 27. – Оп. 3. – Д. 503.

**SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS
OF THE LOWER VOLGA REGION CITIZENS
AT THE BEGINNING OF THE 1920s**

Yudina Taisiya Vasilyevna

Doctor of Sciences (History), Associate Professor,
Professor, Department of Russian History,
Volgograd State University
taisya.yudina@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes economic level of the Lower Volga region on the eve of the World War I, after it and after the Civil War. The author reveals socio-economic conditions of the Lower Volga region citizens in post-war years and presents that Soviet authorities measures were focused on advancing life standards. Provided food rations, free medical care and housing during the period of rehabilitation in the early 1920s resulted in improvement of the Lower Volga region citizens material position.

Key words: citizens, Lower Volga region, material position, social care, food rations, medical services, provision of housing.

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВУ
И ГОСУДАРСТВУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ,
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ,
ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ**

УДК 327.5
ББК 63.3(2)64

**НАТО ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ 1999 г.:
ОСВЕЩЕНИЕ ВОЙНЫ
ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ И ЗАПАДНЫМИ СМИ**

Агапова Валерия Валерьевна

Студентка кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
lera_agarova2011@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Пономарев Александр Дмитриевич

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
evelina.sadchikova@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В данной работе рассматривается такой важный политический процесс, как информационная война, которая с годами приобретает все больше лидирующие позиции во влиянии на военные со-

бытия. Данный процесс рассматривается на примере военного конфликта в Югославии, который был освещен как западными, так и отечественными СМИ. Основная цель работы – выявление роли информгентств в политике.

Ключевые слова: информационная война, СМИ, Косово, Югославия, НАТО, Россия.

Важность использования СМИ в политике была осознана уже в начале XX в., когда газеты начинают находиться в массовой доступности, а уже через какое-то время к ним подключаются телевидение и интернет. В настоящее время информационная война обрела настолько лидирующую позицию, что невозможно представить выигрыш обычной войны без участия информационных технологий.

Косовский конфликт – один из наиболее известных военных конфликтов в конце XX века. В 1960-х гг. началась борьба за возможность отделиться косовским албанцам от Югославии. Впоследствии уже в 1990 г. конфликт разгорелся до вооруженной борьбы, которая не осталась без внимания со стороны НАТО, вмешавшейся в это противостояние в 1999 г. и выступившей на стороне косоваров. Уже в июне 1999 г. Югославия дала согласие на переход Косово под международный контроль, что повлекло за собой ряд событий, среди них фактическое отделение Косово от Сербии и миграции сербов со стороны Косово. Однако юридическая независимость косовского государства была признана лишь только к 2008 году. Как любой международный конфликт, события в Югославии освещались СМИ, которые, в свою очередь, вели информационную борьбу между собой. Поэтому в нашей статье мы собираемся выяснить, в чем отличие подходов подачи информации отечественных и зарубежных СМИ, и показать влияние информационной войны на ход и результат косовского конфликта.

Россия на долгом протяжении истории была и является главным союзником и заступником Сербии и, разумеется, не могла остаться в стороне от конфликта между НАТО и Сербией. Россия безоговорочно поддержала Сербию. Практически все российские политические элиты – от коммунистов до правых политиков (Е.Т. Гайдар, Б.Е. Немцов, Б.Г. Федоров и др.) – приняли

заявления и резолюции, осуждавшие агрессию НАТО против Сербии. Единственная партия, выступившая с поддержкой агрессии НАТО и осуждавшая режим Милошевича, – «Демократический выбор России». Она и, например, бывший глава российского министерства иностранных дел А.В. Козырев назвали действия Милошевича «геноцидом», а российское руководство обвинили в том, что оно «пытается усидеть на двух стульях», пытаясь активно поддерживать Сербию, но в то же время стараясь не испортить отношения с западными странами [8]. В марте 1999 г. состоялась поездка трех депутатов – лидеров коалиции «Правое дело» – Е.Т. Гайдара, Б.Е. Немцова и Б.Г. Федорова – в Белград, Будапешт, Рим, Ватикан и Вашингтон с целью содействия скорейшему прекращению конфликта, но многие считают, что эта поездка, скорее, пиар – напоминание россиянам о себе [6, с. 253].

Тем временем многие российские СМИ отрицали факт массовой миграции косоваров до начала операции НАТО. Так, в газете «Коммерсантъ» сообщалось, что по данным ООН за год до начала бомбардировок Югославии со стороны НАТО территорию Косово покинуло около 400 тысяч человек, в большинстве своем албанцы, то только лишь за первую неделю после начала операции НАТО – около 430 тысяч человек [1, с. 6], то есть за одну неделю бомбардировок бежало больше людей, чем за весь предыдущий год. По данным многих СМИ самого Запада, геноцид албанцев сербами в Косово был сильно преувеличенным.

Разнообразны были заявления некоторых политических сил в России. Так, коммунисты раскритиковали Запад, и в частности США, заявив, что Штаты «консервируют и воплощают все негативное, что только накопила человеческая история». Более взвешенную позицию занял лидер ЛДПР В.В. Жириновский, который в конце войны (26 мая 1999 г.) выпустил памфлет, в котором он много рассуждал о том, что НАТО не сможет провести наземную операцию против Югославии, так как она приведет к «неприемлемым потерям», и что расширение НАТО на восток направлено против России, что типично для заявлений российских политиков, настроенных против Запада. Также он предупреждал об угрозе Косово для Запада как «плацдарма» для ислама. Жири-

новский упоминает и информационную войну, он хвалит Милошевича за то, что тот выгнал из страны западных журналистов, тем самым усложнив ведение информационной войны западными СМИ: «...без телекамер война для НАТО – не вся война» [7, с. 6, 14–15]. Но, возможно, это была ошибка Милошевича, такие действия навели многих на мысль о том, что ему есть, что скрывать в Косово и в Югославии в целом.

Со стороны таких российских партий, как КПРФ и ЛДПР, много говорилось об отправке добровольцев на помощь сербам, но об этом также писали и либеральные издания, например газета «Сегодня» [2]. К актам информационной войны можно отнести некоторые научные сборники, которые выходили в свет в период операции НАТО против Югославии. Например, 17 мая 1999 г. был отправлен в печать сборник «Косово: международные аспекты кризиса», в нем затрагивались многие стороны происшедшей вокруг Косово информационной войны. Также агрессия НАТО против Югославии вызвала новые дискуссии в обсуждении вопросов, которые не касаются Югославии и конфликта с НАТО напрямую. Так, в студии НТВ обсуждался вопрос о том, что Россия якобы не в состоянии, в связи с дефолтом 1998 г. и множеством других проблем, охранять свое ядерное оружие и что пусть «кто-нибудь» возьмет под охрану российское оружие массового поражения.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на просербскую позицию российского общества, только 23 % поддерживало идею создания союза России, Сербии и Белоруссии [3]. Многие осознавали, что у России нет реальной возможности оказать помощь Югославии против агрессии НАТО, кроме этого Россия была отрезана от Югославии странами – членами НАТО и странами, поддерживающими ее [6, с. 259]. Информационная война прекратилась после согласия Сербии в июне 1999 г. на переход Косово под фактическое управление НАТО. Но после формального провозглашения Косово 17 февраля 2008 г. произошел один небольшой всплеск информационной войны, которым стала работа В.Р. Овчинского «“Независимое” Косово в зеркале теневой политики».

Агрессия НАТО против Югославии привлекла сильное внимание российской общественности, вызвала реакцию политической элиты. Российские СМИ освещали конфликт в Югославии подробно и массированно, в большинстве своем информация была проюгославская, но после нескольких недель конфликта началось рассмотрение проблемы с разных сторон.

Информационная война, которую развязал Запад, началась 5 июня 1996 г., так как именно в этот день было открыто американское информационное агентство, которое освещало события в Косово.

По мнению американских СМИ, с 24 марта по 5 апреля 1999 г. 350 тыс. албанцев покинули Косово. Этот факт был привязан к тому, что Сербию обвинили в чудовищном геноциде. Однако было ли это так на самом деле? Сам главнокомандующий американской армией У. Кларк признал, что террор со стороны сербов был вызван не до военных действий, а после – как ответ на бомбардировки.

Далее американские СМИ пытались донести информацию, что именно с 19 марта начинается массовая эмиграция албанцев, это было вызвано тем, что Приштину покинули наблюдатели ОБСЕ. Однако совсем скоро самими же СМИ начинается оговорка по поводу даты, а также сам Президент Америки Б. Клинтон говорит о том, что военные действия никак не повлияли на сокращение населения среди албанцев, что никак не соответствовало действительности [4].

Есть серьезные основания думать, что все эти разговоры о геноциде – информационная утка. Так, директор Центра российских и восточноевропейских исследований Питтсбургского университета Р. Хейден сообщил через месяц после начала войны, что потери среди сербских гражданских лиц от бомбардировок превышают все потери обеих сторон в предшествующие три месяца. Возможно, это преувеличение, поскольку в ходе десятидневной войны Сербия потеряла, по ее же официальным данным, 2 500 человек (по данным НАТО – 1 500 человек), однако не подлежит сомнению, что разговоры о геноциде очень сильно преувеличены [5].

Существует еще одна точка зрения, которую следует отнести к Израилю – союзнику США на тот момент. А. Шарон заявил, что если агрессия НАТО узаконит отделение Косово, то следующим шагом вполне может стать автономия населенных палестинцами районов Галилеи. После провозглашения независимости Косово одна из крупнейших газет Израиля повторит: Косово – пример для палестинцев.

Информационная война велась в Косово, а остальные участники служили лишь способом формирования общественного мнения. НАТО во многом предредила результаты конфликта, Россия и Сербия могли бы одержать победу в этой схватке, если бы использовали приемы, которые станут применяться спустя почти десять лет.

Таким образом, Запад имеет преимущества в информационной войне, потому что имеет независимые СМИ. Нужно создать образ России, подкреплять его положительными отзывами западных СМИ, так как в настоящее время оценки в основном строятся на отрицательных показателях.

Список литературы

1. Бегство из Косово // Коммерсантъ. – 1999. – 8 апр. – С. 6.
2. Вопрос дня // Сегодня. – 1999. – 6 апр. – С. 7.
3. Вопрос дня // Сегодня. – 1999. – 13 апр. – С. 4.
4. Вострухов, Е. Югославский премьер обещает отменить в Косово чрезвычайное положение / Е. Вострухов // Известия. – 1992. – 21 авг. – С. 27.
5. Гуськова, Е. Ю. Динамика Косовского кризиса и политика России / Е. Ю. Гуськова // Косово: международные аспекты кризиса : сб. ст. / под ред. Д. Тренина и Е. Степановой ; Моск. центр Карнеги. – М. : Гендальф, 1999. – С. 32–78.
6. Давыдов, Ю. Проблема Косово в российском внутривнутриполитическом контексте / Ю. Давыдов // Косово: международные аспекты кризиса : сб. ст. / под ред. Д. Тренина и Е. Степановой ; Моск. центр Карнеги – М. : Гендальф, 1999. – С. 247–279.
7. Жириновский, В. В. НАТО уничтожает Югославию / В. В. Жириновский. – М., 1999.
8. Козырев, А. Покровительство Милошевичу, мы оказываем ему плохую услугу / А. Козырев // Итоги. – 1999. – 2 марта. – С. 30.

NATO AGAINST YUGOSLAVIA IN 1999: COVERAGE OF THE WAR BY RUSSIAN AND WESTERN MEDIA

Agapova Valeriya Valeryevna

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
lera_agapova2011@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Ponomarev Alexander Dmitrievich

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
evelina.sadchikova@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In this paper, we consider such an important political process, as the information war, which over the years becomes more and more a leader in influencing the military events. This process is considered by the example of the military conflict in Yugoslavia, which was consecrated, both Western and domestic media. After analyzing various sources, the main purpose of the work becomes identifying the role of news in politics.

Key words: information warfare, media, Kosovo, Yugoslavia, NATO, Russia.

УДК 32.01

ББК 66.0

РОЛЬ СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Барашков Григорий Михайлович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук
Национального исследовательского Саратовского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Eternity65@yandex.ru
ул. Астраханская, 83, 410005 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В современном мире наблюдается устойчивая тенденция возрастания роли гражданского общества. Гражданское общество начинает играть ключевую роль и в военно-политических конфликтах, особенно тех, которые носят внутригосударственный характер. Это связано с тем, что зачастую, при наличии острого, затяжного противостояния, власти утрачивают способность контролировать и управлять политическими процессами, что нередко приводит такие государства в недееспособное состояние с тяжелыми, непредсказуемыми последствиями. Именно в таких государствах, охваченных конфликтами, усиливается роль структур гражданского общества, берущих на себя функцию организации и управления общественно-политической жизнью страны.

Ключевые слова: военно-политический конфликт, структуры гражданского общества, государство, мирное урегулирование, конфликтное общество.

При исследовании гражданского общества, в частности его перспектив развития в переходных обществах, большое значение придается процессу демократизации, развитию демократических институтов, использованию средств дипломатии для достижения общественного консенсуса и экономической модернизации. Несомненно, что в мирное время гражданское общество играет важную роль в укреплении демократических принципов правления, способствует налаживанию диалога между властью и обществом.

Вместе с тем гражданское общество начинает играть ключевую роль и в военно-политических конфликтах, особенно тех, которые носят внутригосударственный характер. Этому способствует трансформация самих конфликтов, которые становятся все более затяжными, напряженными, трансграничными, этноконфессиональными, на развитие которых существенное влияние оказывают различные международные силы (наглядным примером здесь могут выступать конфликты в Ливии, Сирии, на Украине, а несколько раньше на Балканах).

При исследовании возникновения и развития конфликтов основное внимание принято уделять официальным структурам, механизмам и технологиям принятия решений органами власти. Вместе с тем структуры гражданского общества в лице своих представителей играют все больше значимую роль в сложных и многомерных конфликтах. Такое состояние особенно актуально для тех обществ, в которых наблюдается высокая степень раздробленности при отсутствии устоявшихся органов управления. Именно в таких недееспособных государствах, охваченных военно-политическими конфликтами, структуры гражданского общества начинают играть ведущую роль в политической жизни, оказывая существенное влияние на политические процессы. В то время как при стабильно действующей политической системе гражданское общество может быть достаточно инертным, при возникновении конфликтных ситуаций его состояние выходит на качественно иной уровень, потому что речь идет о жизни и смерти, то есть о сохранении социума. В отличие от мирного времени, появляются иные социальные стимулы для объединения и действия. Соответственно, такая политическая обстановка затрагивает различные сферы жизнедеятельности, что приводит к активизации различных общественных сил во многих сегментах общества. Вследствие различных причин возникновения конфликта и того, каким образом следует поступать, действия представителей структур гражданского общества могут быть направлены на углубление конфликта, поддержание статуса-кво либо способствовать содействию мирному урегулированию.

Как правило, при возникновении конфликта в него вовлекаются все местные организации гражданского общества (НКО, поли-

тические партии, религиозные движения и т. п.), а также иностранные организации гражданского общества, выполняющие определенную миссию, например в качестве наблюдателей, волонтеров и т. д.

Когда конфликт носит затяжной, глубинный характер, существует реальная опасность ослабления государства, вплоть до его распада. В этих условиях грань между государством и гражданским обществом становится достаточно размытой. В подобных ситуациях гражданское общество берет на себя часть функций, которые обычно выполняет нормально функционирующее государство. То есть по сути гражданское общество заполняет собой пустоту, которая образовалась в результате ослабления или недееспособности государства, защищая население и предоставляя ему необходимые услуги для жизнедеятельности.

Если же существующий конфликт не в полной мере подорвал властную организацию и институты власти функционируют в приемлемом режиме, то в таком случае деятельность структур гражданского общества во время конфликта будет определяться через его отношение к сущности конкретного режима. Поскольку деятельность гражданского общества должна быть санкционирована государством и пользоваться его защитой, его существование, природа и роль определяются степенью демократичности режима, наличием свободы создания ассоциаций, а также соблюдением основополагающих прав и свобод, которые обычно гарантированы в демократическом государстве. При ограничении таких прав и свобод гражданское общество развивается за рамками правового поля, стремясь не столько сотрудничать с государством, сколько дестабилизировать его.

Если в основе политической системы лежит ценностное мировоззрение, поддерживаемое большинством населения, и в ходе конфликта это мировоззрение подвергается сомнению и существует опасность его замещения на другие идеологические ценности, то гражданское общество осуществляет функцию надзора и выступает критиком государства в негласных, но четких пределах. При этом в таких странах действует так называемый социокультурный рефлекс, когда гражданское общество вместе с государством встает на защиту от реальных и мнимых угроз существующему идеологическому порядку [1].

Таким образом, роль структур гражданского общества на возникающие военно-политические конфликты определяется особенностью обстановки, их идентичности, рамок, в которых они осуществляют свою деятельность, структурой политических возможностей и степенью влияния на политические процессы. Под влиянием структур гражданского общества понимаются те возможности, которыми они обладают, чтобы воздействовать как на конкретное проявление конфликта, так и на непосредственные результаты определенных действий.

Список литературы

1. Маркетти, Р. Роль гражданского общества в конфликтах: от эскалации до милитаризации / Р. Маркетти. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Rol-grazhdanskogo-obschestva-v-konfliktakh-ot-eskalatsii-do-militarizatsii-17780> (дата обращения: 16.05.2016). – Загл. с экрана.

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY STRUCTURES IN MODERN POLITICO-MILITARY CONFLICTS

Barashkov Grigory Mikhailovich

Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor,
Department of Political Science,
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky
Eternity65@yandex.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410005 Saratov, Russian Federation

Abstract. There is a stable tendency of growing of the civil society role in the modern world. Among others, the civil society starts to play a pivotal role in politico-military conflicts, especially those of intrastate nature. The reason is that sometimes, provided there is a bitter and long-term conflict, the government loses its ability to control and manage political processes and, as a result, the state is failed and heavy unpredictable consequences are ensued. In such states which are engulfed in conflicts, the role of civil society structures rises – they begin to organize and manage social and political live of the country.

Key words: politico-military conflict, civil society structures, state, peaceful regulation, conflict-ridden society.

УДК 327.7
ББК 63.3(2)64

**ПОЛИТИКА РОССИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ
В ХОДЕ ЮГООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА
2008 ГОДА**

Воронин Александр Дмитриевич

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
vad134rus@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В данной статье проанализирован ход югоосетинского конфликта, обозначены основные участники как боевых действий, так и акторы информационной войны. Наиболее подробно рассмотрена политика России в информационной войне. Изложены попытки фальсификации хода событий этой войны со стороны Грузии. Приведена позиция западных держав относительно югоосетинского конфликта. Показана реакция Запада на данные российских СМИ и смена курса информационной политики в связи с ними. Сделан вывод о победе России как в сражениях на суше, так и в информационной войне.

Ключевые слова: югоосетинский конфликт 2008 г., информационная война, СМИ.

В настоящее время роль СМИ в общественно-политической жизни как никогда велика. Ни один конфликт не обходится без внимания журналистов. Телекоммуникационные сети уже стали одним из фронтов ведения «боевых» действий. Часто от характера освещения зависят не только общественное мнение и реакция иностранных государств, но и сам ход вооруженного столкновения. В данной статье мы проанализируем процесс информационной войны и влияние ее исхода на боевые действия и реакцию общественности на войну на примере вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 году.

Прежде всего стоит обозначить основных акторов боевых действий и участников информационной войны. Данное столкновение произошло в августе 2008 г. между Грузией, с одной стороны, и Республиками Южная Осетия и Абхазия и поддерживавшей их Российской Федерацией – с другой. Что же касается участников сражений на информационном фронте, то здесь список значительно шире. Помимо СМИ непосредственно участников боев, необходимо учитывать реакцию западных издателей как наиболее заинтересованных в освещении данного конфликта. Причем считаем нужным разделить таковых на представителей США, так называемой Новой Европы (бывших коммунистических стран ОВД) и Старой Европы, что будет обусловлено различиями в реакции СМИ этих «блоков» на события августа 2008 года.

Итак, две автономии в составе Грузии (Южная Осетия и Абхазия) отделились от нее в 1990 г., что вызвало протест официального Тбилиси. Первая попытка вернуть утраченные территории (1992–1993) закончилась неудачей грузинских вооруженных сил [12, с. 2]. Курс правительства Саакашвили на восстановление территориального единства Грузии привел к новому столкновению 15 лет спустя. Во многом благодаря поддержке РФ, Абхазия и Южная Осетия выстояли и получили признание от России, Венесуэлы, Никарагуа и Науру [7, с. 5].

Таким образом, югоосетинский конфликт закончился победой России и ее союзников на основном театре боевых действий, что обуславливалось неравенством сил, как в численном, так и в техническом плане [10, с. 1]. Однако в этой статье наиболее пристальное внимание будет уделено методам борьбы в информационной войне России, а также последствия таковых в реакции общественности прежде всего западных стран.

Говоря о средствах ведения информационной войны со стороны России, Абхазии и Южной Осетии, следует признать, что основной вклад в борьбу внесла Россия, что связано с недостаточной развитостью СМИ самих непризнанных республик. Основной вклад Абхазии и Южной Осетии состоит, таким образом, из рассказов очевидцев. Многие потерпевшие сообщали об ужа-

сах, которые вытворяли грузинские военнослужащие, среди которых иногда замечали представителей других стран. Многочисленные свидетельства очевидцев о нехватке основных товаров, агрессии против мирных жителей, изнасилованиях осетинских женщин, жестокости к военнопленным составили основной информационный поток из мест боев. Более того, по их показаниям грузинские ВС начали блокаду Цхинвала еще до разворачивания основных столкновений, что свидетельствовало о предварительной подготовке к конфликту со стороны Грузии [10, с. 3]. Эти сообщения активно использовались российскими СМИ в ходе всей информационной войны. Однако основной вклад именно осетинской стороны в ее ходе был связан с известным осетином, директором Мариинского театра в Санкт-Петербурге, дирижером Лондонского симфонического оркестра и «Метрополитен-оперы» в Нью-Йорке и, что самое главное, известным и авторитетным человеком на Западе – Валерием Георгиевым, который давал концерт в Цхинвале в эти дни. Его пресс-конференция по поводу зверств, творившихся в Южной Осетии, во многом предопределила коренной перелом в отношении западных стран к этим событиям [14, с. 2].

Конечно, о том, что агрессия против Южной Осетии планировалась заранее, было известно и в России. Об этом можно судить по интенсивным учениям войск Северо-Кавказского округа [9, с. 1]. С началом боевых действий российские журналисты получили возможность самостоятельно ознакомиться с ходом боевых действий. А. Ковылков, журналист издания «Аргументы и факты», свидетельствовал о разрушении грузинами кладбищ, расстрелах икон и мирных жителей. Бывший военный, он составил книгу «Записки с войны. Южная Осетия» [8]. Его коллега, С.-Х. Царнаев, сообщал об обстрелах мирного населения Цхинвала установками «Град», расстрелах и поджогах в столице Южной Осетии [6, с. 3]. Агентство «Рейтер» опубликовало обращение пятидесяти журналистов к Президенту РФ Д. Медведеву, что вызвало мировой резонанс.

Однако вступление России в информационный конфликт обернулось поначалу неудачей, связанной с отказом пропускать жур-

налистов CNN, BBC, Times, Washington Post и других авторитетных изданий западного мира, что вкуче с разрешением Грузии на аналогичные заявления породило немало репортажей о «российском нападении на Цхинвал».

Еще одним методом ведения войны СМИ стали нелицеприятные сообщения о грузинском лидере Саакашвили (мало кто не слышал о его «гастрономической любви к галстукам») и его солдатах. В информационное поле то и дело попадали сообщения о трусости грузинских вояк [10, с. 7].

Неудачи в войне позволили российским журналистам поднять вопрос о неэффективности грузинской армии и вообще вооруженных сил НАТО, поскольку среди вооружения ВС Грузии было немало натовской техники. Есть свидетельства о том, что американцы, обнаружив появление Ту-160 с помощью системы раннего оповещения Scywatcher, сообщили об этом грузинам, что позволило их ПВО сбить бомбардировщик [13, с. 3].

Значительный резонанс получила история с походом генерала Борисова в грузинский парламент, имевшим место сразу после взятия российской армией города Гори. На служебной машине генерал сам съездил в Тбилиси и, перепугав грузинских парламентариев, обеспечил потрясающее воздействие на общественность и России, и Грузии [9, с. 4].

Однако самой успешной акцией российских СМИ стало интервью Дмитрия Медведева, в котором он объяснил признание Южной Осетии и Абхазии посредством аналогии с Республикой Косово, признанной западными странами. Такой пример политики двойных стандартов сильно ударил по авторитету официальных лиц Запада.

Самым главным сборником информации о югоосетинском конфликте явилась «Белая книга преступлений против Южной Осетии», ставшая «памятником» нарушений международного права Грузией. Сборник повествует об использовании кассетных бомб против мирных жителей, плане отравления питьевой воды, утвержденном Д. Каркусовым (прогрузинским главой правительства Южной Осетии). Все это подтверждается фотографиями российский репортеров и показаниями очевидцев. Таким образом, для

мировой общественности стало очевидным положение потенциальной гуманитарной катастрофы в Южной Осетии [11, с. 103].

Все это происходило на фоне явно агрессивных заявлений грузинского руководства еще до начала боевых действий. Так, Саакашвили еще до получения полномочий президента сообщал, что выборы, кандидатом на которых он был, будут последними в Грузии, в которых не участвуют Абхазия и Южная Осетия.

Противостояние российской версии событий со стороны Грузии базировалось на дезинформации (как, например, репортаж 7–8 августа об обстрелах Цхинвала установками «Град», представив его как «российскую агрессию» [16]), психологической обработке населения, а порой и просто непредставлении информации. Многие мирные жители Грузии просто не знали, что страна втянута в войну, поэтому ответные действия России (например, авианалеты) стали для них неожиданностью.

В истории осталась «утка», подготовленная грузинскими СМИ 13 августа, об уничтожении Рокского туннеля, связывающего Северную и Южную Осетию [12, с. 4]. Другой интересной попыткой повлиять на общественность стали заявления о «готовящейся операции по взятию Тбилиси российскими войсками, предотвращенное только благодаря вмешательству США». Такой дезинформацией Саакашвили предполагал сгладить последствия отступлений (считай, бегства) грузинской армии, выставляя это как тактическое отступление для защиты столицы.

Но, пожалуй, наиболее нашумевшими стали сообщения о якобы целенаправленных бомбардировках российскими ВВС мирного города Гори, где в действительности находились склады боеприпасов [5, с. 1]. Однако в свое время, ввиду того что эти сообщения активно подхватили западные СМИ (особенно США), они стали весомым доводом обвинений России в нарушении международного права.

Все подобные заявления эффективно опровергались российскими данными, но особенно бесполезными их делали действия самих грузинских ВС, которые фактически лишили Грузию возможности воссоединить территории Абхазии, Южной Осетии и Грузии и резко увеличили рост оппозиционных настроений в стране.

Надо сказать, что реакция Запада была столь различна, что имеет место деление на реакцию, во-первых, США, Великобритании и наиболее русофобски настроенных Польши и стран Прибалтики, а во-вторых, стран Западной Европы, занявших изначально более взвешенную позицию в отношении югоосетинского конфликта. Позиции бывших стран – членов ОВД вызвана, по всей видимости, стараниями продемонстрировать лояльность Западу и ускорить размещение ПРО на своих территориях. До обращения В. Георгиева США не признавали геноцид осетинского народа, считая грузин жертвами агрессии России [15, с. 6].

Началом коренного изменения курса журналистики Запада касаясь югоосетинского конфликта стала статья Т. Кестри «Не переусердствовала ли Грузия в Осетии?». Ему вторит А. Томас де Вааль в своей статье «Горячность и риск: лидер Грузии зашел слишком далеко», где показывается безразличное отношение Саакашвили к судьбе осетин [4, с. 1].

Уже после знаменательного обращения В. Георгиева такие консервативные редакции, как «Times» и «Guardian», стали выступать с пророссийскими комментариями [1, с. 3].

Сообщалось о жестокостях по отношению к мирному населению. Так, Райан Граст, возглавлявший во время грузинской агрессии международную группу наблюдателей, рассказал, что в момент начала конфликта в Цхинвале оставалось значительное число женщин и детей, которые «не были защищены от надвигающегося конфликта». Кроме того, три наблюдателя от ОБСЕ не смогли подтвердить, что якобы осетины первыми начали обстрел грузинских сел за час до того, как грузины начали обстрел Цхинвала. Наконец, журналист ВВС, которому разрешили вести репортажи из Цхинвала в октябре, видел в жилых кварталах разрушения от ударов системы «Град», являющейся оружием неизбирательного действия [2, с. 3].

Однако главным подтверждением поражения прогрузинских сил в информационный войне стало признание Гербертом Биксом в статье «Уроки грузинской войны» неправомочности объявления России виновником войны, перекладывая ответственность за это на Грузию [3, с. 5].

Относительно нейтральная позиция стран континентальной Западной Европы, основанная на необходимости мирного урегулирования конфликта в Южной Осетии, тем не менее, сочеталась с критикой «чрезмерного применения силы Россией».

Однако вскоре авторитетное издание «Шпигель» обвинило грузинскую сторону в дезинформации по отношению к маневрам российских войск, отметило, что первыми агрессивные действия предприняла именно Грузия, и констатировало факт приготовления наступления Грузинских ВС на Цхинвал [17, с. 2].

Итак, мы видим, что Россия в югоосетинском конфликте продемонстрировала способность эффективно вести информационную войну. Конечно, влияние победы в информационной войне на ход боевых действий в этом конфликте не так значительно, но успех на информационном фронте позволил России избежать славы страны-агрессора и не потерять имидж правового демократического государства, соблюдающего принципы международного права. В свою очередь Грузия похвастаться таким успехом не могла, что окончательно лишило ее возможности вернуть Абхазию и Южную Осетию, а главное, значительно отдалило вступление Грузии в НАТО.

Список литературы

1. Бастрыкин, А. И. Существенные доказательства / А. И. Бастрыкин // Российская газета. – 2008. – 27 авг.
2. Беликов, Е. ОБСЕ: Грузия планировала атаку на Цхинвал / Е. Беликов. – Комсомольская правда. – 2015. – 4 февр.
3. Бикс, Г. Уроки грузинской войны / Г. Бикс // Война и Мир. – 2008. – 24 окт.
4. Вааль, Т. де. Горячность и риск: лидер Грузии зашел слишком далеко / Т. де Вааль // Гардиан. – 2008. – 11 авг.
5. В Грузии самолеты России бомбили Гори // Кавказский узел. – 2008. – 12 авг.
6. День Катастрофы-888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. – М. : Европа, 2008.
7. Джадан, И. Пятидневная война: Россия принуждает к миру / И. Джадан. – М., 2008.

8. Ковылков, А. Л. Записки с войны. Южная Осетия / А. Л. Ковылков. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 224 с.
9. МИД Грузии: российский генерал Борисов сделал признательные показания о начале войны в Южной Осетии // Кавказский узел. – 2009. – 7 июня.
10. Непропорционально убедительная победа / О. Власова, Г. Мирзаян, М. Агарков, Н. Силаев // Эксперт. – 2008. – № 32.
11. Осетинская трагедия: белая книга преступлений против Южной Осетии, август 2008 года. – М., 2008.
12. Столяров, М. В. Гордиев узел Кавказа / М. В. Столяров. – М., 2008. – 16 с.
13. США были соучастниками Грузии // Взгляд. – 2008. – 9 сент.
14. У классической музыки большое будущее // Russia Today. – 2010. – 12 мая.
15. Хазанов, А. М. Международная реакция на кавказские события в августе 2008 г. / А. М. Хазанов. – М., 2008.
16. Хронология событий в Южной Осетии 8–12 августа 2008 года. Справка // Риа Новости : [информ. агентство]. – 2008. – 12 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://ria.ru/osetia_spravki/20080811/150272529.html. – Загл. с экрана.
17. «Шпигель» взорвет под Грузией информационную «бомбу» // Алания-информ : [информ. агентство]. – 2008. – 31 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://osinform.org/8336-shpigel-vzorvet-pod-gruziej.html>. – Загл. с экрана.

**THE POLICY OF RUSSIA AND ITS ALLIES
IN THE INFORMATION WAR
DURING THE SOUTH OSSETIAN CONFLICT IN 2008**

Voronin Alexander Dmitrievich

Student, Department of Political Science
Volgograd State University
vad134rus@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In this paper, we have analyzed the course of the South Ossetian conflict, identified the main participants as the fighting and the actors of information warfare. The most detailed policy of Russia in the information

war. Set out the attempts of falsification of the events of this war from the Georgian side. Describes the position of the Western powers regarding the South Ossetian conflict. Shows the West's reaction to the information from Russian media, and the rate of change of information policy in connection with them. Maked conclusion of the victory of Russia in the battles on land and success in the information war.

Key words: South Ossetian conflict in 2008, information warfare, media.

УДК 329.05

ББК 66.0

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ НКО: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Гаврилов Алексей Дмитриевич

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
algavtrf@gmail.com
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется Федеральный закон «О некоммерческих организациях» на предмет понятия «политическая деятельность», правоприменимость частей, касающихся некоммерческих организаций (далее – НКО), выполняющих функции иностранного агента, особенности внесения НКО в реестр таких организаций. Помимо этого изучаются возможные последствия корректировки термина «политическая деятельность» в данном законе, а также роль НКО в структуре гражданского общества РФ в контексте перспективы изменений.

Ключевые слова: НКО, некоммерческие организации, политическая деятельность, дестабилизация, иностранный агент, иностранное влияние, гражданское общество.

Начиная с 2012 г. деятельность российских некоммерческих организаций претерпела существенные изменения в связи с принятием Федерального закона от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» («Закон об иностранных агентах»), что дало новый юридический термин «некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента». Под такими НКО понимаются российские некоммерческие организации, получающие «денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иност-

ранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ) (далее – иностранные источники), и которые участвуют, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации» [6]. Необходимо сразу подчеркнуть тот факт, что должны быть выполнены оба условия. При этом под политической деятельностью на тот момент понималась такая деятельность, которая «независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях». Деятельность политических партий, а также в области науки, культуры, искусства и др., исключена из данного понятия [6].

Нужно понимать, что организации вносятся в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента (далее – реестр), автоматически, на основании сведений, имеющихся у Министерства юстиций РФ, что говорит о том, что этот статус фактически принудительный. Конечно, НКО могут самостоятельно вносить себя в данный реестр, но на практике организации не всегда утруждают себя этим вследствие того, что это влечет за собой увеличение контроля и отчетности перед уполномоченными органами, а также существует риск понести репутационные издержки. А.В. Василенко называет несколько причин, по которым данный закон можно назвать несовершенным. Одна из них предполагает, что такой статус организация может получить простым способом: перечислив иностранным гражданином небольшую сумму денег на счет НКО в форме пожертвования, что является формальным поводом для внесения организации в реестр [1, с. 46]. Нужно учитывать также тот факт, что отказаться от такого пожертвования или вернуть его технически очень сложно, что также влияет на внесение в реестр.

Перейдем к политической деятельности. Выше уже было отмечено, что считается таковой согласно действующему законодательству. Этот пункт также подвергался сомнению ввиду отсутствия четкого понимания, что такое «политическая акция», соответственно, под нею могла пониматься достаточно широкая деятельность, которую осуществляют НКО [1, с. 46–47]. В апреле 2016 г. Государственной думой РФ были приняты в первом чтении поправки к закону «Об общественных организациях», где было скорректировано понятие «политическая деятельность» [2]. Здесь нужно оговориться, что пока они не прошли все стадии до принятия итогового закона, однако законопроект прошел первое чтение, несмотря на возникший общественный резонанс, оформившийся в обращение представителей благотворительных организаций к Президенту РФ В.В. Путину, поскольку они фактически сразу попадают под возможность внесения в реестр вследствие получения пожертвований из разных источников [4]. На момент написания статьи в СМИ появилась информация о том, что поправка, касающаяся вывода благотворительных организаций из числа тех, кто подпадал бы по новым поправкам под деятельность иностранного агента, будет введена, но она не была рассмотрена или принята в Государственной думе [3]. Согласно данным поправкам, НКО признают участвующей в политической деятельности в том случае, «если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах», она будет выполнять деятельность в следующих сферах:

- государственного строительства и основ конституционного строя РФ, федеративного устройства РФ;
- обеспечения суверенитета и территориальной целостности РФ;
- обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, внешней политики, социально-экономического и национального развития РФ;
- функционирования политической системы, органов государственной власти и местного самоуправления;
- законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина в целях оказания влияния на выработку и реализацию государственной политики;

– формирования государственных органов, органов местного самоуправления, их решений и действий [2].

При этом осуществлять эту деятельность НКО должна будет в следующих формах:

– участие в организации и проведении публичных мероприятий в форме собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований либо в различных сочетаниях этих форм, в организации и проведении публичных дискуссий, выступлений;

– участие в деятельности, направленной на получение определенного результата на выборах, референдуме, в наблюдении за проведением выборов, референдума, в формировании избирательных комиссий, комиссий референдума, в деятельности политических партий;

– публичные обращения к государственным органам, органам местного самоуправления, их должностным лицам, а также иные действия, оказывающие влияние на их деятельность, в том числе направленные на принятие, изменение, отмену законов или иных правовых актов;

– распространение, в том числе с использованием современных информационных технологий, оценок принимаемых государственными органами решений и проводимой ими политики;

– осуществление деятельности, направленной на формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения и обнародования опросов общественно-мнения или иных социологических исследований;

– вовлечение граждан, в том числе несовершеннолетних, в указанную деятельность;

– финансирование указанной деятельности [2].

Данные поправки в целом конкретизируют понимание того, что такое политическая деятельность, однако вместе с тем они несут в себе дополнительные издержки. Фактически на нет сводится вся публичная деятельность для НКО, в том числе в интернет-среде, что лишает возможности для некоммерческих организаций выполнять свои функции. К примеру, если НКО занимается оценкой качества дорожного полотна и приходит к выводу, что оно некачественное, то, написав обращение в соответствующий орган, может по-

пасть под новое понятие «политической деятельности», поскольку это можно трактовать как формирование у органов власти определенных решений и действий в форме публичного обращения. Здесь также нужно сделать оговорку, что во многом все будет зависеть от правоприменительной практики, однако существует угроза, что таким образом некоммерческие организации могут быть подвержены давлению со стороны иных субъектов, если деятельность НКО не будет их устраивать.

Что это означает для гражданского общества в России? В первую очередь это создает риски для функционирования действующих НКО, которые, по мнению А.В. Соколова, с трудом находят себе финансирование, а в свете данных поправок это может еще сильнее усложнить им жизнь [5, с. 53]. Исследование О.В. Шиняевой и Л.Х. Каюмовой роли некоммерческих организаций в укреплении социальной интеграции россиян показало, что уровень доверия к некоммерческим организациям на сегодняшний момент низкий, а их влияние на население достаточно локально [7, с. 110–111]. Соответственно, мы можем говорить, что на данный момент НКО только находятся в стадии своего развития как части гражданского общества, и описанные выше риски могут еще сильнее снизить доверие к ним, что негативно отразится на гражданском обществе в России, поскольку некоммерческие организации являются ее неотъемлемой частью.

Таким образом, вследствие неоднозначной трактовки определения «политическая деятельность» некоммерческих организаций (как на данный момент, так и в свете возможных изменений) и легкости присвоения НКО статуса «иностранный агент» на сегодняшний день сохраняется риск оказать негативное влияние на третий сектор, следствием чего может стать снижение доверия к некоммерческим организациям у населения РФ, а становление гражданского общества будет затруднено.

Список литературы

1. Василенко, А. И. Принятие закона «Об иностранных агентах» как первый этап на пути к правовому регулированию лоббистской деятель-

ности в России / А. И. Василенко // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2014. – № 3. – С. 44–58.

2. Законопроект № 1000884-6 «О внесении изменений в пункт 6 статьи 2 Федерального закона “О некоммерческих организациях” в части уточнения понятия политической деятельности». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1000884-6&02> (дата обращения: 13.05.2016). – Загл. с экрана.

3. НКО дождались оговорки. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2983134> (дата обращения: 13.05.2016). – Загл. с экрана.

4. Обращение к Владимиру Путину с просьбой пересмотреть поправки в закон о некоммерческих организациях. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.hospicefund.ru/wp-content/uploads/2016/04/img-409112352-0001.pdf> (дата обращения: 13.05.2016). – Загл. с экрана.

5. Соколов, А. В. Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России / А. В. Соколов // Власть. – 2015. – № 6. – С. 52–57.

6. Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rg.ru/2012/07/23/nko-dok.html> (дата обращения: 11.05.2016). – Загл. с экрана.

7. Шиняева, О. В. Роль некоммерческих организаций в укреплении социальной интеграции россиян / О. В. Шиняева, Л. Х. Каюмова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2015. – № 1. – С. 108–111.

**THE LEGAL DEFINITION
OF THE NOTION “POLITICAL ACTIVITIES”
OF THE RUSSIAN NON-PROFIT ORGANIZATIONS
AS A THREAT TO BUILDING A CIVIL SOCIETY**

Gavrilov Alexey Dmitrievich

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
algavrrf@gmail.com
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the article the Federal Law on “Non-Profit organizations” is analysed in terms of the notion “political activities”, the enforceability of the paragraphs concerning non-profit organizations (NPOs) which fulfil the functions of a foreign agent, and particular features of including NPOs in the register of such organizations. Moreover, this article considers possible consequences of changing the term “political activities” in this law and the role of NGOs in the structure of the Russian civil society in terms of the perspective of changes.

Key words: NPO, non-profit organizations, political activities, destabilization, foreign agent, foreign influence, civil society.

УДК 327.7
ББК 66.4(4/8)

**УГРОЗА
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ
КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ
ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ**

Зейналова Диана Качабековна

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
di.zeynalova@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Колпак Олеся Дмитриевна

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
olesya_kolpak@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт военно-политических конфликтов в Центрально-Азиатском регионе, а также их влияние на обстановку в соседних странах. Проводится сравнительная характеристика военных и гражданских сил в период военных действий в данном регионе.

Ключевые слова: военно-политический конфликт, региональная безопасность, международная безопасность, угроза национальной безопасности, экстремизм.

В условиях глобализации анализ военно-политической обстановки в мире показывает, что архитектура мировой системы безопасности стремительно меняется. Несмотря на то что угроза возникновения крупномасштабных войн снижается, нарастает риск возникновения конфликтов локального характера.

В современном мире содержание военных конфликтов коренным образом меняется. Можно выделить основные черты военных конфликтов современного мира:

- информационное противоборство;
- стремление к разрушению государственных систем;
- использование не прямых способов воздействия;
- применение новейших систем вооружения.

В настоящее время развиваются и широко используются новые методы ведения конфликтов. В первую очередь это информационные технологии, которые коренным образом меняют характер ведения боевых действий. На основе этого происходит зарождение новых конфликтных ситуаций во всем мире, в том числе и на территории Центрально-Азиатского региона (ЦАР).

С усилением процесса глобализации усиливается и геополитическое противостояние стран Запада и Востока. Исламский мир противостоит навязыванию Западом своих ценностей, а западные страны, в свою очередь, пытаются снизить зависимость от нефтедобывающих стран. В такой ситуации центры военной силы не совпадают с экономическими, что провоцирует многоуровневый международный конфликт. Такая обстановка наблюдалась в азиатском регионе, а затем негативно сказалась на развитии ситуации в мире.

Азиатский регион играет большую роль в формировании международных отношений. В связи с разработкой новых концепций и технологий применения военной силы произошел пересмотр значения Азиатского региона.

В свою очередь на военно-политическую обстановку в Азии существенно влияет нестабильность в Афганистане. Власть центрального правительства распространяется лишь на столицу, а в провинциях орудуют талибы и силы экстремистского толка. На период 2010 г. талибами было захвачено большинство городов. Их влияние особенно усиливается в период военных действий. Международные коалиционные силы, находящиеся в Афганистане, не способны оказать влияние на талибов, так как в большинстве своем действуют разрозненно. Их попытки вовлечь талибов в диалог и мирно урегулировать конфликт не увен-

чались успехом на тот период. Талибы заявляли, что национально примирение возможно лишь в случае вывода иностранных войск из страны.

Затянувшийся конфликт стал поводом разворачивания в Европе сетей исламских экстремистов, подготовивших несколько терактов по всей территории. Происходило это и потому, что талибы находили убежище в соседнем Пакистане, который оставался союзником США.

Вмешательство со стороны других стран также влекло за собой неоднозначные последствия: экстремистские настроения возрастали, а каждая из стран начинала преследовать свои цели. Талибы в свою очередь считали врагом любую страну, помогающую международной коалиции. О перспективе быстрой стабилизации конфликта говорить не приходилось, так как уничтожить все базы подготовки боевиков не представлялось возможным, а разрешению конфликта дипломатическим путем препятствовало резкое расхождение в идеологических взглядах.

Пакистан, на который надеялось мировое сообщество, также не помог в разрешении конфликта. Оставаясь союзниками США и получая миллиарды долларов для разрешения конфликта, пакистанские спецслужбы тайно поддерживали экстремистов. Происходило это лишь по одной простой причине: понимая всю опасность конфликта, Пакистан все же не мог отказать талибам в поддержке, так как в стране широко распространен радикальный ислам.

В Пакистане сохраняются данные тенденции. Главенствующие позиции занимают спецслужбы, поддерживающие талибов, а правительство не способно дать отпор этим силам. Безусловно, такая ситуация негативно сказывается на всей системе безопасности ЦАР. В свою очередь проблемы ЦАР сказываются на соседних странах. Этот регион является источником экстремистских сил, а стагнация в экономических процессах региона оказывает воздействие на мировую экономическую систему.

Все эти процессы негативно влияют на военную безопасность региона в целом. Таким образом, можно сделать вывод, что какая бы ситуация ни разворачивалась на мировой арене, фактор

военной силы остается важным звеном в международных отношениях. Одной из причин развязывания дальнейших конфликтов в ЦАР может стать доступ к энергетическим и природным ресурсам, а также идеологические расхождения. Соперничество между существующими центрами военных и экономических сил, вооруженные конфликты и внутригосударственная напряженность и другое по-прежнему будут представлять угрозу региональной и международной безопасности.

Список литературы

1. Богатуров, А. Д. Центральная Азия в международной политике / А. Д. Богатуров // Полис. – 2009. – № 2.
2. Давыдов, А. Д. Афганистан: проблемы войны и мира / А. Д. Давыдов. – М. : Изд-во ИВ РАН, 2010. – 192 с.
3. Игнатенко, А. А. Религиозный экстремизм как угроза международной и национальной безопасности / А. А. Игнатенко // Власть. – 2009. – № 7.
4. Лавров, А. Ю. Политический ислам в Афганистане / А. Ю. Лавров. – М. : Праксис, 2010. – 152 с.
5. Матяш, В. Н. Политика США в Афганистане: от «демократизации» к силовым методам / В. Н. Матяш. – М. : Логос, 2009. – 138 с.
6. Чернышов, М. А. Обеспечение национальной безопасности / М. А. Чернышов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.canada.belembassy.org/rus/legislation/new_page_59/ (дата обращения: 13.03.2010). – Загл. с экрана.

THREAT OF MILITARY AND POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA AS A FACTOR IN INTERNATIONAL DESTABILIZATION: HISTORICAL EXPERIENCE

Zeynalova Diana Kachabekovna

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
di.zeynalova@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Kolpak Olesya Dmitrievna

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
olesya_kolpak@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the historical experience of the military-political conflicts in the Central Asian region, as well as their impact on the situation in neighboring countries. Conduct a comparative characteristic of civil and military forces during the war in the region.

Key words: military-political conflict, regional security, international security, a threat to national security, extremism.

УДК 323.2
ББК 66(4)2Рос

**РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ САНКЦИЙ¹**

Морозов Сергей Иванович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
si.morozov@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Савченко Ирина Александровна

Магистрант кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
irina.savchenko.1993@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Перераспределение современных мировых центров сил – важнейший источник внешнеполитической напряженности. Обострения угроз политической дестабилизации обуславливают новые направления внешней политики России в обеспечении ее национальных интересов. Нуждаются в совершенствовании механизмы обеспечения безопасности России в условиях мирового политического пространства.

Ключевые слова: стабильность, безопасность, риски, угрозы, государство.

---

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского гранта РГНФ и Администрации Волгоградской области № 15-13-34011/16.

Геополитическая ситуация вокруг России складывается сегодня под влиянием кардинальных изменений, происходящих в системе формирующегося нового облика России и нового облика мирового устройства. Геостратегическое положение России между Западом и Востоком, между Севером и Югом представляет строгое требование: быть в постоянной готовности к отражению внешних угроз, в том числе и от разворачиваемых группировок сил и средств воздушного нападения и противоракетной обороны иностранных государств [2, с. 130]. Прежде всего, речь идет о тех государствах, геополитические интересы которых находятся или могут войти в противоречие с соответствующими интересами России. Ситуация на Украине, приведшая к действиям Запада о вводе санкций против России, затронула важный вопрос: как и насколько Россия готова к санкциям, какой урон они могут нанести Российскому государству?

В современных мировых реалиях, обусловленных попытками изоляции России и ее втягиванием в конфликтные взаимоотношения со странами – мировыми лидерами, введением мировых санкций, на первый план выдвигается проблема обоснования системы мер эффективного обеспечения безопасности нашей страны в современном мире, развития отечественной политической системы в независимости от внешних (глобальных) рисков и угроз. Санкции в первую очередь расшатывают мировую экономику, осложняют отношения между странами, нарушают уклад мирового порядка. Анализируя природу санкций, следует особенно подчеркнуть их способность оперативно видоизменяться в зависимости от сложившейся международной политической конъюнктуры. Санкции напрямую связаны с интересами мировых сверхдержав и изменяются в зависимости от вектора их внешнеполитического курса. Как правило, именно мировые сверхдержавы, а не развивающиеся страны чаще других используют санкции в своей внешней политике. Это связано с наличием у мировых держав обширных политических и экономических интересов, необходимых ресурсов, внешнеполитического опыта и влияния на мировой арене. Зачастую введение таких мер должно быть подкреплено реальным военно-политическим или экономическим давле-

нием на объект санкций. Помимо этого немаловажное влияние на эффективность введенных санкций оказывает репутация и авторитет государства в мире и в конкретном регионе. Другой немаловажной особенностью санкций является то, что их применение может быть действительно эффективно лишь в отношении небольших государств с развивающейся экономикой. Применение же санкций против сверхдержав не только малоэффективно, а иногда и чревато негативными последствиями для экономики страны, применившей санкции. Введенные против России санкции вовсе не способствуют снятию напряженности в общественно-политической ситуации на востоке Украины. Они провоцируют собой симметричный ответ, когда приходится вводить аналогичные по значимости санкции в виде ответных мер. Все эти ограничения влияют не только на российских производителей или на определенный круг лиц.

Стабильность и безопасность – основополагающие условия развития суверенного государства. Обеспечение стабильной благоприятной внешней и внутренней среды для жизни государства неотделимо от повышения безопасности [1, с. 85]. Совершенно очевидно, что в политике обеспечения безопасности следует реализовывать комплекс мер, препятствующий проявлениям всех видов опасностей. Однако обращает на себя внимание тот факт, что до сих пор ни в России, ни во всем мире не разработаны дифференцированные и действенные механизмы обеспечения политической безопасности общества. Безусловным является лишь факт, что в системе мер по обеспечению политической безопасности общества ключевую роль в предупреждении и ликвидации важнейших рисков и угроз играют специальные ведомства и государственные органы, обеспечивающие в пределах своих полномочий и обязанностей безопасность личности, общества и государства.

Решение актуальных проблем стабильности и безопасности государства, противодействие значимым политическим рискам и угрозам является основополагающим условием обеспечения устойчивого развития и достижения высокого качества жизни современного российского общества. В связи с этим следует отме-

титель, что решение данных вопросов связано с не менее значимой проблемой – необходимостью уточнения содержания и классификации современных национально-государственных интересов России, политических интересов различных слоев российского общества, а также способов их обеспечения в условиях возрастающей взаимозависимости отечественной национальной экономики, политической системы, социокультурных и правовых норм с общемировыми требованиями и стандартами.

В условиях глобализации всех мировых процессов, политических, экономических и международных отношений формируются новые риски и угрозы как для развития личности, общества и государства, так и для политической системы в целом, поэтому в качестве гаранта национального развития политика государства должна переходить на новый уровень политики в области обеспечения как национальной, так и политической безопасности. Последствия международных санкций отражаются на замедлении темпов экономического роста, модернизации и технологического перевооружения, а также на падении ВВП и снижении уровня жизни населения. Для благополучного национального развития требуется разработка новой, более усовершенствованной системы мер по обеспечению именно политической безопасности, так как стабильность политической системы является одним из гарантов развития государства. Также нарастают вопросы, связанные с разработкой новых стратегий в обеспечении политической безопасности, в которых будут обоснованы основные стратегические приоритеты в области обеспечения политической безопасности, система мер в области обеспечения как внутренней, так и внешней политики, определяющей состояние политической безопасности и уровень устойчивого развития государства.

Список литературы

1. Колесников, В. А. Политическая стабильность и строительство новой России / В. А. Колесников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. – 2013. – № 6, ч. II. – С. 82–87.

2. Юрченко, И. В. Теоретико-методологические аспекты изучения проблематики национально-государственных интересов / И. В. Юрченко // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Междунар. отношения. – 2011. – № 1 (19).

**RUSSIA IN THE MODERN WORLD: THE PROBLEMS
OF SECURITY AND STABILITY
IN THE INTERNAL DATA WORLD OF SANCTIONS**

Morozov Sergey Ivanovich

Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor,
Department of Political Science
Volgograd State University
si.morozov@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Savchenko Irina Aleksandrovna

Master's Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
irina.savchenko.1993@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Reallocation of the modern world centers of power – the most important source of foreign tension. Exacerbations threats of political destabilization cause new directions of Russia's foreign policy in ensuring its national interests. Needs to be improved to ensure Russia's security mechanisms in the global political space.

Key words: stability, security, risks, threats, state.

УДК 323.1
ББК 66.(4)2Рос

**КРЫМСКАЯ ВЕСНА-2014:
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ
ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ**

Панкратов Сергей Анатольевич

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
Волгоградского государственного университета
s.pankratov@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Процесс воссоединения Крыма с Российской Федерацией рассматривается в контексте политической истории России, как одно из главных международных событий второго десятилетия XXI века. Интерпретированы документальные источники, раскрывающие организационно-правовую и политическую противоречивость передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР в 1954 году. Обоснованы социально-политические уроки для современного российского государства, продемонстрировавшего способность решительно действовать в критических ситуациях, принимать судьбоносные решения геополитического характера. Использованы результаты социологических исследований общественного мнения об отношении россиян и граждан Украины к данному событию.

Ключевые слова: Крым, Севастополь, Россия, воссоединение, политическая история, противоречия, социально-политическое значение.

Прошло более двух лет с начала процесса воссоединения Крыма с Россией. Он включает целый ряд политико-правовых, экономических и иных шагов, характеризующих не только ситуацию в РФ, но и в мире в целом. В статье 1 Федерального конституционного закона РФ «О принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» содержатся четкие положения об основаниях этого исторического акта, вклю-

чающие в себя в том числе: «1) результаты общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 года в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, на котором поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта РФ; 2) Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, а также договор между РФ и Республикой Крым о принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов; 3) предложения Республики Крым и города с особым статусом Севастополя о принятии в РФ Республики Крым, включая город с особым статусом Севастополь; 4) настоящий Федеральный конституционный закон» [5].

В своем выступлении в Кремле перед депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, руководителями регионов России и представителями гражданского общества Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «в Крыму буквально все пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести» [3].

Вопрос о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР рассматривался 11-м пунктом на заседании Президиума ЦК КПСС 25 января 1954 года. Юридически данное решение было оформлено 5 февраля 1954 г. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР». 19 февраля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Как отме-

чал секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР Н.М. Пегов: «Решение о передаче Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР отвечает интересам русского и украинского народов и общим государственным интересам Советского Союза. Это решение, принятое в знаменательные дни трехсотлетия воссоединения Украины с Россией, свидетельствует о дальнейшем укреплении единства и нерушимости дружбы русского и украинского народов в великой братской семье народов нашего социалистического Отечества» (цит. по: [1, с. 53]).

Следует признать правоту слов В.В. Путина о том, что «это решение было принято с очевидными нарушениями действовавшими даже тогда конституционных норм. Вопрос решали кулуарно, междусобойчиком... Но по большому счету – нужно прямо сказать, мы все это понимаем, – по большому счету это решение воспринималось как некая формальность, ведь территории передавались в рамках одной большой страны. Тогда просто невозможно было представить, что Украина и Россия могут быть не вместе, могут быть разными государствами. Но это произошло» [3].

С нашей точки зрения, воссоединение Крыма с РФ является логическим продолжением процессов, связанных с распадом СССР и проблемами формирования новой государственности в бывших республиках Советского государства. 11 марта 2014 г. Верховная Рада Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет приняли Декларацию о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя. В данном документе говорилось, что «в случае волеизъявления народов Крыма будет принято решение о вхождении Крыма, включая Автономную Республику Крым и город Севастополь, в состав России, Крым после референдума будет объявлен независимым и суверенным государством с республиканской формой правления». Голосовавшие за принятие Декларации отметили, что в своем решении исходят «из положений Устава ООН и целого ряда других международных документов, закрепляющих право народов на самоопределение». Более того, депутаты приняли «во внимание подтверждение Международ-

ным судом ООН в отношении Косово от 22 июля 2010 года того факта, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какие-либо нормы международного права».

16 марта 2014 г. в Крыму состоялся референдум, на который было вынесено два вопроса: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта РФ?» и «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?». Результаты референдума показали, что без учета севастопольцев в плебисците приняло участие 83,01 % крымчан, имеющих права голоса, из которых 96,77 % проголосовало за воссоединение Крыма с Россией. В Севастополе участие в референдуме приняло 96,77 % жителей, из них ответили «за» на первый вопрос 95,6 % человек.

В настоящее время активно разворачиваются процессы всесторонней адаптации новых территорий, граждан, населяющих их, политико-правовых и социально-экономических институтов к российским реалиям. Современные замеры общественного мнения фиксируют устойчивость положительного восприятия крымчанами воссоединения с Россией, несмотря на вполне объективные трудности, вызванные ходом и спецификой переходного периода, а также последствиями санкций со стороны ряда стран по отношению к РФ и Республике Крым. Так, в спустя год (в январе 2015-го) даже результаты проведенного опроса GFK Ukraine по заказу компании Berta Communications при поддержке Canada Fund for Local Initiatives показывают, что подавляющее большинство крымчан (82 %) поддерживают присоединение полуострова к России, 11 % опрошенных скорее поддерживают присоединение и лишь 4 % (34 человека из 800 опрошенных) выступают против [2, с. 46]. По данным Левада-Центра (опрос проводился в январе – феврале 2016 г.), более 83 % населения РФ позитивно оценивают факт воссоединения РФ и Крыма, около 13 % скорее отрицательно и 4 % затруднились с ответом [4].

США и страны ЕС ввели целый ряд ограничительных мер в отношении Республики Крым и Севастополя: запрет на импорт из

Крыма и Севастополя, за исключением товаров, имеющих сертификат происхождения, выпущенный украинскими властями; приостановление всех инвестиций в Крым и Севастополь со стороны европейских физических и юридических лиц; отныне покупка имущества, предоставление услуг не разрешаются; зарубежные операторы лишены права предоставлять туристические услуги в Крыму и Севастополе; европейские круизные лайнеры не могут останавливаться в портах Крыма и Севастополя, за исключением чрезвычайных ситуаций (данные ограничения затрагивают не только европейские суда, но и все суда, плавающие под европейскими флагами). Экспорт определенных товаров и технологий в Крым и Севастополь также запрещается. Ограничения касаются транспорта, телекоммуникаций, энергетики, а также добычи, разведки нефти, газа и других природных ресурсов; также запрещается любая техническая помощь, инженеринговые услуги в данных отраслях [6].

Ситуация такова, что в этих условиях ряд предприятий улучшили свое положение при поддержке РФ (например санаторий «Нижняя Ореанда», перешедший в ведение Управления делами Президента РФ). Другие хозяйствующие субъекты испытывают существенные трудности (например ГУП РК «Завод шампанских вин “Новый свет”», ФГУП «Производственно-аграрное объединение “Массандра”» – проблемы с поставками пробкового материала для бутылок, винных материалов, экспортом продукции и т. д.). Запрет европейским судам останавливаться в акватории Севастополя привел к снижению грузооборота на 95 % в Севастопольском морском порту. Сложной задачей для стабильного жизнеобеспечения крымчан в настоящий период стало обеспечение энергетической и транспортной безопасности полуострова.

Опасаясь санкций США и ЕС, зарубежный бизнес воздерживается от инвестиций в этот регион. Санкции в отношении предприятий Крыма создают социально-экономические проблемы, последствия которых растянуты во времени. Поддержка полуострова становится стратегической долгосрочной задачей для российского руководства и всех граждан страны.

Список литературы

1. Бабурин, С. Н. Крым навеки с Россией / С. Н. Бабурин. – М. : Книжный Мир, 2014. – 176 с.
2. Костяев, С. С. Особенности интеграции и адаптации Крыма в российскую социально-политическую систему / С. С. Костяев, И. В. Юшков // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 45–52.
3. Обращение Президента Российской Федерации, 18 марта 2014 г. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/20603>. – Загл. с экрана.
4. Пресс-выпуск Левада-Центра от 10.03.2016. Российско-украинские отношения в зеркале общественного мнения. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.levada.ru/2016/03/10/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-v-zerkale-obshhestvennogo-mneniya2/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_singlecat_5303&utm_campaign=2016-03-10T08:00:18+00:00. – Загл. с экрана.
5. Федеральный конституционный закон РФ от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Российская газета. – 2014. – 24 марта.
6. Highlights. EU sanctions against Russia over Ukraine crisis. Restrictions for Crimea and Sevastopol // European Union : Newsroom. – Electronic text data. – Mode of access: http://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu_sanctions/index_en.htm. – Title from screen.

**CRIMEAN SPRING-2014: SOCIO-POLITICAL LESSONS
OF REUNION CRIMEA WITH RUSSIA**

Pankratov Sergey Anatolevich

Doctor of Sciences (Politics), Professor
Head, Department of Political Science
Volgograd State University
c.pankratov@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The process of reunification of the Crimea with the Russian Federation is considered in the context of the political history of Russia, as one of the major international events of the second decade of the XXI century. There are interpreted documentary sources that reveal the organizational,

legal, and political contradictions of the transfer of the Crimean region from the RSFSR into the Ukrainian SSR in 1954. The paper considers socio-political lessons for the modern Russian state that demonstrated the ability to act decisively in critical situations, to make crucial geopolitical decisions. The article presents the results of sociological surveys of public opinion about the attitude of Russian and Ukraine citizens to the event.

Key words: Crimea, Sevastopol, Russia, reunion, political history, contradictions, social and political significance.

УДК 327:341.228

ББК 66.4(0),3

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В АРКТИКЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ ¹

Пойлов Алексей Николаевич

Магистрант кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
rojaleksej@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В настоящей работе приводятся объективные основания возможного военно-политического конфликта в Арктике. В статье также рассмотрены три возможных сценария военно-политического конфликта в Арктическом регионе: борьба за раздел месторождений углеводородов на Арктическом шельфе; конфликт обусловленный нерешенностью проблемы судоходства в Арктике; война за ресурсы между арктическими и неарктическими державами. Сделан вывод о том, что, несмотря на наличие объективных предпосылок, в обозримом будущем возникновение военного конфликта в Арктике маловероятно.

Ключевые слова: Арктика, военно-политический конфликт, сценарии конфликта, милитаризация, шельф, Северный морской путь.

Долгое время Арктика находилась в стороне от ключевых мировых политических процессов. Однако в начале XXI в. арктическая тема стала занимать одно из приоритетных мест в глобальной повестке дня. Сегодня фактически ни одно действие в Арктике не остается без внимания мирового сообщества. В последнее время появилось большое количество статей и репортажей в ведущих мировых СМИ, а также публицистической литературы, где авторы пытаются привлечь внимание общественности провокационными заявлениями о начале «схватки за Арктику».

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-13-34011.

ку», о «переделе Арктики», о «войнах за ресурсы», о вероятности начала «горячей войны за холодные земли» Арктики и т. п. В связи с этим возникает вопрос: на чем основываются такие предположения и какова реальная вероятность возникновения военно-политического конфликта в Арктике?

Оснований для заявлений о грядущей войне в Арктике множество. Во-первых, в связи с процессами глобальных климатических изменений открывается доступ к богатым залежам природных ресурсов («здесь сосредоточены, по разным оценкам, от 25 до 30 % запасов минерально-сырьевых ресурсов» [3, с. 7]) и более интенсивным развитием межконтинентальных транспортных путей. Значение Арктики будет только возрастать в связи с ростом потребности в углеводородных ресурсах и их истощением в традиционных районах добычи. Таким образом, уже к середине XXI в. Арктика может стать самой крупной кладовой энергоресурсов и ключевым транспортным узлом планеты. Вместе с тем существует правовая неопределенность статуса морских арктических пространств и недр акватории Северного Ледовитого океана, которая порождает споры по поводу разграничения этих пространств и континентального шельфа.

Другим основанием может служить явная тенденция к милитаризации региона, происходящая главным образом за счет усиления военного присутствия арктических государств. «В последние годы заметно возросло количество американских, норвежских и российских судов и самолетов, находящихся на боевом дежурстве в морском и воздушном пространствах Арктики. Возросло также количество военных учений как по линии отдельных государств, так и военно-политических организаций. Началась ускоренная модернизация вооруженных сил арктических держав, дислоцированных в Арктике, и соответствующей военной инфраструктуры. США, Канада и Россия приняли решения о модернизации и строительстве новых военных баз в Арктике. Страны региона стали активнее использовать военно-морские флоты для отстаивания своих экономических интересов» [1, с. 284]. Подливают масла в огонь и заявления некоторых политических деятелей стран Арктического региона о готовности

применить военную силу для обеспечения интересов своих государств в Арктике.

Помимо арктических стран интерес к экономическому, геополитическому и геостратегическому потенциалу Арктики сегодня проявляют и неарктические страны Европы и Азии. Последние не имеют необходимых прав на разработку арктического шельфа в связи с отсутствием у них прямого выхода к Северному Ледовитому океану. Поэтому данные страны объективно заинтересованы в пересмотре уже сложившихся правовых норм и сфер влияния, чему активно пытаются содействовать. Это не может не вызывать недовольства и опасений у арктических держав.

Таким образом, совокупность объективных оснований позволяет многим авторам говорить о будущем военном столкновении в Арктике. И все же, какова его вероятность?

Одним из наиболее распространенных сценариев военно-политического конфликта в Арктике является борьба за раздел месторождений углеводородов на арктическом шельфе. Участниками такого конфликта могут стать все приарктические страны, причем в любых сочетаниях. Вместе с тем стоит отметить, что сама по себе добыча углеводородов с арктического шельфа несет большие технологические и финансовые риски, которые многократно увеличиваются, «если не урегулированы риски юридического, политического и, тем более, военного характера» [4, с. 48]. Ни одна нефтяная или газовая компания не начнет добычу ресурсов на спорных участках шельфа, так как такой проект заведомо окажется убыточным. В этой связи А.А. Храмчихин считает такой сценарий возможного конфликта в Арктике «совершенно иллюзорным» [5, с. 55].

Другой сценарий возможного конфликта представлен в форме столкновения ВМС стран в связи с нерешенностью проблемы судоходства в Арктике, а именно из-за статуса Северного морского пути и Северо-Западного прохода. Кроме того, конфликт может возникнуть по поводу принадлежности тех или иных морских территорий. В такой конфликт могут быть втянуты как арктические государства, так и члены НАТО, а также страны Евросоюза. Однако, как отмечает А.А. Храмчихин, вероятность такого сце-

нария также не велика. Конфликт, который повлечет «необходимость сопровождения торговых судов боевыми кораблями, причем на всем маршруте через Арктику, сразу многократно увеличивает стоимость перевозок, тем самым ликвидируя выгоду сокращения маршрута» [4, с. 48]. Кроме того, сложность природно-климатических условий в Арктике приведет к многократному удорожанию боевых систем, использующихся для ведения войны в данном регионе. «Ситуация может измениться только в случае очень существенного военного ослабления России по сравнению даже с нынешним положением» [5, с. 56].

Еще один сценарий предполагает войну за ресурсы между арктическими державами и неарктическими странами, в первую очередь Китаем. По мере нарастания дефицита природных ресурсов в традиционных местах их разработки привлекательность Арктики будет увеличиваться. Китай уже испытывает острую нехватку ресурсов, поэтому Арктика представляет для КНР значительный интерес. Китайцы выражают свое недовольство сложившимся положением в Арктике. Контр-адмирал Инь Чжоу отмечает, что «Арктика принадлежит всему миру, так как ни у одного народа нет над ней единоличной власти» [2, с. 42]. В свою очередь научный сотрудник Шанхайского института международных исследований Чэн Баочжи говорит, что «невообразимо представить, чтобы неарктические государства оставались пользователями арктических морских маршрутов и потребителями энергоресурсов Арктики без возможности участия в процессе принятия решений, так что конец монополии циркумполярных держав в арктических вопросах становится абсолютной необходимостью» [2, с. 24]. Сегодня вооруженные силы Китая, несмотря на быстрый рост их потенциала, не способны к проведению военных операций в Арктике. Однако по мере дальнейшего роста военной мощи, а также потребности в ресурсах жесткость политики Китая в Арктике будет нарастать. Таким образом, «в долгосрочной перспективе возможно военное противостояние в Арктике внутри треугольника США – Китай – Россия. Участие других стран и коалиций возможно, но оно заведомо будет чисто вспомогательным» [5, с. 59].

Таким образом, несмотря на наличие объективных предпосылок, создающих теоретическую возможность для возникновения в Арктике различных военно-политических конфликтов, в обозримом будущем вероятность реального военного столкновения представляется весьма невысокой. Более вероятным является использование государствами «мягкой силы» (например, природоохранная риторика и деятельность иностранных НКО) для реализации своих интересов и оказание международного давления на страну, так или иначе нарушившую установленный порядок.

Список литературы

1. Коньшев, В. Н. Ремилитаризация Арктики и безопасность России / В. Н. Коньшев, А. А. Сергунин // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества : хрестоматия. В 3 т. Т. 1 / Рос. совет по междунар. делам ; под общ. ред. И. С. Иванова. – М. : Аспект Пресс, 2013. – С. 284–302.
2. Лабюк, А. И. Интересы Китая в Арктическом регионе / А. И. Лабюк // У карты Тихого океана : информ.-аналит. бюл. – 2015. – № 36. – С. 39–42.
3. Лукин, Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире : монография / Ю. Ф. Лукин. – Архангельск : САФУ, 2013. – 281 с.
4. Храмчихин, А. А. Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов / А. А. Храмчихин // Арктика и Север. – 2011. – № 2. – С. 36–50.
5. Храмчихин, А. А. Станет ли Арктика театром военных действий по последнему переделу мира? / А. А. Храмчихин // Арктика и Север. – 2013. – № 10. – С. 52–60.

MILITARY-POLITICAL CONFLICT IN THE ARCTIC: BACKGROUND AND POSSIBLE SCENARIOS

Poylov Alexey Nikolaevich

Master's Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
pojaleksej@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the present work provides an objective basis for a possible political-military conflict in the Arctic. The article also discusses three possible scenarios of military-political conflict in the Arctic: the struggle for the division of hydrocarbon deposits on the Arctic shelf; the conflict due to the unresolved problems of navigation in the Arctic; the war for resources among the Arctic and the non-Arctic countries. It is concluded that, despite the existence of the objective prerequisites for the foreseeable future the occurrence of military conflict in the Arctic is unlikely.

Key words: Arctic military-political conflict, a conflict scenario, militarization, the shelf, the Northern Sea Route.

УБК 323.1
ББК 66.(4)2Рос

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Порошина Татьяна Васильевна

Студентка кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
t.poroschina2013@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Легитимность политической власти как показатель согласия граждан с реализуемой от имени общества государственной политикой является одним из важнейших показателей эффективности политической системы. Она позволяет решать важнейшие и наиболее актуальные задачи внутренней и внешней политики без применения государством инструментов легального принуждения, без опоры на силовые структуры (армию, полицию, органы безопасности и т. п.). Увеличение общественной поддержки политической власти на практике означает, что политическая власть оказывается способной удовлетворить определенные интересы различных социальных групп в обществе.

Ключевые слова: власть, легитимация, общество, поддержка, стабильность, развитие.

Любая власть, не только политическая, стремится как можно больше заручиться поддержкой и сторонниками. Иначе очень трудно рассчитывать на эффективное властвование. Именно при недоверии, недовольстве, открытых или закрытых, со стороны общества, без добровольного согласия народа, власть становится малоэффективной и неустойчивой и со временем все более бездейственной.

---

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского гранта РГНФ и Администрации Волгоградской области № 15-13-34011/16.

Важным гарантом устойчивого развития любого государства является обеспечение стабильности своего существования. Однако необходимость совершенствования общественной системы и адаптации к новым условиям требует обновления политических отношений и структур. При этом на первый план выходят проблемы управляемости политических процессов, поддержания интегрированности общества и легитимности политической власти. Следует сказать, что сохранение устойчивости и качественной определенности государственных институтов позволяет успешно решать стоящие перед обществом задачи по преодолению кризиса и укреплению безопасности. Возможность политической власти выполнять интересы различных социальных групп, а также как можно сильнее убедить общество в своей справедливости является важной положительной чертой самой власти, которая усиливает стабильность политической системы и повышает горизонтальный и вертикальный уровни ее легитимности. Только на основе умения обеспечивать в стране легитимную власть можно достичь стабильности в обществе и благоприятных условий для своего народа. А технологии легитимации власти – одна из предпосылок достижения стабильного общества и спокойного развития государства.

Увеличение общественной поддержки политической власти на практике означает, что она оказывается способной удовлетворить определенные интересы различных социальных групп в обществе, или иными словами можно сказать, что различные социальные группы, обладающие специфическими интересами, ценностями, позициями, относятся к власти как к единственно законной и способной создать условия для реализации специфических групповых интересов.

Вообще, современное российское общество не может без легитимной государственной власти, без определенного консенсуса в отношении целей и интересов, которые общество и государство должны совместно достигать. Легитимная государственная власть должна быть основана, прежде всего, на справедливой политике, которая впоследствии будет поддерживаться обществом страны.

Государственная деятельность, различные реформы станут успешными и эффективными только в том случае, если у населения будут присутствовать определенные ценности, на которые они смогут опираться. Современная Россия переходит к новому этапу развития – с возросшими требованиями к личности, государственным и общественным институтам. Для поддержания легитимации власти современная Россия должна строиться исходя из многообразия интересов общества и стремиться достигать определенного консенсуса, при котором будут удовлетворены интересы всего населения, и на основе этого же не будет возникать каких-либо противоречий. Основная деятельность общества должна сводиться к стремлению к согласию, а также потребности контроля над властью. При этом правильное понимание природы государственной власти и ее легитимации со стороны общества и властной элиты в России позволит правильно выбирать наиболее эффективные технологии достижения легитимности.

Говоря о легальной политической власти, стоит отметить, что при определенных обстоятельствах правительство любого суверенного государства имеет право начать военные действия против какой-то державы, в то время как другие организации и инстанции такого решения принять не могут в суверенном государстве. Легальность подобного действия соответствует законодательно-закрепленным процедурам и сомнению не подлежат. Чего нельзя сказать о конкретном объявлении войны, которое при тех или иных условиях, в той или иной стране может быть как нелегитимным, так и легитимным. Если сам народ или общество одобряет поступок правителей, осознавая всю суть необходимости, то вступление в войну будет и легитимно и легально.

Также немаловажной особенностью политической власти является эффективное функционирование политической системы, которая позволяет выявить круг проблем легитимности власти. Однако для обеспечения стабильности легитимности политической власти недостаточно одной эффективной работы политической системы. Также не избежать этих недостатков, даже если рассматривать отдельно деятельность конкретного авторитетного политического лидера. Можно привести в пример современное

российское общество, для которого характерно отсутствие единых признанных ценностей и как итог – плохое дальнейшее развитие и угроза безопасности самого государства.

Легитимность политической власти играла, играет и будет играть немаловажную роль в политической жизни общества, и именно поэтому государственная власть более ответственно решает те или иные проблемы и по возможности реформирует, создает программы в той или иной сфере.

THE INFLUENCE AND IMPORTANCE OF LEGITIMACY AS A FACTOR OF STABLE DEVELOPMENT

Poroshina Tatyana Vasilyevna

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
t.poroschina2013@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Legitimacy of political authorities as an indicator of the consent of the citizens is being implemented on behalf of society public policy is one of the most important indicators of the effectiveness of the political system. It allows you to decide the most important and most urgent tasks of internal and foreign policy without the use of government instruments of legal coercion, without the support of the power structures (army, police, security agencies, etc.). The increase in public support for political authority in practice means that the political power is able to satisfy certain interests of various social groups in society.

Key words: power, legitimation, society, support, stability, development.

УДК 32.019.52: 94(470)

ББК 63.3(2)64

ОБРАЗ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ КАК ФАКТОР ВОЕННОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Рябова Татьяна Борисовна

Доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и управления персоналом
Ивановского государственного университета
riabova2001@inbox.ru
ул. Ермака, 39, 153023 Иваново, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется роль образа американских военных в современном российском интернет-пространстве. На материале публикаций в электронных российских СМИ и их обсуждения автор показывает, что образ американских военных является частью современного российского антиамериканизма. В негативном образе американского военного присутствуют как характеристики, составляющие стереотип американца, распространенный в сегодняшней России (эгоцентризм, меркантилизм, бездуховность, невысокий уровень культуры, убежденность в собственной исключительности, равнодушие к чужому горю и др.), так и специфические характеристики, связанные с военной компетенцией и поведенческими практиками.

Ключевые слова: российский антиамериканизм, образ США, образ военных, американская армия, социальные стереотипы, постсоветская Россия.

Важным элементом военной истории являются образы военных, как «своих», так и «чужих». Образы «своих» военных выступают элементом политической мобилизации, в том числе военной (см. подробнее: [6]). Эти образы принимают участие в подержании позитивной коллективной идентичности – в том числе в

---

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 16-03-00527 «Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: политологический анализ».

таком виде сообщества, как национальное. Образы героев войны становятся краеугольным камнем создания национальной мифологии, способствуя социализации, воспитанию гражданственности, усвоению нравственных образцов. Поддержание позитивной идентичности предполагает проведение символических границ между «своими» и «чужими» и обоснование преимущества первых над вторыми. Характеристики, нормы и ценности «чужих», как правило, противопоставляются характеристикам, нормам и ценностям «своих». Репрезентации «своих» и «чужих» военных выступают «символическими пограничниками», помогая делать символическую границу между сообществами более видимой, прочной и естественной (см. подробнее: [4]). Кроме того, образы «чужих» используются в формировании и поддержании идентичности отдельных групп. Так, репрезентации русской интеллигенции активно привлекались к созданию идентичности польских интеллектуалов [17]. Очевидно, аналогичные процессы происходят и при формировании коллективной идентичности такой профессиональной группы, как военные. Наконец, в условиях военных конфликтов репрезентации «чужих» военных широко привлекаются в конструировании образа врага.

Целью исследования является анализ того, как образ американских военных используется в современном российском интернет-пространстве. Материалами послужили публикации в российских электронных СМИ за 2015–2016 гг. и их обсуждение (в том числе комментарии пользователей на форумах), визуальные источники (демотиваторы и карикатуры), а также результаты интервью, посвященного отношению россиян к США и американцам, проведенного нами в г. Иваново в 2014 году.

США выступают важнейшим «Другим» современной российской идентичности. Представления граждан РФ об американском политическом и социальном порядке, нормах и ценностях, образе жизни воздействуют на макрополитическую идентичность России, определяют содержание «российскости», влияют на самооценку россиян и на их оценку своей страны. Данные общероссийских социологических служб показывают, что в сентябре 2014 г. «плохо» и «очень плохо» к США относились 73 % россиян, в сентябре 2015 г. –

68 %. Опрос Левада-центра зафиксировал исторический максимум антиамериканских настроений в феврале 2015 г. (81 %); число россиян, называющих отношения России и США враждебными, составило 42 %. Более трети наших соотечественников (37 %) сочли США и лично Обаму «главными врагами нашей культуры и ценностей» (см. подробнее: [8]).

Традиция негативных репрезентаций американской армии восходит к периоду «холодной войны», когда карикатуры на «американскую военщину» являлись значимой частью советской пропаганды [3]. Образ американских военных формируется под влиянием как стереотипа американцев, так и стереотипа военных, существующих в российском обществе. Что касается последнего, то необходимо принимать во внимание, что представления о соответствии канонам военного зависят от соответствия канонам маскулинности. Армия относится к тем социальным институтам, в рамках которых активно транслируются гендерные нормы [9, p. 83; 10; 16]. Во-первых, военная сфера – это то социальное пространство, где необходимо проявлять качества, традиционно атрибутируемые мужчине, включая силу (как физическую, так и силу духа), стремление к соревнованию и победе, агрессивность [13, p. 11]. Во-вторых, функция защиты женщин и детей, которая составляет краеугольный камень в легитимации традиционного разделения функций полов, имеет решающее значение для оправдания войны, невозможной без готовности убивать других и жертвовать собственной жизнью. В-третьих, милитаризация маскулинности связана с вопросом маскулинизации власти, атрибуты которой – это сила и право применять насилие. В-четвертых, армия – влиятельный институт гендерной социализации [1; 14, p. 110–111, 115]. В-пятых, военный опыт в разные эпохи и в разных странах был и остается для мужчины каналом социальной мобильности, дорогой к политической власти, к достижению постов на государственной службе. При этом эталоны маскулинности вовлекаются в строительство армии как социального института, в интерпретацию военных действий: службу в армии и участие в военных действиях представляют как «дело настоящих мужчин». В свою очередь, война исторически сыграла важ-

нейшую роль в определении того, что значит «быть мужчиной» в эпоху модерности на символическом, институциональном и телесном уровнях; образ же настоящего мужчины постоянно соотносится с образом воина [11; 12, p. 81].

Отметим основные тенденции репрезентаций американских военных в российском интернет-пространстве.

Прежде всего, остановимся на той черте, которая лежит в основании оценки военных в различные исторические периоды, а именно мужественности. Характерной тенденцией репрезентаций американских военных является их демаскулинизация; им отказывают в обладании силой, решительностью, отвагой, способности к подвигу, наличии самообладания и др. Так, в интернет-пространстве широко обсуждалось поведение американских моряков, захваченных в плен иранскими властями; их обвиняли в трусости, нестойкости перед лицом опасности, слабости, отсутствии самообладания. На этом фоне российские солдаты, в частности сражающиеся в Сирии, репрезентируются как эталон подлинной мужественности. Идея о девиантности маскулинности американских военных связана и с представлениями о широком присутствии в армии лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, а также влиянии на армию идеологии феминизма; и то и другое, по мнению комментаторов, ослабляет армию (например, обсуждение акции «пройди мимо в женских туфлях» американских мужчин-курсантов военного училища). Тема гендерной ненормальности Запада является важным «символическим пограничником» в современной России, позволяющим отделить ее от Запада [15]; российская цивилизация предстает приверженной традиционным ценностям, что позитивно сказывается и на боеспособности российской армии.

Кроме того, образы американских военных связаны с еще одной чертой, призванной показать девиантность маскулинности – жестокость. Помимо изнеженности и слабости, американским военным приписываются чрезмерная агрессивность, безжалостность (например, издевательство над пленными в Ираке).

Наряду с этим в образах американских военных отражаются стереотипные представления об американцах, существующих

сегодня в российском обществе. Прежде всего это низкий культурный уровень американских военных, что проявляется в их вульгарном поведении и отсутствии уважения к традициям тех народов, на территории которых они находятся. В частности, широко обсуждались факты разграбления ими музеев в оккупированном в 2003 г. Ираке, их поведение в странах Прибалтики (надругательство над литовским флагом в Каунасе 25 апреля 2016 г., регулярное осквернение памятника Свободы в Риге и т. д.), пьянство, потасовки с местными жителями. Кроме того, в таких поступках, как полагают авторы статей и комментариев, проявляется чувство собственной исключительности граждан США. Российских военных, напротив, отличает чувство собственного достоинства и уважение интересов жителей других стран.

Такая стереотипная черта американцев, как культ денег, меркантилизм, отражается в специфике американского патриотизма. Американские военные сражаются за деньги, у них, скорее, нет чувства родины, как у российских военных и россиян в целом («Американцы «идут на войну по призыву государства или в результате политических игр», россияне /русские являются настоящими патриотами, «готовыми защищать родную землю до конца» [2]).

Качества американской армии и военных обсуждаются в контексте сравнения эффективности двух верховных главнокомандующих – В. Путина и Б. Обамы; первому отдается бесспорное преимущество в военной компетентности и мужественности (силе, мужестве, решительности, надежности, смелости (см. подробнее: [7]).

Таким образом, анализ репрезентаций американских военных в российском медиапространстве показывает, что они становятся частью современного антиамериканизма. Качества, приписываемые американским военным, соответствуют содержанию негативного стереотипа американца; образ американского военного актуализирует большинство характеристик, которые составляют стереотип американца, распространенный в сегодняшней России (эгоцентризм, меркантилизм, бездуховность, невысокий уровень культуры, убежденность в собственной исключительности, равнодушие к чужому горю и др.) [5]. При этом данные каче-

ства противопоставляются тем, которые составляют содержание автостереотипа наших соотечественников.

Список литературы

1. Михель, Д. Мужчины и мальчики на поле боя / Д. Михель // Гендерные исследования. – № 6 (2002). – С. 133–149.
2. Романова, А. А. Современный российский антиамериканизм в контексте национальной идентичности (на материале социологического исследования в г. Иваново / А. А. Романова // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Соц. науки. – 2014. – № 2 (34). – С. 93–98.
3. Рябов, О. В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: Американская маскулинность в советском кинематографе Холодной войны (1946–1963) / О. В. Рябов // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 4. – С. 44–57.
4. Рябов, О. В. «Русский медведь» как символический пограничник / О. В. Рябов, М. А. Константинова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. – 2011. – № 6. – С. 114–123.
5. Рябова, Т. Б. Гендерное измерение российского антиамериканизма (К постановке проблемы) / Т. Б. Рябова, А. А. Романова // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 3. – С. 21–35.
6. Рябова, Т. Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ : дис. ... д-ра социол. наук / Т. Б. Рябова ; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Иваново, 2009.
7. Рябова, Т. Б. «Путин vs Обама»: Противопоставление национальных маскулинностей как фактор современного российского антиамериканизма / Т. Б. Рябова // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 4. – С. 63–71.
8. Рябова, Т. Б. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма / Т. Б. Рябова, А. А. Романова // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2015. – № 4. – С. 136–149.
9. Bourdieu, P. Masculine Domination / P. Bourdieu. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 2001. – 133 p.
10. Braudy, L. From chivalry to terrorism: war and the changing nature of masculinity / L. Braudy. – N. Y. : Alfred A. Knopf, 2003. – 613 p.
11. Goldstein, J. S. War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa / J. S. Goldstein. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 523 p.

12. Hooper, C. Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics / C. Hooper. – N. Y. : Columbia University Press, 2001. – 298 p.
13. MacKinnon, K. Representing Men: Maleness and Masculinity in the Media / K. MacKinnon. – L. : Arnold, 2003. – 134 p.
14. Mosse, G. The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity. / G. Mosse. – N. Y. : Oxford University Press, 1996. – 232 p.
15. Riabov, O. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin / O. Riabov, T. Riabova // Problems of Post-Communism. – 2014. – Vol. 61, № 2. – P. 23–35.
16. Woodward, R. Sexing the Soldier: The politics of gender and the contemporary British Army / R. Woodward, T. Winter. – N. Y. : Routledge, 2007. – 144 p.
17. Zarycki, T. On the Contemporary Polish Perception of the Russian Intelligentsia / T. Zarycki // Europe-Russia: Contexts, Discourses, Images / ed. I. Novikova. – Riga : The University of Latvia, 2011. – C. 130–141.

**THE IMAGE OF AMERICAN MILITARIES
AS A FACTOR OF THE MILITARY DISCOURSE
IN CONTEMPORARY RUSSIA**

Riabova Tatiana Borisovna

Doctor of Sciences (Sociology), Professor,
Department of Sociology and Psychology,
Ivanovo State University
riabova2001@inbox.ru
Ermaka St., 39, 153023 Ivanovo, Russian Federation

Abstract. The paper based on the articles and comments in the Russian Internet examines the image of American military in contemporary Russia. The author points out that this image serves as a part of contemporary Russian Anti-Americanism. The paper demonstrates that the negative image of American militaries combines the stereotypical characteristics of Americans (the cult of money, lack of culture, egocentric attitudes to other nations, and others) and the specific characteristics that displays the lack of the military competence.

Key words: Russian Anti-Americanism, the attitudes to USA, attitudes to military, American army, social stereotypes, post-Soviet Russia.

УДК 327.7
ББК 66.4(0),3

УГРОЗА ВОЕННОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

Усов Николай Иванович

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
nikolaiusov95@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одной из острых проблем современного мира, которой является угроза военного конфликта между Российской Федерацией и Турцией. Рассматриваются причины данной угрозы, история взаимоотношений двух государств, а также возможные сценарии развития событий. Статья затрагивает современный этап истории российско-турецких отношений. Автор обращает внимание на различные точки зрения о возникновении угрозы полномасштабных боевых действий между РФ и Турцией.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, военная угроза, военный конфликт, глобальная проблема, ситуация на Ближнем Востоке, война в Сирии.

24 ноября 2015 г. произошел инцидент, который взбудоражил весь мир. В этот день истребитель F-16С ВВС Турции ракетой «воздух-воздух» сбил фронтовой бомбардировщик Су-24М ВКС России, входивший в российскую авиационную группу в Сирии. Эта новость стала полной неожиданностью для всего мира. Мнения по поводу произошедшего разделились. По утверждениям турецкой стороны, российский самолет вторгся в воздушное пространство Турции, именно по этой причине турецкие ВВС сббили самолет ВКС России. Эту позицию всецело поддерживает блок НАТО, в котором Турция состоит. В частности, президент США Барак Обама заявил, что Турция имела право на оборону своего воздушного пространства. Президент Турции Реджеп Тайип Эр-

доган тоже высказался. Он потребовал уважать право Турции на защиту своих границ. Эрдоган утверждает, что пять минут турецкая сторона предупреждала российских пилотов, делала это десять раз и только потом открыла огонь. На пресс-конференции генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг сделал заявление: «Мы поддерживаем территориальную целостность Турции. Российский самолет нарушил турецкое воздушное пространство [2]. Необходимо предупредить такие инциденты в дальнейшем. Россия постоянно наносит удары по территориям, на которых нет бойцов ИГИЛ. Анкара поддерживает контакты с Москвой, идет обсуждение инцидента».

Министерство обороны Российской Федерации выдвинуло свою версию событий. При выполнении боевой задачи 24 ноября в результате огневого воздействия возникло чрезвычайное происшествие: боевая потеря Су-24М с бортовым номером 83. Взлет с аэродрома Хмеймим произведен в 9 часов 42 минуты. В 9 часов 52 минуты Су-24М вошел и в течение 34 минут находился в зоне обнаружения радиолокационных средств ВВС Турции. Через 20 минут после занятия экипажем зоны дежурства в воздухе с командного пункта авиабазы «Хмеймим» поступил приказ на уничтожение скопления боевиков в заданном районе. Экипажи последовательно выполнили бомбометание по двум назначенным целям и осуществили повторный заход левым разворотом для поражения оставшихся двух назначенных целей. В процессе нанесения удара по цели, расположенной на удалении 5,5 км к югу от госграницы Турции, в 10 часов 24 минуты экипаж подполковника Пешкова О.А. выполнил бомбометание, после которого был сбит ракетой «воздух-воздух» самолетом F-16С турецких ВВС, взлетевшим с аэродрома 8 АвБ, Диярбакыр, расположенного на территории Турции [3]. Генштаб ВС РФ подтвердил, что один из пилотов Су-24 погиб в результате огня с земли. Также появилось официальное подтверждение, что с территории, подконтрольной боевикам, был обстрелян и совершил вынужденную посадку вертолет Ми-8. Один контрактник-морпех погиб в ходе спасательной операции по поиску пилотов сбитого самолета. Все, кто участвовал в операции, эвакуированы на аэродром «Хмеймим». Кремль

резко отреагировал на действия Турции. Россия заявила военному атташе Турции официальный протест. Президент РФ Владимир Путин счел действия Турции «ударом в спину» и обвинил государство в поддержке ИГИЛ. Несложно заметить, что версия событий Министерства обороны РФ более детализирована и имеет весомую доказательную базу, например, бортовой самописец сбитого бомбардировщика. Логика действий турецкого руководства не совсем ясна. Многие эксперты склоняются к тому, что это была провокация со стороны Турции с целью вывода российской авиационной группы из Сирии. По словам экспертов, опрошенных изданием *The New York Times*, уровень недовольства турецкими властями действиями Российской Федерации достиг критической точки, и неприятным итогом этого стал инцидент с российским боевым самолетом. Как объяснил Сонер Джагаптай, аналитик из Вашингтонского института ближневосточной политики, специализирующийся на Турции, турецкое руководство было недовольно действиями России в Сирии, поскольку из-за этого Анкаре пришлось поумерить свои амбиции в вопросе свержения сирийского президента Асада. Именно так в мире появилась новая угроза военного конфликта.

Обстановка стремительно накалялась, после взаимных обвинений вполне могли начаться боевые действия между Турцией и Россией. Но российское руководство понимало, что локальный конфликт может перерасти в мировую войну, ведь Турция – член НАТО. ВС РФ не стали применять силу в отношении Турции. Песков на пресс-конференции сообщил: «Я не стал бы говорить, и президент не говорил о каких-либо военных последствиях. Нужно исходить из того, что президент не допустил таких заявлений. Но вместе с тем он допустил неизбежность последствий после таких недружественных действий турецкой стороны» [1].

Инцидент со сбитым самолетом стал катализатором необратимых последствий. На первый взгляд может показаться, что военного конфликта удалось избежать, но как показали дальнейшие действия обеих сторон, угроза войны не миновала. В свою очередь стоит отметить, что причины агрессивных действий Турции лежат несколько глубиннее.

История взаимоотношений России и Турции очень сложна. Насчитывается двенадцать крупных вооруженных конфликтов между двумя странами. Причинами конфликтов являлись геополитические интересы обеих стран. Столкновение интересов происходило в Крыму, на причерноморском побережье Кавказа и на Балканах. Первоочередной задачей являлось установление господства в Черном море. Россия, в большинстве случаев, побеждала в войнах, ей удалось присоединить Крым, полностью закрепиться на Кавказе, освободить славянские народы на Балканах от Османского ига. Последние боевые действия между Россией и Турцией происходили во время Первой мировой войны. Турция в этой войне терпела поражения от русской армии, спасла ее начавшаяся в России революция.

С установлением светской республики в Турции отношения с СССР стали более дружескими. В канун Второй мировой войны Турция проводила умеренную политику в отношении всех стран. Во время войны ею был объявлен нейтралитет, но угроза вступления Турции на стороне Германии существовала. Так, турецкие власти провели частичную мобилизацию и выставили войска на границе с СССР. По данным советской разведки, Турция планировала вторжение на территорию Советского Союза. После победы РККА под Сталинградом, турецкое руководство отказалось от своих планов. В итоге, Турция в конце войны вступила в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Политический курс был развернут в сторону Великобритании.

Отправной точкой нового противостояния и одной из причин угрозы военного конфликта между Россией и Турцией на сегодняшний день стало вступление Турции в НАТО в 1949 году.

После развала СССР отношения между РФ и Турцией стали налаживаться. Но от своих геополитических интересов Турция не отказалась. На Кавказе это проявилось в поддержке Азербайджана в Нагорно-Карабахском кризисе. Оказывалась поддержка и исламистам в Чеченских войнах [7].

В 2000-е гг. отмечается рост экономического сотрудничества между двумя странами. В 2001–2011 гг. ежегодный турецкий экспорт в Россию увеличился с 924 млн долларов до 5 993 млн

долларов. За это время ежегодная стоимость российского экспорта в Турцию увеличилась с 3 436 млн долларов до 23 953 млн долларов. Масштабный объем работ выполняется на территории России турецкими строительно-подрядными компаниями. В то же время российское участие в реализации отдельных проектов в Турции не превышает 400 млн долларов. По итогам 2010 г. Россия стала вторым по значению внешнеторговым партнером Турции. По данным за 2015 г., Турция занимает пятое место во внешней торговле с РФ, товарооборот России и Турции в 2014 г. составил 31 млрд долларов.

После инцидента со сбитым самолетом экономическое сотрудничество было свернуто. 30 ноября 2015 г. российское правительство опубликовало список экономических мер по отношению к Турции:

- приостановлена деятельность Смешанной межправительственной Российско-Турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству;

- приостановлен переговорный процесс с Турецкой Стороной по проекту Соглашения между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики о торговле услугами и инвестициями, проекту Среднесрочной программы торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики на 2016 – 2019 годы;

- запрещены чартерные перевозки между Россией и Турцией с 1 декабря 2015 года;

- ограничено право турецких перевозчиков в осуществлении двусторонних автомобильных перевозок, до 2 000 единиц;

- отменен безвизовый режим;

- введен запрет найма турецких рабочих с 1 января 2016 года;

- запрещен ввоз ряда продовольственных товаров из Турции с 1 января 2016 года;

- запрет для организаций, находящихся под юрисдикцией Турецкой Республики, а также для организаций, контролируемых гражданами Турецкой Республики, на выполнение (оказание) ими отдельных видов работ (услуг) на территории России [5].

Как ранее было отмечено, Турция преследует геополитические цели в Сирии. Эти цели логично вписываются в проводимую политику Эрдогана. Президент Турции придерживается концепции неоосманизма. Ее содержание заключается в наращивании политического влияния в странах, ранее входивших в состав Османской империи. Можно сделать вывод, что целью Эрдогана является трансформация Турции в новую Османскую империю. Именно по этой причине он и пошел на конфликт с Россией.

Существует несколько возможных сценариев развития событий. Первый, самый неблагоприятный, – это полномасштабная война. Для такого сценария сделано уже немало шагов. 26 ноября 2015 г. на российской авиабазе «Хмеймим» в Латакии была развернута переброшенная военно-транспортной авиацией зенитно-ракетная система С-400. 27 ноября 2015 г. Россия приостановила свое участие в Блэксифор. Ракетный крейсер «Москва», на вооружении которого находится система ПВО «Форт» (морской аналог С-300), занял позицию в районе побережья сирийской Латакии [8]. 12 декабря 2015 г. Президент Владимир Путин приказал действовать предельно жестко и уничтожить любые угрозы ВС РФ в Сирии [9]. Со стороны Турции в феврале 2016 г. были неоднократно обстреляны территории Сирии. Под огнем оказались в первую очередь позиции курдов в провинции Алеппо, где проходило наступление сирийских правительственных сил [4]. В это же время на территорию Сирии через границу Турции въехала колонна из 12 пикапов, оборудованных 14,5-миллиметровыми пулеметами. Также сообщалось, что в интервенции участвуют около сотни вооруженных человек [10]. Данные действия ведут к эскалации конфликта и напряжению ситуации, где любая провокация или случайность может привести к войне. В случае ее начала последствия могут быть катастрофическими для обеих сторон. Российская Федерация имеет вторую по боеспособности армию в мире, к тому же Россия является ядерной державой. Россия способна стереть с лица Земли Турцию. В то же время Турция имеет военно-морской флот в Черном море, который превосходит ВМФ РФ в этой акватории. Турция способна нанести серьезный урон, прежде всего может пострадать Крым.

Второй вариант более реалистичный. Турция вряд ли вступит в открытое противостояние с ядерной державой. Ко всему прочему, представители НАТО сделали заявления, что в случае войны с Россией, спровоцированной Турцией, НАТО не вступит в войну на стороне Турции. В этом варианте угроза военного конфликта существует, но по разным причинам эта угроза не может перерасти в реальные боевые действия.

Третий вариант самый оптимистичный. Эрдоган приносит извинения России за сбитый самолет и кардинально меняет проводимую им политику в отношении Сирии. В этом случае президенту Турции придется признать свою неправоту и признать свое поражение на геополитической арене. В свою очередь, Россия отменяет санкции и восстанавливает экономические связи с Турцией. При таком сценарии угроза войны между РФ и Турцией минует.

Следует сделать вывод, что все три варианты с разной долей вероятности возможны. Угроза военного конфликта существует, это признано обеими сторонами. Россия всеми силами пытается стабилизировать обстановку на Ближнем Востоке ради предотвращения будущих военных конфликтов. Так, Россия смогла совместно с США разработать документ о перемирии в Сирии [6]. Турция в сложившейся ситуации никак не способствует снятию или, хотя бы, снижению уровня угрозы военного конфликта с Россией.

Список литературы

1. Известия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/597067> (дата обращения: 05.05.2016). – Загл. с экрана.
2. Интерфакс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/492414> (дата обращения: 04.05.2016). – Загл. с экрана.
3. Министерство обороны Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12066900 (дата обращения: 04.05.2016). – Загл. с экрана.
4. Московский комсомолец. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2016/02/14/38-kilometrov-do-armageddona-chem-grozit-vtorzhenie-turcii-v-siriyu.html> (дата обращения: 14.05.2016). – Загл. с экрана.

5. Правительство Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/GRARiHdNIWbl10wUg3LyPSAJPIDeTnLX.pdf> (дата обращения: 07.05.2016). – Загл. с экрана.

6. РИА Новости. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ria.ru/infografika/20160226/1380699923.html> (дата обращения: 14.05.2016). – Загл. с экрана.

7. РИА Новости. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20021104/258032.html> (дата обращения: 07.05.2016). – Загл. с экрана.

8. РИА Новости. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://ria.ru/syria_mission/20151125/1328004839.html (дата обращения: 14.05.2016). – Загл. с экрана.

9. ТАСС. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2519504> (дата обращения: 14.05.2016). – Загл. с экрана.

10. SANA. – Electronic text data. – Mode of access: <http://sana.sy/en/?p=69390> (data of access: 14.05.2016). – Title from screen.

THE THREAT OF A MILITARY CONFLICT BETWEEN RUSSIA AND TURKEY

Nikolay Ivanovich Usov

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
nikolaiusov95@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to one of the acute problems of the modern world, which is the threat of a military conflict between the Russian Federation and Turkey. Discusses the causes of the threat, the history of relations between the two States, and possible scenarios of development of events. The article touches upon in the more modern phase of the history of Russian-Turkish relations. The author pays attention to different points of view on the emergence of the threat of full-scale hostilities between Russia and Turkey.

Key words: Russian-Turkish relations, the threat of war, military conflict, global problem, the situation in the Middle East, the war in Syria.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Астахов М.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
СИСТЕМНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД 3

Бадиков Р.А.

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СЛУЖБЫ
ГЕНРИХА ХРИСТОФОРОВИЧА ЭЙХЕ
В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ 13

Бормотов А.А., Владимирова Е.Д.

ПОМОЩЬ ТРОФЕЙНЫХ ЧАСТЕЙ
ГОРОДУ СТАЛИНГРАДУ
И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ 23

Владимирова Е.Д.

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ
СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1942 – 1943 ГОДАХ 31

Гаевская Ж.Ю.

РЕПАТРИИРОВАННЫЕ СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ
В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1945 – 1950 ГОДАХ 37

Гаража Н.А.

СТРАТЕГИИ УКЛОНЕНИЯ ОТ УГОНА НА РАБОТЫ
В ГЕРМАНИЮ В ВОСПОМИНАНИЯХ
И ДНЕВНИКАХ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА
ПЕРИОДА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ 47

Головина Е.А., Гоманенко О.А., Усик Б.Г.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ
ПО РАЗМИНИРОВАНИЮ ПОЛЕЙ И ПОСТРОЕК
В ЯНВАРЕ – ИЮНЕ 1943 ГОДА 54

Калмыков И.А.

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ
АВИАЦИОННЫХ ЗАВОДОВ СССР В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 63

Каменская Е.В.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА
НА О-ВЕ ДАМАНСКИЙ В МАРТЕ 1969 г. В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЗДАНИЙ 71

Кринко Е.Ф.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ
СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ
СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1942 – 1943 гг.) 81

Кулькина О.А.

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРВЫХ ПАРАШЮТОВ В РККА 94

Мустафаева С.О. гызы

БРЕСТ-ЛИТОВСКИЙ ДОГОВОР И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ 99

Никитина И.В.

ПОДВОДНЫЕ СИЛЫ МОРСКИХ СИЛ
ЧЕРНОГО МОРЯ В 1920-е гг.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 110

Серазетдинов Б.У.

ПРОБЛЕМА ПОИСКОВ НЕФТИ И РАЗВИТИЕ
НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 120

Сидоров С.Г.

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КРЫМУ
В 1944 – 1949 годах 134

Терешина О.В.

НЕПОНИМАНИЕ НАРОДА КАК ОПРЕДЕЛЕНИЕ
СОВЕТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 146

Тузова О.В.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА
РЕГИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ
В 1939 – 1945 гг.
(НА ПРИМЕРЕ КУЙБЫШЕВСКОЙ МОДЕЛИ) 156

Юдина Т.Ф.

ИДЕОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.
СООБЩЕНИЯ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО И ИХ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА НАРОДА-ПОБЕДИТЕЛЯ 167

Якунин В.Н.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В РУМЫНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 174

**СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Арпентьева М.Р.

ВОЕННЫЙ ПСИХОЛОГ:
РАБОТА С ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ
И СОТРУДНИКАМИ СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ 187

Базаревич А.Х.

ПОМОЩЬ ИНВАЛИДАМ ИЗ ПОВОЛЖЬЯ
В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ РСФСР (1921 – 1922 гг.) 198

Бахир Ю.Н.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА БССР
В РЕШЕНИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ:
(КОНЕЦ 1943 – 1953 г.) 204

Жбанникова М.И.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБУСТРОЙСТВО ДЕТЕЙ
В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В РЕШЕНИЯХ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ 211

Жидченко А.В.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА
БУДУЩИХ МАТЕРЕЙ В СССР
ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 220

Колесникова А.А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗНЫХ
И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОТНОШЕНИИ
РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
г. СТАЛИНГРАДА В 1945 – 1953 годах 227

Литвиненко Е.Е.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЖИЛОГО ФОНДА
СТАЛИНГРАДА В 1945 – 1950 годах 235

Литвинова И.Н.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЦАРИЦЫНА
ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 242

Лохова Т.В.

ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ
ЦЕЛЕВЫХ КРЕДИТНЫХ ПРОГРАММ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ РАЗРУШЕННОГО
КОЛХОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1943 – 1945 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ) 253

Лященко А.О.

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ, СОВЕТСКИХ
И ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ г. СТАЛИНГРАДА
В 1945 – 1953 годах 260

Мозгунова Е.А.

ПРОБЛЕМА ВОСПОЛНЕНИЯ
ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ВОССТАНОВЛЕНИИ
СТАЛИНГРАДСКОГО ГИДРОЛИЗНОГО ЗАВОДА
В 1943 ГОДУ 269

Пищулина С.Ю.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНГРАДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
НАРКОМАТА ЮСТИЦИИ РСФСР
В 1942 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1943 ГОДА 278

Федотов В.В.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ
ЭВАКУИРОВАННЫХ СЕМЕЙ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941 – 1945 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ
РЕГИОНОВ ПОВОЛЖЬЯ) 288

Харинина Л.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
СО СТУДЕНТАМИ НИЖНЕВОЛЖСКИХ ВУЗОВ
В 1945 – 1953 годах 296

Юдина Т.В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ 303

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВУ
И ГОСУДАРСТВУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ,
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ,
ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ**

Агапова В.В., Пономарев А.Д.

НАТО ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ 1999 г.:
ОСВЕЩЕНИИ ВОЙНЫ
ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ И ЗАПАДНЫМИ СМИ 309

Барашков Г.М.

РОЛЬ СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ
СОВРЕМЕННОСТИ 316

Воронин А.Д.

ПОЛИТИКА РОССИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ В ХОДЕ
ЮГООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА 2008 ГОДА 320

Гаврилов А.Д.

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РОССИЙСКИХ НКО:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 329

Зейналова Д.К., Колпак О.Д.

УГРОЗА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ КАК ФАКТОР
МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ 336

Морозов С.И., Савченко И.А.

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ САНКЦИЙ 341

Панкратов С.А.

КРЫМСКАЯ ВЕСНА-2014:
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ
ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ 346

Пойлов А.Н.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ
В АРКТИКЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ
И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ 353

Содержание

Порошина Т.В.

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	359
---	-----

Рябова Т.Б.

ОБРАЗ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ КАК ФАКТОР ВОЕННОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	363
---	-----

Усов Н.И.

УГРОЗА ВОЕННОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ	370
--	-----

Научное издание

**ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ**

Материалы

*III Международной научной конференции,
посвященной 160-летию окончания
Крымской войны 1853–1856 гг.*

Волгоград, 23–24 сентября 2016 года

В 2 частях

Часть 2

Главный редактор *А.В. Шестакова*

Редакторы: *С.А. Астахова, Ю.И. Неделькина, У.В. Наумова*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 29.07 2016 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 22,3.
Уч.-изд. л. 24,0. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 85.

Отпечатано в издательстве
Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
E-mail: izvolgu@volsu.ru